

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 1 / 2016
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Литературный журнал
выходит

благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсочинбанк»

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции и издателя:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

16+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Александр Ибрагимов. При свете слова	3
Василий Козлов. Из-под руки смотрю с холма	16
Виктор Коврижных. Верноподданный июля, сенокоса рядовой!	77
Вера Кузьмина. А в раю, наверно, тёплые крылечки	87
Виктор Киселёв. Я дарю тебе эту планету	95
Владимир Каганов. Апрельским тезисам не верь	106

ПРОЗА

Вадим Макшеев. На закате. Рассказ	6
Людмила Чидилян. Лида в поисках любви. Роман	19
Татьяна Ильдимирлова. Любимая. Рассказ	81
Наталья Мурзина. Аленький. Рассказ	90
Анатолий Иванов. Мужик, курить нема? Рассказ	98

ПУБЛИЦИСТИКА

Борис Бурмистров: «Писатели держат мир в хрупком равновесии».	
Беседовал Александр Мухарев	108
Зоя Естамонова. В поисках ответа	112
Олег Кухарев. Божье утро. (Из путевого дневника)	115
Юлия Сычева. Быть грамотным – модно, или Как я писала тотальный диктант	119

ЭССЕ

Сергей Подгорнов. Асинск	122
Виктор Суглобов. Прощай, Хемингуэй! или Куда делся великий читатель? (О книге И. Михайлова «Роман с жизнью Эрнеста Хемингуэя»)	129

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Валентина Ефимовская. «Нужно поправить родные кресты» (О поэме Василия Дворцова «Ермак». 2015 г.)	133
--	-----

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх. Обращение перед вручением литературной премии в честь святителя Павла Тобольского	142
Протоиерей Максим (Мальцев). Наши святые	143

ИСКУССТВО

Людмила Оленич. Князь Владимир. (Образ князя Владимира в произведениях, посвящённых 1000-летию со дня кончины святого Крестителя Руси)	147
---	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

«Светит и не гаснет». Литературный портрет В. С. Ворошилова. Подготовила Г. Белоусова	150
Валерий Плющев. Главная книга Корницкого	156

КНИГА ПАМЯТИ

Виктор Чурилов. На Добролюбова, 9/11. Вспоминая Рубцова	161
---	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Наталья Налегач. Поэтический мир Андрея Правды. Литературно-критическое эссе	165
Елена Елистратова. Интригует и захватывает (О литературном журнале «Север»)	166
Андрей Пятак. Взгляд искушённого читателя	167

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Тимир Фёдоров. Письмо читателя	168
--------------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	169
--	-----

ПОЭТУ НИКОЛАЮ РУБЦОВУ – 80 ЛЕТ

1936–1971

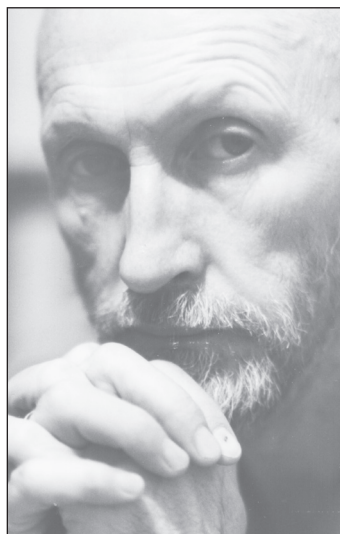
Русский огонёк

...Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,
За то, что, с доброй верою друга,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле – и нет тебе покоя...

Воспоминания В. Чурилова о Николае Рубцове читайте на странице 161.

**Александр
ИБРАГИМОВ**

ПРИ СВЕТЕ СЛОВА

* * *

Я принял эту жизнь всерьёз,
Ещё не думая о Слове,
При свете человеческих слёз,
При цвете человеческой крови.

Но Слово вещее всерьёз
Рвануло горло возле жилки! –
И кровь не отличить от слёз,
Улыбку боли – от ухмылки.

В БАНЬКЕ

Ай, как в баньке русской –
да татарский жар!
Жалится-покусывает
Змей Горыныч – Пар...

Изморозь по коже... –
ладно, поглядим.
Ну а Змей, похоже, –
Яро-невредим!

Страшно забираться,
братцы, на полоч
Да за ковшик браться,
В коем кипятке.

Как струёю узкой
в камешки плеснёшь
И листок капустный
К лысине прижмёшь...

Зашипит в камнях
Змей – и в потолок!
Начинай сраженье
За родной полоч!

3

Веничек, как сабля! –
жить ещё и жить!
Но рука ослабла
Пар кружить-крушить...

Не отдам ни пяди!
Но явится Змей
И меня же ради –
Жарит-жалит злей.

Я ли не татарин –
русский-сибиряк?
До костей пропарен –
Парень-с-печки-бряк!

Ай! – желанна сеча!
Ой! – исхлестан весь...
Ай! – сугроб-предтеча
Недалече есть.

ИБРАГИМОВ Александр Гумерович родился 28 апреля 1947 года в деревне Спиченково Кемеровской области. Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. В 1965 году – первая публикация в альманахе «Огни Кузбасса». Автор книг «Буквы одуванчика», «Пусть будет каждому любовь», «Тело судьбы», «Моя трава зеленоглазая», «Это лето всех лет», «Крест русского четверостишья», «Белый квадрат. Поэт о поэте», «Избранные стихи», «Космоязычие» (в 2 томах). Его стихи печатали журналы «Сибирские огни», «Литературная Грузия», «Москва», «Наш современник», «Сибирские Афины», «Огни Кузбасса». Лауреат премии им. А. Н. Волошина. Основал творческую мастерскую «АЗ». Основатель и литературный редактор журнала поэзии «После 12». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

Выползу из баньки,
 аж не чуя ног:
 Ой, запеленайте
 В маменькин снежок...

МОЙ СТОЛ

Мой стол и столб,
 И ствол животворящий,
 И столп грядущего с листвою говорящей...

Вот муравей
 Струится по стволу –
 Прикована строкой моя рука к столу.

В оковах слов
 Членится мысль моя,
 Похожая на бронемуравья...

Щекочется
 И по листу бежит,
 Как почерк мой – к венцу стиха спешит!

Мой стол и ствол,
 И я, как муравей,
 Вверх по стволу – бегу-бегу скорей...

Скорей... Скорей!
 Но муравейник мой
 В сто тысяч голосов зовёт: «Домой, домой».

Домой... домой...
 И ночь в траве течёт,
 Но муравейник звёзд меня влечёт.

Да кто же ты?
 Каких таких кровей?
 Твой братский муравейник – у корней...

Мой стол и ствол...
 И я, пока могу, –
 В ущелье муравьином вверх бегу...

Там вниз и вверх
 Мерцают муравьи –
 Божественные братики мои...

РАЙСКАЯ ЯГОДА

То ли милость Божия, то ли искушение:
 В брошенной усадьбе зреет угощение...

Забрести так хочется с видом именинника
 По коровьей просеке в марево малинника.

Грядки, одичавшие лебедой с ромашкою, –
 Алые клубничины забродили бражкой.

Цепью пёс не лязгает, не видать хозяина –
 То ли рай потерянный, то ли так, окраина...

То ли попущение вышло мне Господнее –
 Переспелой ягодой манит преисподняя.

И ограда ветхая... ветхая-заветная.
 Красная смородина – ягода запретная!

Ягода запретная... яблоня нездешняя...
 Кровоточит веточка вся невольной-грешная.

То ли кровь соседская, то ль добро природное:
 Вызрело под солнышком – стало всенародное!

А в репье цыганится чёрная смородина.
 То ли моя Родина, то ли я – уродина...

Жало оголённое проволоки ржавленной
 Возле локтя дёрнется... – вздрогну, как
 ужаленный.

Обомлеет душенька древним Божьим ужасом –
 Не ходи за ягодой по местам разрушенным.

Не прельщайся ягодой в час её падения –
 Опустеет душенька в это же мгновение...

А полынь с ромашкою сад обжили благостно.
 Это милость Божия... это птицам лакомство.

Ну, а станешь птичкою – птичкой-невеличкою,
 Где увидишь – лакомься райскою клубничкою.

* * *

И умереть не страшно,
 И на птиц не смотреть...
 Вот она – рифма: пашня.
 Это правда – на треть.

Две остальные рифмы
 Пусть неизвестны мне –
 Словно окурки «Примы»
 Валяются на окне.

Словно простой окурочек... –
 На это похожа смерть.
 Беги от него, придурок, –
 Не трогай и эту треть.

А третья треть – простая:
 Смерть – она просто дрожь.
 Страницы судьбы листая,
 И третью треть не трожь!

КЛЁН

Набухающий венами клён
Стрекозину держит брошь.
Как Сергей – ни в кого влюблён,
На Есенина он похож.

Брошка крылышками верещит –
Галстук-бабочка на плече.
Сквозняком жёлтый лист пришит
На лице.

Он забыл навсегда Москву.
Ну кому он такой, зачем?
Ветерок трепыхнул листву –
И пиджак повис до колен.

А пиджак на нём – голубой,
Кровь рябиновая на рукаве...
Он забрызган мёртвой водой,
С колокольчиком в голове...

За окном пустой Ленинград,
Ну, а в комнате – губчека
Совершает ночной обряд
И в крови купает щенка.

Колокольчик звенит-звенит –
Словно в поле пасут телят.
И рванулись стихи в зенит,
Ну а там – журавли летят.

Синий-синий курлыкнул взор –
Он щенка потрепал рукой.
За окошком раненый бор
Поглядел на него с тоской.

Поглядел на излучья вен:
Как набухли!.. – и сдунул брошь.
Клён из времени перемен...
На Есенина он похож.

* * *

Черёмушник иссиня-чёрный –
В сиянье капель
Дождевых.
И листик рдяно-золочёный
На голой веточке
Затих.

Мы зимовать одни остались –
На даче,
В пасмурном бору.
Хвоинки к сыну прицеплялись.
Раздвоенные
На ветру.
Как иностранцы, мы гуляем,
Не узнавая
Летних мест,
И тишина собачьим лаем
Вдруг отзывается
Окрест.
За Томью – в облачном разрыве –
Имперский полыхнёт
Костёр,
А влажный ветер на обрыве
Целует нас
И гонит в бор,
В черёмушник иссиня-чёрный –
На дачу,
Где вскипает чай,
Где листик рвано-золочёный
На чай попался
Невзначай.

ПЕРЕД ВЫЗДОРОВЛЕНИЕМ

Сергею Донбаю

Как тропинки прогоркли:
Это оттепель – вдруг.
Запершит, точно в горле,
Птичий тающий звук.

И зажмуришься: Боже...
И в окне увидеть:
Дни всё больше и больше –
Их так сладко вдыхать.

И деревья, деревья
В этом новом году
Тало-снежные перья
Отрясают в саду.

И дышать не больнее,
Чем прощать и любить.
Дни длиннее, длиннее –
Вот и жить бы и жить.

Вадим МАКШЕЕВ

НА ЗАКАТЕ

С городского автовокзала Полина выехала в седьмом часу утра. Надеялась, что приедет в Сосновку к полудню; но по дороге забарахлил мотор рейсового автобуса, и пришлось провести в пути на час дольше. Последний раз она приезжала в Сосновку, когда там ещё жили её родители, но в начале девяностых годов здешний леспромхоз, в котором трудилось большинство местного населения, прекратил своё существование, и люди начали уезжать. Покинули посёлок и родители Полины – уехали к сыну на Кубань, куда он перебрался из Сибири ещё раньше. Но долго отцу и матери жить на юге не довелось, два года спустя обоих не стало, и могилы их далеко от места, где они прожили почти весь свой век.

Для Полины Сосновка тоже часть её жизни. Там она родилась, там выросла, но, как большинство местных парнишек и девчонок, после окончания десятилетки навсегда уехала в город. Поступила в политехнический техникум, окончив который, стала работать технологом на заводе, вышла замуж, родила сына и, казалось, устроила свою жизнь, но муж ушёл к другой женщине, оставив ей ребёнка и квартиру. Она вырастила сына одна, тянулась изо всех силёнок, чтобы он получил достойное образование, томительно ждала, когда он служил в армии на Дальнем Востоке. Однако, демобилизовавшись, сын там женился и остался на Сахалине. После свадьбы

приехал раз с молодой женой к матери и, недолго погостив, уехал обратно на Сахалин.

Год от года, особенно после выхода на пенсию, Полина стала ощущать горечь одиночества. Временами у неё возникало желание побывать там, где прошли детство и юность, но боялась, что это безысходное чувство станет там ещё горше. А наслаивавшиеся в годы дни стремительно уходили. Когда была моложе, иногда видела сны, связанные с безвозвратно ушедшим прошлым, однако городская жизнь всё дальше отодвигала это прошлое, и сны не возвращали к тому, что было в её жизни.

Но однажды в предрассветной тишине очередного осеннего дня, словно в утешение, привиделось давнее. Будто ранним утром идёт она с полными вёдрами воды босиком с речки. Руки лежат на коромысле, вёдра чуть покачиваются в такт шагам по ещё не согревшейся после прохладной ночи тропинке; вдалеке над кромкой леса, освещая снизу растрёпанные перистые облака, медленно всплывает ослепительное солнце. Звонко кукует кукушка, свеж и прозрачен воздух, алмазно блестят на траве по обочинам тропинки капельки росы, и так легко и радостно ей, молодёхонькой, в этом снящемся светлом мире... Вот и глядящие на улицу обрамлённые зелёными наличниками окна родительского дома, бревенчатая баня, поленница берёзовых дров под поветью... Надо открыть калитку и

МАКШЕЕВ Вадим Николаевич родился в 1926 году. Родители были белоэмигрантами, детство прошло за рубежом, в Эстонии. Трудовую деятельность начал во время войны. В шестидесятых годах стал журналистом, работал в районной и областной газетах. Автор 12 книг. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат премий Союза писателей РФ, журнала «Октябрь», премии им. В. Я. Шишкова. Член Союза писателей России. Живёт в Томске.

войти. Отворить калит... Она пробудилась от перестука колёс трамвая, шедшего мимо девятиэтажного дома, в котором жила. Привидевшееся улетучилось, была явь. Хотелось продлить сон, вновь увидеть таящееся в закоулках памяти далёкое, но не смогла. «Надо съездить туда, — прошептала почти беззвучно. — Побывать там хоть пару дней...».

Знала, что дома, где прошло детство, давно нет, что всё там по-иному, но на следующий день поехала в Сосновку.

Она плохо переносила езду туда, особенно начинавшуюся от развилки, на которой автобус сворачивал с заасфальтированного тракта на изъезженную грузовыми машинами грунтовую дорогу. Сидела неподалёку от шофёра, пытаясь задремать, чтобы быстрее прошло время в пути, но сон не шёл, и она принималась смотреть в окно на проплывавшую мимо поросшую каргашатником и низкорослыми берёзками заболоченную сокру. С мутного неба моросил дождь, дворники, покачиваясь из стороны в сторону, стирали дождевые капли с лобового стекла, но капли возникали вновь, и, казалось, не будет конца этому докучному дождю и бесконечной дороге. Полину начало укачивать, но на полпути заглух двигатель, и, несмотря на дождик, можно было выйти из автобуса и, пока шофёр возился с мотором, подышать свежим воздухом.

Из жившей прежде в Сосновке её родни осталась там лишь двоюродная сестра Наталья, от которой по случаю новых и менявших даты прежних праздников приходили поздравительные открытки, в ответ на которые Полина отправляла такие же послания с пожеланиями радости и счастья. О том, что приедет, сообщила Наталье телеграммой, но когда автобус пришёл в Сосновку, кто-то из ожидавших его на остановке, чтобы уехать в город, сказал Полине, что Наталья приходила кого-то встретить, но потому что автобуса долго не было, видимо, решила, что рейс из города, как это иногда случалось, отменили, и ушла домой.

Жила она от автобусной остановки далеко, когда увидела в окно идущую по улице Полину, выбежала навстречу. «Постарела Поля, постарела» — подумала, обнимая сестру. Последний раз они виделись, когда Полине было сорок три года, теперь шёл уже шестой десяток, и всё чаще она красила волосы, чтобы скрыть упорно проступавшую седину. Но нет такой краски, которая возвращала бы молодость...

— На остановке минут сорок простояла, — оправдываясь, говорила Наталья, держа Полину за рукав. — А тут ещё, как назло, с утра день дождливый.

— Спасибо шофёру, кое-как дотянул, — Полина утёрла носовым платочком мокрое от дождя лицо. — Скоро сюда и ехать будет не к кому, пока к тебе по улице шла, девять брошенных домов насчитала.

— Кому теперь до нас дело, — не то спросила, не то подтвердила сказанное Наталья, войдя с Полиной из сеней в комнату. — Проходи, Поля.

Разувшись у порога, Полина поискала глазами, где бы помыть руки.

— Там ополосни, — перехватив её взгляд, показала Наталья на висевший в закутке за печью рукомойник. — Ты, поди, и позабыла, какие они — рукомойники.

— Нет, Наташа, давнее не забывается. Зато дома приду за чем-нибудь на кухню и не помню зачем.

Наталья усмехнулась:

— Да и я такая же. Ещё и видеть хуже стала. Мамонька-покойница в восемьдесят лет без очков нитку в игольное ушко вдевала, а я уже без очков не могу.

Ополоснув руки, Полина достала из сумки полиэтиленовый пакет и протянула его Наталье:

— Блузочку тебе привезла. Померь.

— Ой, спасибо, — оживилась Наталья. Сдёрнула с головы платок, стянула с себя кофту и, неловко надев непривычную обнову, погляделась в круглое настенное зеркало.

— Итальянская, — подчёркнуто сказала Полина. — Носи, тебе к лицу.

Наталья повернулась боком к зеркалу и ещё раз посмотрела на себя со стороны:

— Лет десять назад ещё всё было к лицу, да вот уплыли годы, как вешние воды... Поди, денег уплатила?

Полина, как будто не расслышав, промолчала.

— Чего же я тебя разговором потчую? — спохватилась Наталья. — Обедать давно пора, у тебя дома, поди, всё по часам...

Шустрая, подвижная, быстро собрала на стол, налила в тарелки щей, поставила на стол бутылку сухого вина, хотела наполнить рюмки, но Полина отвела её руку:

— Не надо, Наташа, меня в дороге укачало, до сих пор не по себе.

— Ну, как хочешь, — Наталья пододвинула госте тарелку с пирожками. — Угощайся, сегодня утром испекла с грибами. Может, завтра по грибы сходим? Я тебя не спросила — ты надолго сюда?

– Послезавтра уеду.

– Что так скоро? – удивилась Наталья.

– Кошка дома одна, голодной будет, – смутившись, объяснила Полина. – Сегодня на кладбище хочу побывать, потом на то место, где жила в детстве, схожу...

– Ты сколько лет в Сосновке не была? – перебила Наталья.

– Двенадцать.

– Так ведь уже тогда твоего родительского дома не было. Ты же видела. Сожгли алкаши, ничего там не осталось. Плиту и колосники кто-то уволок, венцы струхли...

– Всё равно надо сходить, в кои веки приехала, – стояла на своём Полина. – Хочу побыть там.

– Душу свою травить?

Полина не ответила.

– Отдохни с дороги, полежи, – примиряюще сказала Наталья. – Болит голова?

– Прошла. Схожу на кладбище, – надевая плащ, засобиравалась Полина.

– Кто у тебя там?

– Братишки близняшки. Родились, когда меня ещё на свете не было. Всего годик и прожили, от скарлатины умерли. Сначала Петя, на другой день Паша. Папке их увидеть не довелось, когда на фронт уходил, мама беременная была, без него родила, без него и схоронила в одну могилку.

– Надо цветов унести, – сочувственно сказала Наталья. – Сбегаю к Катке, попрошу. У меня, какие были, отцвели, а у ней в палисаднике астры растут. Я быстренько...

Полина достала из сумочки две сложенные купюры:

– За цветы.

– Так даст. Всё равно замерзнут, утренники скоро.

Полина сунула деньги в карман плаща, Наталья ушла и, скоро вернувшись, протянула Полине тощий букетик:

– Вот, четыре астрочки Катка дала. А дождик не перестает, мои резиновые сапоги наденешь.

– Что за Катка? – спросила, обуваясь, Полина.

– Да продавщица здешняя. При тебе махонькой была, сейчас третий раз замужем. Ушлая, когда леспромхоза не стало, по дешёвке половину дома, где контора помещалась, сумела купить. Мимо пойдёшь, погляди, сколь у неё под окнами цветов. Могла бы и больше дать.

Брусовой, ещё крепкий дом, о котором упомянула Наталья, стоял шагах в ста отсюда, и о том, что прежде это была контора леспромхоза, напоминал лишь прибитый к двум столбам на противоположной стороне улицы лист покоровившейся фанеры – уцелевшая часть Доски почёта, на которой в своё время красовались цветные фотографии передовиков, в основном мужчин, и на всех были одинаковые галстуки в красно-синюю полоску. Никто из них галстуков не имел, и когда накануне очередной годовщины Октябрьской революции либо очередного Первой в Сосновку приезжал из города фотограф, то ведавший Доской почёта секретарь парткома каждому позировавшему перед объективом передовику надевал свой, единственный в посёлке, раз и навсегда завязанный узлом галстук.

Когда леспромхоза не стало, ненужной стала и Доска почёта. Рамка исчезла, стекло кто-то разбил, а там, где когда-то на покрашенном голубой краской листе фанеры прежде были портреты, проступали еле различимые серые прямоугольники.

Проходя мимо, Полина погрустнела – в своё время на месте одного из этих прямоугольников была фотография и её отца... Впоследствии секретарь парткома отдал её, и отцовский портрет красовался дома на стене рядом с вырезанной из какого-то журнала репродукцией картины Шишкина «Утро в сосновом лесу».

Улица была пустынной, навстречу Полине попались лишь двое подвыпивших мужиков, с любопытством поглядевших на неё, да растрепанная куда-то спешащая девица, судя по всему, тоже не совсем трезвая.

С детских лет Полина знала все перемежавшиеся огородами на этой улице дома, и, хотя сейчас с неба моросило, почему-то вспомнилось, как ясными зимними утрами над крышами стояли медленно растворяющиеся в морозном воздухе столбы печного дыма, всплывавшее на небосвод солнце просвечивало через этот розовевший дым, и на выходивших на восток оконных стёклах искрились разводистые узоры инея. Сейчас по обе стороны улицы окна многих домов были крест-накрест заколочены горбылями либо зияли тёмными провалами, отчего у Полины возникло ощущение, что полого вздымающийся в гору погост начинается уже здесь, вместе с брошенными домами и зарастающими крапивой огородами. Огораживающий кладбище штакетник местами повалился, прямых дорожек

не было, и присоседившиеся одна к одной могилы приходилось обходить. Рядом тянулись к небу ели и пихты, а ближе к краю погоста могильные холмики устилали сухие берёзовые листья.

Полина помнила, что нужная ей могилка находилась неподалёку от высокой старой берёзы, помнила, что на пирамидке нацарапан восьмиконечный крестик. Но та часть территории, на которой её мать похоронила сыночков, была на здешнем погосте самой давней, ни одна пирамидка не уцелела, да и холмики, на которых они когда-то стояли, почти сравняло с землёй. Поняв, что могилку, ради которой пришла, не найти, Полина вырвала с одного из неприметных холмиков застарелую траву, сгребла слой почерневших прелых листьев и на освободившийся бугорок бережно положила четыре астрочки. «Если здесь и не их могилка, всё равно они где-то рядом», — сказала себе, словно оправдываясь, и невольно грустно подумала: кто же и где будет приходить на могилу к ней самой?

Дождь продолжался, и, если когда она шла сюда по улице, его не было слышно, то среди деревьев стоял неумолчный шорох. Лицо и руки её были влажными, кладбищенская трава мокро шелестела по голенищам резиновых сапог, и Полина с благодарностью подумала о Наталье, давшей ей свою обувь. Она медленно шла между огороженных штакетником и чугунными оградками надгробий с прислонёнными к ним и лежавшими у их подножий потускневшими венками и мёртвыми искусственными цветами; останавливалась возле некоторых могил, читала фамилии и имена, вглядывалась в фотографии на керамических плитках, всё дальше уходя от бесхозного холмика, на котором остался сиротливо лежать её букетик.

Внезапно где-то поблизости наверху раздался сухой дробный стук и, на несколько мгновений смолкнув, возник ещё ближе. Тревожный, необъяснимый, будто здесь, над вечным покоем, чья-то бесприютная душа безнадежно пыталась к кому-то достучаться. Испуганно вздрогнув, Полина остановилась и взглянула наверх. Там крупный красноголовый дятел долбил старую с чёрными уродливыми наростами берёзу. Полина спугнула дятла, и он, бесшумно махая крыльями, полетел в сторону просвета между деревьями. Где-то в посёлке коротко взлаяла собака. Суеверный страх медленно проходил, но сердце продолжало учащённо биться. А нескончаемый дождь кропил и кропил надгробья, кресты, за-

росшие травой бесхозные могилки, продолжая что-то шептать...

Шёл восьмой час, мглистое небо сгущало наползающие сумерки, и всё вокруг подёргивалось сырым туманом. Возвращаться по кладбищу Полина не хотела, выйдя на безлесную елань, обошла его стороной, когда шла по улице, в окнах некоторых домов уже горел электрический свет.

— Долго же ты, девонька, где-то была, — встретила её Наталья. — Уж не знала, что и подумать. Могилку-то нашла?

— Приблизительно... Братикам цветы положила. Где-то же они там близко.

— Вот и хорошо, вот и ладно, — приговаривала, собирая на стол ужин, Наталья.

А когда сели ужинать, сказала вроде с упрёком:

— День прошёл, а мы с тобой, Поля, путём и не поговорили. Рассказала бы хоть, как живёшь...

— Чего рассказывать? Третий год на пенсии. Сынок мой, Андрей, на Дальнем Востоке. Там в армии служил, там и жену себе нашёл. Живут у её родителей, в позапрошлом году приезжали ко мне.

Что сноха ей не понравилась, умолчала. Зачем об этом? И что тоскует временами по посёлку, где прошло детство, тоже говорить не стала — засмеёт Наталья — народ отсюда уезжает, а ты...

— Внучата есть?

— Нету, Наташа, — Полина вздохнула и, видя, что Наталья намеревается ещё о чём-то спросить, опередила её:

— А ты, Наташа, на пенсии?

— Знамо — пенсионерка. Двадцать лет письма и газеты с одного конца Сосновки на другой разносила, заодно пол мыла на почте, сейчас начальница одна со всем управляет. Письма народ перестал писать, газеты одиннадцать человек выписывают, пенсии прежде старикам домой приносила, теперь сами за ней на почту ходят. И я хожу. Да только пенсия такая, что... — не договорив, Наталья махнула рукой.

— Как же теперь тут люди живут? — нарушила возникшее молчание Полина.

— Всяко, — Наталья кивнула в сторону выходящего на улицу окна. — Ты же по улице проходила, видела — у кого-то поленица дров возле дома на зиму загодя припасена, стожок сена на стайке, а у которых даже путней шторы на окошке нет. Сразу видно, где какой хозяин... Пьют многие. Люську Самохвалову помнишь? Спилась. Колька Балашин, брат её, от белой горячки помер. Витька Резчиков...

– Так ведь, чтобы пить, деньги нужны, – перебила Полина.

– Знамо, нужны. Кто скотину держит. Город ближе бы был да дорога сюда путёвая – прибыльное дело, а приходится перекупщикам за полцены отдавать, ихним машинам никакие дороги не страшны... Осенью народ ягодой промышляет – брусникой, клюквой... Только раньше к ягодным местам можно было попутно с лесозаготовщиками на мотовозе уехать, вечером обратно тоже с ними, теперь туда пешочком надо топать. Мотовоз с колёс сняли и куда-то увезли, заодно и рельсы...

– Как рельсы? – изумилась Полина.

– Олитгарх, или как их теперь называют, закупил. Позапрошлым летом два месяца на грузовых машинах вывозили. И лес ему в аренду отдан. Сам где-то в Москве живёт, а тут его представитель всем ведаёт. Ладно, хоть ягоды и грибы можно брать, а вот орешничают в кедраче у него своя бригада. Привёз откуда-то нерусских. А нашим здешним что остается?

– Так пить-то зачем? – как-то безнадежно спросила Полина.

– Поди, от того, что ритм жизни нарушился. Раньше утром на работу, вечером с работы; дома тоже дел невпроворот, а сейчас у алкашей этих одна забота... Да ладно, не хочу говорить о них.

– Хорошо, что мой папка не пил, – со скрытой гордостью сказала Полина. – Вечером мы с мамой и Валеркой телевизор смотрим, а он на кухню уйдёт и там какую-нибудь книгу читает. Выдумщик... Когда утром на работу уезжал, мама ему в сумку еду клала, так он вечером из этого припаса обязательно что-нибудь обратно привозил: то варёное яичко, то копчёного сала кусочек в тряпицу завернутый – дескать, вот вам, ребятишки, заяц из леса гостинца прислал. Валерка в зайца не верил, а я долго верила. Как-то раз сильно заболела, так мне зайчишка приснился – будто пришёл из леса поиграть со мной. И ещё потом его во сне видела – серенький такой, хвостик коротенький. Вроде наяву видела.

– А я отца чуть припоминаю, – сказала Наталья. – Помню только, как он однажды меня на кукорках по комнате носил, а ещё как с ним куда-то на телеге ехали, сначала солнышко светило, потом гроза началась, и он меня своей фуфайкой от дождя укрыл... Мне три годика было, когда он в Оби утонул. Так ведь и не нашли его... А снов давно не вижу, может, оно и лучше, растрепожившись, будешь всякое разное думать. Люди

рассказывают – случаются вещие сны... Ты как полагаешь?

– Сны? – переспросила Полина. – Наверное, иногда бывают.

Смолкнув, каждая о чём-то своём задумалась, и в комнате стало слышно, как, неумолчно отмеряя уходящее время, тикают на стене часы.

– Гляжу на тебя, вижу, что устала, – нарушила затянувшееся молчание Наталья. – Спать хочешь?

Полина кивнула. Каким-то длинным выдался для неё сегодняшний день.

Наталья поднялась с укрытого цветастым отрезом материи дивана:

– Тогда пора спать ложиться. Я тебе здесь в горнице постелю, сама в соседней комнате лягу.

Полчаса спустя Наталья, легонько всхрапывая, спала, а Полина долго ворочалась в постели и уснула лишь в первом часу ночи.

Наутро Наталья попросила:

– Зайди, Поля, к Присутову. Вчера забыла сказать – видела его в магазине; от кого-то услышала, что ты приехала, так просил, чтобы к нему зашла. Ты же, однако, вместе с ним училась?

– Зайду, – пообещала Полина. – За мной на парте до четвёртого класса сидел, после его на второй год оставили. Соображал туго.

– Он и сейчас такой, малость не в себе. Ему пить нельзя, а он пьёт. Таисья его вовсе записалась, так то ли он её выгнал, то ли сама ушла. Вообще-то он безобидный, мухи не обидит. Шибко хочет тебя увидеть.

– Зайду, – ещё раз пообещала Полина.

Когда в последний раз Полина приезжала в Сосновку, то по нескольким уцелевшим столбам нахилившегося заплота, разваленному опечью и одиноко торчавшей из заросшей крапивы печной трубе ещё можно было определить, что на этом пустыре прежде стоял дом. Но не было у Полины тогда ещё такого гнетущего ощущения безысходности, какое возникло сейчас, когда, приминая сапогами седую полынь и чертополох, стала протапывать дорожку туда, где когда-то глядел на улицу тремя светлыми окнами привидевшийся во сне милый сердцу отчий дом. Репейник цеплялся к наглаженным брюкам и плащу, заполонившая заросли заматеревшей крапивы липучая повилика оплетала ноги, и Полина чуть не оступилась в полуобвалившийся погреб.

Выкопал его отец, когда ей было пять лет. Перед тем как сколотить закрома, оставил лаз открытым, чтобы просушить землю изнутри, и,

как обычно, утром уехал на лесосеку. Мать, дав Поле и девятилетнему Валерке наказ прополоть морковную грядку, тоже отправилась на работу. Недолго пробыв в огороде, Валерка убежал с соседскими мальчишками на речку, а оставшаяся в одиночестве Полина вскарабкалась на бугор непросохшей глины, чтобы заглянуть в погреб, но, не удержавшись, соскользнула в развёрстную яму и потеряла сознание. Очнувшись, не могла понять, что произошло, было холодно, в могильной тишине пахло сырой землёй, наверху светлела частица неба, и Поля решила, что умерла. Но страха не почувствовала – мать говорила, что её умерших братиков унёс на небо ангел, и Поля стала ждать ангела, который прилетит за ней и унесёт туда, где её братики. Больно ныла ушибленная рука, но девочка не плакала, а, лежа навзничь, безотрывно смотрела на то тускневший от наплывшего облачка, то снова прояснявшийся кусочек лазурного неба и покорно ждала.

Но вместо ангела свет наверху заслонила стриженная Валеркина голова, и тишину нарушил его голос:

– Ты зачем тут?

– Не знаю, – отозвалась Поля. – Руке больно.

– Руке бо-ольно, руке бо-ольно, – передразнил Валерка. – Обожди, дура, я сейчас.

Он исчез и вскоре вернувшись, спустил в яму принесённую со двора лестницу:

– Вылазь!

Поля взобралась по лестничным перекладинам наверх, и её обволокло солнечным теплом.

– Вот тебе! – Валерка ударил её по затылку. – Вот!

– За что? – девочка заплакала, вытирая грязным кулачком слёзы.

– Не реви, – приказал Валерка. – Ступай грядку полоть. Да смотри, родителям не говори, а то мне попадёт, что за тобой не углядел.

Сколько обид забылось Полине, но сейчас почему-то вспомнилась та.

Протоптав тропку к разваленной печи, перешагнула через обугленное бревно и прикоснулась ладонью к холодным кирпичам.

Больно стеснило сердце. Что-то металлическое, втоптанное в намокшую золу, лежало около обуглившейся половицы. Она наклонилась и подняла приплюснутое самоковочное кольцо. От этого надевавшегося на вбитый в потолочную матицу крюк кольца когда-то тянулись верёвочные стропы к зыбке, в которой её мать баюкала рождавшихся в семье детей. Полина родилась

последней – «поскрёбыш», как порой называл её отец, и зыбку за ненадобностью забросили на чердак. Там однажды обнаружила её Полина и тайком, чтобы никто не просмеял, убаюкивала в ней тряпичную куклу.

Слабо улыбнувшись, обтёрла когда-то державшее зыбку кольцо мокрым лопухом и, согрев в ладони, сунула в карман. И было в этом что-то детское, оставшееся в ней от той девчонки, которая много лет назад укачивала здесь тряпичную куклу.

Прощаясь с клочком земли, где остались детство и юность, низко поклонилась кому-то невидимому и пошла по проторённой ею дорожке в сторону улицы. На обочине обернулась и ощутила остро кольнувшую боль в сердце.

Выходившая окнами на улицу бревенчатая стена пятистенника, в котором жил Присутов, осела в землю, отчего дом скособочился, палисадник заполонила вытянувшаяся до оконных наличников крапива, но по торчавшей из крыши телевизионной антенне и перекинутому через кювет мостку к калитке было понятно, что в доме кто-то живёт.

– Заходи, не заперто, – отозвался хрипловатый голос, когда в заваленных какой-то рухлядью полутёмных сенях Полина постучала в дверь.

Повстречай она Присутова где-нибудь на улице, наверняка не узнала бы в нём того Митю, которого знала парнем. За обеденным столом сидел дебелый, почти лысый мужик с одутловатым лицом, и только его щурящиеся с длинными ресницами, словно что-то вопрошающие глаза остались такими же, какими их помнила Полина.

– А я тебя, Поля, с утра жду, – с укоризной сказал он и, выйдя из-за стола, протянул ей руку.

Она пожала влажную ладонь:

– Здравствуй, Митя.

Ей было трудно назвать этого человека, как в детстве, Митей. Но ведь он назвал её Полей...

– Вот сковороду чебаков нажарил, борщ сварил. Обедать будешь?

– Спасибо, Митя, – я недавно поела, – отказалась Полина.

Повесила плащ на вешалку рядом с брезентовой курткой и присела на качнувшийся колченогий стул.

В жарко натопленной комнате пахло чем-то пригоревшим. Вход в соседнюю комнату закрывала ситцевая занавеска, пол был в непросохших разводах. «Наверное, из-за меня мыл», – подумала Полина.

– Долго пробудешь у нас? – спросил Присутов.
– Завтра уеду, – ответила Полина, ожидая, что так же, как и Наталья, он спросит: «Почему так скоро?» Но Присутов, близоруко щурясь, молча смотрел на неё.

– Ну, как тебе живётся? – первой нарушила затянувшееся молчание Полина.

– Как всем, – односложно ответил Присутов, по-прежнему щурясь. – Был бы у меня родной отец, не дал бы мне школу бросить, отчиму-то всё равно было. А если бы выучился, может, как и ты, сейчас в городе жил.

– В городе тоже по-разному живут. Где-нибудь работаешь?

– Где работать-то? – в голосе Присутова прозвучала обида. – Теперь тут другой хозяин, своих работников нанял. С утра до темна на него вкалывают. Платит им по двести рублей на день, знать, дома у них и этого не зарабатывают. Лес валят, горельник, а где горельник, там и который вовсе не горел. Пилораму хочет наладить, чтобы не кругляк отсель вывозить, а...

– Ты-то на что живёшь? – перебила Полина.

– Корову держу, пенсионерам молоко продаю. Нонешний бычок есть, зиму бы продержал, да сена всего одну скирду сметал за речкой. Зимник наладится, попрошу Ваську Сбитнева, он мне её приволокёт. Трактор у него свой, сумел купить, когда леспромхоз прекращали.

Полина оглядела комнату.

– Один живёшь?

– Ага... – Присутов закашлялся. – Таиска спилась, на што мне такая жена? Сейчас у матери обитается. Летом у ней инсульт приключился – правая рука отымалась, когда мы уже поврозь жили. Я же её не бросаю, молока приношу. Так ведь она опять за прежнее.

– А ты, Митя, не пьёшь? – осторожно спросила Полина.

– Мне нельзя, меня припадками бьёт, а они ко мне с бутылкой.

– Кто они?

– Ну, дружки мои. Выпьём вместе, после они с меня деньги справляют, чтобы ещё водки взять. Говорю: «Мне пить нельзя», а им-то что? Фельдшерица меня в район на комиссию отправила, чтобы инвалидность дали; я комиссии этой про корову сказал, так они мне говорят: «Значит, работать можешь, а от приступов лечиться надо».

Голос у Присутова дрогнул.

Полине было жаль этого грузного человека с беззащитными, по-детски наивными глазами. Но что могла она ему сказать утешительного?

– Помнишь, как ты в школе у меня решения по арифметике списывал? – спросила о далёком от их сегодняшней жизни.

Лицо Присутова просветлело:

– Помню, Поля.

– А как, когда за мной на парте сидел, за косу дёргал?

– Это я так... Заигрывал, – простодушно ответил он, оправдываясь за то давнее. – Думал, женюсь на тебе.

– Когда в школе учились, думал?

– Ну, и потом. Сучья с лесины обрубая, а сам думаю.

Он умолк, и смутившаяся Полина тоже молчала, не зная, что сказать.

– Мужик у тебя хороший? – потупившись, спросил Присутов.

– Хороший, – Полине не хотелось говорить о бывшем муже. – Я, наверное, пойду, Митя.

– Побудь ещё немного, – жалостно попросил Присутов. – Я-то тебя зачем повидать хотел. Поди, в городе есть у тебя знакомые женщины, может, найдётся, которая бы за меня замуж пошла? Сам буду корову доить и все хозяйственные дела делать, лишь бы рядом была. Любить буду... Только бы не шалава какая-нибудь. Есть же такие, которым не к кому голову приклонить?

– Конечно, – Полина хотела подобрать нужные слова, чтобы ободрить Присутова, но он не дал ей договорить:

– Скажи, когда помру, всё ей достанется: дом, огород, корова...

– Конечно, конечно, – повторила она.

– Я знал, что ты мне поможешь, – сказал Присутов уже спокойнее.

– Может быть, сейчас чем-нибудь помочь? – спросила Полина. – Постирать что-нибудь?

– Не, я вчера в бане стирал, – отказался Присутов.

– Всё-таки я пойду, – Полина поднялась со стула и стала надевать плащ.

– Обожди маленько, – остановил он её и, прихрамывая, пошёл в соседнюю комнату.

Нашарив в кармане плаща деньги, которые Полина, собираясь на кладбище, хотела отдать за цветы, торопливо сунула эти смятые купюры в нагрудный карман висевшей на вешалке куртки. Отвернувшись к окну и через пару минут услышала голос вышедшего из соседней комнаты Присутова:

– Возьми, Поля.

Она сжала протянутую ей плоскую деревянную лошадку.

– Спасибо, Митя.

– Три вечера вырезал складничком...

Ей хотелось обнять Присутова, но она только стиснула его ладонь и быстро вышла в сени.

На улице обернулась. Прижавшись лицом к оконному стеклу, Присутлов смотрел на неё...

Пока была у него, дождь перестал, небо местами прояснило, и, хотя в прогалинах между туч проглянуло уже опускавшееся к горизонту солнце, повеяло холодом.

– Ну что? – встретила её Наталья. – Побывала на своём пепелище?

Полина с трудом стянула с ног резиновые сапоги:

– И у Присутова побывала, коня мне подарил, – она достала из кармана деревянную лошадку. – Смотри.

– Он всем таких коней дарит, – усмехнулась Наталья. – Зачем тебя видеть хотел?

– Да так, поговорить, – уклончиво ответила Полина. – Жаль мне его. Денег сколько-то ему оставила.

Наталья осуждающе покачала головой.

– Так ведь пропьёт с алкашами. Не будет им отдавать – побьют. Весной нынче шибко избили.

– Приезжие?

– Свои, местные. А кому жаловаться? Участковый раз в месяц придет, в магазине побудет и обратно. Да нечего про него говорить. Ты же голдна, и я заоднова отужинаю. День-то короткий.

После еды вместе убрали со стола, перемыли посуду.

– Однако к утру заморозок будет, – Наталья зябко поёжилась. – Дрова надо с улицы занести.

– Я с тобой пойду, – вызвалась Полина.

– Сама берёмя принесу. Зачем тебе?

– На закат посмотреть. В городе не увидишь. Напротив дома, где живу, в прошлом году высотку построили, так теперь с балкона только маленькая часть неба видна. Да и небо в городе какое-то не такое.

– Хочешь, так иди, – Наталья пожала плечами. – Небо, оно везде небо. Оденься потеплей.

Дом, в котором жила Наталья, стоял в самом начале спускавшегося к речке косогора, откуда хорошо было видно широко раскинувшееся пойменное заречье. В той стороне, где солнце опустилось за кромку граничащего с поймой далёкого отсюда леса, горело багряно-золотое зарево, освещавшее снизу неподвижные острова облаков. Выше них медленно таял прочертивший вечернее небо белый след самолёта, летевшего так высоко, что теряющийся в безгранич-

ном пространстве гул не достигал земли. Чем дальше от заката находились заревые облака, тем были они бледней, сливаясь с блекнущим небосводом в однотонные бесцветные сумерки. Огибавшая излуку речка отражала тускневшее небо и бережные тальники, над водой повис белёсый туман, и непонятно было, где кончаются берега и начинается омывающая их речка. Вечерняя заря догорала, сужалась над кромкой леса угасающая огненная полоса, густели сумерки, и лишь на возвышенности за посёлком, где находилось кладбище, остроконечные вершины елей и пихт ещё светились в последних лучах ушедшего за край земли солнца, словно зажжённые невидимой рукой огромные поминальные свечи.

– Пошли домой! – окликнула Наталья. – Холодно. Ещё простынешь.

– Иди, я немножко тут побуду, – отозвалась Полина.

В юности любила она светлыми вечерами подолгу смотреть с косогора на пойменное заречье, куда каждое лето переплавляли в ночное леспромхозовских лошадей. Наползавший с речки туман мешался с дымом горевших куч опилок, которые привозили с лесопилки, чтобы дымом отгонять от лошадей роящийся гнус, вечер медленно переходил в прозрачную ночь, туман сгущался, скрывая от глаз понуро стоящих возле дымокура лошадей, иногда было слышно, как где-то на пойменном озёрке тревожно закрикает дикая утка, подаст голос ночная пичуга, звякнет боталом блудливая кобыла, и вновь всё окрест обволакивала чуткая тишина. И как, не смотря на льнущих к лицу и рукам комаров и мошкар, умиротворённо было на душе у Полины в этих зыбких сумерках, когда она вдыхала запахи ещё влажной после сошедшего половодья поймы, смотрела, слушала и неосознанно ощущала свою юность.

Теперь была осень, исчез гнус, не было за речкой лошадей, пожухла на пойме трава, поблекли краски, всё стало иным. Она попыталась пробудить в себе чувства, которые были тогда, на мгновение почудился топот проскакавшего на том берегу стреноженного коня, послышалось, как звякнуло ботало, как фыркнула вошедшая напиться в речку лошадь... Но всё это было лишь возникшее в памяти ушедшее прошлое.

– И чего ты там увидела? – спросила Наталья Полину, когда та вошла с улицы. – Чудная ты, право, – в её голосе послышалась скрытая усмешка.

– Так... Просто смотрела, – с расстановкой ответила Полина. – Тебе, наверное, не понять.

– Где уж мне понять, – обиделась Наталья. – Мы ведь деревенские.

– Ты не обижайся, – примирительно сказала Полина. – При чём тут это.

– Да уж ладно, – Наталья взялась сметать веником сор на полу возле печки. – Устала за день?

– Правда, устала, Наташа. Голова разболелась.

– Тогда ложись, отдыхай. Сейчас я постель принесу. Выспишься, и голова не будет болеть.

Как и вчера, спать Полине Наталья постелила на диване, а сама ушла в другую комнату. И так же, как вчера, перебирая в памяти прожитый день, Полина заснула лишь за полночь. А как уснула, привиделся ей заяц. Тот самый, который приходил к ней во сне, когда она в детстве сильно болела.

Зайчик сидел на расстеленном на полу пёстром коврике, одно ухо у него было опущено, другое стояло торчком, будто он постоянно к чему-то прислушивался.

Полина даже не удивилась, увидев его. Выдуманный её отцом, он был частью её детства, и пригрезившееся ночью у Натальи было так же явственно, как и тогда, когда она играла с зайкой на лесной полянке. Впоследствии, мысленно возвращаясь к привидевшемуся, ей смутно казалось, что она о чём-то рассказывала зайке, но не могла вспомнить о чём. Помнила лишь, как зайчик грустно смотрел на неё и как остро ощутила надвигавшуюся старость... Хотелось погладить зайку, но не могла дотянуться, и он медленно исчез в призрачном тумане.

Она открыла глаза. На часах было начало девятого. Посмотрела на расстеленный возле кровати коврик, ей ещё казалось, что всё привидевшееся происходило наяву, но ничто уже не напоминало о нём. С улицы доносилось призывное кудахтанье, из соседней комнаты пахло чем-то свежее испечённым, временами постукивала посуда: очевидно, Наталья собирала на стол завтрак. Полина оделась и прибрала постель, но печальное чувство о чём-то навсегда ушедшем не проходило.

– Выспалась? – спросила Наталья, когда она вошла в комнату.

– Вроде да, – не сразу ответила Полина.

– Мне почудилось, что ты во сне разговаривала.

– Может быть, – Полина попыталась вспомнить привидевшееся. – Когда полнолуние, почему-то всегда на душе неспокойно.

– А я с каких пор встала, – сказала Наталья. – Останься ещё на денёчек, а?

Полина отрицательно мотнула головой.

Сходяв в сени, Наталья принесла завязанное сверху белой тряпичей пластмассовое ведёрко.

– Клюквы тебе насыпала. Кисель станешь варить, меня вспомнишь. Садись завтракать, скоро тебе ехать.

– Спасибо, Наташа, – Полина обняла Наталью. – Одна ты из нашей родни в Сосновке осталась. Спасибо тебе за всё.

– Поди, больше не свидимся, – у Натальи выступили на глазах слёзы.

Полина хотела что-то сказать, но губы свело судорогой.

Перед тем, как выйти из дома, по старинке посидели молчком возле порога и подались на остановку.

Как и в прошлый раз, рейсовый автобус пришёл с опозданием. Пассажиров из города было немного, и тех, кто уезжал, тоже. Спрыгнув на сырую, утопанную землю, шофёр не спеша выкурил сигарету и, взглянув на часы, взобрался обратно на своё место у руля. Двигатель загудел, автобус, дёрнувшись, стронулся с места, и Полина, уже теряя из виду пришедшую её проводить Наталью, прощально помахала ей рукой.

Поплыли по сторонам улицы жилые и нежилые с пустыми оконными проёмами дома, палисадники, городьба, перекопанные огороды. Погода за ночь снова испортилась, и опять, как позавчера, когда Полина ехала сюда в Сосновку, нудный дождь кропил лобовое стекло, и всё за окнами было в промозглой туманной хмари.

Полина удобно расположилась на сидении во втором ряду, напротив лицом к ней сидела молодая женщина, держа на коленях девочку с перевязанными ленточками короткими косичками. Девочка оказалась непоседой: то оборачивалась к шофёру, то недолго смотрела на однообразное унылое редколесье, то принималась тереть мать за рукав, что-то спрашивая. И всякий раз, когда поворачивала головку, её переплетённые ленточками косички забавно встряхивались.

– Сиди смирно, – строго приказала мать. – И не сучи ногами, а то тётё, которая напротив, плащ выпачкаешь.

Присмирив, девочка внимательно поглядела на Полину и по-детски обезоруживающе улыбнулась.

– Тебя как зовут? – спросила Полина.

– Надя.

– Сколько тебе лет?

Девочка растопырила пальчики:

– Пять.

– Можно, я подержу её на коленях? – попросила Полина, ощутив прилив нежности к этому ребёнку.

– Пойдёшь на руки к тёте? – спросила девочку мать.

Та кивнула, и опять от улыбки детское личико просияло.

Полина посадила её к себе на колени, и девочка доверчиво прижалась к ней.

– Куда ты едешь? – спросила Полина.

– Домой. Мы с мамой к бабушке приезжали, она старенькая, ей скучно без нас. А ты?

– Почему ты тётю на ты зовёшь? – перебила мать. – Тебе говорили, что к взрослым надо обращаться на вы.

Девочка сконфузилась:

– Я забыла.

Полина погладила её по головке:

– Когда я, как ты, была маленькой, у меня тоже была бабушка.

– Ты к ней ездила?

– Иди ко мне, – вмешалась мать девочки и пересадила её обратно к себе на колени. – Всех заколебала!

Полине так не хватало кого-то, кого она могла бы приласкать, и так давно недоставало ей самой в жизни ласки. Хотела что-то сказать державшей на коленях девочку женщине, но промолчала.

Дорога осклизла от дождя, временами автобус подолгу буксовал, но, насадно воя, выбирался из очередной размытой колеи, и с каждым разом Сосновка отдалялась дальше и дальше. Глядя на тянувшееся вдоль дороги рыжее от пожухлой осоки унылое болото, Полина подумала, что, быть может, Наталья права – зачем было ходить на пепелище, для чего приезжать в Сосновку... Но ведь если бы не поехала, укоряла бы себя, что не побывала там, где прошла самая светлая часть её жизни, корила бы, что не простилась с тем клочком земли, на котором когда-то стоял родительский дом. Теперь знала, что больше не поедет туда. Сунув руку в карман, стиснула кольцо, когда-то державшее зыбку, в которой укачивала её мать, и согрела его в ладони, мысленно возвращая родителям частичку своего тепла. Вспомнила, как с поселковыми ребятами

ками закатывала по склону отлого спускавшейся к речке улицы снятые с телеги колёса и, взобравшись наверх, по очереди отпускали их скатываться с косогора обратно. Чем ближе к концу склона, тем стремительнее, мелькая спицами, неслись колёса вниз, покуда уже на песчаной отмели, сделав несколько последних оборотов, тяжело падали набок. Считалось, что тот, чьё колесо прокатится дальше остальных, будет счастливым. Пущенное Полиной колесо чаще других оказывалось впереди, но счастья в своей взрослой жизни она почти не видела. Теперь ничего было не вернуть и не прожить жизнь заново – колесу катиться оставалось уже недолго... Думала, что, съездив туда, где прошли лучшие годы, облегчит душу, но лишь разворошила память.

Дождь прекратился, по-за обочинами тянулась уже не заболоченная согра, а перемежающиеся перелесками и околками заброшенные поля. Миновав последнюю на пути к развилке оставшуюся в стороне деревеньку, автобус выехал на заасфальтированный тракт, двигатель загудел усыпляюще монотонно, и, утомлённая дорогой и невесёлыми думами, Полина задремала. Пробудилась, когда в надвигающихся сумерках автобус въезжал на городскую окраину. Замаячили по сторонам улицы шашлычные, магазины, ларьки, ярко вспыхнули разноцветные вывески... Подойдя к выходу, Полина, обернувшись, в последний раз посмотрела на спящую на коленях у матери девочку. Словно ощутив этот взгляд, та открыла глаза и сонно ей улыбнулась.

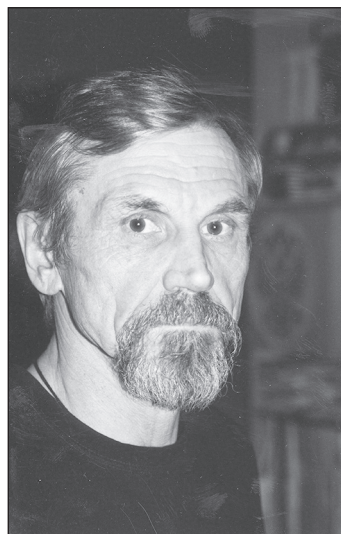
«Улица Красноармейская», – осипшим голосом объявил шофёр. Автобус остановился, дверные створки раздвинулись, и Полина сошла на тротуар. То нарастал, то стихал шум потока машин, озабоченные своими делами люди скапливались возле светофоров, ожидая, когда с красного кружка свет перескочит на зелёный, и лишь только это происходило, обгоняя друг друга, торопливо переходили улицу, спеша куда-то дальше. Покачивались нависшие над улицами троллейбусные провода, мерно постукивали на стыках рельсов, проходя по своим маршрутам, трамваи, уличные электронные табло о чём-то извещали, куда-то приглашали, что-то рекламировали...

Держа в одной руке ведёрко с клюквой, в другой – сумку, Полина торопливо шла домой. День был прожит. Впереди была ночь, однокомнатная квартира на четвёртом этаже, подобранная в подъезде бездомная кошка и кусочек видного с балкона неба.

Впереди было одиночество.

**Василий
КОЗЛОВ**

ИЗ-ПОД РУКИ СМОТРЮ С ХОЛМА

* * *

*Мне открылась с горы золотая река
И дорога вдоль дикого луга.
А над ними плывут вороха-облака,
Подминая боками друг друга.*

*От деревни остался забытый погост,
Да жердина упавшего прясла,
Да на скорые нужды разобранный мост.
Жизнь горела как жизнь, да погасла.*

*На надгробии надпись не смог прочитать –
Ветер выел песчаную мякоть.
Видно, больше не ходит никто навещать –
Только чибис и может оплакать.*

*Но впустую старается молох-прогресс, –
Не всесильна безумная воля.
Слава Богу, остались и речка, и лес,
И дурниной заросшее поле.*

НА УЛИЦЕ

*Мне привычной под ноги смотреть,
То кирпич обнаружишь, то лужу.
Непонятна небесная твердь,
Нагоняет то морок, то стужу.*

*Но твержу я себе всякий раз,
Обходя и успешных и модных:
Не смотри ниже уровня глаз,
Ниже крыш и деревьев свободных.*

МОНОЛОГ СОЧИНТЕЛЯ И

*Забавное дело слова составлять
В прямые и ровные строчки,
При этом безудержно их рифмовать,
Спрессовывать в строфы-брусочки.*

*Но надо сказать, что смешнее всего,
Когда сочинители рады,
Хоть в зале порою и нет никого,
Читать свои вирши с эстрады.*

*Они завывают, поют и кричат,
Себя представляя в короне...*

*Они не заметят скучающий взгляд,
И сонной зевоты – в ладони.*

*Как жаль, что другим родила меня мать,
Я этим гагарам не пара,
Мне стыдно стихи свои людям читать,
Не платят когда гонорара.*

КОЗЛОВ Василий Васильевич родился в 1947 году на ст. Оловянная Читинской области. Учился в Иркутском госуниверситете на филологическом факультете. Автор поэтических книг «Уроки доброты» (Иркутск, 1975), «Есть у меня на свете брат» (Иркутск, 1979), «Стихотворения» (Иркутск, 1985) и др. Лауреат Всероссийской премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова. Член Союза писателей России, поэт, главный редактор журнала «Сибирь» (1986–2011). Живёт в Иркутске.

* * *

Из-под руки смотрю с холма:
Над миром мрак ползёт из мрака...
Илья не выше, чем Фома,
Но здоровее был, однако.

Он одихмантьевых детей
Приласкивал булавой в темя.
Смотрю, опять из всех щелей
Ростки пускает это семя, –

Цз власть народа на парад
Под песни бодрые шагает:
Наполеончики вещают,
А чингизханчики вопят.

Когда безмолвствует народ,
Смелей смотри в седые лица...
Эпоха карликов пройдёт.
Эпоха монстров воцарится...

ГВОЗДИ

Ночью приснились гвозди,
Множество ржавых гвоздей.
Из ненаписанного стихотворения

Здравствуй, моя хибарка.
Твой неухожен вид.

Печку протопишь – жарко,
Ветер подул – знобит.

Много в дому щелястом
Мест, где прибить доску.

Здесь мы делились счастьем,
Здесь я запью тоску.

Утром рябины грозди
Мёрзлые стану грызть...

Слушай, при чём здесь гвозди,
Если никчёмна жизнь?

Русскому на погосте
Не о чём горевать...

Я собираю гвозди,
Буду их забивать.

Выпала же награда
Столько гвоздей найти.

И в магазин не надо
За переезд идти.

ВОСПОМИНАНИЕ

Бутылки, пробки, банки и шприцы –
Оттаявшей природы первенцы.

Она от нас скрывала эту грязь,
В полуденной лазури золотясь.

И от того, кто скажет:
– Вещий знак! –

Мы отмахнёмся:
– Это всё пустяк...

И не способны мы служить тому,
Что некомфортно нашему уму.

Застыл в воспоминанье гордый лось,
Изрешечённый пулями насквозь.

А сквозь прицел, уже не человек,
Железный зверь глядел в грядущий век.

* * *

Н. О.

Как чувства подчиняются уму,
Так ты будь осмотрительней и злее.
Калёного железа страсть острее.
В любви не признавайся никому.

Отдай огню и холоду слова,
Пойми, как искупительно молчанье.
Любила ты и этим ты права.
Кому нужны прощальные признанья?

* * *

Юрию Кочуре

Спешат безоглядные люди
Насытиться пищей земной.
Как лазерный луч в изумруде,
Качается свет над землёй.

Грядущему дню на потребу
Реклама беззвучно кричит.
Слепой улыбается небу,
А зрячий – под ноги глядит.

* * *

Памяти Г. Г.

*Разметало моих друганов,
Словно листья, по светлым кладбищам.
Моя лодка разодранным днищем
Доскребаёт до тех берегов.*

*Подгнивает бревенчатый дом,
Где встречал их зимою и летом.
Их всё больше на свете, на том,
Нас всё меньше на свете, на этом.*

*Только жизнь потому и сильней,
Что с годами смиряешься с нею...
Вяз шумит над могилой твоей,
Вяз шумит над избушкой моею.*

ТЮТЧЕВ

*Стихи твои, как кока-кола:
И сладковаты, и мутны.
Мне ближе тютчевская школа,
Сплав чистоты и глубины.*

*Не объяснение явлений
И пережёвыванье фраз –
Как неизбежный русский гений
Он слово обратил в алмаз.*

*И мне легко бренчать на лире
Про те же горы и поля
И растворённую в эфире
Реальность инобытия.*

На даче у В. Г. Распутина. 6 мая 2004 года

*Дорогая Людмила Ивановна,
поздравляем Вас с юбилейной датой!
Мы, друзья и коллеги, всегда любили
Ваши стихи, а теперь прибавилась и проза.
Желаем успехов во всех творческих начинаниях
нашему любимому автору!*

**Людмила
ЧИДИЛЯН**

ЛИДА В ПОИСКАХ ЛЮБВИ

Роман*

Часть 2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О том, что молодых специалистов нашей кафедры, меня и Наталью, отправляют в конце января на стажировку в Ленинградский институт культуры (как и обещал Юрий Викторович), стало известно две недели назад. И вот, обращая на себя внимание многих встречающих и прибывших в столицу, я шла по залу прилёта аэропорта Внуково в лёгком полушубке из искусственного меха с отделкой из натуральной замши, в замшевой юбке годе и ярко-красном длинном шарфе с кармашками и кистями на концах (всё это привезли родители из Болгарии). В последнее время облик мой стал вызывающе привлекательным. (Причину не понимала сама: то ли из-за того, что похудела и чуть обострились скулы, то ли из-за новой стрижки с более длинной чёлкой? А может, вызывал интерес дерзкий в своём безразличии взгляд?..)

Ну, здравствуй, Москва! В первый раз я увидела её в тринадцать лет. Несмотря на высоту и широту, она показалась мне уютной, наверное, потому, что нашу группу поселили в одноэтажном доме на одной из тихих таганских улочек, и во дворе был залит каток, со светящимися гирляндами и ёлкой. От всех столичных красот я пришла в восторг, особенно от метро и сталинских высоток, и в очередной раз испытала гор-

79

дость из-за того, что моя родина – Советский Союз. Глядя из автобуса на окна жилых домов, без зависти думала: «Какие же вы счастливики, москвичи!»

В тот короткий приезд подружиться со столицей я не успела, но чувствовала, что она будет рада увидеть меня снова. Встреча состоялась через четыре года. Я повзрослела, а Москва, как мне показалось, стала моложе: чистая, звонкая, импульсивная. С радостью вовлечённая в ритм уличного потока, я вместе с другими абитуриентами бегала на вступительные прослушивания по маршруту ГИТИС – Щукинское училище – Щепкинское училище – училище при МХАТе, попутно наслаждаясь видами центра. В конце дня по дороге до станции метро «Молодёжная», когда вагончик с читающими пассажирами выкатывал из-под земли, смотрела на столичные раздолья и с нетерпением ждала нового дня.

В этот раз я надеялась, что Москва не захочет так быстро расстаться со мной. Складывалось вроде всё удачно: и встретили нас с мамой приветливо – пенсионеры тётя Дуся и дядя Гриня – люди совсем незнакомые, их адрес для проживания дала нам участница папиного хора, но принимающие нас как родных (особенно после нашего с мамой исполнения любимой застольной песни тёти Дуси «Оренбургской пуховый платок»); и сочинённые с чокнуто-талантливыми абитуриентами этюды нравились приёмной

* Окончание. Начало в «ОК», № 6 2015 г.

комиссии; и даже прошла два тура в Щепкинском училище.

Но с Москвой дружить хотела не одна я, счастливицей оказалась крутобедрая двадцатилетняя Оксана, штурмующая театральные вузы четвёртый год. На третьем туре из нас двоих в Училище им. Щепкина взяли её (общий конкурс был приблизительно восемьдесят человек на место). Посетив напоследок выставку достижений народного хозяйства, мы с мамой уехали домой. Обиду на Москву я не затаила, хотя ревела, конечно, отчаянно, а решила поднакопить опыта, мастерства и вернуться через год-другой.

Шло время, а я всё ещё жила на расстоянии четырёх часов полёта от моей и всесоюзной любимицы и только короткими наездами напоминала о себе, не предполагая, что скоро Москва станет моей разлучницей.

В этот раз в столице я остановилась специально, чтобы увидеть Серёжу, проживающего здесь уже четыре месяца.

После его отъезда рассудок мой в попытке уцелеть стал активно давить на чувство ответственности: «Надо жить дальше! Не помирать же в конце концов! У тебя – работа! Новый предмет! Тебя студенты ждут! КВН опять же! И Митенька надеется, и Юрий Викторович! Давай уж, будь добра, соберись! Вспомни: «На свете счастья нет, а есть покой и воля»... Зажми сердце в кулак и чеши на первую пару!» Жить не разжимая кулак было неудобно, но я приспособилась, а окружающие вообще не заметили во мне никакой перемены. И всё же ретивое билось изо всех сил, когда раздавался редкий короткий звонок от Серёжи. Наслаждаясь его голосом, я часто не могла вспомнить, о чём вообще шла речь. Но из разговоров у меня создалось впечатление, что Серёжа, хотя и бодрился, но тосковал по привычному окружению (думаю, что самого его это состояние чрезвычайно раздражало, так как выдавало привязанность к провинции, чего он ни в коем случае позволять себе не хотел).

Писем от Серёжи не было, зато я отправила два акропоздравления: первое, с днём рождения, в октябре:

*С ерые глаза, белое чело...
Е сть в Вас воли сталь и ума печать.
Р езкость мыслей есть. Да, резки зело!
Е сть... Всего не счесть, всё не описать.
Ж ить Вам сотню лет без тревог и зла!
А нгела чело, бесовы глаза!*

Вывела красным карандашом первые буквы строчек и отослала по адресу: «Главпочтамт, до востребования». Ответа не дождалась.

К Новому году написала ещё:

*К ак взбесилось время! Не течёт – несётся!
О стаётся память?! Память остаётся!
Р азлучались часто. Часто разлучали.
Т елефоны вечность вражески молчали.
Н овый год иль старый – всё одно и то же!
И убить мне память разве кто поможет?!
К ак всегда, желаю жизни без печали,
О ставайтесь прежним даже в своей дали!
В просьбе же последней мне не откажите:
У ничтожьте память! (Или увезите.)*

И опять в ответ – молчание.

Зато известие о стажировке Серёжа воспринял с радостью, уточнил, когда я прилетаю, и назначил встречу в четыре часа у памятника Александру Сергеевичу.

В Москве я опять остановилась у тёти Дуси и дяди Грини, которые каждый приезд встречали меня как внуку (своих детей у них никогда не было). Жили старики у станции метро «Молодёжная» в однокомнатной квартире с большой кухней и широким коридором, застеленными полосатыми половиками. С годами здесь ничего не менялось. По-прежнему с портрета, висевшего над раскладным диваном, молодые Евдокия, в платье с рюшами по вырезу, и Григорий, в гимнастерке, напряжённо глядели в балконное окно на многоэтажки московской окраины. В комнате, как всегда, ни пылинки! На серванте и тумбочке с трельяжем красовались скопившиеся за жизнь Евдокии и Григория сувениры: вазочки с искусственными цветами, шкатулки из чугунного литья, резного дерева и фаянса, статуэтки, орёл с распростёртыми крыльями. Как и в день моего первого приезда, всё стояло на тех же местах и на тех же белоснежных узорчатых вязаных салфетках. И не надо было никакой машины времени, чтобы вернуться почти на пять лет назад.

На кухне тётя Дуся и дядя Гриня, радуясь, словно дети, примеряли подарки от моих родителей:

– Нина всегда попадает в размер! – удивлялся дядя Гриня, по-стариковски равнодушный к моей маме (а рубашку-то покупали мы с папой).

– Лидочка, почему опять так ненадолго приехала? Ни поговорить толком, ни песни попеть! На одну ночь только и остаёшься! И сейчас, по-ди, опять убежишь?!

– Убегу, тётя Дусь! Наведу марафет и помчусь!
 – Поздно придёшь? На стол когда накрывать?
 – Я сама пока не знаю. Позвоню и скажу.
 – Встречаешься с кем-то?
 – Встречаюсь, с другом.
 – А друг приезжий? Или москвич?
 – Сама не знаю. Четыре месяца здесь живёт.
 – Ну так приезжий! Мы с Гриней тридцать лет как в Москве, а всё равно приезжие, чуть зане-
 можется, про Пензу свою вспоминаем, как там
 жили до войны, вроде и легче становится, да,
 Гринь?

Я уже не вникала в общий разговор, а, сидя у
 зеркала, обновляла макияж и вспоминала, как
 добраться до места встречи.

Есть в людских потоках метро что-то для ме-
 ня завораживающе-оптимистичное. Тысячи бе-
 гущих горожан и гостей столицы проносятся ми-
 мо друг друга, торопясь к вагонам, выходам и
 переходам. И за любым пассажиром стоит его
 мир с близкими людьми. Во время каждоднев-
 ной беготни миры эти на мгновение соприкаса-
 ются, проникают друг в друга, и их образы, не
 успев остаться в памяти, откладываются в на-
 шем подсознании догадкой о связи каждого че-
 ловека с каждым. Под землёй это ощущение
 глобального единения у меня обостряется осо-
 бенно. Поэтому в метро, несмотря на общепри-
 нятую для пассажиров демонстрацию вежливого
 безразличия, я одинокой себя не чувствовала, а,
 пока поезд катил до станции «Пушкинская», пы-
 талась разгадать тайну некоторых окружающих
 меня миров. Делала это ещё и потому, что нужно
 было как-то отвлечься от пожирающего чувства
 страха, что Серёжа на свидание не придёт. Одно
 меня утешало – коченеть в ожидании любимого
 я буду рядом с Александром Сергеевичем. Но
 встреча с Пушкиным не состоялась: не доходя
 несколько метров до эскалатора, я почувствова-
 ла, как во мне горячей волной пробежало ощу-
 щение близкого присутствия Серёжи. Я посмотре-
 лась по сторонам. Он стоял чуть вдали от потока
 и с улыбкой наблюдал за мной.

Господи, Серёжа стал ещё красивей! Он был
 самым красивым в этой своей огромной Москве!
 Мы поцеловали друг друга в щёку.

– Лида! Ты обращаешь на себя внимание!
 – Почему? – я оглядела себя. – Что-то не
 так?

– Нет, как раз всё так! Я, признаться, вначале
 заметил тебя, а потом только узнал!

– Серёжа! Серёжа... Дай я дотронусь до тебя.

Я провела пальцами по лбу, щеке и губам.
 Он перехватил мою руку и сжал её. И тут я по-
 чувствовала какой-то диссонанс, как будто уви-
 дела что-то тревожащее меня, но я пока не мог-
 ла понять, что именно это было.

– Какие у тебя планы?

– Главный мой план я осуществила – увиде-
 ла тебя. Теперь не знаю. Наверное, надо закре-
 пить позицию, но, боюсь, времени не хватит, за-
 тра еду в Ленинград.

– Где ты остановилась?

– У знакомых. Кстати, им потом надо будет
 позвонить. А какие планы у тебя?

Кто-то из нахлынувшей толпы нечаянно под-
 толкнул меня, одна из перчаток упала на пол, и
 мы одновременно с Серёжей бросились её под-
 нимать. Наши руки встретились, и я увидела
 кольцо на его безымянном пальце. Тонкая золо-
 тая полоска.

– Ты женился?

– Да.

Вероятно, что-то такое необычное изобрази-
 лось на моём лице, отчего Серёжа отпрянул и
 зло стал спрашивать:

– Ну что?! Что?! Что это за реакция?! Да, мне
 нужно было как-то остаться в Москве, нужно ра-
 ботать, жить! Нужна прописка!!! И я её получил!
 Брак наш формальный.

– Вы живёте в одной квартире?

– Пока да.

– И носишь кольцо?!

– Как видишь! Я не собираюсь оправдывать-
 ся перед тобой! Подумать только, какие глупости
 тебя волнуют! Какие мелочи! – В его словах бы-
 ла горечь и обида. – Ну хватит уже бледнеть! Мо-
 жет, ещё в обморок грохнешься?!

Я поняла, что Серёже плохо и нужно успоко-
 ить его и поддержать, но стояла растерянная,
 жалкая, сказать ничего не могла и чувствовала,
 что, и правда, в любой момент могу упасть.

– На сегодня, по всей видимости, дальней-
 шего смысла в общении нет?! Если он вообще
 есть! Сообщи мне, когда повзрослеешь!

Серёжа сделал несколько шагов и слился с
 толпой. Я стояла. Казалось, что, не замечая мо-
 его существования, пассажиры всем миром бе-
 гут сквозь меня.

Ощущение реальности стало возвращаться
 на лестничном пролёте двенадцатого этажа
 тёти-Дусиного и дяди-Грининого дома, куда я за-
 бралась для того, вероятно, чтобы прореветься

в одиночестве. Пришла в себя, почувствовав боль в руке (почти до крови зажимала рот кулаком, чтобы не рыдать в голос). Когда успокоилась, долго сидела на ступеньках, пытаюсь понять, что я делаю со своей жизнью, где взять сил на жизнь другую, какая она, эта другая жизнь, и зачем мне нужна?! Нестерпимо хотелось к маме и папе! Но вряд ли они могли бы меня утешить, даже если бы и были рядом. Папа вообще рассматривал мою стажировку как возможность осмотреться и найти способ закрепиться в одном из столичных городов.

– Лида, ты пойми, почти полгода в Ленинграде – это просто подарочный шанс!

– Для чего, папа?

– Для всего! Меня бы в молодости туда отправили, так я бы точно обратно не вернулся!

– Но меня ведь учиться направляют!

– А ты и учись, смотри по сторонам, знакомься с людьми, вникай в ситуацию. Там на месте разберёшься, что к чему.

А что там разбираться?! Я знала только три способа остаться: учёба в институте; работа по лимиту; замужество (реальное или фиктивное) – и ни один из них мне не подходил. Конечно, можно было подумать об аспирантуре, но, несмотря на то что я старалась честно выполнять свою работу, всё же пока воспринимала её как временную и всю жизнь ею заниматься не собиралась.

«Взрослеть! Тебе надо взрослеть! Что это означало в понятии Серёжи? Устроиться в Москве?! Стать богатой?! Перестать жить чувствами?!» Я понимала, что можно ответить да на каждый из этих вопросов, но тогда возникал следующий и главный: «А зачем?!». Пока ясно было одно – нужно научиться жить, не надеясь ни на встречи с Серёжей, ни на его звонки. Предстоящие полгода сделать это будет легко, так как телефонных номеров друг друга мы не знали.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Возможно, если бы я впервые увидела Ленинград до расставания с Серёжей, я бы сразу влюбилась в этот город. Но в день приезда настроение моё было другим, да и сырая пурга, которой он меня встретил, не способствовала зарождению дружеских чувств. Хотя, конечно, от красоты строений я пришла в восторг! «Неужели на многие из этих домов смотрел Александр Сергеевич?! Жил здесь, ходил как простой смертный?! А Блок?! Мандельштам?!» Ленинградские улицы, на мой взгляд, в своей прямоли-

нейности были предсказуемы и лишены тайн, но, с другой стороны, чёткость планировки позволяла сразу же свободно ориентироваться в городском пространстве, поэтому я быстро добралась до места назначения.

Институт культуры им. Надежды Крупской располагался в Центре, рядом с Марсовым полем, в старинном здании на набережной Невы. Глядя на его помпезность, я удивлённо думала: «Ну, если корпус такой, так что же тогда ожидать от работающих в этих хоромах?!» Но люди, начиная от встретивших гардеробщиц и кончая проректором по науке, в большинстве своём поразили меня доброжелательностью, внимательностью и интеллигентностью.

В отделе кадров мы встретились с Наташей. За время нашей недолгой совместной работы на кафедре я с уважением замечала в ней сдержанность, разумность и спокойствие (завидные качества, к сожалению, не мои). Она никогда не доверяла первому впечатлению, критически относилась к хорошим новостям и рассчитывала в основном на себя. Стажировку рассматривала как плацдарм для поступления в аспирантуру. Понятие «личная жизнь» особых эмоций у неё не вызывало, хотя Наташа была женственна и нравилась мужчинам. Отношения у нас были хорошие, несмотря на разность характеров, а может, благодаря этой разности.

Получив адрес для расселения и проехав через весь город, мы оказались в конце проспекта Ветеранов, в глубине двора нашли дом, поднялись в чистом лифте на шестой этаж и позвонили.

Хозяйка встретила строго по-деловому и сразу же озвучила права и обязанности (звали её Вероника – коренная ленинградка, инженер в конструкторском бюро, стройная, с гривой каштановых волос, сорокалетняя женщина).

Зато, пока мы разбирали чемоданы, она приготовила курицу, мы поужинали с красным вином (за внешней строгостью Вероники обнаружилась заботливость и чувство юмора), и оставшийся вечер она подробно объясняла, где нам обязательно нужно побывать и что посмотреть. Засыпая на румынском диванчике, Наташа для себя предпочла софу, я мысленно выстраивала расписание дел завтрашнего дня.

Но знакомство с нашей руководительницей, Надеждой Ивановной, планы все перечеркнуло. С первых её слов, сказанных голосом, богатым низкими модуляциями, я предположила, что женщина она умная, знает, чего хочет, в людях

разбирается и дело своё любит. Позднее выяснилось, что она вообще редкий человек: принцип «каждый достоин уважения» был для неё руководством к действию и определял стиль работы. На кафедре Надежда Ивановна, окружив себя командой единомышленников, возглавляла секцию «Теория и практика самодеятельного творчества» (куда нас и прикрепили). Несмотря на возраст, загруженность, курение (папиросы «Беломор») и небрежное отношение к своей внешности, Надежда Ивановна, на мой взгляд, была ещё и красивой.

Она сразу дала темы поточных лекций, которые нам предстояло прочитать в конкретный срок в присутствии членов секции (я и Наташа переглянулись с вытаращенными от страха глазами). Раскрыв план работы кафедры, Надежда Ивановна составила для нас график участия в предстоящих мероприятиях, включая посещение всех кафедральных и секционных заседаний, научных конференций и некоторых защит диссертаций.

Ни один предмет, входящий в секцию Надежды Ивановны, я в институте не изучала (не было предусмотрено программой моей специализации) и во время своей недолгой преподавательской деятельности с ними тоже не сталкивалась (в отличие от Наташи, которая как раз вела курс «Самодеятельное творчество»).

Я честно сказала руководительнице о своей нулевой подготовке, на что она с улыбкой ответила: «Зато у вас взгляд свежий, непредвзятый! Если захотите, всё наверстаете! Как раз освоите новые методики».

И понеслось... День был расписан по минутам. Особенно первые две недели. Потом стали появляться некоторые просветы, да и многие вечера оставались свободными. Досуг мой делился на обязательно-полезный; приятно-полезный; неприятный, но полезный и вредный, но приятный.

К обязательно-полезному относилось время подготовки в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина («Салтыковке») к предстоящей через полтора месяца лекции. Внутри дворца (именно так я воспринимала здание библиотеки) было тихо, уютно, и, побывав там один раз, непременно хотелось вернуться. Огромные старинные стеллажи, столы, зелёные настольные лампы, удобные стулья. Я приходила на весь день и не замечала, когда он кончался. Часто занимала место в докторском зале. Столы там были свободные, и только несколько человек, в основном старички и редко солидные дамы, делали свои записи.

Постоянным посетителем был лысый мужчина лет пятидесяти, со смешно торчащими ушами. В столовой, когда он присел за мой столик, мы разговорились. Мужчина оказался профессором в каком-то техническом вузе. Очень веселился по поводу темы моей предстоящей лекции («Принципы самодеятельного творчества») и сетовал, что совсем отстал от жизни. Когда мы увиделись в зале в следующий раз, Николай Петрович (так его звали) предложил мне показать Эрмитаж. «Почему бы и нет? Схожу с удовольствием ещё раз», – подумала я. Ничего неприличного в его предложении я не увидела. Он был на пять лет старше моего папы, по которому я здесь особенно тосковала. Николай Петрович оказался любителем античности и в музее подробно рассказывал о многих экспонатах. У меня были самые общие представления об этом, и хотелось понять, каким образом черепки и обломки могут вызывать эстетическое наслаждение.

– Вы, Лида, умеете слушать! Это редкое качество.

– Честно говоря, раньше не замечала такого за собой. Просто мне было интересно. Спасибо большое, вы потратили на меня полдня, а мне взамен предложить нечего.

– Я от вас ничего и не жду. Ваша непосредственная реакция была мне в удовольствие. Предлагаю отобедать вместе. Обещаю свежайшие пирожные на десерт.

Как тут не согласиться?! Мы поели в кафе где-то рядом с Невским (заварные пирожные, правда, оказались вкусными). За столом я рассказывала о своём городе, институте, о родителях и Саше. Николай Петрович сообщил, что овдовел три года назад. Зато есть отрада – дочь и маленькая внучка. Он с гордостью показал семейную фотографию дочери.

В метро мы обменялись номерами телефонов и расстались.

– Лида, а что преподаёт ваш профессор? – интересовалась Вероника, заваривая для нас индийский чай.

– Почему мой? Он совсем не мой! А преподаёт какую-то техническую дисциплину, я не очень вникала.

– Живёт один?

– Говорит, что один. – И вдруг меня осенило! – Вероника, а давайте его с вами познакомим? Он славный, правда, уши смешно торчат, но умный и не зануда! Может, пригласить его на чай к нам?

Вероника улыбнулась.

— А почему вы решили, что меня надо с кем-то знакомить?

— Не с кем-то, а с хорошим человеком, профессором! Вы — прекрасная женщина, тоже по музеям ходить любите, вот вместе и будете прогуливаться! Почему нет?

— Потому что заинтересовали его вы.

— Я его не заинтересовала! Просто ему грустно одному! Да и как он может мною интересоваться, если старше моего папы? Уже дедушка! Он и для вас староват!

— Какая вы наивная! Но за заботу спасибо!

— Может, я и наивная, но знаю, что нельзя предугадать, где судьбу свою встретишь! Поэтому хотя бы иногда надо менять привычные маршруты!

— Ну уж если вам действительно хочется пригласить его в гости, зовите! Испечём пирог!

Неприятно, но полезно было продираться к ускользающему смыслу научных статей из рекомендованного Надеждой Ивановной списка.

Когда становилось особенно трудно, я поступала, как школяр, — вступала в мысленный диалог с авторами и жалела их, глядя, как они корёжятся от моих простых вопросов, типа «за что вы так людей не любите?» и «было ли у вас детство?». Ненадолго, но становилось легче.

После этих мучений я с чувством выполненного долга мчалась на какой-нибудь спектакль или в филармонию отвести душу. Наташа (её специальностью было хоровое дирижирование) с энтузиазмом взялась за наведение порядка в хаосе моих музыкальных предпочтений. Я, конечно, имела представление о классике, в институте у нас вели предмет «История музыки», но концерты симфонического оркестра никогда до Ленинграда не посещала, а здесь пристрастилась и старалась использовать каждую возможность. Зато театральную программу составляла для Наташи я. На наше счастье, мы попали в «золотой» товстоноговский период в Большой драматический театр (каждый спектакль был шедевром).

Ещё перед моим отъездом из Кемерово Митенька дал мне номер телефона Анатолия, своего приятеля, и попросил передать ему кое-какие бумаги.

— Вы понравитесь друг другу! Он стихи пишет и прозу, учится в аспирантуре, зарабатывает переводами. Настоящий профессионал.

— А сколько ему лет?

— Точно не знаю, возможно, старше тебя лет на восемь-девять, — Митя улыбнулся. — Старик, одним словом!

Мы созвонились с Анатолием и договорились встретиться в один из воскресных дней в его квартире на Васильевском острове.

Анатолий мне понравился с первого взгляда. Он был обладатель редкого сочетания острого ума и доброжелательности. Среднего роста, худой, русоволосый, сероглазый, в очках, на вид типичный интеллигент. В общении прост и обаятелен. А уж как начитан! Я сидела развесив уши и вникала в каждое слово. Мы вспоминали Кемерово, в котором он когда-то учился на РГФ, читали стихи, я думала: «Как легко с ним! Спокойно, уютно. Как будто сто лет знакомы. Интересно, влюблён ли он в кого-нибудь? Ах, Анатолий, почему ты не Серёжа?» Позднее я поняла, что в поиске своей единственной женщины Анатолий каждый раз влюблялся в очередную хорошенькую претендентку, выстраивал отношения, но быстро разочаровывался. Когда мы познакомились, у него уже на примете кто-то был, а вернее, была. Наверное, поэтому отношения наши складывались в сторону приятельских (как раз то, что нужно!). Я его познакомила с Наташей, и иногда мы собирались втроём в квартире у Анатолия. Количество выпитого вина значительно превышало терапевтическую дозу. Для физического здоровья это, пожалуй, было вредно, но для душевного ох как полезно и приятно.

Анатолий по возможности приобщал меня к интеллектуальным развлечениям Ленинграда.

— Лида, у нас через три дня предполагается чтение переводов в Доме писателей, хочешь, пойдём вместе? Только предупреждаю, тебе это может показаться скучным.

— Мне покажется скучным слушать переводы в Доме писателей?!

Да одна только возможность просто находиться там вызвала во мне восторг!

На чтения наряжали меня втроём. Наташа дала трикотажную венгерскую кофточку к моей замшевой юбке, Вероника прикопала брошь из яшмы, я сделала умеренный макияж, накинула на плечи экстравагантный красный шарф и красавицей помчалась развивать свой литературный вкус.

Дом писателей поразил слегка увядающей роскошью (находился он на улице Воинова, в трёхэтажном особняке, когда-то принадлежав-

шем А. Д. Шереметьеву). Впечатлили витиеватые витражи, кресла и диванчики с изогнутыми ножками, бар, органично вписанный в эту старину. (В баре мы откушали коньячку.)

Пока литературное общество собиралось, Анатолий знакомил меня с его представителями. Я чувствовала к себе повышенный интерес, смущалась, пыталась это скрыть, чем доставляла удовольствие наблюдающему за мной Анатолию. Чтобы запечатлеть интерьер, мы сфотографировались на его фоне во всех особо выразительных уголках.

Главным номером программы было чтение глав перевода романа современного испаноязычного автора, имя которого мне ни о чём не говорило. Переводчик, статная пожилая женщина с хриловато-пронзительным голосом, в течение часа делилась со слушателями, сидящими полукругом в креслах, плодами своего писательского труда. Сюжетную линию из прочитанных отрывков я не уловила. Усыпляюще-гладкие, мелодичные предложения влетали в одно ухо и вылетали в другое, не оставляя впечатлений о содержании. Знаний моих было недостаточно для того, чтобы оценить уровень предлагаемого перевода. Я незаметно наблюдала за слушателями и представляла, как бы тут всё расцвело, окажись Серёжа в одном из кресел.

Чтение закончилось поздно. Прощаясь, Анатолий сказал:

– Через неделю идём на закрытый просмотр.

В кинотеатре на Васильевском острове показывали фильм Марко Феррери «Диллинджер мёртв». Ничего подобного я раньше не видела. Действие всего фильма происходило на территории дома главного героя. За время картины персонажи почти не разговаривали, занимались до определённого момента будничными делами, и убийство представилось как одно из таких дел. Создавалось впечатление, что авторы развлекаются и вот-вот всему найдётся объяснение. Но фильм кончился, и стало ясно, что никто не шутил и происходившее оказалось страшной реальностью. Анатолий тоже находился под впечатлением:

– Диалоги к минимуму сведены. Воспринимается как притча о современном образе жизни.

«Одной фразой всё сказал. Классно! – с уважением подумала я. – Учись! Взрослей». И от этого «взрослей» внезапный прилив тоски на мгновение стёр всё впечатление от просмотра.

Среди повседневной круговерти я не заметила, как прошла зима. Окна домов, соскучившись

по солнцу, жадно ловили его лучи и посылали зайчиков по проспектам и улицам поднимать прохожим настроение. Сияющий Ленинград хорошел на глазах. Так же, как и в Кемерове, в воздухе витали запахи таявшего снега и ещё чего-то свежего, неуловимого, что часто ощущается в начале марта. Весной одинокому человеку особенно тошно. Хорошо, что брат, страдающий от непривычно долгой разлуки со мной, через день присылал письма. Он снова и снова обрисовывал разные картины курсантских будней, находя новые краски и приёмы. Я выслала ему индийские джинсы (отстояла за ними час в очереди в Пассаже), и Саша написал целую историю о том, как они, Саша и джинсы, неразлучны в часы увольнений и привлекают откровенные взгляды гуляющих по улицам барышень. Читая его письма, я скучала по дому, но желание вернуться в Кемерово пока не появлялось.

Перед Восьмым Марта я пригласила Николая Петровича к нам на пирог, предупредив, что в компании трёх женщин он будет единственным мужчиной. Николай Петрович как-то хитровато улыбнулся и согласился.

Конечно, к пирогу прилагался праздничный ужин. Каждая из нас приготовила своё блюдо: Наташа – чернослив, начинённый грецким орехом, я – салат с кальмарами, а Вероника – плов и ещё несколько закусок. Настроение было приподнятое, я волновалась, понравятся ли друг другу Вероника и профессор.

– В прошлом году на этот праздник я осталась одна. В кафе не пошли – подруга заболела. У телевизора просидела, – раскладывая салфетки, вспоминала Вероника.

– А мы с братом и сестрой к родителям приезжали, – отозвалась Наташа. – Лида, а ты где была?

– Дома. Серёжу встречала, с папой и мамой знакомила.

– И что? – поинтересовалась Вероника. – Где он сейчас?

– В Москве он сейчас, – ответила за меня Наташа, которой я вкратце рассказывала свою историю, – на ней, на столице, и женился. А Лиду взрослеть отправил.

– Вот как? Хочет состарить нашу Лидочку! Вот злодей какой!

– Он не злодей! Он принц! Правда, заколдованный немного, – попыталась я пошутить, но, вспомнив о своём прошлогоднем счастье, осеклась и приумолкла.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— А давайте, девочки, выпьем водочки в качестве аперитива за наше женское счастье?

Мы, конечно, поддержали Веронику и, закусив лимончиком, пошли менять домашнюю одежду на праздничную.

Николай Петрович пришёл вовремя, принёс шампанское, торт, подарил нам по букетику мимозы, а мне книгу об Эрмитаже. Он оказался компанейским, хвалил закуски, к месту рассказывал анекдоты, вниманием никого не обделял. С Вероникой они нашли общих знакомых среди его коллег и на некоторое время, к моей радости, увлеклись совместным разговором. Потом мы с Наташей спели дуэтом романс «Не пробуждай воспоминаний» и стали накрывать стол к чаю.

В торжественный момент выноса пирога раздался телефонный звонок, Вероника ответила и передала трубку мне:

— Какой-то мужчина, голос чрезвычайно приятный.

— Алё!

На фоне громких восклицаний по поводу красоты и аромата пирога я услышала Серёжу:

— Привет! Хочу поздравить с праздником!

У меня от неожиданности трубка выскользнула из рук, я подхватила её и опять повторила:

— Алё, алё! Это ты?! Что ты сказал?!

— Говорю, поздравляю с женским вашим днём! Судя по голосам, у вас там застолье в самом разгаре? Я не вовремя?

— Какое застолье?! — Я на какой-то момент выпала из реальности. — Как ты узнал мой номер? Откуда?

— Мама твоя сказала. Как ты? В порядке?

Заметив, что все притихли и смотрят на меня, я унесла телефон в другую комнату.

— Что ты спросил?

— Что-то со связью? Ты не слышала вопроса?

— Нет, это я просто не знаю, что ответить, и тяну время.

— Не надо ничего тянуть, приезжай ко мне на праздники.

— На праздники?!

— Я снял комнату, запиши...

Я лихорадочно записала его адрес и номер телефона.

— Когда приедешь?

— Я не знаю расписания, сегодня, наверное, уже поздно.

— Не поздно. Поезда ходят всю ночь, утром уже будешь у меня.

Через два часа я лежала на верхней боковой полке проходящего из Мурманска поезда, мысленно напевая популярную песню из репертуара Софии Ротару (хотя не была её поклонницей) про «Красную Стрелу». Постоянно вертелись строчки припева: «Где взять мне силы позабыть тебя и болью той не жить? Где взять мне силы разлюбить тебя? Забыть тебя, забыть?»

Но забывать я никого не собиралась, судя по тому, как молниеносно побросала вещи в сумку и, не обращая внимание на советы Вероники и Наташи не бежать по первому зову, помчалась на вокзал как угорелая. Николай Петрович, несмотря на мои возражения, поехал провожать. Не знаю, что он подумал, наблюдая за моей горючкой, но вопросов не задавал, вздыхал, улыбался и пожелал удачи.

Ранним утром я вышла на станции метро «Текстильщики». Вокруг одни убогие пятиэтажки. Но мне ли, кемеровчанке, жаловаться? Почти что родина! Квартира была на первом этаже. Пока я решала, какую из трёх звонковых кнопок нажать, дверь открылась и я увидела Серёжу в шикарном длинном голубом махровом халате.

Он молча взял сумку, провёл меня через полутёмный с запахом нафталина коридор в довольно большую комнату, помог снять полушубок, сказал:

— Располагайся. — И вышел.

Обстановка напоминала его кемеровское жильё: диван (разложенный, застеленный простыней и распахнутым одеялом. Серёжа не успел убрать или специально оставил, ожидая меня?), письменный стол, несколько книг на полках, шкаф для одежды, четыре венских стула, в углу небольшое кресло, палас почти на весь пол. Мебель была разных стилей, старая, но добротная, за ней угадывалась своя какая-то история. На подоконнике стоял катушечный магнитофон. От настольной лампы падал жёлтый свет. Уютно. Так бы здесь и осталась.

Серёжа принёс сладкий чай в бокалах и тарелку с бутербродами из мягкого батона с докторской колбасой.

— Осмотрелась?

— Да. Мне нравится. Ты здесь один живёшь?

— В этой комнате?

— Да.

— Лида! Успокойся, никто сюда не придёт. Давай завтракать!

— Я хочу помыть руки.

— Ну конечно! Идём.

Он показал мне ванную комнату и туалет. Пахло сыростью и половыми тряпками, сантехника была допотопная, но чистая.

— С кухней познакомишься позже.

В тихой комнате за письменным столом мы пили чай, и я рассказывала, как умудрилась купить последний билет на проходящий поезд. Серёжа молча сидел наискосок от меня, и его голая коленка выглядывала из-под халата.

— Простой бутерброд, а как вкусно! Кстати, московская докторская колбаса лучше ленинградской. Спасибо. Какая у нас программа? — поинтересовалась я.

— Нет никакой программы. Будем ловить момент. На сколько ты приехала?

— Думаю, дня на три, хотя, конечно, потом придётся в библиотеке подольше посидеть.

— Так всё серьёзно? Учёная! Ладно, позже всё расскажешь! Искупаться хочешь?

— После поезда? Очень хочу!

Он дал мне шампунь и полотенце, а через несколько минут просунул в дверь ванной свой халат. Я мылась под душем, не веря, что всё это происходит в реальности и через несколько минут опять увижу Серёжу, буду говорить с ним, засыпать и просыпаться рядом. Обернувшись в длинный халат, я зашла в комнату и перед зеркалом шкафа стала вытирать волосы. Серёжа, одетый в джинсы, просматривал объявления в газете. Мы впервые остались одни в помещении, которое было нашим, где никто не мешал и никуда не надо было торопиться. В зеркале Серёжа улыбался, глядя на меня. Я не задавала себе вопросы: зачем он меня позвал, почему это произошло именно сейчас, какие он испытывает чувства, если вообще их испытывает. Мне было просто хорошо, как дома. Лучше, чем дома.

— С твоим приездом я будто домой вернулся! — я вздрогнула от совпадения наших мыслей.

— А мне кажется, будто мы где-то над миром. Неважно, какой это город или даже страна. Я могла бы жить здесь всегда.

— Как мало тебе надо! Коммуналка в Текстильщиках!

— Представляешь, какой это дворец по сравнению с шалашом?! А ведь я и на шалаш согласна!

Серёжа молча закурил.

— Ладно, если тебе так больше нравится, то хочи виллу, машину, и всё это у моря! У тёплого.

Кстати, вот тоже из тёплых краев, смотри, кто у меня здесь! — Из сумки я достала маленькую ящерицу, очень похожую на живую, сделанную из мягкой резины. — Это давно моему однокласснику родители из Китая привезли, а он мне подарил. Я её во все новые места с собой вожу. Пусть теперь у тебя обитает, злых духов отгоняет. Хотя, как сказала бы моя бабушка, дом образами бережётся.

Серёжа с любопытством рассматривал подарок.

— Храни меня, дракон китайский! — он прикрепил ящерицу над дверью, зажав хвост в щель между косяком и стеной.

— Я плохо спала ночью. Сейчас вздремнула бы немного.

— Ложись, соня. А мне нужно кое-кому написать.

С дивана я глядела на спину сидящего Серёжи и думала о том, что с момента встречи мы ещё ни разу не коснулись друг друга. Но это не тревожило меня, не выводило из состояния лёгкой эйфории от того, что он просто рядом.

Когда проснулась, был уже день. Я не сразу поняла, где нахожусь, огляделась и чуть ли не запела. Серёжа в коридоре разговаривал по телефону. Я накинула халат и, вдохнув исходящий от него лёгкий запах любимого, зажмурилась от радости. Когда Серёжа зашёл, я в поисках косметички (замшевого мешочка на шнурке) доставала из сумки заброшенные впопыхах вещи.

— Ты их можешь повесить в шкаф, — сказал Серёжа. — Выспалась? Собирайся. Обедаем в Доме композиторов, а вечером идём в гости.

— К кому?

— Это важно? Ты всё равно никого не знаешь.

— Я должна привести себя в порядок.

— Значит, сейчас я присутствую при беспорядке? Хочу увидеть процесс чудесного превращения. — И он сел в кресло.

Я собрала постельное белье, разложила вокруг свои мазилки и раскраски и начала показательный сеанс. Серёжа смотрел на меня с интересом учёного, давно мечтавшего понаблюдать за поведением особи в естественных условиях и наконец получившего такую возможность. Я устроила целое представление: закатывала глаза, строила рожицы, и мы смеялись. В результате в зеркале появилась чрезвычайно привлекательная, сияющая от счастья девушка.

По дороге к Дому композиторов — он находился в самом центре, чуть ли не у Кремля — я

рассказывала о своём посещении другого Дома в Ленинграде.

– Так у тебя там светская жизнь? Всех старичков-писателей охмурила?

– Я такой цели не ставила, а стариков там, кстати, было мало. А где ты бываешь? Чем вообще занимаешься?

– Ищу возможности поступления в аспирантуру. Ну и кручусь как могу!

– Получается?

– С аспирантурой? Надеюсь, что да. Мы пришли.

По тому, как узнав улыбался гардеробщик, стало понятно, что Серёжа здесь не первый раз. Сам Дом композиторов не запомнился мне ничем. (Правда, мы дальше раздевалки и ресторана не ходили.) В интерьере не было намёка на связь этого помещения с музыкой и творчеством, всё просто, даже чуть казённо. Показав пропуск, мы прошли в полутёмный ресторан, заказали сухое вино, «Столичный» салат и котлету по-киевски. Серёжа возбуждённо рассказывал, как недавно с Алексеем бухал (это его выражение) здесь в компании музыкантов из группы Антонова. Я в рестораны ходила редко (раз шесть в Кемерове и два раза в Сочи), а уж в московском вообще была впервые, нервничала, но пыталась это скрыть. Зато Серёжа был органичен. Вальяжно откинувшись на стуле, он курил и довольно улыбался. Никаких провинциальных комплексов и грусти. Мне показалось, что ему хотелось произвести на меня впечатление всем этим антуражем, хотелось, чтобы я оценила преимущества его новой жизни. И я восхищалась и радовалась за него, но, если бы мы сидели в столовой или кафетерии, была бы счастлива не меньше.

Возвращаясь из ресторана, мы зашли на главпочтамт.

– Ты не меняешь своих маршрутов!

– Мне нужно посмотреть почту.

– Главпочтамт, до востребования? Письма со всего света? Для тебя там, наверное, мешок целый отвели, простой ячейки мало?

В ответ Серёжа засмеялся. В зале он достал паспорт и вдруг стал быстро осматривать свои карманы.

– Я, кажется, в ресторане оставил свой бумажник. Там почти все деньги.

– Господи! Пойдём скорее обратно!

– Мы, конечно, вернёмся, но, думаю, ничего не найдём.

– А я уверена, что найдём! Это же не иголка!

– У меня там ещё и квитанции, и номера телефонов!

– Тебе всё вернут!

– Лида! Твой наивный оптимизм меня никак не успокаивает!

– Хватит разговаривать! Бежим быстрее!

Я со всех ног рванула обратно, так, что Серёжа едва успевал за мной. В раздевалке улыбающийся гардеробщик встретил нас словами:

– Вернулись? Потеряли что-то?!

Моя надежда на удачу сразу переросла в уверенность.

– Я бумажник где-то оставил.

– Немудрено, с такой-то красоткой и голову можно потерять! Не только кошелек! Вот этот?

– Да!

– Ура! – закричала я подпрыгивая. – А ты не верил!

Серёжа растерянно и радостно улыбался.

– Спасибо! Даже не понял, где его обронил.

– Да здесь же и оставил. Вы только ушли, смотрю, лежит. Наверное, номерки доставал и выложил, а потом забыл. С ними, – он кивнул головой в мою сторону, – всё забудешь!

Серёжа отблагодарил гардеробщика («Вот и мне перепало от вашей находки!» – сказал тот), и мы второй раз вышли из Дома композиторов.

– Вот видишь! А ты не верил! На сегодня, наверное, музыки достаточно? – сказала я.

– Лида, стой!

Я остановилась.

– Опять что-то оставили?!

– Надеюсь, нет!

Серёжа оттолкнул меня, прижал к стене здания и стал целовать нежно и нетерпеливо одновременно.

Я даже не подозревала, как моё тело ждало этой минуты! Вначале оно замерло, не веря в происходящее, потом стало лхнуть к Серёже с желанием уже никогда от него не отрываться. Поцелуй прервался, я открыла глаза и встретилась с Серёжей взглядом.

– Домой? – спросил он.

Я кивнула. Но сначала мы купили лапши, яиц, сосисок, сыра, колбасы, творога на завтрак и несколько бутылок «Мурфатлара». Стояли в очереди, выбирали продукты под комментарии друг друга, смеялись и иногда держались за руки. «Господи, как хорошо мне! Всё хорошо, когда он рядом! Ну что ему эта Москва?!»

– Попробуй всё это в Кемерово купить! – опять угадал мои мысли Серёжа.

– Точно. Сколько тебе бедному приходилось в очередях торчать, чтоб семью прокормить!

Мы засмеялись.

– Хотя, конечно, – продолжила я, – в московских магазинах человеком себя чувствуешь. Но, с другой стороны, скучно: знакомств заводить не надо и азарт от погони за удачной покупкой теряется.

– Азарта и здесь хоть отбавляй! Шоколадку тебе купить?

– Нет. Я бы конфеты «Эстрадные» съела, но здесь их нигде не встречала, наверное, только на кемеровской фабрике делают.

– Бедная провинциалочка! По родине затосковала! Не любишь Москву?

– Почему?! Она тоже моя родина. Только далёкая. Далёкая и беспощадная! Всё отнимающая! Но красивая! Кипучая, могучая, никем непобедимая, Москва моя – ты самая любимая! – пропела я в завершении.

Продукты мы разместили в маленький холодильник «Ока» (он стоял на кухне рядом с большим старым соседским ЗИКом) и в стол, где аккуратно были расставлены пакеты с мукой, крупами, сахаром.

– Кто здесь поддерживает чистоту? – спросила я, оглядев соседские кухонные зоны.

– Все жильцы по очереди.

– А сколько их?

– Пять вместе со мной.

– Ты тоже убираешь?!

– Ничто человеческое мне не чуждо!

– Обалдеть! Герои рядом с нами!

– И это – правда!

– А кто соседи?

– Не помню всех по именам. Не вижу в этом смысла. Не думаю, что я здесь задержусь.

– Другую комнату найдёшь?

– Комнату, квартиру, страну... Как карта ляжет.

У меня защемило под лопаткой. В кухню вошёл жилистый мужчина среднего возраста в майке и трико со словами:

– Привет, соседи!

– Здравствуйте – ответила я.

– Привет, – сказал Серёжа, взял меня за руку и увёл в комнату.

– Мне недавно новый концерт Стиви Вандера записали. Послушай, – он включил магнитофон и вышел.

Заокеанский слепой музыкант стал рассказывать мне о любви, радости и страдании. Во мне музыка, когда она к сердцу, неважно, груст-

ная или весёлая, вызывает сокрушительные приливы веры, надежды и любви. Серёжа вошёл как раз в такой момент и сразу почувствовал моё настроение.

– Мне тоже нравится. Но дослушаем потом. Я вызвал такси, сейчас поедem к Любе. А там определимся, куда дальше.

– Люба – это кто?

– Увидишь.

– Что я должна делать?

– Просто быть со мной.

– Просто?! Да уж, просто!

– А разве нет?! У тебя, во всяком случае, получается.

Через час мы очутились в однокомнатной сталинской квартире, заставленной диванами (по одному в прихожей и на кухне, и два в гостиной) и завешанной тяжёлыми тёмно-синими бархатными шторами и зеркалами разных размеров. Люба, маленькая, худенькая, но с формами женщина, лет тридцати, в узкой короткой юбке и комбинации, открыла нам дверь, бросила: «Проходите» – и села у трельяжа дорисовывать подводку на веке. Её довольно длинные желтоватые волосы торчали мелкими спиральками во все стороны и частично закрывали ей обзор.

– Серж, налей всем выпить. Тебя как зовут?

– Лида.

– Как ты думаешь, какую блузку мне надеть, Лида?

Она закончила краситься, заколола волосы на одну сторону, подошла и открыла шкаф. Пахнуло дорогими духами. На плечиках, тесня друг друга, висели платья, кофты, юбки, с перекладинами на дверце струились шарфы и пряжками поблёскивали ремни. Я ни в одном магазине не видала таких вещей. Люба вытащила четыре блузки на выбор. Все зауженные в талии, но ткань, цвет и фасон разные.

– Какую? – повторила она вопрос.

– Без разницы! Все шикарные! Любая подойдёт! А вот эта, с мелкими пуговичками, только что не разговаривает, мне кажется, она нам подмигивает.

– Ого! Серж, поздравляю тебя! – крикнула Люба в сторону кухни. Потом пробормотала: – Её и наденем. Иди ко мне, милая! – она погладила блузку, надела и начала застегивать.

Серёжа из кухни принёс стаканы с шампанским.

– Лида, ты по-японски умеешь разговаривать?

– Нет.

– Ну, тогда я спокойна. Хотя было бы интересно послушать. Почему в стаканах? – обратилась она к Серёже.

– Ничего другого не нашёл.

– Надо чаще приходить! – Люба взяла старинный пульверизатор из бордового хрусталя и обильно обрызгалась приятными сладкими духами. – Не выношу этот запах, – сказала она, – а народу нравится.

Послышался звук открывающегося замка, и в квартиру вошёл невысокий мужчина монголоидного типа в короткой дублёнке.

– Ицуи, ты как будто следишь за мной! Только я закончила одеваться, ты тут как тут! У нас гости. Куда пойдём? – голос Любы изменился, в нём слышалось что-то ребячье.

Люба слегка ссутулила плечи, враз сделалась угловатой, щупленькой и какой-то агрессивно-взъерошенной, как подросток. Теперь ей можно было дать лет шестнадцать.

Серёжа что-то сказал на английском, Ицуи улыбнулся и посмотрел в мою сторону.

– Я – Ицуи. Я плохо говорю по-русски. Но учусь, – сказал он с сильным акцентом, от которого речь делалась чуть смешной.

– Она – Лида, – ответила за меня Люба и потерлась носом о нос Ицуи.

– Куда ты нас покатишь, папочка?

Он никак не отреагировал, разве только в глазах появились чёртики. Потом ответил:

– Я ожидаю в машине.

Когда Ицуи вышел, мы стали быстро одеваться, и Люба мне сказала прежним голосом:

– Он – японец. Здесь по контракту. На эту тему вопросов больше не задавать.

Во дворе мы сели в машину, кажется, «жигули», Серёжа и я – сзади. Впервые я видела его в ситуации, когда он не только не командовал парадом, но и вообще не принимал никаких решений. Мы катили по вечернему, горящему огнями Калининскому проспекту. Серёжа был улыбочиво-напряжён и всё внимание устремлял в сторону Любы и японца. «Что они ему? Зачем? Кто эта Люба? – думала я. – Куда ты так рвёшься, Серёженька?» Я осторожно погладила его руку, он слегка сжал мне пальцы, продолжая смотреть в ветровое стекло.

До позднего вечера наша компания сидела в многолюдном новомодном баре, в центре которого был зажжён камин. Из-за шума и громкой музыки приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Я в основном молча улыбалась и пи-

ла глинтвейн, глядя по сторонам, на пламя и его отблески.

Серёжа обрушил на Ицуи лавину своего обаяния, но японец замечал исключительно Любу. Ещё бы! Её губы постоянно что-то говорили ему в ухо, руки периодически касались то его колен, то плеч, то поглаживали торс. При этом Люба морщила нос, смеялась, капризничала, изображая, по всей видимости, раскованного подростка. Её игра временами переходила в вульгарность, и это сильно заводило Ицуи. Люба это чувствовала и держала его в приятном напряжении, улавливая настроение и как бы подчиняясь ему.

Мне вспомнились наши с мамой споры о женских уме и искренности. Наверное, Любин спектакль был примером проявления этого ума. «Интересно, маме бы понравилось? – подумала я, – может, так и надо? И Ицуи доволен, и Люба. Но почему неловко смотреть на всё это?»

После бара мы ещё долго катались по Москве. От выпитого у всех появилась какая-то лёгкость и бесспорное приятие друг друга. Ицуи повеселел и лихо крутил руль. Он угостил нас вяленой сладковатой рыбой из маленьких пакетиков, привезённых с родины. Ничего подобного я раньше не ела. Необычность вкуса вызвала фантазии о далёкой и недоступной жизни в капиталистической Стране восходящего солнца. Вдруг японец запел «Катюшу». Он иногда коверкал слова, но не фальшивил. Люба громко подхватила куплет, не попадая в ноты. Я решила не мешать их дуэту и молчала.

– Лида, ты умеешь песни? – неожиданно обратился Ицуи.

– У нас, когда выпьют, все умеют.

– Как Люба?

– И как Люба, тоже.

– Я люблю песню про гаи. Знаешь?

– Про гаи не знаю.

Он пропел:

– Гаи, гаи, моя звезда, – и засмеялся вместе с нами. – А потом как? Спой!

Я посмотрела на Серёжу. Он улыбкой дал добро.

– Давайте вместе, – предложила я и тихо запела.

Люба охотно присоединилась, но Ицуи через несколько секунд прикрыл ей рот рукой.

Глубокой ночью нас с Серёжей высадили недалеко от дома. Хотя недавно выпал снег, на улице пахло весной. Мы шли в обнимку, иногда я

оглядывалась, чтобы посмотреть, как посередине поблескивающего белого тротуара объединяются в тропинку мои и Серёжины следы.

– Чем занимается Люба? – спросила я.

– Тебя волнует запись в её трудовой книжке?

– Нет. Я раньше с такими женщинами не встречалась.

– Ну вот, теперь встретишься. Успела. Люба уедет скоро.

– В Токио?

– Нет конечно. Сначала в Вену, а потом, наверное, в Штаты.

– А Ицуй?!

– Лида, ну что за наивность! При чём здесь Ицуй?! У него своя жизнь.

Меня, конечно, не волновала судьба японца. И Любина профессия (одна из древних, как я теперь поняла) не особенно интересовала, мне хотелось узнать только об эпизодах, связанных с Серёжей. Я продолжила:

– Ты давно её знаешь?

– Летом познакомились.

– Она умная.

– Ты ей тоже понравилась.

– Это она тебе сказала?

– И сказала, и сам понял.

– А как она сказала?

Мы уже стояли у квартиры, Серёжа открывал ключом дверь и промолчал. В комнате я спросила опять:

– Как она сказала? Что?

– Что ты живая, умная и...

– И?

– И любишь меня... Лида, иди ко мне.

Он стал целовать меня нежно, чувственно, неторопливо. У меня по-прежнему захватывало дух от каждого прикосновения. Я ласкала его лицо, руки, плечи, положив голову на грудь, слушала, как часто бьётся сердце. Всё в Серёже казалось совершенным. Хотелось прильнуть к его телу, впечататься и раствориться в нём. Меня слегка потряхивало, но не от эротического возбуждения. Осознание зыбкости наших отношений, возможности их внезапного разрыва не давало мне расслабиться, но в то же время обостряло ощущения так, что подступали слёзы.

Поздним утром в Серёжином халате я накрывала на стол, мы делали бутерброды, пили чай с жасмином, уминали рассыпчатый творог со сметаной и сахаром, потом вместе мыли посуду. Это были минуты чистого счастья.

– У меня днём встреча, которую отменить не могу. А вечером пойдём в кино. Вот тебе ключ.

– Я прогуляюсь по Арбату.

– Встречаемся дома часов в пять.

«Дома». Я ходила по московским улицам и вспоминала, как просто и естественно произнёс Серёжа это слово. Как будто речь шла и о моём доме тоже. О нашем доме. Вдруг поймала себя на мысли, что сейчас, когда мы вместе с Серёжей в Москве, она стала как бы меньше и уютней, а когда он был в Кемерове, то город в его присутствии, казалось, вырастал и увеличивался.

По дороге кое-где из дверей магазинов виднелись хвосты очередей, вероятно, к празднику «выбросили» какой-то дефицит. Я не присоединялась – не было ни желания покупать, ни денег.

– Лида! Не может быть! Вот уж, правда, мир тесен! В Кемерове не видимся, а здесь – пожалуйста! – навстречу мне по Калининскому проспекту шла Лена, красивая, как всегда.

Я обрадовалась:

– С ума сойти, какая встреча! Ты, наверное, к Алексею приехала?

– Ну да. Надо же! Я на Арбате всегда кого-нибудь из кемеровчан встречаю. Постой, ты же вроде в Ленинграде должна быть, мне папа твой ещё в январе по телефону сказал.

– А я действительно в Ленинграде. В Москву приехала на несколько дней. К подруге, – соврала я.

Мне не хотелось обсуждать мои нынешние отношения с Серёжей.

– По мороженому? – предложила Лена. – Правда, времени у меня совсем мало.

Мы зашли в ближайшее кафе. Лена с интересом выслушала мои ленинградские впечатления. На вопросы об Алексее и их планах отвечала уклончиво и неохотно. Потом неожиданно сказала:

– Ты ведь, конечно, знаешь, что Кортников фиктивный брак сделал? Теперь москвич!

– Ну и Бог с ним. Давай не будем об этом!

– Да, конечно, прости! Представляю, как ты с ним намучилась! Знаешь, он хоть и друг Лёшин, но такой... Я всегда удивлялась, что их объединяет! Лёшка прям другим человеком делается, когда они вместе.

– Лена! Господи! Что ты говоришь?! Всё совсем наоборот!

– Что наоборот?

– Всё! Не хочу дальше продолжать! Давай оставим эту тему!

– Давай! Тем более мне уже идти пора. Скажу только, что Кортников теперь к иностранкам прибавляется.

– К иностранкам?!

– Ну да! Шанталь – француженка. И ещё шведка.

– Как это?! Тебе Алексей сказал?

– Не сказал, я из разговоров поняла. Переписывается с ними. По-видимому, хочет уехать за границу. Всё. Пока. Побежала. В Кемерово созвонимся!

«Голубь мой, Серёженька! Куда же ты всё время рвёшься? Что ты хочешь найти?» Новую информацию мне трудно было соотнести с тем, что происходило вчера и сегодня между ним и мной. «Возможно, Лена ошиблась, что-то не так поняла? Ведь думает же она, что Серёжа тлетворно влияет на такого доброго и порядочного (ха-ха) паренька Лёшеньку», – размышляя таким образом, я возвращалась в Текстильщики. «Франция, Швеция! Существуют ли они вообще?» Я знала, что никогда не смогу увидеть их своими глазами, а значит, для меня они были лишены реальности, как любой вымысел, пусть и заснятый на фото- и киноплёнке. «Так стоит ли расстраиваться из-за того, чего нет в действительности?»

– Ты сможешь приготовить ужин? – спросил Серёжа, как только я разделась.

– Попробую. Вообще-то у нас в основном готовит мама, а по праздникам – папа.

– Я помню. Цыплята табака.

– Не только! Но сегодня обойдёмся лапшой с сосисками и салатом из капусты.

Как я умудрилась такую простую еду готовить час?! К этому времени мы так проголодались, что вкусным показалось всё. Мы выпивали вино, произносили шуточные тосты с пожеланиями, чтобы исполнялось задуманное.

– Представляю, какая красивая у нас могла бы быть дочь! – улыбаясь, сказал Серёжа.

От этих слов у меня перехватило дыхание и появилась надежда, что это начало разговора о совместной жизни.

– Если бы походила на тебя! А я хотела бы мальчика.

– Сын, как я, а дочь, как ты. Ты предохраняешься?

– Нет.

– Почему?

– Зачем мне от тебя предохраняться? Я принимаю тебя со всеми твоими возможностями. Рада им. И потом встречи наши такие редкие, непредсказуемые.

Серёжа закрыл тему так же неожиданно, как и начал.

– Если сейчас быстро соберёмся, то успеем на восьмичасовой сеанс.

Ночью я долго лежала с открытыми глазами. Серёжа, как это делают дети во сне, сложил на меня руку и ноги. Я осторожно гладила его волосы и боялась заснуть. «Пусть не наступит завтрашний день. Пусть я буду держать Серёжу в объятиях до тех пор, пока не устану, пока это не надоест мне, пока не захочу наконец оторваться от него по собственному желанию».

Просыпаться с Серёжей! Умываться с Серёжей! Завтракать с Серёжей! Слушать его, насмешничать, поддразнивать! Смотреть, как он одевается, провожать до двери, целовать на прощание!!!

– Я часа на три. Ты пойдёшь куда-нибудь?

– Нет. Сделаю генеральную уборку в комнате и вообще.

– Вообще не надо, а если в комнате, то... Там разве грязно? Хотя, конечно, тебе как девушке видней... Сильно не усердствуй.

Я люблю делать уборку. Люблю, когда грязь сдаётся, уступает место свежести. Мне кажется даже, что зимой в чистой квартире теплее, а летом прохладней.

Когда я протирала пол в кухне, вышел уже знакомый сосед в трико.

– Так сегодня не Серёгина очередь! И мне готовить надо. К Женскому дню вашему!

– Я уже заканчиваю.

– Ну, давай, – он наблюдал за мной из коридора.

– А ты Серёге не сестра случайно?

– Случайно не сестра. Просто в гости приехала. Мы из одного города. Сегодня уже уеду.

– Я подумал, родственница. Так ты зачем тогда пол моешь перед отъездом? Вроде как вымываешь себя отсюда. Примета такая есть.

– Мою, чтобы чисто было. А в приметы не верю.

В комнате, отмывая вековую грязь в углах подоконника, я поймала себя на том, что тихонько напеваю: «Миленький ты мой, возьми меня с собой! Там в краю далёком буду тебе сестрой!» И ещё раз подумала о том, что я действительно хотела бы остаться с Серёжей в любом качестве: сестры, друга, товарища, няньки, о жене я уже и не говорю.

Протёртая мебель в благодарность приобновлялась, в комнате становилось уютнее. На письменном столе был порядок, но пыльно, особенно на полочках под столешницей. Нечаянно

тряпкой я задела стопку аккуратно сложенных листов, и они разлетелись по полу. Поднимая, разглядела на одном из них ручкой нарисованные губы, окружённые множеством маленьких стрелочек. Большими печатными буквами было написано: «Целую тебя под каждой стрелкой». Трудно было определить, писал ли это Серёжа или писали ему. Среди бумаг оказалось много конвертов с иностранными адресами. Было несколько писем из Парижа от Шанталь. И два конверта, отправленных мной.

Я восстанавливала стопку, и с каждым листком в комнате появлялись воображаемые мною отправительницы писем — одна краше другой. Они светились от сознания своего превосходства, насмехались над моей наивностью, да что там! Глупостью! Подмигивали друг другу и, объединившись, наступали на меня, высоко задирая ноги под музыку канкана.

К приходу Серёжи отмытая комната, казалось, прибавила в цвете и немного расширилась. Я встретила его уже одетая, накрашенная, с собранными вещами.

— Очень чисто! Такое ощущение, что здесь сделали ремонт! Почему ты с сумкой? Ты же к ночи собиралась ехать?

— Я боюсь, что на праздники билетов может не оказаться. Поеду пораньше.

— А поесть? Ты голодная?

— Нет. Ела вчерашнюю лапшу и тебе оставила.

— Лида, что-то случилось? Что случилось?!

Он стоял передо мной ещё в дублёнке.

— Ничего. Серёжа, я, когда стирала пыль, нечаянно рассыпала пачку твоих писем. Я положила их на место. Прости.

— Ты читала мои письма? Как ты могла?! Лида! Читать чужие письма! От тебя я этого точно не ожидал!!!

— Я их не читала! Только конверты с адресами и записку с рисунком! Я не специально. Не смогла удержаться.

Серёжа немного покраснел.

— И ты, конечно, сделала вывод?! Какой, интересно?!

— Когда речь идёт о тебе, я не способна на выводы. Но здесь даже для меня всё очевидно.

— Что очевидно? Что тебе может быть очевидно?!

— Серёжа, посмотри на меня! Мы что? Ссоримся?! Но в этом нет смысла! Я же и так уезжаю. И неизвестно, когда теперь мы ещё раз встретимся. Ведь правда?!

Он молчал.

— Я, как обычно, буду рада видеть тебя всегда, — из последних сил я довольно натурально улыбнулась. — Теперь, когда знаю, что писем ты не выбрасываешь, я буду писать тебе чаще, плакать от долгой разлуки, и по количеству пролитых на бумагу слёз письма мои в твоей стопке займут первое место.

Серёжа не пошёл меня провожать. Сказал только:

— Если на сегодня не будет билетов, возвращайся. — И поцеловал в щёку.

Я шагнула в Москву, опять расширившуюся до невероятных размеров, и уже в метро захотела вернуться и остаться хотя бы до ночи, хотела, чтобы не оказалось билетов, но мне опять повезло — достался последний на проходящий поезд до Мурманска.

Через три недели нас с Наташей вызвали в Кемерово (серьёзно заболел преподаватель, и нужно было его подменять). В Москве мы были часов пять. Я позвонила Серёже, но трубку никто не взял.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В восемнадцать лет я впервые увидела море. На диком Хостинском пляже, с видом на санаторий в горах, зашла в волны, лизнула воду, убедилась, что она действительно солёная, и поплыла вдаль легко и бесстрашно, как будто там меня только и ждали.

Я люблю море в любую погоду. Его вид, запахи, волны и бездны вселяют в меня силу, способную противостоять долгие месяцы сибирской зиме со всеми её последствиями. Даже сон, в котором я вижу море, приподнимает мне настроение на несколько дней. Поездка на юг занимала первое место среди всех моих радостей, пока я не встретила Серёжу. А теперь, когда уже полгода от него не было никаких вестей, неожиданное папино предложение отдохнуть в Сочи вместе с Сашей (папе как раз заплатили давно обещанные деньги на одной из подработок, плюс часть моих отпускных) приглушило тоску и побудило к активным сборам.

Брат не верил своему счастью.

— Лидка! Две недели полной свободы! Ты только там не командуй!

— Не знаю, не знаю, Саша! Как же без командиров? Отвыкнешь на отдыхе, потом в казарме трудно будет. Нельзя к хорошему привыкать. Так что ничего обещать не могу.

Вещи мы собирали уже в предчувствии праздника.

– Лида, не хочется быть банальным, – приподнимая чемодан, сказал Саша, – но, надеюсь, ты не взяла с собой мои гантели, дабы я занимался по утрам?

– Что, тяжёлый?

– Да нелёгкий.

– Сашенька, это конечно не гантели. Это – книги.

– Сестра! Ты что, там читать собираешься? Я такую тяжесть не потащу!

– Я думала, что после утренних маршбросков с полным снаряжением это для тебя не груз! Ну, так уж и быть! – И я вытащила из чемодана словарь Ожегова и Большую советскую энциклопедию.

Мы захохотали.

– Нет! Читать я собираюсь меньше всего! Будем плавать, плавать и купаться! Иногда загорать, ходить в кино, на танцы! Пить «Фетяску»! Сашка, я покажу тебе шашлычную «Гранат»! Найдём тебе девочку-припевочку!

– Это я сделаю без тебя!

– Посмотрим!

– А я найду мальчика для тебя.

– Давай! Ты ведь знаешь, на кого ориентироваться! Только, боюсь, ничего не выйдет! Природа не повторяет своих ошибок!

И мы засмеялись опять.

Через неделю нашего пребывания в Хосте (район в Сочи) пошёл дождь. Мы обрадовались. Наконец остались одни в своей каморке в цокольном этаже хозяйского дома (другое жильё в разгар сезона снять не удалось) и отсыпались после бесконечных заплывов, тенниса, танцев и пирушек в баре гостиницы «Хоста». Саша ни с кем из окружающих девушек знакомиться не захотел, был неотлучно при мне и держал оборону от кавалеров, которые за мной ходили косяками. Моя весёлая доброжелательность, сочетающаяся с иронией и скрытым отчаянием, вероятно, как-то призывно действовала на представителей мужского пола.

Особенно настойчивым был Олег – ординатор из Саратова. В отличие от других он задавал много вопросов о моём отношении к жизни вообще, интересовался любимыми авторами и при удобном случае просил спеть про степь. (Это после того, как я на стихийно собравшемся на ночном пляже пикнике так её прогорланила, что, наконец, турецкие пограничники всплакнули.)

Олег готовился стать детским хирургом, уже иногда делал сам несложные операции и гордился тем, что был учеником какого-то знаменитого профессора. Мама и папа Олега тоже врачевали. Мама заведовала лор-отделением, а папа клиникой. Династия. Его искренняя заинтересованность профессией привлекала меня. (Он и внешне был приятным: среднего роста, статный, сильный, при этом чуть неуклюжий. Густые непокорные тёмно-русые волосы, внимательный взгляд сквозь очки, открытая улыбка полноватых губ делали его обаятельным и вызывали доверие.) Познакомились мы с ним в баре вскоре после приезда. На следующий день Олег с двоюродным братом, с которым вместе отдыхал (тоже врачом), перебрались на наш пляж, потом присоединились к нам за обедом в шашлычной и вечером встретили на танцах. Саша нервничал:

– Сестра, ладно те, эпизодические, мелькают, а этот в постоянные метит! Отшить его?

– А кто мне мальчика найти хотел?! Оставишь сестру старой девой. Шучу. Пригласи меня на танец, и тихо уйдём!

В следующий раз Олег на пляж пришёл уже без брата и постепенно стал третьим в нашей компании. В этот дождливый день он неожиданно появился у двери в каморку.

– Как ты нас нашёл?! – удивлялся Саша, впуская промокшего незваного гостя.

– Вычислил. Проследил. Вы спите?

– Отсыпаемся, – сказала я, надевая в кровати сарафан.

– Пытаемся отоспаться, – невежливо уточнил Саша.

Но Олег не обиделся.

– Я принёс вино и окуней горячего копчения. Любите?

– Любим, – ответила я, – но есть не будем. Здесь. Иначе всё пропахнет рыбой, у нас даже раковины нет, чтобы посуду отмыть потом, тарелка одна и всего два стакана. Удобства, в том числе и вода, – на улице.

– Я заметил. А пойдёмте к нам! У нас просторно и посуда есть, и вода!

– Сестра, ты, если хочешь, иди, а я всё-таки посплю. Мечтал весь год.

– Лида, соглашайся! Я один всё не съем!

Окуни манили запахом копчения. А скрытая причина предложения Олега была мне очевидна. Может, он – тот далёкий король, которого мне нагадала тётушка Поля? Я представила, что бы

она сказала в этой ситуации, и едва сдержалась от смеха, потому что отчётливо услышала её слова: «Король фартовый! Предлагает убить двух зайцев: и рыбку съесть, и...»

– Если пойду, – ответила я Олегу, – то только рыбку съесть.

– А вино?! Белое?! Сухое?! – искренне удивился он.

Стало ясно, что тётушки, подобной Полине, у Олега не было, а намерения насчёт меня, даже если и имели место, формулировались им совсем по-другому.

Дождь кончился. На улице было влажно, сыро, но тепло. В ближайшем кафе самообслуживания мы купили салат, хлеб, сок, чтобы заполучить стаканы, и съели наконец окуней, запивая их тайно разливаемым вином. Разговаривали, прыгая с одной темы на другую. Лёгкость курортных отношений располагает к откровенности и фантазии. Я пыталась определить, в каких пропорциях они содержатся в рассказах Олега. Он показался мне одновременно простодушным и здравомыслящим, уверенным и застенчивым, и ещё необыкновенно юным, хотя мы были ровесниками. Я нравилась ему. Очень. Чуть позже мы пошли к морю и целовались на безлюдном пляже. К моему приятному удивлению, делал он это мастерски и никаких попыток пойти дальше не предпринимал. Я сама спровоцировала продолжение. «Без слёз, без жизни, без любви». И без стыда. Расчётливо сжигала мосты.

К концу отдыха Саша смирился с присутствием Олега. Особое уважение вызывала его профессия.

– Но что-то он для хирурга пьёт много, – сказал Саша, когда мы перед сном делились впечатлениями дня.

– Не больше других.

– Мне кажется, больше. Хотя это же – отпуск! – брат помолчал. – Хотела бы жить в Саратове?

– Не знаю, не была там. Главное – не где жить, а с кем!

– С Олегом, например?

– Саша, брось! Курортные романы свадьбами не кончаются. Так, интрижка!

– У тебя, может, интрижка, а Олега зацепило.

– Это он тебе сказал?

– Не напрямую. Всё о тебе выяснял. Узнавал, не сильно ли у нас холодно на Новый год.

– Что? Приехать собирается?

– Может быть.

– Ну, это он пока воспоминания свежие. Дома всё придёт.

Из Хосты Олег уезжал с железнодорожного вокзала. Мы с Сашей пришли провожать. Поезд задерживался на четыре часа.

– Интересно, наш на сколько опоздает? – спросил Саша (мы отбывали на следующий день).

– Это хорошо, что задержка, – радовался Олег. – Можно ещё раз с морем попрощаться.

– Без меня, – сказал Саша. – Идите, гуляйте, я за чемоданом посмотрю. Как удачно, что кроссворд взял. Только вы недолго!

Держась за руки, мы шли по вечерней Хосте. Расставаться не хотелось. За неделю я не успела привыкнуть к его искреннему вниманию, нежности, заботе, но этого времени хватило, чтобы понять, что продолжение прежней моей жизни невозможно. Дальнейших наших встреч я, конечно, не ждала и была уверена, что и Олег ни о чём подобном не думает.

– Соскучился по дому?

– Нет.

– А по работе?

– В больницу, пожалуй, уже можно. Мыться только надоедает. Но говорят, скоро привыкну.

– Мыться?!

– Перед операцией. Мы начиная от плеч щётками все микробы смываем. Потом ещё обрабатываем для стерильности.

– У меня твоя работа трепет вызывает...

– Я... Лида... – мы стояли в тени плакущих привокзальных ив.

Олег пальцем осторожно провёл по моим губам и подбородку. Так я сама часто дотрагивалась до Серёжиного лица.

– Лида. Я приеду к тебе. Ты хочешь?

Не дожидаясь ответа, он стал целовать сначала нежно, проникновенно, как бы запоминая каждый момент, а потом отчаянно и страстно. Сердце моё сжалось от чувства благодарности и вины.

Стоя у вагона, мы обещали звонить друг другу.

– Лида, а писать я не люблю.

– Конечно. Будем узнавать все новости по телефону.

Междугородняя связь была дорогой, но Олег звонил. И писал. Присылал короткие весточки – отчёты о работе, которая только одна и помогала, по его словам, выживать вдали от меня. Несколько раз к письмам прилагались фотографии до операции, во время и после, на которых узнать Олега можно было только по очкам, торчащим между маской и шапочкой. Я отвечала на

его письма, делясь впечатлениями дня, описывая общение с подругами, о которых рассказывала ещё в Хосте.

Вера летом с ответным визитом съездила к Игорю, своему жениху, в Севастополь. (Пока я была в Ленинграде, Игорь приезжал в Кемерово. Всех покорила весёлым нравом, игрой на гитаре и серьёзностью намерений.) Она познакомилась с родителями, понравилась им и через год планировала выйти замуж. Мою переписку с Олегом Вера одобряла и удивлялась, как, на её взгляд, похожи повороты наших судеб.

– Вот увидишь, время пройдёт быстро. От письма к письму, от звонка к звонку, так и Новый год настанет. Уж я-то знаю, – говорила она мне.

– Вера, у меня ситуация совсем другая! Никто ко мне на Новый год приезжать не собирается и о любви не говорит!

– Это дело времени. Он тебе уже почти два месяца письма пишет! Думаю, что скоро и сам приедет.

– Если честно, то Олег говорит, что вышлет деньги мне на билет, а сам прилететь не может из-за графика операций. Его какой-то местный профессор взял под крыло.

– Ну, вот видишь? Обязательно поезжай!

– Зачем? Я ведь не люблю его!

– Ты бы хотела его сейчас увидеть?

– Ну да.

– Он приятен тебе?

– Да. Он нормальный. И что?

– А то, что одного этого достаточно, чтобы подумать о продолжении отношений!

Подобного же мнения придерживалась и Марина.

– Хочу тебя обрадовать – мазохизм излечим! Онегина твоего давно забыть надо! Жизнь даёт нормальный шанс! Парень без гусей и закидывающих! Конкретная профессия в руках! Деньги выслать собирается! Тебе твой Кортников хоть раз оплатил что-нибудь?

– Вот ты сейчас только фамилию его произнесла, и сердце моё запрыгало.

– Лида! Как в тебе это сочетается?! Ведь ты же – умная, но при этом – полная идиотка! Ты Олегу хотя бы не отказывай! Просто поезжай в Саратов, город посмотри, развейся!

– Не хочу никого обманывать!

– А ты никого и не обманываешь! Он ведь не спрашивал тебя о любви? Да и сам в ней не признавался!

– И то верно.

Папе и маме об Олеге проговорился Саша. Потом они наблюдали мои междугородние переговоры, с интересом рассмотрели фотографии, которые я показала. После очередной телефонной просьбы Олега приехать папа сказал:

– Нечаянно услышал, что тебя в Саратов в гости зовут. Не дело это, чтобы девушка ехала. Пусть сам приезжает.

– Не может он пока. Из-за работы. Да я и не собираюсь никуда ехать.

– Работа для мужика – причина уважительная. А если ты вдруг соберёшься, могу позвонить Петру Семёновичу, остановишься у них.

Я поняла, что и родители не против продолжения моих отношений с Олегом.

К концу октября тонким покровом лёг снег и больше не таял. Приближался ноябрь. Праздничные демонстрации, которыми он начинался, были проверкой тружеников, школьников и студентов на способность выдерживать многочасовое стояние на морозе. Обычно, ожидая выхода к трибуне, народ толпился на улицах, примыкающих к площади, и в борьбе с холодом топал, хлопал, припрыгивал, плясал под частушки и песни времён революции, мигрировал к колоннам соседних предприятий, институтов и в приятельских компаниях, согревался изнутри (водочкой в основном) и снаружи в подъездах близстоящих домов. Ожидания демонстрации помнились дольше, чем короткие шествия перед представителями местной власти: успевали крикнуть «Ура!» на несколько призывов с трибуны и расходились по домам. Праздничные дни проходили быстро, а ноябрь тянулся, предательски отрываясь от осени и прибываясь к зиме (и так бесконечной в Сибири).

– А у нас в ноябре ещё тепло. Во всяком случае, снега нет. Приезжай! Мама выпытывает, какая ты. Просит фотографию, а у меня нет.

– Я тебе вышлю.

– Лучше приезжай сама!

Я решила прилететь на ноябрьские праздники. Безусловно, за свой счёт. Собиралась остановиться в семье папиного приятеля. Узнала расписание самолётов, рейс был из Новосибирска, но билеты пока не брала, ждала полочки.

В этом учебном году количество часов моей преподавательской нагрузки увеличилось, я стала куратором группы первого курса, из института приходила поздно, но всё равно опять с удовольствием согласилась помогать Митеньке в подготовке очередного представления КВН. Состав

команд обновился, Миша и Марик, с головой ушедшие во врачевание, теперь уже выступали в роли почётных консультантов и на репетиции приходили редко. Миша сделал Юле предложение, и это изменило характер наших, теперь уже редких, встреч: мы оба стали сдержаннее в проявлении своих эмоций по отношению друг к другу.

Роман Марика и Марины всё ещё длился к всеобщему удивлению (больше всех удивлялись они сами). Теперь Марик тенью за Мишей не ходил, но и с Мариной времени проводил не так уж много. По-прежнему работал на скорой, в больнице получал специализацию реаниматолога, а в свободное время часто – и это раздражало Марину – писал рассказы, которые она мне тайком давала читать, сопровождая рукопись комментариями, примерно такими:

– Вот ещё вышедшее из под пера гения в часы, оторванные от наших свиданий! Оцени! Стоило оно того?!

От чтения очередного рассказа Марика меня отвлёк телефонный звонок. В этот день я пришла домой раньше обычного. Ещё утром, когда проснулась и посмотрела в окно, а потом в троллейбусе по дороге на работу я вдруг ощутила радость, обычно сопутствующую появлению Серёжи или вестей от него. Я не могла объяснить, откуда взялось это предчувствие, но весь день подсознательно стремилась поскорее оказаться в своей квартире у телефона.

– Алё. Я слушаю.

– Лида, голос твой не изменился! Как удачно, что я застал тебя дома!

– Серёжа! Господи! – Сердце запрыгало, как щенок, к которому после долгой разлуки вернулся хозяин. – Ты где?

– Здесь. Я приехал на два дня. Экспромтом! Сегодня вечером хочу собрать близких друзей. Придешь?

– Приду конечно! Разве может не прийти близкий друг?! Во сколько?

– К семи часам. В ресторан «Кузбасс».

– В «Кузбасс»?!

– Да, мы там остановились в гостинице, родители не знают, что я в городе, не стал их волновать по пустякам. Встречаемся у входа со стороны гостиницы.

Вот она – знакомая лихорадка! Всего полтора часа на сборы! Быстрее в душ! Что надеть? Как назло, юбка нарядная в стирке! Из одежды ничего нового! Хотя стоп!!! Для него же всё новое – мы не виделись восемь месяцев. В голове

ни мыслей, ни вопросов: почему не звонил? Зачем позвал? Означает ли это что-нибудь? Только одно желание – к нему! К нему! Скорее! Немедленно! Сейчас!

Ресторан находился в Центре, в старой части города на улице Весенней, и примыкал к гостинице. При желании в нём можно было разместить человек двести. Высоченные потолки делали зал гулким и неудобным. Меню здесь не менялось годами, и готовили подчас хуже, чем в столовой, но увеселительных заведений в городе было мало и народ приходил всё равно. Когда я зашла в гостиницу, Серёжа уже ждал меня у входа. Моднo-элегантный, по-прежнему красивый, улыбчивый и возбуждённый, но напряжённый, со следами усталости на лице.

– Привет, привет, Лида! Вот мы и увиделись! Ты рада? – он по-дружески приобнял меня и слегка прижался губами к щеке.

– Ещё бы! Почему ты не предупредил заранее? В городе бы вывесили флаги и выставили почётный караул! Это скромность?!

Серёжа засмеялся, взгляд стал тёплым, как во времена наших первых встреч. Было очевидно, что он рад меня видеть, но пытается сдерживать проявление этой радости.

– А где остальные твои друзья?

– Скоро появится Александр, я ему позвонил утром, и он едет из Кузни. Кстати, Саша ведь тоже преподаёт в вузе.

– Мы с ним почти два года не виделись.

– А мы встречались. Он ко мне приезжал в Москву.

– А кого ты позвал ещё?

– Больше никого.

– Так мы будем втроём?

– Нет. Лида, я приехал не один. Со мной известная поэтесса, думаю, что вам будет интересно поговорить друг с другом.

– А как фамилия?

Серёжа сказал, но никаких ассоциаций она у меня не вызвала.

– Я не слышала. А имя?

– Любовь.

– Опять Люба?!

– Почему «опять»?

– Ну, в последний раз мы тоже к Любе ходили, – было очевидно, что Серёжа не мог понять, о ком я говорю, но потом вспомнил:

– Ах, Люба! Как давно это было! Та сейчас в Италии живёт.

– А эта в Москве пока?

– Лида, она известный в столице человек, простая и умная. Никогда не была в Сибири, вчера спонтанно пришла идея поехать, сели в самолёт и...

У входа показался Александр, и наш разговор прервался. Ребята обнимались, хлопали друг друга по плечам, улыбались, Серёжа сиял. Они подошли ко мне. Александр, чуть похудевший, с восхищением оглядывал меня:

– Лида! Никогда этого не говорил при Серёге, но сегодня не могу сдержаться. Ты выглядишь просто класс!

– Действительно, – вежливо подтвердил Серёжа. – Я заказал столик, пойдёмте. Люба позднее присоединится.

Нас уже ждал традиционный «Столичный» салат и водка.

– Печально, но сухого вина в ресторане вашего города не оказалось, поэтому – водка!

– «Вашего»? А твоего? – спросил Александр.

– Нет уж! Теперь он точно не мой!

– Ясно, – Александр поднял рюмку. – Ну, здравствуй, столичный гость Серёга, с приездом тебя!

– В наш город, – добавила я.

Мы выпили, и под закуску пошёл разговор. Мальчики вспоминали общих знакомых, уточняли, кто где. Александр описывал трудовые будни и сокрушался, что на их факультете студентки в меньшинстве. Я хвалила нынешние институтские команды КВН и пересказывала удачные отрывки из сценария.

– А ты сейчас чем занимаешься? – спросил Серёжу Александр.

– Работаю.

– По специальности?

Мне было заметно, что Серёже не хочется отвечать на эти вопросы.

– Точно. В школе! Учителем! «Здравствуйте, дети, я вам сейчас про физику расскажу! Для этого и в Москву приехал!» Давай не будем обсуждать эту тему! У меня всё в порядке, и со специальностью тоже.

Когда мы выпили уже половину бутылки (Серёжа лидировал), появилась Люба.

Выглядела лет на тридцать пять. Если бы я увидела её без Серёжиного предисловия, то оценила бы хорошо сидящий джинсовый костюм, стильную стрижку крашенных в пепельный цвет волос и дорогие импортные сапоги. «Ещё одна из дефицитоимущих», – подумала бы я, не обратив внимание на фигуру (среднего

роста и плотности) и лицо, потому что ничего примечательного в них не было. Но, поскольку она была с Серёжей, я попыталась обнаружить её скрытые внутренние резервы.

Люба оценивающим взглядом осмотрела нашу компанию (мальчики встали), улыбнулась и после знакомства по-королевски прямо села на стул, специально Серёжей выдвинутый для неё. Она быстро сделала выводы обо мне как о симпатичной провинциальной простушке-подружке Серёжиного приятеля (миляги) и снисходительными рассказами, преимущественно о жизни знакомых ей знаменитостей, попыталась поднять разговор за нашим столом до уровня, терпимого для себя. Никто ей не мешал, и мы успели узнать, что стихи её печатают во всех толстых журналах, что окончила МГУ, где, кстати сказать, папа работает деканом. Пол-Москвы – её друзья. Живёт Люба на улице Горького. Хорошо живёт. Повествуя, она пыталась быть демократично-весёлой, но скрыть замашки человека, привыкшего заказывать музыку, под которую должны плясать, не могла да и не собиралась. Вскоре тема исчерпала себя, и Люба в попытке быть вежливой задала несколько вопросов Александру, к месту вспомнив строчки Маяковского про город-сад Новокузнецк, но ответы до конца не дослушивала. Потом дошла очередь до меня.

– Серёжа мне говорил, что вы поэзией увлекаетесь?

– Да. Люблю стихи.

– А чьи особенно?

– Пушкина, Тютчева и Блока.

– Классика! Это всегда хорошо! А ещё? Из современных?

– Самойлов нравится Давид и Кузнецов! Юрий.

Приятно было увидеть неподдельное удивление на её лице в ответ на эти имена. Она, наверное, думала, что я Асадова назову. Результаты тестирования, а это был, несомненно, тест, Любу несколько насторожили, она решила ко мне присмотреться более внимательно. Я тоже в долгу не осталась и сделала свою проверку, взяв в союзники Александра.

– Послушай, – тихо сказала, – будь свидетелем: сейчас я произнесу в разговоре слово «амфибрахий», а Люба ответит: «Удивительно, какие слова вы знаете» – или что-то вроде этого.

Александр заговорщически улыбнулся. Через несколько минут, обсуждая тему стихосложения, прозвучало заветное слово, и тут же последовала реакция Любы:

– Надо же! Какие слова мы знаем, – причём «мы» относилось исключительно ко мне.

Серёжа, на глазах которого разыгрывалась эта скрытая борьба, по всей видимости, не ожидал от своей подруги подобной прямолинейности в поведении, было заметно, что он удивлён и пытается выровнять ситуацию рассказом анекдота.

К горячему принесли вторую бутылку водки. Пришли музыканты, и грянуло танго, звуки эхом отражались от потолка, и, хотя мы сидели от сцены вдалеке, продолжать беседу стало невозможно.

– Серёжа, пригласи даму на танец! – с иронией, но при этом достаточно властно произнесла Люба, протянув к нему руку.

Серёжа, сколько я его знала, никогда ни в одной компании категорически не танцевал. Я подозревала, что показать класс в этом деле он не мог, а просто топтаться, как все, не хотел. Наступил момент истины. Видно было, что и сейчас Серёжа был против танца, но, как бы шутя, прищёлкнул каблуком, взял Любу за руку и повёл в толпу танцующих провинциалов. Некоторое время мы с Александром наблюдали, как неумело, почти неуклюже, пытаясь скрыть своё стеснение, Серёжа раскачивает партнёршу, не всегда попадая в ритм. Не сговариваясь, одновременно Александр и я понимающе посмотрели друг на друга. Музыка ещё играла, но наши танцоры уже шли к столику – Серёжа чуть впереди, Люба за ним.

– А тебя не учили, что кавалеры должны пропускать даму вперёд? – с искусственной улыбкой поинтересовалась Люба.

Серёжа промолчал и наполнил рюмки.

– Давайте выпьем за наших прекрасных дам, – предложил Александр.

Выпили.

– А ты Андрея давно видел? – неожиданно спросил Серёжа.

Мальчики опять ударились в воспоминания. Люба молча курила. Я тихо подпевала музыкантам, откинувшись на стуле. Заиграли песню Антонова «Гляжусь в тебя, как в зеркало», Александр встал и, склонив голову, пригласил Любу. Они ушли. Тут же Серёжа сказал:

– Я в номер за сигаретами. Ты со мной?

Я хотела спросить, как на это посмотрит Люба, только начала:

– А как же... – Он не дал закончить.

– Идём! – взял за руку (все моё тело откликнулось на это прикосновение), и мы быстрым шагом вышли из ресторана.

Руку он отпустил только у двери в номер. По дороге я в нескольких предложениях рассказала о нашем с братом летнем путешествии.

– Передавай Саше привет!

– Конечно! Он будет рад.

В комнате Серёжа достал из сумки распечатанный блок сигарет Kent, но уходить не спешил, сел в кресло, закурил, спросил:

– Ты как вообще?

– Живу. Я познакомилась с мальчиком из Саратова. На море. Он детский хирург. Зовёт к себе.

– Вот как! Насовсем?

– Пока в гости. А ты?

– Возможно, поеду. А вы часом с Любой по Волге прокатиться не планировали?

Серёжа молчал.

– Надо идти, нас, должно быть, уже давно хватились.

– Ну и что! – сказал он, но всё же встал, подошёл ко мне. – Лида. Лида... Ладно, пойдём!

На полдороге мы встретились с Любой и Александром.

– Решили вас догнать, тоже курить захотелось, – веселился Александр. – Где твои фирменные?

Серёжа стал искать сигареты в карманах.

– Дай ключ! – сквозь зубы прошипела Люба.

Когда мы вернулись в ресторан, Серёжа, несмотря на протесты Любы, заказал ещё водки и без тоста опустошил две рюмки подряд. Люба тут же последовала его примеру. Я воздержалась – и так уже выпила больше обычного. Александр пригласил меня на танец, и мы издали наблюдали, как Люба, жестикулируя и наклонившись к Серёже, что-то выговаривает ему.

– Уже поздно, мне нужно домой, – сказала я, когда мы подошли к столику.

– Я провожу тебя, – тут же отозвался Александр.

– И мы прогуляемся, – объявил Серёжа.

– Там холодно, тёплых вещей у меня с собой нет, – сообщила Люба.

– Ну тогда жди меня в номере, я быстро.

– Ну уж нет! Ты пьян и никуда не пойдёшь! – взвизгнула Люба.

Александр стал уговаривать Серёжу остаться в гостинице. Я заранее знала, что это бесполезно, и молчала. Через полчаса, после пререканий и после того как Серёжа расплатился, вышли вчетвером на улицу. Морозно, скользко и ветер в лицо. Шли медленно, Люба, вцепившись

в мальчиков, пыталась держать равновесие на разъезжающихся каблуках (да и выпила она прилично, хотя меньше, чем Серёжа).

– Так мы к утру не дойдём! – сказал Александр минут через пять. – Давайте я провожу Лиду, а вы возвращайтесь.

– Конечно, – поддержала я.

– Да вообще не надо было никуда идти! Так что поворачивай, Серёжик, назад!

– На-зад! Впе-рёд! Нале-во! Напра-во! Смирно! Люба! Это тебе не армия, и ты не мой командир! Кому не хочется идти, возвращается!

– Я возвращаюсь! – Люба почти кричала.

– А я – нет! – улыбаясь, тихо сказал Серёжа.

– Ну ты и сукин сын! Раскрутил на поездку! Ностальгия его замучила! Притащил в свою тмударакань! И я-то, дура, помчалась! Спрашивается: на какой хрен?! С друзьями он меня познакомил! На хрен они мне сдались?! Особенно эта девка твоя?!

– Заткнись!

– Что?! Я заткнись?! Да знаешь, ты кто?! Ты!.. Ты!.. Да пошёл ты на х...!

– Что ты сказала, дрянь?! – Серёжа подошёл к ней ближе и замахнулся.

Александр успел встать между ними и принялся успокаивать и Любу, и Серёжу, которые продолжали выяснять отношения. От этой неожиданной пьяной ссоры я сначала оторопела, а потом повернулась и короткой дорогой через дворы побежала домой, глотая слёзы. Я плакала от того, что хотела к Серёже, от того, что он дурак и губит свою жизнь, от того, что мне было жалко и его, и себя, и даже Любу (хотя её меньше).

Дома я быстро забежала в ванную (родители, к счастью, были в своей комнате), смыла размазанную тушь и долго стояла под горячим душем, вспоминая всё, что за вечер говорил и делал Серёжа. В кровати долго пыталась заснуть, и, когда это почти удалось, раздался междугородний телефонный звонок. Я взяла трубку.

– Добрый вечер! («Вот уж совсем не вечер», – подумала я.) Можно пригласить Лидию? – произнёс незнакомый женский голос.

– Я как раз вас слушаю.

– Очень приятно. Я Ольга Мироновна, мама Олега.

– Господи! С ним что-то случилось?!

– Нет-нет, всё в порядке! Он у друга на дне рождения, а я наконец нашла ваш номер и звоню. Лидя, мне Олег сказал, что вы собираетесь приехать к нам.

– Да, Олег приглашал меня, но приехать в Саратов я собираюсь не к вам, а к друзьям родителей.

– Это неважно, ведь всё равно вы всё время будете с Олегом. Ведь так?

– Да, конечно!

– Лидя, даже не знаю, как начать, но, пожалуй, скажу прямо: не приезжайте! Ваше южное знакомство, назовём это так, Олегу всю жизнь ломает! Я его просто не узнаю!

– А в чём дело?

– Ну, во-первых, не знаю, говорил ли он вам, у него здесь девушка, хорошая девушка, они учатся на одном курсе! Сейчас уже не встречаются. Во-вторых, через год мы думаем переезжать в Москву, там живёт наша дочь, и Олег, конечно, поедет с нами! В-третьих, жениться ему рано, а вам замуж выходить самое время! Короче, Лидя, не обижайтесь, но не надо зря тратить деньги на поездку, у которой продолжения нет!

– У Олега другое мнение.

– Олег увлечён вами, но это ничего не значит, это просто эпизод в его жизни, и я постараюсь, чтобы он так эпизодом и остался.

– Но ведь вы меня даже не видели, не знаете меня!

– А мне этого и не надо. Я знаю Олега, знаю, где вы познакомились, и знаю, что вы не врач. Мне этого достаточно.

Я молчала.

– У Олега вы не первая и, уверена, не последняя женщина.

– Я могу передать ему ваши слова? А то он думает, что вы хотели бы меня увидеть.

– Вы, конечно, можете нас поссорить, но, ничего, мы это переживём.

– Ольга Мироновна! Я выслушала вашу просьбу, рада, что вы заботитесь о моих напрасных денежных затратах, но вообще-то у нас уже глубокая ночь, и мне завтра на работу. Всего доброго.

Я отняла трубку от уха и, прежде чем положила на рычаг, успела услышать долетевший конец фразы: «...на благоразумие».

Спасибо вам, Ольга Мироновна, за своевременный звонок! «На благоразумие?!» Она ещё и на благоразумие рассчитывает! Скажите спасибо, что мы не живём в одном городе, а то бы никогда не стать вам свекровью врача. Теперь мне понятно, почему ваш сын больше говорил о больнице, чем о доме. Я не плакала. На какой-то момент мне даже стало легче от того, что ехать

никуда не надо. Но потом навалились пустота и отчаяние. Ни в какую борьбу за Олега вступать я, конечно, не собиралась: не было ни чувств (разве что обида), ни сил. Возможно, если бы он был рядом, действительно любил меня и проявлял настойчивость, то со временем мы могли бы стать счастливой парой, но при нынешних обстоятельствах я решила сдаться без боя.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уже почти год я жила без вестей от Серёжи. Всю зиму с разных сторон на меня сваливались поручения, приказы, неожиданные просьбы, уговоры и даже попытки подкупа. (Это один нерадивый студент-заочник.) Папе, которого следующим летом ожидали государственные экзамены, я помогала делать (практически выполняла сама) контрольные работы по философии и научному коммунизму.

– Эх, Лида! Если бы ты знала, как мне хочется почитать какую-нибудь человеческую книгу, а не всю эту белибердену вашу научную! Сдам экзамены и запоем читать буду! – мечтал он во время подготовки к очередному экзамену.

– Вот Надежда Константиновна порадовалась бы!

– Какая?

– Да Крупская! Была у нас простая семья – ячейка социализма, а теперь ещё избачитальня образовалась! Мама, я и ты наконец! Но, слава Богу, хоровики не дадут тебе долго читать!

Да и у меня времени на литературу оставалось мало. На кафедре поручили разработать новый предмет, ораторское искусство, и определили наставницу, Веру Филипповну, старшего преподавателя, бывшую актрису, красивую, остроумную сорокалетнюю женщину. Оценивая события жизни, она учитывала главное – мешает ли это работе или помогает. Её умение играючи изменять обстоятельства в сторону помогающих вызывало восхищение и зависть коллег. Без назидания, в дружеской форме Вера Филипповна раскрывала мне тайны ораторского мастерства, делилась своими авторскими разработками. Постепенно я оценила преимущества этого предмета и полюбила его. Особенно мне нравилось, что со времён Демосфена и Цицерона в способах подготовки устной речи кардинальных изменений не произошло, а опытом древних ораторов пользовались и коммунисты, и капиталисты.

Под натиском Веры Филипповны, я вступила в общество «Знание» и через месяц, превозмо-

гая страх, выступала с лекциями на предприятиях и в учреждениях города, а потом и области. Люди в основном с неохотой встречали пропагандистов (но от лекций отказаться не могли, потому что принцип посещения был добровольно-принудительным: попробуй публично признайся, что тебя не волнует установка партии, например, на воспитание гармонично развитой личности! В моей практике смельчаков не было). Я учитывала настроения аудитории и старалась информацию сделать максимально полезной и интересной. Сил на это уходило много, но зато в конце выступления почти всегда слушатели искренне благодарили меня и иногда даже аплодировали.

На кафедре мы часто встречались с Митей. Теперь он готовил городскую студенческую команду для участия в новой юмористической передаче Центрального телевидения «Весёлые ребята».

– Приди посмотри свежим взглядом, оцени. У тебя же опыт в этом деле.

– Да, старею. Скоро двадцать три будет. Митя, скажи, может ли дура быть остроумной?

– Лида, не занимайся самокопанием и не напрашивайся на комплимент, подумай лучше, как назвать команду.

Поехать в Москву, а тем более мелькнуть на Центральном телевидении хотелось многим, на участие в команде был объявлен конкурс, и желающие его пройти чуть ли ни на голову вставляли, доказывая свою весёлость. Я приходила посмотреть на отборы, но редко: Вера Филипповна не отпускала надолго от себя, да и новое поколение клуба весёлых и находчивых не казалось мне таким интересным, как их предшественники.

И работа, и чтение лекций, и помощь Мите всё же не могли заглушить тоску, которая временами накатывала с такой силой, что я не знала, чем остановить её или хотя бы ослабить. Новые компании, знакомства с молодыми людьми не радовали ни ум, ни сердце.

Зато влюбился Саша, вернее, не просто влюбился (это он делал периодически), а без иронии и страха стал произносить слова «жена», «семья» и даже «свадьба»... Ещё в годы подростковых комплексов он как-то спросил:

– Сестра, я внешне как?

Мне вдруг стало понятно, что отшутиться нельзя, и я сказала честно:

– Саша, ты не красавец, но обаятельный, надёжный, и с тобой всегда интересно. Для мужчины это гораздо важнее внешности.

Сашка был среднего роста, стройным и ловким, а сейчас (физическая подготовка в училище сделала своё дело) стал крепким, с накаченным торсом и, на мой взгляд, мог понравиться любой девушке.

— Лида, меня через год отправят в географическую точку бескрайнего нашего отечества, ни я, да и никто не знает, где судьба её нарисует. Не все варианты вызывают оптимизм. Если высадят во льдах — Господи, не допусти! — я бы хотел, чтобы меня согревала боевая подруга.

— Саша, но помимо теплотворности, надеюсь, и другие качества должны присутствовать? — Когда речь зашла о будущем брата, я вдруг ощутила серьёзность предстоящего ему шага. — Выбирая жену, мне кажется, ты должен думать не столько о себе, сколько о будущих детях! О том, что она может им дать! Как воспитывать будет? Ты на службе, она в тылу.

— Ой, сестра, я так далеко не смотрю, пока хочу познакомить её с тобой и с родителями.

— Как зовут?

— Аня.

— Хорошо. Как нашу бабу Нюру, царство небесное! Ну давай приводи свою Аню в субботу в гости.

— Ты только не пугай её, она и так переживает.

Может, Аня и, правда, боялась, но виду не подавала, была скромной, весёлой, говорила мало, слушала внимательно и поддерживала беседу улыбкой, восклицаниями и вопросами к месту. Худенькая, стройная («Сестра, какие у неё ножки!!! Это!..») — Саша не находил слов. Ножки, и правда, были красивыми), брюнетка с чувственными губами и голубыми глазами. На папины провокации (а уж он дал себе волю!) типа: «Блинчики печёте на молоке или на опаре?» — она отвечала, стараясь быть честной: «Блины пока печь не умею».

Я приглядывалась к ней, к счастью, без ревности, но, наверное, всё равно предвзято: у меня, например, вызывало опасение: не станет ли скучно брату через несколько лет их совместной жизни? Аня окончила торговый техникум, а эта сфера у Саши интереса не вызывала никогда.

Мудрая наша мама приняла Аню с радостью.

— Саше жить с ней, пусть и решает!

— Вы так серьёзно обсуждаете, а я просто девушку в гости пригласил, только и всего!

Но Саша лукавил, было очевидно, что в отношениях с Аней он пошёл значительно дальше, чем с другими девушками, например, познако-

мился с её родителями (и стал ходить в само-волки).

— Сашка, ты на тещу смотри! Какая теща, такая и жена будет со временем! — подшучивал папа. — Чем она занимается?

— Слово-то какое дурацкое — «теща»! Никакая она мне не теща!

— Это пока! Ну и что она за женщина?

— Нормальная, весёлая, простая, на тётю Полю нашу похожа. Работает заведующим ателье.

— Что ж ты сразу-то не сказал! Теперь приоденемся всей семьёй по блату.

— Не приоденемся! Ателье обувное. Больше вас знакомить ни с кем не буду! И вообще ничего больше рассказывать не буду! — заводился Саша.

— Вот! Ещё не женился, а уже от семьи откалывается! Смотри, как бы они тебя там не обули!

В отличие от меня, Саша на папины провокации поддавался легко и иногда обижался. Мы с мамой разруливали последствия их недопонимания друг друга.

— Иван! Он уже взрослый! Через год людьми командовать будет, а ты к нему, как к мальчишке!

— Тяжело в ученье, легко в бою! Не лезьте в наши отношения! Мы, мужики, сами разберёмся!

— Вы-то разберётесь, а вот кто вас обратно собирать будет?!

Подружки мои, обожавшие Сашу, непременно хотели познакомиться с Аней и составить своё мнение. Брат был не против. Я ради этого случая купила шоколадный торт «Полено» и организовала чаепитие. Аня (не хотела бы оказаться на её месте в этот вечер) испытания прошла успешно.

А вот у Марины отношения с бабушкой Марика, Софьей Павловной, не складывались. Внук, который остался без родителей, был смыслом её жизни, а его счастье — главной целью. Ох, не такую невесту представляла Софья Павловна для Марика! Не тех кровей! (Это по рассказам Марины).

— Знаешь, бабушка такая щупленькая, тихая, всё вроде одобряет, но как-то смотрит сквозь меня и вопросы не задаёт. Не знаю, чего ей надо?! — жаловалась подруга, забравшись со мной на разложенный диван и поедая ташкентский изюм без косточек (папа вчера купил на крытом рынке).

— Марика, когда приходит, кормлю здоровой пищей! Рассказы правлю! Да и вообще! Пылинки, можно сказать, сдуваю!

– Ей надо, чтобы правнуки евреями были. А с твоими малороссийскими корнями ты никак этому не способствуешь!

– Точно! Хохол родился – еврей заплакал.

– Слушай, какая всё-таки глупость – эти условности национальные. Для меня вообще неважно, какая национальность, лишь бы, как говорится, человек был хороший!

– Интернационалистка! Нет уж! Разница есть! Мне, например, евреи нравятся. Умные, надёжные, не то что наши простофили-голодранцы пьяницы!

– Не трожь наших! А евреи тоже выпить не дураки.

– Я таких не встречала. Короче, хочу замуж за Марика!

– А мама твоя так с ним и не разговаривает?

– Лида... Ну что ты о больном! Если она со мной скоро год как не разговаривает, то с Марином... Жду, когда квартиру разменяю.

– Своя квартира – это приличное приданое! Богатая невеста. А Марик что насчёт загса говорит?

– Говорит, что рано.

– А если забеременеешь?

– Тьфу-тьфу! – Марина сплюнула через левое плечо. – Мы предохраняемся. А жениться ему бабушка не даст, пока он ординатуру не закончит.

– Ну терпи! Хотя чего терпеть-то? Любите друг друга, живёте в одном городе! Это же – счастье!

– Лида, эта твоя заикленность на любви! Всё любовь да любовь! На одной любви далеко не уедешь! Лев Николаевич прямо сказал: «Хочешь поработать – женись!»

– Не помню у него таких слов.

– Слова, может, другие, а по сути правильно. Семья – это воз, и его должны тащить двое! И чтоб никто не сачковал! Любовь! Какой любви ты ещё ждёшь?! Тебе мало было?!

– Да! Мне было мало! Я бы с Серёжей любой воз с радостью тащила! А без любви, как у Высоцкого: «Придешь домой, там ты сидишь!» Ну, в смысле, он! Вот представь, что ты каждый день не Марику готовишь, а мужику постылому!

– Почему обязательно постылому? Просто хорошему человеку, нормальному человеку! Я не знаю, что это за штука такая – любовь. Любви, как у тебя, мне точно не надо! Я привыкла контролировать ситуацию! И тебе говорю: оглядись по сторонам.

– Да у меня уже шея устала оглядываться, а толку?! Господи! Как я хочу поговорить с Серёжей! Просто перекинуться несколькими словами!

– Всё! Завела! Если уж тебе так любви хочется, пойдём в «Пионер», там сегодня «Мужчину и женщину» показывают.

– А Марик?

– Работает. Мы с ним завтра что-нибудь придумаем.

В детском маленьком, уютном, хотя и чуть вытянутом, зале кинотеатра «Пионер» по вечерам показывали взрослые, часто старые зарубежные фильмы. Располагался он на первом этаже сталинского дома на улице Весенней, справа от гостиницы «Кузбасс». В крошечном, на одно окно, холле перед кассой висели стенды с приколотыми на них английскими булавками фотографиями актёров (в школьные годы предметом моей гордости был снимок, на котором я от актива театрального кружка вручала букет исполнителю роли молодого Ленина, Родиону Нахапетову, посетившему наш город) и бессменными выцветавшими снимками кадров из старых фильмов про войну и революцию.

Мы с Мариной заболтались и опоздали к началу, в зал проскочили, когда фильм уже начался. Каждая из нас могла пересказать наизусть диалоги этого шедевра о любви (смотрели его раз семь), но пришли опять, чтобы послушать музыку, ощутить запах моря, ароматы кофе в недостижимых французских ресторанах, короче, получить пилюлю от пессимизма и надежду на возможный чудесный поворот и в собственной судьбе (хотя финал фильма был счастливым, я плакала всё равно).

Выходя из зала, среди немногочисленных зрителей мы с радостью увидели Митеньку со стройным рыжебородым мужчиной лет тридцати, а может, больше.

– Тоже на сладенькое потянуло? – воскликнул Митя, заметив нас. – Видишь, – он обратился к своему спутнику, – я говорил тебе, что обязательно кто-нибудь из своих придёт, не пропустит. Знакомьтесь.

Мы уже стояли на улице. Мягкий снег кружил в свете фонарей.

– Это Андрей, – продолжил Митя. – Он к нам недавно переехал из Свердловска.

Мужчина, улыбаясь сквозь усы, внимательно смотрел на нас. Митя представил нас с Мариной.

– Рад познакомиться, – сказал Андрей, и это не прозвучало как формальность.

– Вас проводить? – спросил Митя – Вы идёте вместе?

– Да. Мы сегодня у меня заночуем, – ответила я.

По дороге (а шли мы по нашему с Серёжей маршруту) Марина призналась, что смотрела фильм восьмой раз.

– А вы, наверное, первый? – обратился ко мне Андрей.

– Нет. Почему вы так подумали?

– А разве вы не плакали?

– У Лиды слёзы близко, но в принципе она человек весёлый, – включился в разговор Митя.

– И находчивый? Член твоего клуба?

– Можно сказать, один из первооткрывателей.

– Андрей, чем вы занимаетесь? – заинтересовалась Марина.

– Вы хотите узнать род моей деятельности или конкретное место работы?

– Интересна любая информация.

– Андрей уникальная личность: у него два образования. Он и физик, и филолог, – ответил Митя.

При слове «физик» я непроизвольно повернулась в сторону Андрея и спросила:

– Вы занимаетесь теоретической физикой или экспериментальной?

– О! Вы улавливаете между ними разницу? В школе физику любили?

– Вот уж нет! Просто... – я замаялась, подыскивая ответ.

– С волками жить – по-волчьи выть, – тихо буркнула Марина.

– Нет, физикой я уже не занимаюсь. Покончил или прикончил, – сказал Андрей с лёгкой иронией. – Хотя, возможно, буду жалеть – кормила она меня хорошо. Теперь посмотрим, как литература справится.

– Вы писатель? – заинтересовалась Марина.

– Сочувствующий. Помните из истории: коммунисты и сочувствующие им, так вот я, если говорить о писателях, сочувствующий.

– И что, за это деньги платят? – съязвила подруга.

Но Андрея это из благодушного настроения не вывело:

– Ах, если бы! Источники дохода у меня с беллетристикой, увы, не совсем связаны.

Я не дала Марине продолжить допрос, тем более, что мы уже стояли у моего дома.

– Уже пришли. Спасибо, что проводили.

– А может, ещё погуляем? – предложил Митя. – Погода, как на Новый год.

– И у Андрея борода вся в снежинках, как у Деда Мороза, – заметила я.

– Жаль, без подарков, – он пристально взглянул. – Так что? Погуляем?

– Нет, уже поздно, а у меня завтра первая пара.

– И мне рано вставать, – присоединилась Марина. – Приятно было познакомиться.

– Это взаимно, – опять улыбался Андрей.

– Сбылась твоя мечта: ты не накрашенная, не кокетничала, усилий никаких не предпринимала, а мужик только тебя и видел! – делала выводы Марина, как только мы зашли в подъезд. – Редкий случай: я почти при параде, а он не оценил.

– Да всё он оценил, котюра, видно, ещё тот! Ты просто своими вопросами и подковырками интерес его сбивала. Внешне он мне шотландца напомнил. Слушай, и точно, ещё на кота похож, сытого, довольного.

– Хитрого! Повадки ловеласа! Но обаятелен, зараза! За каждой фразой – подтекст! Хотя толком мы ничего и не узнали о нём. А интонации какие! Всё-таки у умных мужиков и голоса особенные, выразительные, а уж когда низкие!.. – Я, конечно, представила Серёжин тембр. – Как ты думаешь, он женат?

– Конечно.

– Да, таких мужиков мимо не пропустят. Почему он тогда в кино без неё пошел?

– Да мало ли. Вообще-то по нему видно – бабник!

В конце марта папу положили в городскую больницу. «На профилактику», – смеялся он. Выполняя рекомендации врачей, он совсем не выпивал, бросил сигареты (хотя курил с юности), много ходил пешком, чуть похудел и, несмотря на то что седина прибавилась, выглядел помолодевшим. Корпус больницы был недалеко от набережной, и мы иногда выходили прогуляться. Зима постепенно уходила вместе со своим любимым белым цветом, снег темнел, стали ярче очертания бора на противоположном берегу. Сугробы вдоль тротуаров таяли и искрились льдинками на солнце. С Томи дул ветер, и в его свежести был намёк на приближающуюся весну. Обычно мы шли до гостиницы «Томь» мимо памятника Павшим Героям, мимо румяных старшеклассников, с серьёзным видом замерших в карауле у Вечного огня (в своё время и мы с Олей, Леной и другими активистами школы с трепетом и гордостью тоже стояли здесь), мимо воробьёв и голубей, клевавших на грязном снегу

пшено, которое для них каждый день рассыпала одинокая пенсионерка (когда старушка смотрела на прохожих, было видно, как сильно она разочарована в людях).

Мы шли медленно, разговаривали мало, глубоко дышали (если, конечно, ветер дул не со стороны Коксохимзавода), иногда на два голоса тихо пели по полкуплета из любимых песен. Наши отношения в последнее время изменились. Папины жёсткие выражения о правилах поведения приличной девушки теперь не произносились вовсе. Он стал не таким прямолинейным и скорым на выводы («Взглядом не убивал, но только ранил», – шутил брат), с интересом выслушивал истории о моих похождениях с лекциями в народ, иногда даже просил у меня совета (например, какую из нескольких песен в исполнении хора выбрать для отчётного смотра), довольно улыбался и непроизвольно распрямлял плечи, когда Юрий Викторович при случае хвалил его дочь. Откровенных разговоров со мной не заводил, зато, когда приходили Марина и Вера, интересовался, скоро ли ему принесут приглашения на их свадьбы. Девочки смеялись и обещали позвать его первым. Я видела, как папе хочется, чтобы и у меня появилась личная жизнь. Но пока была только работа и вместо реальных отношений – «запойное» чтение романов (залпом от корки до корки, отвлекаясь на короткий сон).

Папа сначала попробовал отвлекать меня, почти насильно предлагая идти на свежий воздух (это в нашем-то городе!), но потом сдался.

– Ты вся в мать!

– Удивительно, но она утверждает, что я «вылитый Иван»!

Папа довольно смеялся. Теперь, когда он лежал в больнице, мне не читалось, и однажды вечером стало как-то особенно грустно, я внепланово (мама сегодня уже отнесла ему ужин) сюрпризом решила сбегать в больницу на несколько минут и просто поцеловать перед сном. Я представляла его удивление и радость, и уже от одного этого моё настроение поднялось. В палате папы не оказалось.

– К нему женщина пришла, они в коридор вышли, – сказал сосед, не отрываясь от чтения журнала «Крокодил».

У окна на лестничном пролёте спиной ко мне стояли папа и Людмила, участница хора. Они тихо разговаривали. Я и раньше встречалась с ней и другими хоровиками, навещавшими папу, и уже хотела поздороваться, но вдруг увидела, как

Людмила наклонила голову к папе на плечо, а он обнял её за талию и прижал к себе. Папа часто обнимал других женщин и даже целовал их, но делалось это прилюдно, обычно мама была рядом, не ревновала и смеялась над его любвеобильностью. (Мама была так уверена в себе, что измена мужа ей вообще в голову не приходила. Сама флиртowała при удобном случае.) Объятия, которые я увидела сейчас, были другими. За ними угадывалось полное единение, взаимопонимание, так обнимаются даже не любовники, а любящие муж и жена. Пара.

Быстро и тихо я спустилась вниз. «Господи! Папа!!! Когда это началось? Почему?! Почему я не догадывалась?! Бедная мама! Что мне теперь делать?!» – мысли путались. Хотелось, чтобы кто-то успокоил, приободрил, но вдруг поняла, что рассказать об увиденном никому не смогу, и с этим придётся разбираться одной. Я вспомнила, что ещё когда папу положили в больницу первый раз, Людмила навещала его чаще, чем другие участники хора. Я знала, что работает она в пожарной части, мужа вроде нет, есть дочь-школьница (Людмила приводила её на концерты хора).

Чем эта женщина могла понравиться папе?! Ничего особенного в ней не было: обесцвеченная блондинка с короткой стрижкой, не полная, но очень плотная фигура, лицо незапоминающееся, разве что взгляд доброжелательный и как бы ожидающий чего-то. С моей красавицей-мамой её, конечно, сравнить нельзя. Может, папу привлекла молодость Людмилы? (Разница лет на пятнадцать.) Удивительно, но негодования, обиды на папу, злости на Людмилу на душе не было. Я испытывала только растерянность и беспомощность. Присев на скамейку у своего подъезда, плакала и жалела себя.

На следующий вечер, когда мама пришла из больницы, и мы у телевизора ждали, когда начнётся фильм «Дело было в Пенькове» (один из наших любимых), я незаметно вывела разговор на тему ревности и супружеских измен.

– Я Ивана не ревновала никогда! Зато он меня всегда! Ещё с молодости!

И здесь началась история, которую родители уже не раз рассказывали нам, как мама, худенькая, похожая на Грету Гарбо, после техникума по распределению с одним чемоданом и гитарой приехала в Белово на цинковый завод. Поселилась в молодёжном общежитии и через месяц все лучшие холостые парни города не давали ей

проходу, до тех пор, пока папа не отбил (в буквальном смысле) у них охоту. В начале знакомства в городском саду на танцплощадке, сидя за ударными инструментами в оркестре, он наблюдал, как девушка его мечты танцует с кавалерами. Но постепенно танцевать Нину приглашали всё реже и реже, пока не перестали совсем.

— Последний Виктор был! Красивый! Очень мне нравился! И я ему, конечно. Мы с ним потанцевали, а на следующий день договорились встретиться, но он не пришёл. Иван его так избил, что тот за километр меня обходил потом.

— Папа всех победил! Настоящий мужчина!

— Да и те были не игрушечные.

— Но ведь сдались, не стали воевать!

— А ты попробуй с нашим отцом повоюй! Идёт напролом. А в молодости вообще никого не боялся.

— А тебя?

— Он не меня боялся, а боялся, что уйду. А куда в этом городке уйдёшь? Одна, заступиться некому, мама в Кемерове.

— Так ты что, замуж не по любви вышла?

— Может, и по любви, но больше от испуга и его настойчивости.

— Но ты ведь не жалеешь, что вышла за папу?!

— Жалеть о прошлом вообще глупо. Да и не о чем жалеть! Жили весело! Всегда на виду! Вас вот вырастили. Иди, сделай громче, уже титры пошли.

После фильма мы на кухоньке пили чай и ели пирог с консервами из сайры.

— Мама, а если муж или жена изменяет, это можно простить?

— Лида, а кто сейчас не изменяет? Если бы от каждой измены семьи рушились, женатых бы вообще не осталось!

— Ну а ты бы простила?

— А мне нечего прощать. И почему тебя так волнует эта тема? Может, в твоей жизни появился женатый мужчина?

— Ну уж нет! Такой глупости я точно не сделаю.

«С меня и Серёжи хватит!», — подумала я.

Но, как оказалось, я знала себя недостаточно хорошо. Наступил невероятно тёплый май. От его изумрудной дымки, от настоявшихся запахов цветения (особенно это ощущалось поздним вечером) благодущие и доброжелательность горожан повысились настолько, что улыбались даже контролёры в трамваях. Дома

никому не сиделось. Марик забросил свои рассказы и рвался с Мариной на природу, как только выпадала возможность. До поздней ночи по бульварам города гуляли Саша с Аней (осенью они собирались пожениться). Май щедро раздавал подарки — влюблённость, флирт, новые знакомства — успевай лови! К финалу раздачи от его щедрот перепало и мне. Знакомство, правда, досталось не совсем новое, но открывшееся с неожиданной стороны. Мы стали встречаться с Андреем.

Началось с дружеских посиделок у Мити. В его комнате по-прежнему собирались любители поиска истины в споре. Учёные мужи (хотя формально учёными были только некоторые) делились своими впечатлениями от прочитанного и увиденного. Новички часто пытались оригинальничать, сыпали именами философов, поэтов, художников и по реакции на эти имена определяли единомышленников. Андрей сидел чуть в стороне, наблюдал, говорил редко, но метко, улыбался в усы, когда речи были особенно мудрёными. В третью нашу встречу он подсел ко мне ближе и тихо комментировал происходящее. Было смешно. В течение марта и апреля я неожиданно сталкивалась с Андреем то на открытом зачёте у Мити, то на репетициях КВН, то в университете, то просто на улице в центре города.

— Лидия, я ни с кем так часто случайно не встречался! Возможно, это судьба подталкивает нас?

— Нет. Видимо, ваша интеллектуальная мощь приобретает качество вездесущности.

— Ну вот! Вместо того чтобы сделать шаг навстречу, — ирония и сарказм! И всё же, Лида, рискну: давайте сходим в кино.

— Андрей, вы женатый человек.

— Ваша правда, но это не мешает мне получать удовольствие от просмотра произведения искусства в приятной компании. Уверяю, что я не собираюсь держать вас за руку и уж тем паче обнимать и лобызать в темноте кинозала.

— Ах, какое разочарование! А я так мечтала!

Мы одновременно засмеялись, а потом сходили в кино, через неделю — в музей, через день — опять в кино, и встречи наши стали регулярными.

С Андреем было легко и интересно. Общение с ним располагало к откровенности, как в поезде со случайным попутчиком. В городе он был человеком новым, ни в какие интеллектуальные группировки не входил, друзьями пока не обзавёлся, и приятелей было мало. Я, конечно, рас-

сказала ему о Серёже, хотелось услышать комментарии взрослого (на десять лет старше меня) мужчины.

– Боюсь, что объективным быть не смогу, я заинтересованная сторона. Скажу только, что мне понятно, почему он не хочет тебя отпускать.

– Да он уже давно отпустил, только вот я ещё хоть за соломинку, но держусь.

– А клин клином не пробовала?

– Была такая попытка. Не помогло.

– Наверное, кандидатура не соответствовала. Надо попробовать ещё.

– Возможно. Но пока подходящих претендентов нет.

– Малыш, а как же я? Я ведь лучше собаки?!

– Это уж точно, ты и собаки лучше, я подозреваю, что даже и Карлсона, но ты женатый, и я уже не малыш.

– Лида, я не хочу обсуждать эту сторону своей жизни, у меня хорошая жена, но дело идёт к разводу. Мой переезд сюда – попытка сделать это более безболезненно.

– Для кого?

– Для обоих.

– А почему ты выбрал наш город?

– По нескольким причинам, но главная – мне обещали работу, которую давно хотел. Жду, а пока дурака валяю на разных подработках.

– И с девочками развлекаешься?

– Фу, как пошло! При чём здесь это?

– Прости, но ты правда производишь впечатление Дон Жуана.

– Чем?

– Ну, эти твои пристальные взгляды, улыбки, намёки.

– Это действительно так выглядит со стороны? А с кем, кроме тебя, я общаюсь подобным образом?

Я подыскивала ответ.

Он продолжил:

– Выводы твои поспешные, основаны только на собственном примере. Тебе просто так удобно, не надо задумываться, что же на самом деле происходит между мной и тобой.

– А что происходит? Мы, надеюсь, приятели! Возможно, станем друзьями.

Андрей промолчал.

Через месяц стало ясно, что на дружбе мы не остановимся. Однажды в кино он всё же взял мою руку (я её не отняла) и поцеловал ладонь. Захватывающего восторга от его прикосновений я не ощутила, но что-то встрепенулось во мне.

Осознание того, что умный, привлекательный, уверенный в себе взрослый человек всеми способами демонстрирует свою влюблённость, придало мне уверенности и поднимало настроение. Но Андрей ждал взаимности. Я подозревала, что моя тоска по Серёже воспринималась им как вызов, ему хотелось, чтобы я наконец забыла свою «детсадовскую» (по его выражению) любовь и отдалась чувству, которое может вызвать он – опытный, страстно влюблённый мужчина.

В Андрее меня привлекало отсутствие страха перед жизнью. Он не боялся перемен, не признавал авторитетов, кроме тех, которые вызвали уважение лично у него. Общественная мораль, мнение окружающих людей не принимались им в расчёт. Его представление о порядочности было замешано на лучших образцах мировой литературы и христианских ценностях. Но в Бога Андрей не верил, и после нескольких наших жарких споров эту тему старался не поднимать. Он был так обаятелен, умён и начитан, что, не прилагая усилий, нравился многим женщинам. Чтобы понравиться мне, Андрей два месяца являл свои лучшие качества и терпеливо ждал, когда я наконец заинтересуюсь им не только как другом. И он дождался.

В один из вечеров Андрей не пришёл в условленное время и потом десять дней не звонил и не появлялся. Сначала я удивилась, через три дня заскучала, а через неделю встревожилась и даже испугалась: что с ним могло случиться? Спросила у Мити, он ничего не знал и сам Андрея давно не видел.

– Поразительно, но у меня нет ни его адреса, ни номера телефона. Он всё время объявлялся сам. Что же делать? – забеспокоился Митя.

– Андрей снял квартиру без телефона. Но где она, я тоже не знаю.

Митя решил попробовать найти адрес по своим каналам.

– Сообщи мне, если вдруг объявится! – попросил он.

Через три дня после нашего разговора Андрей объявился. Утром я шла на работу и увидела его на скамейке у своего подъезда. Сразу стало ясно, что чувства мои только дружескими назвать было нельзя.

– Куда ты пропал?! Что случилось?! Почему не звонил?! – я бросилась к нему с расспросами.

Андрей молчал, внимательно смотрел на меня, потом взял за плечи и поцеловал. Долго. И... это было упоительно приятно. (Почти год меня

никто не целовал.) На секунду он отстранился и тихо сказал

– Теперь ты!

Я прижалась губами к его щеке чуть повыше бороды, потом коснулась век, лба. Андрей замер с закрытыми глазами, потом обнял и опять хотел поцеловать, но помешала соседка баба Оля и её престарелая дворняга Жуля, семеновавшая после ночи на прогулку.

– Где ты был? Почему не позвонил? – повторила я вопросы.

– Уезжал в Свердловск, сначала не позвонил, потому что пришлось уехать срочно, а потом не звонил специально, дал тебе время созреть для принятия решения.

И мы опять стали целоваться.

– Ой, я же на работу опаздываю!

– Я буду ждать тебя здесь сегодня в шесть вечера. Пойдём, провожу до остановки.

В пылкой влюблённости прошло лето. Мы встречались на квартире у Андрея, а когда родители уехали в Сочи, у меня. Много гуляли, ездили на велосипедах, катались на катере по Томи. Всегда инициатором встреч был Андрей. О любви он не говорил, но она ощущалась в его предупредительности, заботе, нежности, которой подчинялись самые изысканные ласки. Андрей был страстным и сдержанным одновременно, и это сочетание особенно привлекало меня. Хотелось победить его самообладание, а когда это удавалось, то от ощущения своей власти так захватывало дух, что становилось немного страшно (мы же в ответе за тех, кого приручаем).

Осенью я вышла на работу, и выяснилось, что с кафедры отправляют четырёх преподавателей для сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру Московского института культуры. Предполагалось, что поедем мы с Наташей, молодой ассистент Валерий и старший преподаватель Евгений, с уже почти готовой диссертацией. На наш институт министерство выделило всего два места. Было ясно, что одно из них явно займёт Евгений, а за второе предполагалась борьба молодёжи. Вступительные экзамены начинались в конце сентября.

Андрей приуныл от этой новости и никак её не комментировал.

– Думаю, что больше месяца я там не задержусь, – успокаивала я, запивая чаем пирожное «картошка». (Мы сидели в кафетерии магазина «Лакомка».)

– Почему?

– Половая дискриминация. Валерочка шанс свой не упустит, о Евгении я вообще молчу. Впрочем, и Наташа будет биться изо всех сил.

– А ты?

– А я для массовки. По театрам похожу, по музеям. Месячная командировка в Москве! Хотя экзамены я всегда легко сдавала, вдруг, и правда, поступлю! Десять процентов из ста.

– А где остановишься?

– Сначала у знакомых, а потом найду что-нибудь ближе, институт-то в Химках.

– Жаль, но никак не могу сейчас сорваться с работы, но, может, потом получится приехать на несколько дней.

– Правда?! Зря ты мне сказал, теперь я буду надеяться, ждать! А я это ненавижу!

– Зато будешь помнить обо мне!

Я засмеялась.

– Какой эгоизм! Еду экзамены сдавать, судьба, можно сказать, решается, а у тебя мысли только о себе!

– По-твоему, я должен радоваться, что ты предпринимаешь попытку насовсем уехать из города, в котором я ещё даже поселиться нормально не успел?

– Знаешь, тебе это не понравится, но выскажу расхожую мысль: настоящее чувство разлука укрепляет.

– Очень сложно укрепить то, чего пока ещё нет. Это о твоих чувствах.

– Думаю, что и о твоих тоже. – Я помолчала. – Андрей, а ведь мы ссоримся!

– Ещё чего! Никаких ссор! Даже не надейся! Езжай в свою Москву и помни, что я тебя жду, – он усмехнулся. – Слушаю себя и удивляюсь: герой мелодрамы да и только! Никогда бы не подумал, что способен на такое!

– Видишь, как полезно со мной общаться!

– Ещё как! И поэтому предлагаю до твоего отъезда пожить у меня.

– Это исключено! Открыто жить с женатым мужчиной! Меня даже подруги не поймут, а уж родители!.. Да и осталась-то совсем немного.

Через неделю я позвонила тёте Дусе и дяде Грине и узнала, что они собираются в Пензу как раз во время моего приезда. Нужно было срочно искать другой вариант ночлега. И он нашёлся. За три дня до отъезда раздался междугородний звонок.

– Алё!

– Лида, привет! – Волна лёгкой парализации нахлынула на меня, когда я узнала голос Серё-

ГЛАВА ШЕСТАЯ

жи, и ни слова не смогла сказать в ответ. — Алё!
Ты слышишь меня?

— Да.
— Как твои дела?
— Идут.
— Что нового?
— Собираюсь в Москву, экзамены в аспирантуру сдавать.
— Молодец! Когда?
— Скоро. Кстати, у тебя нет знакомых, у которых можно остановиться дня на два?
— Есть. Ты можешь остановиться у меня.
— Спасибо, но это не совсем удобно.
— Для кого?
— Для всех.
— Для меня нет. Ты замуж вышла?
— Нет. Но я не одна.
— Всё тот же или другой?
— Другой.
— И он ревнив?
— Не знаю, не давала повода.
— Уверяю, что со мной этого повода тоже не будет, если только не захочешь сама.
— Я не захочу.
— Тогда записывай мой новый адрес и телефон.

Я записала.

— А что нового у тебя?
— Приедешь — поговорим.

И опять я летела в Москву. Перед отъездом я сказала Андрею, что собираюсь остановиться у Серёжи и добавила:

— Это не обсуждается. Ни он, ни я не собираемся возобновлять наши прежние отношения.
— Самое смешное, что ты действительно в это веришь!
— Думаю, тебя это должно радовать.
— Это бред какой-то!
— Никакой не бред! Мне просто нужно где-то пожить, пока не сниму комнату в Химках.
— Но почему у него?!

— У меня других знакомых в Москве нет! Послушай, я действительно не собираюсь тебя обманывать! В своих чувствах к тебе я уверена. Но если вдруг что-то изменится, то ты узнаешь об этом первым. Я даже по пустякам стараюсь не врать, а уж в главном...

Стиснув зубы, Андрей молчал. На следующий день, прощаясь в аэропорту, он сказал, что будет писать на главпочтамт до востребования. Потом внимательно посмотрел и добавил:

— Это глупо, но я тебе верю. Возвращайся скорее.

Во Внуково по телефону Серёжа сонным голосом (было раннее утро) подробно рассказал, как мне быстрее добраться. Я не догадывалась о причине, по которой Серёжа предложил мне пожить у него, не представляла его нынешнего настроения и поэтому не могла предугадать, какой будет наша встреча, но знала определённо, что дальше дружеских отношений заходить не собираюсь. Радость предчувствия свидания с Серёжей от этого меньше не становилась.

Он снимал комнату в доме, который, наверное, строили ещё до революции, недалеко от станции «Площадь Ногина». Я раньше нигде не видела такой большой коммунальной квартиры (восемь комнат по разным сторонам длинного коридора). Серёжа (всё в том же любимом мною голубом махровом халате) открыл дверь, взял сумку и провёл к себе. Избегая встречи с его взглядом, я осмотрелась. Комната мне показалась огромной, поперечная балка делила жилое пространство на две части. В каждой из них стоял диван, в середине у стены возвышался буфет светлого дерева. Впечатляла толщина полуovalных оконных проемов и высота потолка. Правый угол комнаты занимали большой письменный стол и кресло. Мебель была необычная, возможно, трофейная (я подобную видела в военных фильмах, когда показывали быт немецких офицеров), не хватало только узорчатых салфеток.

— Устала? Сейчас сделаю завтрак.

Я наконец посмотрела на Серёжу. Красивый. Лицо чуть заspanное, с лёгкой щетиной. Внимательный взгляд, улыбка, но к обычной смешливости прибавилась лёгкая ирония. (По поводу меня? Себя? Ситуации нашей встречи?)

— Ничего не надо, не беспокойся! Нас кормили в самолёте. Я бы умылась и поспала. Всю ночь вещи собирала, оставила это на последний момент. В самолёте глаз не сомкнула.

— Конечно поспишь, но всё равно сначала чай.

Серёжа вышел. Я прошлась по комнате, подошла к одному из окон (они выходили на узкую проезжую улицу), присела на стул, и опять пришлось ощущение, что вернулась домой.

Позавтракали глазуньей и бутербродами с сыром, обговорили план моего поиска жилья в Химках, Серёжа оставил ключи («Приходи и уходи, когда хочешь») и отбыл по своим делам. (На мой вопрос: «Ты работаешь?» ответил: «А как же? У нас, кто не работает, тот не ест!»)

В институт я прибыла после обеда. Экзамены начинались через неделю, желающих устроиться поближе и подешевле было много, а подходящих вариантов жилья значительно меньше. Мне повезло: у одной старушки через два дня освобождалось за небольшую плату спальное место в однокомнатной квартире. Правда, сама старушка тоже находилась там и предполагалось, что я буду доставлять ей продукты и, по возможности, следить за чистотой.

В столовой я купила пирожки с мясом, и вечером мы их с Серёжей съели, запивая чаем. (Индийским, крупнолистным, заваренным в китайском расписном чайнике.)

– Ну, рассказывай!

– Не знаю, с чего начать... Я по-прежнему преподаю...

Здесь я описала свои трудовые будни и некоторые смешные эпизоды из лекторской практики. Закончила сомнениями по поводу своего поступления в аспирантуру.

– Не думаю, что это мой путь. Честно говоря, приехала, чтобы лишний раз в Москве побывать.

– Что, вообще шансов нет?

– Самые минимальные. Я, конечно, добросовестно буду готовиться к экзаменам, но, вероятнее всего, предпочтут взять мужиков. Вам же везде зелёный свет!

– Потому что мы умные! – Он улыбнулся.

– Не все. Таких ещё поискать надо.

– Ты нашла?

– Думаю, да.

Я коротко рассказала об Андрее. Серёжа слушал внимательно, но смотрел не на меня, а как бы сквозь, усмехнулся, когда речь зашла о причастности Андрея к физике, в конце спросил:

– Ты влюблена?

– Возможно. Мне интересно с ним.

– Он женат?

– Да. Мне везёт на женатых мужчин! Кстати, ты сейчас в каком качестве? – я усмехнулась и продолжила: – Жена его живёт в другом городе, и Андрей говорит о предстоящем разводе.

– Ну-ну. У меня был только штамп в паспорте.

– Был?

– Сейчас уже нет.

– Свобода, значит?

– Да! И уж я её не потеряю!

– А где ты работаешь?

– У меня много занятий. Некоторые из них приносят деньги. А вообще-то, удивительное совпадение: я тоже через неделю буду пытаться попасть в аспирантуру.

– Ну наконец-то действительно радостная новость! Серёжа, это ведь твоё! Ты обязательно поступишь! Потому что кто, если не ты?! Хотя бы у тебя на этот раз всё получилось!

Ночью я засыпала на одном из диванов (удобном, несмотря на его возраст), а Серёжа при свете настольной лампы что-то читал и записывал. Мы не стеснялись друг друга, общались, как брат с сестрой или давние друзья, говорили, что хотелось, а если молчали, то это не вызывало неловкости и напряжения. Эти новые отношения казались мне куда приятней прежней любовной лихорадки. Утром позавтракали бутербродами (я опять была в Серёжином халате) и вместе дошли до метро.

В институтской библиотеке я присоединилась к коллегам-соперникам, которые, обложившись книгами, пытались найти ответы на экзаменационные вопросы по специальности. До шести вечера я честно штудировала литературу (прерывалась только на обед), а в восемь была уже у Серёжи. По дороге в гастрономе купила хлеба, сыра и докторскую колбасу (без блата и очереди!).

На пороге комнаты столкнулась с выходящим молодым человеком (длинноволосым хиппи) с большой импортной сумкой в руках. Он молча пропустил меня вперёд и закрыл за собой дверь. Серёжа сидел в кресле. На столе стояла бутылка вина и две рюмки.

– У тебя был гость?

– Нет, это по делам. А вино для нас. Сухое, правда, белое.

– А у меня вместо рыбы – колбаса и сыр, – я достала продукты. – Может, что-нибудь приготовить на гарнир, а колбасу пожарить?

– Это долго. В другой раз.

Мы пили «Фетяску», сидя на диване и делясь впечатлениями дня. Я иронизировала по поводу некоторых тем диссертаций, которые сегодня штудировала в библиотеке: «Роль партии в строительстве культуры в годы третьей пятилетки»:

– Представляешь мужика, который на полном серьёзе занимается этой фигнёй? Если он искренне в это верит, то дурак, а если не верит, то циник. И подобных тем там много.

– Это способ заработать деньги. Все вертятся, как могут. О чём мы вообще говорим, когда живём в Совке?! Как здесь нормальным остаться?!

– Знаешь, когда я готовилась к лекции о Демосфене и Цицироне, читала их речи, поняла, что жить было трудно во все времена. Всегда

была власть, либо ты с ней, либо против, либо не у дел. Всегда нужно было делать выбор. Поэтому мне милее всех Сократ, правда, он плохо кончил.

– Ты ещё скажи – Диоген. Его философия как раз подходящая для совков! Всем по бочке и даже хрущёвок строить не надо! Но ты права – мужикам во все времена выживать трудно.

– Я говорила не только о мужиках! А женщины на что, не человек? – я засмеялась.

– Не все! Далеко не все!

И здесь Серёжа выступил с небольшим ироничным монологом по поводу морального облика современницы. Некоторые рассказанные им эпизоды (примеры из жизни, которые вспоминались по ходу) открыли мне невообразимые стороны Серёжиной жизни.

– Современная девушка очень застенчива, – посмеиваясь, говорил он, – как легко она уступает обстоятельствам. Например, делает тебе минет на вечеринке, в комнату входит другой мужичок, пристраивается сзади. «Неловко отвлекаться на такие мелочи», – возможно, думает она и не отвлекается.

«Господи! Что же у него за жизнь такая! Этого не может быть!» – обомлела я. Но Серёжа не заметил моей реакции и продолжал в подобном тоне.

После первой бутылки мы выпили вторую, разговор становился откровеннее, Серёжа с ностальгией, но без сожаления вспоминал свои студенческие годы в Новосибирске, упомянул любовницу-аспирантку, а потом Аллу.

– А это ведь она нас познакомила! – усмехнулся он.

– Да.

– Помню.

И здесь последовало детальное Серёжино описание того, как и что я говорила, во что была одета, он вспомнил даже мой крестик на цепочке.

– Лида! Ты тогда меня просто потрясла своим напором! Могла любого смести! Как танк!

– Но сначала мы увиделись без Аллы.

– Да, в холле у входа.

Оказывается, Серёжа во всех подробностях помнил моменты нашего знакомства. Раньше он об этом не говорил. Я представила прежнего Серёжу, его взгляд внимательный, доброжелательный, живой. Сердце сжалось.

– А что сейчас Алла делает?

Под впечатлением от воспоминаний я автоматически отвечала:

– Думаю, что сидит дома с ребёнком.

– Давай сходим к ней, если я приеду, как собираюсь в ноябре, в Кемерово.

– Давай, почему бы и нет?

Спать легли поздно. После того, как выключили свет, ещё некоторое время переговаривались каждый со своего дивана.

– Знаешь, мне гадалка сказала, что я буду использовать женщин, а потом появится одна и за всех отомстит.

Преодолевая сон, я ответила:

– Не думала, что ты веришь в гадания. Помоему, это глупо! Хотя в первой части своего предсказания она угадала. В любом случае желаю тебе не встретить стерву из части второй.

Сквозь сон я услышала, как Серёжа засмеялся, а потом мне показалось или он действительно сказал:

– Возможно, я уже встретил её.

Утром я ушла рано, Серёжа ещё спал. Вечером вернулась усталая, включила телевизор (маленький, аккуратный, переносной, таких раньше не видела), к моей радости, шёл спектакль «Прошлым летом в Чулимске» с Любшиным в главной роли. Пришёл Серёжа и, не раздеваясь, предложил прогуляться.

– У меня сегодня сил нет, все в библиотеке оставила и спектакль хочу досмотреть. Я видела у Товстоногова, а здесь другая трактовка.

Серёжа удивленно улыбнулся:

– Оставайся, а я всё-таки немного пройдуся.

Когда за ним закрылась дверь, я поняла, что только что предпочла вымысел, пусть талантливо разыгранный, реальному общению с Серёжей. И призналась себе в том, что получила удовольствие от его удивления и растерянности в ответ на мой отказ. Возможно, я взрослею?!

На следующий день я переезжала на квартиру в Химки.

– Лида, ты позвони, как сдашь экзамены.

– Позвоню. Мне тоже хочется узнать о твоём поступлении в аспирантуру. Спасибо тебе, Серёжа!

– За что?

– За приют.

– Могла бы и дальше жить. Хотя, конечно, далековато. Ладно, иди, и удачи тебе!

Я протянула ему руку. Улыбаясь, Серёжа пожал её, потом сказал:

– Глупость какая!

Крепко прижал к себе и поцеловал в щеку.

– Лида-Фрида!

Я вздрогнула. Это был запрещённый приём. Так Серёжа обращался ко мне всего один раз в начале знакомства! Неожиданно навернулись слёзы, но я уже спускалась по лестнице, и Серёжа их не увидел.

В аспирантуру, как я и предполагала, поступили мужчины. Первый экзамен мы все сдали на четвёрки, а второй я и Наташа – на двойки. (Предмет, историю партии, я знала хорошо, консультировала и Наташу, и Валерия. Но, очевидно, дана была установка «валить» всех лишних.) Я, неожиданно для себя, расстроилась, даже заплакала от несправедливости. Позвонила домой. Папа подбадривал меня, но чувствовалось, что это ему удаётся с трудом. Уж очень он надеялся на моё поступление. Зато радовался Андрей. После экзамена он позвонил на квартиру к бабушке, у которой я остановилась (старушка оказалась дворянских кровей, читала по-французски, нюхала табак, была любопытна, особенно в вопросах чужой личной жизни), и, узнав о результате, спросил:

- Ты плакала?
- Да. От обиды.
- Оно того не стоит. Приезжай скорее!

Когда я положила трубку, бабушка со своей койки поинтересовалась:

– Это тебе твой кавалер звонил? Тот, что писал?

Я ей давала перевести несколько строчек из письма, в которых Андрей по-французски объяснялся в любви.

- Да.
- Ох, непростой он, раз письма такие пишет! Замуж зовёт?

– Нет. Да и не хочу я.

– Это почему же? Давно пора! В мои времена тебя бы уже в старые девы записали. А хочешь, я с внуком своим познакомлю? Он у меня начальник! Правда, балбес, но неженатый пока!

– Нет, спасибо! К тому же я через день уезжаю.

– А жаль! Я к тебе присмотрелась. Ты девушка хорошая: умная, чистоту любишь, добрая. Я на месте твоего кавалера одну тебя бы не отпустила!

– Он доверяет мне.

– Не ревнивый? Это зря! Мужчина должен ревновать, страдать, беситься! И женщину свою держать при себе!

«И то правда! А меня пока удерживать некому!» – подумала я.

В день отъезда опять попыталась дозвониться до Серёжи, узнать об аспирантуре. Но, как и в предыдущие попытки, дома его не оказалось.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В октябре Саша женился. В ЗАГС я не успела (работала в этот день, ни с кем не смогла поменяться), прибежала, когда уже гости сели за столы в кафе «Встреча». Со стороны я наблюдала, как мой маленький братик Сашенька (на самом-то деле не маленький, а вполне взрослый молодой мужчина) сидит в центре с красавицей Аней, одетой в длинное струящееся белое платье и тончайшую фату, и пыталась осознать, что вся эта торжественная суeta в честь того, что Сашенька теперь глава новой собственной семьи. Муж! Было очевидно, что он влюблён, счастлив и ему отвечают взаимностью. Подвыпившие родственники со стороны невесты, а их было раза в три больше, чем с нашей, Сашу уже принимали за своего, а родители Ани откровенно радовались, что Бог послал такого зятя.

Я сидела рядом с папой, а напротив в ядовито-зелёном кримпленовом платье, облокотившись на стол, гостя со стороны невесты с хитрым любопытством поглядывала в сторону моей родни. Когда молодых вызвали на первый танец, женщина под села ко мне и елеиным голосом заговорила:

– Голубки! Их в ЗАГСе называли самой красивой парой! Я – тётя Тася, соседка Ани. А вы Саше кто?

- Сестра.
- Похожи с ним. Старшая?
- Да.

– Не обидно, что младший брат первым женится?

– Он военный, ему боевая подруга нужна, а я в тылу, могу подождать.

– Ну да. Мы, женщины, всегда ждём. Некоторые всю жизнь... А ты одна? – тётя Тася неожиданно перешла на ты. – Давай я тебя со своим племянником познакомлю?

Выручил папа, пригласил на танец.

– Все мне жениха подыскивают, жалеют, что товар пропадает! – улыбаясь (с лёгкой горечью), пожаловалась я.

- Не обращай внимания!
- Переживаешь за меня?
- Внуков хочешь!

– Так Аня родит – не успеешь оглянуться! А я ещё, может, попытаюсь на высшие режиссёрские курсы поступить.

– Чувствую, что не скоро нам твою свадьбу играть. И с кавалером знакомить не спешишь!

– С каким?

- С которым по вечерам пропадаешь!
- Возможно, познакомлю.

Андрей, когда я позднее передала ему этот разговор, никак не отреагировал. Молчание задело меня (хотя рассказом этим я не собиралась его подталкивать к принятию решения) и заставило задуматься: почему он часто говорит о любви и редко – о совместном будущем? Вскоре я убедилась, что знаю Андрея не так хорошо, как думала.

Как-то в субботний вечер папа с мамой ушли на юбилей к другу, мы с Андреем у нас на кухне выпивали вино, когда внезапно открылась дверь и появились родители (вернулись раньше обычного, потому что мама в новых туфлях натёрла ногу).

Вид Андрея с голым торсом сначала ввёл папу в ступор, а потом в ярость. Он, не замечая меня и моих попыток объяснить ситуацию, побелевшими губами выдавил:

– В моём доме?! Вон отсюда! И чтобы с Лидой тебя никогда рядом не было!

Андрей спокойно ответил:

– Это не вам решать! Она сама взрослая! – И пошёл одеваться.

Папа загородил ему проход:

– Была бы взрослая – не связалась бы с прощелыгой!

Здесь вмешалась мама:

– Иван! Прекрати! Ты же ни в чём не разобрался! Зачем оскорбляешь его?

– Да что здесь разбираться?! А ты, – обратился к Андрею, – уходи, пока живой!

– Папа! Не волнуйся ты так! Я вас просто не успела познакомить!

– Зато всё остальное успела. Может, вы с ним уже поженились? Тогда почему кольцо носит только он?!

Андрей действительно обручального кольца не снимал. Я медлила с ответом.

– Это мы без вас решим! – огрызнулся Андрей.

– Да ничего ты не решишь! А ты! – папа с болью смотрел на меня, – связалась!.. Чтобы через минуту его здесь не было! – И папа ушёл в зал.

Андрей оделся и удалился, стиснув зубы. Ничего не сказал мне. Чувствовалось, что он оскорблён.

Папа со мной не разговаривал три дня, а мама тут же пришла с вопросами:

– Он женат?

– Да. Но жена живёт в другом городе, и они собираются развестись.

– И давно собираются? Сколько ты с ним?

– Месяцев пять.

– И что? Какие с его стороны действия? Ты любишь его?

– Не знаю. Но из всех он самый нормальный.

– С каких пор женатый мужчина стал нормой?!

– Но это же пустая формальность!

– Лида, разве так ведёт себя мужчина с родителями будущей жены?! Так с ними знакомится?!

– От неожиданности всякий мог бы растеряться.

– Нет, не всякий! У порядочного нашлось бы смелости разъяснить ситуацию, а его только на грубость хватило!

Я возражала, но подсознательно с мамой была согласна. Андрею предложила некоторое время не встречаться. Он горячо стал разубеждать меня, но ничего нового не предлагал, и я убедилась в правильности своего решения.

В середине ноября приехал Серёжа. Мысль о том, что он совсем рядом, ходит по улицам города и можно просто нечаянно встретиться, пьянила и окрыляла. Когда Серёжа позвонил, мы, как в былые времена, болтали два часа. Я лежала на диване, слушала его голос и чуть ли не плакала от желания вычеркнуть из наших жизней годы его московского периода. Серёжа рассказал, что вопрос с аспирантурой у него опять не решился, что ненадолго уезжал из Москвы (место не назвал), что в Кемерове собирается оставаться неделю. Я описала Сашину свадьбу.

– Твой брат женился?! Но он же совсем мальчик!

– Мальчик! Сашка уже без пяти минут офицер! Скоро получит назначение и будет Родину защищать. Нас с тобой.

– А кто жена?

– Хорошая девочка. Аня.

– Я бы с удовольствием Сашу увидел! С ним можно встретиться?

– Почему нет?

Мы созвонились с братом, он обрадовался и пригласил в гости (после свадьбы Аня попросила Сашу до их отъезда к месту назначения пожить у её родителей). Я купила торт «Сюрприз», Серёжа заехал за мной, и мы отправились в конец Ленинского района.

«Еду в такси. И куда?! К Саше, который живёт у тещи! А полгода назад и слова такого слы-

шать не хотел. А главное, с кем еду?! С Серёжей!! Опять в Кемерово. Улыбаюсь. Шучу. Как будто и не расставались никогда. Он тоже весельчак! Всё как в странном сне!» – мысленно комментировала я происходящее. Но сердце пело, дышалось легко, будто после тюрьмы вдруг очутилась на берегу моря.

У Саши мы были на удивление долго. Тёща, Мария Константиновна, приветливо встретила нас, а когда узнала фамилию Серёжи, спросила:

– А вашу маму случайно не Валентиной Михайловной зовут?

– Да. Вы знаете её?

– Она, можно сказать, начальник мой. А вы, Серёжа, разве не в Москве живёте?

– В Москве. В гости приехал. Решил вот Сашу навестить, я его давно не видел.

Явление Серёжи вдохновило брата на импровизации, он представлял в образах, как, по его мнению, живёт столичный денди, какими могут быть его похождения, отчего мы смеялись буквально до слёз. (Больше всех Серёжа.) Аня, весёлая, милая, доброжелательная, организовала чаепитие, а потом, по предложению Серёжи, мы играли в бридж.

Возвращались поздно, до стоянки такси шли пешком. Было холодно и ветрено, как в прошлогодний Серёжин приезд. Я вспомнила ту пьяную ссору у ресторана «Кузбасс», но не стала говорить об этом Серёже и тем более спрашивать, где же сейчас Люба.

Такси не было. Мы ждали, всматривались в редко проезжающие машины, с надеждой увидеть зелёный огонёк.

– Ну вот и кончилась Сашкина жизнь! – вдруг произнёс Серёжа.

– Почему? Тебе Аня не понравилась?

– Нормальная Аня. Не в ней дело. Теперь один день от другого Саше трудно будет отличить. Рутинка!

– Но он же любит её!

– А дальше что?

– Как что? Жизнь: дети, работа, поездки, праздники.

– А там, глядишь, и старость со смертью.

– А что, есть другой вариант? Много разнообразных женщин – это альтернатива?!

– Да при чём здесь бабы вообще?! Саша молодой, талантливый! И на тебе – жена, служба! Вот и всё!

– Любимая жена! Ребёнка ему родит!

– Это, конечно, хорошо, но для счастья маловато.

– Для меня так – в самый раз! Каждый день быть с любимым, что ещё надо?

– Замуж хочешь?

– Всегда хотела быть рядом с любимым мужчиной.

– И что?

– И ничего! Вон наконец-то свободная едет! – Серёжа остановил такси, мы сели на заднее сидение и всю дорогу молчали.

Когда подъехали к моему дому, Серёжа спросил:

– Ты помнишь, что обещала сходить со мной в гости к Алле?

– Да. Попробую найти её. Мы не виделись, наверное, год.

– Буду ждать вестей.

Через Веру я нашла номер телефона Аллы, она, как я и предполагала, сидела дома с двухлетним сыном, скучала и была рада общению с любым человеком, в том числе и со мной.

– Хочешь, в гости приходи, поболтаем, – предложила она в конце разговора. – Посмотришь, как мы устроились на новом месте.

Алла жила в центре города, в однокомнатной полнометражной квартире.

– А можно я приду с другом? – спросила я, коварно умолчав его имя.

– Конечно! Давай послезавтра!

Собираясь в гости, я думала о том, что странный сон продолжается. Я не пыталась доискаться до причин, по которым Серёжа непременно хотел, чтобы мы вместе увидели Аллу, не задумывалась, как она отреагирует на появление Серёжи, просто выполняла своё обещание. Перед выходом посмотрела в зеркало: хороша! (А что толку?)

У Аллы мы были недолго. Она открыла дверь и, конечно, обомлела при виде Серёжи. Минут десять не могла в себя прийти. Так растерялась, что даже не разозлилась на меня. Серёжа наслаждался её растерянностью, при этом улыбался застенчиво и был необыкновенно вежлив. Алла слегка прибавила в весе, но, на мой взгляд, это ей добавило женственности.

В комнате было уютно и чисто, по особому приятному запаху чувствовалось, что здесь живёт маленький ребёнок. Алла показала нам своего улыбочивого сына и тут же увела его к соседке: «Мальчик такой активный, не даст поговорить». Серёжа достал вино, конфеты, Алла принесла яблочный пирог, и мы сели за маленький столик. Она наконец пришла в себя, и к ней

вернулось её обычное кокетство и уверенность в собственной неотразимости. Серёжа бойко отвечал на сыплющиеся с её стороны вопросы, умудряясь давать минимум информации. Алла хихикала. Я пила вино и рассматривала свадебный альбом. Серёжа тоже взглянул на несколько фотографий.

- Красивая пара, – сказал он.
- А ты женат? – спросила Алла.
- Нет.
- А ты, Лида?

Это была месть. Алла прекрасно знала, что я не замужем.

- Я, Алла, связалась с женатым мужчиной.
- Чужую семью рушишь?!
- Ох, рушу! Скоро одни руины останутся! Такая вот я коварная стерва!
- А дети там есть?
- Детей нет.
- Ну, хоть это хорошо, – подытожила Алла.
- Лида, – обратился Серёжа, – ты не будешь против, если мы с Аллой недолго поговорим на кухне?

- Конечно, не буду. Я вообще могу оставить вас наедине, – сказала я искренне, без обиды.
- Вот этого как раз совсем не надо. Мы бы-стро.

Серёжа и заинтригованная Алла ушли на кухню. Удивительно, но мне даже не было любопытно, о чём шёл разговор. Минут через десять они вернулись, Серёжа с улыбкой, Алла с обычным выражением горделивого превосходства. Когда допили вино и съели пирог, мы с Серёжей ушли. По дороге визит наш не обсуждали, я поинтересовалась, как живёт Алексей.

- Очень редко общаюсь с ним.
- Почему?
- Да как-то разошлись.
- Ты знаешь, что он с Леной до сих пор не расстался?
- Мне это неинтересно.
- У моего подъезда Серёжа спросил:
- У тебя какие планы на вечер?
- Пока не знаю.
- Хочешь, пойдём со мной к приятелям? Это семейная пара, они сегодня вечеринку устраивают.
- Давно уже куда не выбиралась.
- Что? Твой друг домосед?
- Давай мы не будем это обсуждать?
- Давай. Так заезжать за тобой?
- Да.

– Будь готова к восьми.

В этот вечер я была в ударе! Красива, остроумна, оптимистична, весела без надрыва, искренне внимательна к собеседникам – даже сама себе нравилась!

Компания гудела в двухкомнатной квартире с большой кухней в новостройке на окраине города. Не помню, сколько было человек, потому что люди постоянно уходили и приходили. В большой комнате танцевали, на кухне велись разговоры (в основном о жизни за границей, о том, кто и как устроился после эмиграции, о случаях на таможне при выезде из Союза), в спальне периодически кто-то закрывался.

Сначала мы сидели на кухне, Серёжа оказался в центре внимания, многие его знали, были рады видеть и с интересом слушали рассказы об общих московских знакомых. Потом к нему подскочила изрядно подвыпившая девушка (из серии «ноги от ушей») и попыталась затащить на танец. Я наблюдала, как в первый раз вежливо, а после её настойчивости жёстко, он отказался.

Мои наблюдения были прерваны красивым брюнетом, предложившим выпить водки.

- Я бы предпочла сухое вино.
- Не знаю, осталось ли оно. Хотя одну бутылочку я припас, сейчас принесу.

Брюнета звали Валентин, он оказался хозяином квартиры. За бокалом вина я подверглась вежливо-остроумному допросу, который продолжился уже во время танца. Между нами сразу же возникла симпатия людей, получающих удовольствие от одних и тех же книг, фильмов и других радостей. Когда Валентина отвлекла миловидная женщина, как потом выяснилось, жена, мой танец продолжился с молодым человеком, знакомым по КВН. Потом музыка сменилась на более ритмичную, кажется, это была «Бони-М», и я дала жару на полную катушку, особенно, когда Серёжа вошёл в комнату. Минут пять глядя на танцующих, он курил у балконной двери, а потом подошёл ко мне:

- Я собираюсь уходить. Ты со мной или останешься здесь? Вижу, тебе нравится.
- Я конечно поеду с тобой.

Хозяева проводили нас до двери.

– Почему ты не познакомил нас с Лидой раньше? У нас оказалось много общего! – сказал Валентин, приобнимая свою жену.

Серёжа на вопрос не ответил, но вежливо поблагодарил за вечер.

- Ты когда обратно уезжаешь?

– Дня через три.

В машине (мы остановили частника) Серёжа сказал:

– За два с половиной года здесь ничего не изменилось.

– Дома новые построили.

– Да. Плодят убожество. А что тебя держит в этом городе?

– В другом городе меня никто не ждёт. А здесь родители, друзья, работа...

– А потенциальный муж? Почему ты его не называешь?

– Есть причины. Но поживём – увидим. Может, ещё и назову. А тебя что в Москве держит?

– Ну ты спросила! Это единственный город в стране, где хоть как-то можно существовать. И откуда проще уехать.

– Ты по-прежнему хочешь за границу?

– Я стараюсь не менять своих планов.

Расставаясь, мы договорились созвониться, но в последующие дни Серёжа не объявлялся, а когда я набрала его номер, трубку взяла Валентина Михайловна, громко переспросила моё имя и через паузу сказала, что Серёжа уехал. Мне показалось, что он как раз в это время был рядом и не захотел со мной разговаривать.

Через неделю мне неожиданно позвонила Алла:

– Скажи, как Серёжа себя чувствует?

– В каком смысле?

– Ну после драки!

– Какой?! С кем?!

– Ты что, не в курсе?! Говорят, он пьяный пришёл к Алёне Сагаповой, не знаю уж, что они там делали, но, как в анекдоте, вернулся муж, случилась драка, у Серёжи глаз подбитый и нос чуть ли не переломан! Странно, что ты ничего не знаешь!

– А это правда или принимают желаемое за действительное?

– Конечно, правда. Весь город обсуждает. А тебе, значит, он не позвонил?! Удивительно! Вы ведь такие друзья!

– Не позвонил. Но в любом случае Валентина Михайловна сказала, что Серёжа уехал.

– Да?! Странно. Ещё позавчера с ним Юра, одноклассник, по телефону разговаривал.

– В таком случае позвони Серёже сама.

– Я бы сделала это, но после нашего с ним разговора наедине, боюсь, это будет неловко.

Алла замолчала, ждала, что я начну интересоваться подробностями. Пауза затянулась, она не выдержала и продолжила:

– Представляешь?! Он звал меня с собой в Москву!

– И что?

– Ну, я отказалась, сказала: «Нет, Серёженька, я замужем, у меня ребёнок!»

– А он-то и не знал! Сюрприз для него!

– Не сюрприз, конечно... Ой. Я должна идти, сын проснулся.

Разговор закончился.

Я обдумывала варианты: либо Алла сочиняет (как часто это делала, предполагая, что нет ни одного равнодушного к ней мужчины), либо я полная дура, либо Серёжа сумасшедший. Хотя, возможно, в каждом предположении была доля истины.

«Совсем я перестала понимать тебя, Серёжа! Чего ты действительно хочешь? Знаешь ли ты сам? Куда тебя несёт?!» – с горечью думала я.

С Андреем после двухнедельной разлуки состоялся обстоятельный разговор о скором разводе, об оформлении наших отношений, и я уже готовила примирительную встречу с родителями. Наше совместное будущее представлялось мне смутно, но тем интересней было ждать сюрпризов грядущей реальности. Однако сюрпризы начались раньше.

56

Однажды я неожиданно зашла к Андрею на кафедру в университет (одно из мест его работы), держась за руки, мы вышли в коридор, и вдруг он резко отшатнулся. Навстречу стремительно шагала высокая стройная женщина. Андрей бросился к ней со словами:

– Что случилось?!

– Ничего. Просто приехала. Соскучилась, – женщина была напряжена, криво усмехалась. – Это она? – Кивок головы в мою сторону.

– Давай поговорим об этом дома.

Дальше я слушать не стала, развернулась и пошла к выходу. Андрей не удерживал. Минуты через три он без пальто догнал меня на улице.

– Постой! Она не должна была приехать! Я тебе всё объясню!

– Андрей, вернись, ты остынешь!

– Вечером жду тебя!

– Нет! Пожалуйста, нет! И вообще... нет! – И я изо всех сил побежала от него.

У Марины я ревела в подушку.

– Вот ты мне скажи, о чём ты сейчас плачешь? Сама же не стала слушать объяснений! Он же ни от чего не отказывался!

– Ты бы видела, как жена смотрела! Она-то разводиться не собирается! Я думала, что меж-

ду ними нет ничего, а там семья! «Давай поговорим об этом дома», — сказал он ей! «Дома»! Это их дом, хотя я там была чаще!

— Лида, ты просто причину ищешь, чтобы не жить с ним! Я так и знала, что приезд твоего короля сероглазого даром не пройдет!

— Кортников здесь ни при чем!

— При чем, при чем! Ты даже со мной, как он приехал, ни разу не созванивалась! О делах моих не спрашиваешь!

— О каких делах?! — меня вдруг осенило. — Марина! Марик предложение сделал?!

— Ага! Жди! — Марина усмехнулась. — Нет! Мне дают целевое место на театроведческое отделение в Ленинград. (Марина в результате предпринятых манипуляций нашла себе работу в отделе управления культуры.)

— Второе высшее! Это хорошо. Заочно?

— Нет, очно.

— А как же Марк?

— Ну, во-первых, туда ещё поступить надо.

— А во-вторых?

— А во-вторых, жизнь покажет! Но вообще-то у меня голова кругом!

— Что Марк говорит?

— Ничего. И меня это больше всего раздражает, — она помолчала. — Не могу понять: то ли это нерешительность, то ли безразличие?

— А когда экзамены?

— Летом конечно.

— Хорошо, есть время подготовиться. А к лету всё выяснится и с Мариком. Я тоже хочу попробовать поступить на режиссёрские курсы.

— Ну это совсем сложно! Там мужчин в основном берут! С опытом. Знаешь, я слышала, что набирают в театр к Спесивцеву, может, тебе там показаться?

— В любом случае надо ехать в Москву. Денег скопить бы!

— Это вот уже конкретное желание, а не михлюндия слезливая. Не есть, не пить — денежки копить! Рада, что ты оживаешь! Хватит на мужиках зацикливаться!

Я действительно решила всерьёз заняться режиссурой. Подбирала материал для вступительного собеседования, с Митей мы искали каких-нибудь знакомых, которые или учились, или пытались поступить на режиссёрское отделение в московские вузы.

— Я и про Ленинград узнаю, — сказал Митя. — Следующей осенью собираюсь поступать в аспирантуру Театрального института, может, тебе туда на режиссуру попробовать?

— Может быть. Надо узнать и про Ленинград.

С Андреем я больше не виделась. От принятого решения стало чуть легче, но всё же, когда вспоминала нашу встречу втроём, сердце сжималось от стыда, сама себе казалась пошлой злодейкой-разлучницей.

Опять на балконах появились ёлки, но в этом году они не вызывали у меня обычного предчувствия праздника. Мария Константиновна пригласила нас с родителями встретить Новый год у них одной большой семьёй. Саша поддержал эту идею.

— Сестра, когда ещё мы сможем собраться все вместе? Сошлют меня куда подальше, и уже не приедешь просто так.

— Я не против. Давайте соберёмся у вас. Честно говоря, мне всё равно, где это будет.

— Что это за настроение такое? Не узнаю тебя! Это из-за Серёжи?

— Это из-за себя! Непутёвая я девочка. Куда ни ступлю — всё не путь, а скрюченная дорожка. Жил на свете человек скрюченные ножки...

— И ходил он целый век по скрюченный дорожке! — засмеялся Саша.

— Точно! Так что Серёжа здесь ни при чем.

— Мария Константиновна очень удивилась, когда увидела его у себя дома. Говорит, что мама его очень гордая! Серёжа её надежда! Не хочет, чтобы он в провинции пропадал. Объявила всем, что он женится на дочке профессора, не меньше!

— Не думаю, что Валентина Михайловна обсуждает на работе жизненные перспективы сына. И уж точно профессорская дочка — это не Серёжин размах. Разве что профессор из Сорбонны или Кембриджа. В любом случае, дай Бог ему счастья, мы, наверное, с ним теперь не скоро увидимся. Если увидимся вообще.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Лида, Серёжа попросил позвонить ему. Я записала номер, — этими словами встретила меня мама, когда я после работы пришла домой.

— Какой Серёжа?

Мама удивлённо смотрела.

— Кортников. А что, есть ещё какой-то?

— Почему ты решила, что это он?

— Потому что он как воспитанный человек представился, сказал: «Здравствуйте, это Сергей Кортников». Ну и так далее. Вот, — она протянула листок с цифрами, — звони!

Я не могла представить ни одной причины, по которой Серёжа хотел бы со мной поговорить,

но, конечно, набрала номер. Никто не ответил. Ближе к поздней ночи раздался междугородний телефонный звонок.

– Лида, здравствуй! Я никого не разбудил?

– Нет. Я звонила тебе.

– Я выходил, – Серёжа помолчал. – Как ты?

– Живу. Что-то случилось? Как твоё здоровье? Говорят, ты в прошлый раз захворал перед отъездом?

– Не помню такого. И вообще, кто прошлое помянет, тому глаз вон!

– Хочешь всё забыть?

– Не всё. Лида, приезжай в Москву на Новый год!

– Шутишь?

– Серьёзно.

– Не знаю, что и подумать!

– А ты не думай! Просто приезжай! Я бы выслал денег на дорогу, но сижу на мели, не без копейки, конечно, на хлеб хватает, но без икры, а иногда и без масла. Тебя же это не смутит? Помню, ты собиралась жить со мной в шалаше!

– Я тоже помню.

– Приедешь?

– Серёжа, это неожиданно, до Нового года неделя всего осталась. Работа, родители... А главное, денег надо где-то достать.

– А больше тебя ничто не держит?

– Ничто.

– Ты хочешь приехать?

– Да.

– Тогда постарайся.

– Попробую. Позвоню, если куплю билет.

Всю ночь меня лихорадило. Я пыталась понять, зачем, в каком качестве Серёжа хочет меня видеть? Почему именно на Новый год? Где взять денег? Сашина свадьба съела все накопления. Что сказать родителям? Будут ли билеты на самолёт? Я боялась загадывать, но от предчувствия счастья уже не могла лежать, ходила по комнате, вглядывалась из окна в ночное небо, улыбалась и даже легонько подпрыгнула один раз.

На следующий день я поговорила с папой, он не возражал: «Лида, как хорошо, что ты оставила этого женатика», я подумала: «Ах, папа... а ты?!» – но продолжать грустную мысль не стала, взяла деньги в институтской кассе взаимопомощи, купила билет и позвонила Серёже.

– Я прилетаю вечером двадцать девятого.

– Умница! Жду тебя. Ты ведь помнишь, как ко мне добираться?

– Да. Я всё помню.

– Всё?!

– Во всяком случае, главное.

– И что же главное?

– Руки мыть перед едой и чистить зубы на ночь и утром.

– Тогда не забудь зубную щётку! Мыло и пасту я тебе, так уж и быть, дам!

В оставшиеся до отъезда дни я решала, что надеть, искала новые вещи, взяла на время поездки у Ани дублёнку, а ей отдала свою шубу (она была ещё как новенькая, всё-таки во Франции делали!), испекла торт «Наполеон». («Ты нам хоть кусочек отрежь!» – просил Саша, но я не стала портить вид отсечением части от целого.)

Счастливая я сидела в самолёте. Звёзды в иллюминаторе подмигивали, но мне и без того было весело. Я представляла Серёжу, сидящего в своей комнате, себя, перелетевшую через Сибирь, Урал, Нечерноземье и свалившуюся с неба с сумками (в которых тесня коробку с тортом, штабелями распластались цыплята табака, позвякивали две трёхлитровых банки с огурцами и помидорами, баночка грибной икры), к порогу любимого.

Москва перед праздником наряжалась в сверкающий пушистый снег, он оседал на редких прохожих и создавал новогоднее настроение. К Серёжиному дому я брела по мягкой тропинке, слизывала снежинки, падающие на губы, улыбалась и почти не ощущала тяжести сумок.

– Лида! Как ты это всё донесла?! Надо было сказать, я бы встретил тебя! – воскликнул Серёжа, забирая у входа в квартиру мой багаж.

– Действительно, почему я не воспользовалась случаем?! Слушай, ты ведь меня никогда не встречал!

– Это упрёк?!

– Нет, что ты! Просто факт, – я осмотрелась. – А где ёлка?

Серёжа удивлённо замер:

– Ёлка?

– Ну да! Ёлка, гирлянды, игрушки!

Он смотрел на меня и не знал, как реагировать. Потом, заметив смех в моих глазах, облегчённо вздохнул и улыбнулся:

– Шутишь?

– Да! Вот видишь, редко встречаемся и уже ни сразу друг друга понимаем!

– Снимай дублёнку, психолог! Вот твоя полка для вещей. Можешь сразу разложить.

– Нет, сначала я должна убедиться, что всё это происходит в реальности: по комнате пройду, до тебя дотронусь.

– Дотронься! Вот он я.

– Точно! Твой лоб семи пядей.

Я провела пальцами по лбу, носу, подбородку.

Серёжа наклонился, легко поцеловал меня в щёку, глубоко вздохнул и сказал голосом Бабы Яги:

– Фу! Фу! Человечьим духом пахнет!

– Ишь ты, носик-то твой, бабуся, человека по французским духам узнает! Ладно, давай, как в сказке: сначала банька, а еду я с собой принесла, от тебя, поди, не дождёшься!

– Лида, ты, правда, привезла продукты?

– Некоторые. Придётся поменять последовательность: в душ схожу потом, а сейчас поздний ужин.

Удивительно, но в комнате был беспорядок (обычно Серёжа педантично следил за чистотой): на стуле валялись джинсы, на буфете стояли немытая после кофе чашка и пепельница, полная окурков, по столу были разбросаны листы бумаги. Приглядевшись, я увидела, что это рисунки с попытками изобразить человека сидящего, стоящего, отдельные части тела: ладонь, ногу. Всё это напоминало работы ученика начального класса художественной школы.

– Ты берёшь уроки живописи?

– Нет, сам пытаюсь.

– Здорово! У тебя хорошо получается, но с учителем дело бы пошло быстрее. Это хобби или ты решил сменить профессию?

– Ещё не знаю! Пока есть свободное время, открываю в себе неожиданные способности. Я и стихи пробую писать, потом дам почитать.

– Вот это да! А как же физика? У тебя же талант!

– Физика подождет!

– Почему ты перестал ею заниматься? Разочаровался?

– Есть некоторые сложности. Не учителем же идти!

– А почему нет? У тебя прекрасно получалось! Я помню!

– Это тот первый урок? Нашла, о чём вспоминать!

– Серёжа, поверь мне! Ты прирождённый педагог!

– А может, я прирожденный художник?! Смотри!

Он достал небольшой лист ватмана с нарисованной мужской головой.

– Как тебе? – спросил Серёжа с видом человека, уверенного, что даёт посмотреть произведение, которое знатоки уже оценили как шедевр.

Я вгляделась в рисунок: из множества корявых длинных и коротких линий, сделанных простым карандашом, из штрихов тонких, жирных и растёртых в тени на меня смотрело скукоженное лицо человека из серии «Поймать и обезвредить». Со старанием дилетанта-новичка тщательно были прорисованы все мимические морщинки, все подробности радужной оболочки глаз. Портрет вызвал во мне ужас. И дело было не в страшных поджатых узких губах, не в заострённом длинном носе и не во взгляде обречённо-преступном! Лицо ни одной чертой не напоминало Серёжу, но всё же это был он! Его автопортрет!

– Ну как? Похож? Мне все говорят, что классно!

Я всё ещё смотрела на лист.

– Кто – все?

– Все, кто видел! Приятели, друг мой Пётр! Я вас завтра познакомлю. Лида, тебе что, не нравится?!

– Я уже видела его.

– Когда?! Ты не могла, я его неделю назад нарисовал. Шутишь!

– Я его видела, когда читала Оскара Уальда! Он так хорошо его описал, что в глазах стоит.

– Дориан Грей... Значит, тебе не понравился?

– Серёжа, портрет, наверное, хороший, раз так испугал меня! Но лучше бы его не было!

– Почему?!

– Не знаю, но сердцем чувствую, что не надо этому лицу оставаться здесь. Побыл немножко и хватит! А то ещё подумает, что и, правда, похож на тебя! У психологов есть такой приём: нарисуй свой страх и порви!

– Почему страх? Ты действительно считаешь, что его нужно порвать?!

– Да.

– Тогда сделай это сама!

– Знаешь, если тебе быть художником, ты нарисуешь ещё много всего, и автопортреты в том числе, а если не быть, то тем более не нужно оставлять это... даже слов подобрать не могу! Так я рву?

– Ну, если ты уверена...

Серёжа, наверное, не сомневался, что решимости моей не хватит, но, ещё раз взглянув на изображение, я передёрнулась от мерзости и порвала листок на части.

– Вот теперь мы вдвоём, а этот, – я показала на клочки, – был лишним.

Серёжа внимательно смотрел на меня.

– Невероятно! Ты сделала это! Так серьёзно отнеслась! Это же просто рисунок!

– Жалеешь? Злишься на меня?

– Да ерунда! Где обещанный ужин? – Серёжа сменил тему, но чувствовалось, что уничтожение рисунка смутило его, он был растерян.

Я достала продукты и накрыла на стол.

– Это целый пир! – оценил Серёжа. – У меня есть водка. Завтра купим шампанского на Новый год!

– А где мы будем отмечать?

– Посмотрим, с Петей решим.

– Твой друг?

– Да, лучший на данный момент.

– Чем занимается?

– Да всем! Но главное, он музыкант, собирает свою группу. Сейчас, правда, простой в делах.

– Москвич?

– С недавнего времени. Очень вкусные цыплята. Папа делал?

– Да. Там ещё есть, нужно положить в холодильник.

После ужина я мыла посуду на большой кухне. Серёжа показал, где его стол, кастрюли, сковородки, где лежат продукты, короче, познакомил с хозяйством. Это погружение в его быт мне показалось признаком начинающих новых отношений.

– Ты обещал пасту и мыло, я хочу в душ.

– Пойдём, я всё покажу.

Мы вместе почистили зубы, а потом Серёжа ушёл, оставив мне халат.

Я стояла под тонкой струей душа (вода нагревалась через колонку) и уговаривала сама себя: «Всё как-то странно... Серёжа изменился. Держи дистанцию! Хотя бы сегодня!»

Когда я вернулась, один из диванов белел простынёй и одеялом. Свет в комнате был погашен. Серёжа стоял у окна и смотрел, как роились снежинки вокруг фонарей.

– Завораживает, – тихо сказал он.

Я прислонилась к подоконнику.

– Правда. Снег идёт, и всё в смятенье! Удивлённый пешеход, убелённое растение! Перекрёстка поворот!

– Чьи стихи?

– Пастернак. А вот ещё: «Любить иных – тяжёлый крест, а ты прекрасна без извилин...»

– Это не о тебе. Ты и прекрасна, и умна!

Я замерла, не зная, как реагировать на эти слова, Серёжа никогда не говорил о моих внешних данных, разве что с лёгким поддразниванием, и сейчас, цитируя Пастернака, я предлагала ему возможность поимпровизировать на эту те-

му. (Сказать, например: «Извилины, наверное, тебе бы помешали прилететь ко мне», ну или что-то в этом роде.) «Ты прекрасна и умна!» – банально, как клише из пошлого романа, а главное, не обо мне! Я решила отшутиться:

– Так почему же моя жизнь – цепь дурацких поступков?!

– Видишь, ты ещё и самокритична.

Я молчала.

– Очень смешная ситуация: мужчина и женщина одни в комнате и разговаривают, вместо того чтобы...

Серёжа присел на край дивана, прислонился ко мне, обнял за талию и уткнулся лицом в живот. Я гладила его голову. И опять сбилось моё дыхание, и опять дрожь, и стало ясно, что тело ничего не забывает. Он усадил меня на колени, поцеловал умело (можно сказать, профессионально), потом отодвинулся и быстро стал раздеваться. Я сидела в халате, чуть откинувшись на подушки, и смотрела на Серёжу.

– Я тебе ещё нравлюсь? – посмеиваясь, спросил он.

– Да.

Серёжа прилёг ко мне и стал развязывать пояс.

– Ты ведь теперь девочка взрослая, покажи, чему научилась!

Эти слова вдавили меня в диван. Если бы их сказал не Серёжа, я бы тотчас же ушла. Что я могла ответить? «Приготовься! Сейчас ты умрёшь от оргазма!» Или: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала!» Или... Вариантов было много, но ни один из них не смог бы стереть из Серёжиной памяти, что после него в моей жизни были другие мужчины.

Я промолчала, просто прижалась сильнее и пальцами прикрыла ему рот. Он откинулся на диван и предоставил мне возможность быть хозяйкой положения.

Наверное, Серёжа действительно ждал от меня демонстрации новых умений, мне же хотелось просто прикасаться к нему. Он лежал, прекрасный, стройный, длинноногий, такой же, каким был и в первую нашу ночь. Я понимала, что не изменилось только тело, а сам Серёжа уже другой, но как не хотелось в это верить!

Когда он взял инициативу на себя, я почувствовала, что присутствую на показательном уроке, где демонстрируются приёмы, призванные обеспечить «неизъяснимы наслаждения». Но ничего подобного со мной не случилось. Се-

рёжа предлагал виртуозный секс, а я хотела, чтобы он ощутил мою любовь. И она-таки пере-силсила. Серёжин профессионализм сменился нежностью, и финал стал скорее общим примирением, а не триумфом победителя.

Утром я в роли хозяйки накрыла завтрак: расстелила на краю стола белое вафельное полотенце, заварила чай, сделала бутерброды с грибной икрой и нарезала солёный огурец.

— К такому завтраку в самый раз водочки, — прокомментировал Серёжа, — но это вечером. У тебя есть какие-то планы на этот день?

— Есть. Купить обратный билет, а то у меня экзамен пятого.

— Экзамен?!

— Ну да, у студентов-то сессия.

— Мучить будешь?

— Нет, пытаю их в течение семестра. А на экзаменах пятёрки ставлю. Я ещё собираюсь сходить к Спесивцеву.

— Кто это?

— Режиссёр. Он набирает новых актёров, хочешь попробоваться. Но боюсь, опоздала. Наверное, прослушивания закончились. Вот такие планы, других нет. Удивительно, в Москве бываю часто, а знакомых мало.

— Сделаем так: пойдём вместе, и билет тебе купим, и продукты к празднику, и прогуляемся.

Когда мы собирались, я распахнула халат и вдруг поняла, что стесняюсь раздеваться при Серёже. Я, конечно, преодолела эту застенчивость, надела платье в горошек с белым воротником, нарядилась, как обычно, с бравым видом повертелась перед зеркалом. Серёжа держал мою дублёрку, пока я пыталась попасть в рукава, но не коснулся меня, не приобнял (ни разу за всё утро), зато окинул взглядом и сказал:

— Лида, ты красивая женщина.

Я почувствовала себя старой и чужой.

Прогулка вышла замечательная. Без проблем я приобрела билет на второе января, запаслись «Советским» шампанским (две бутылки), потом в мясном отделе долго решали, что купить на минимум оставшихся денег, в результате пожилая продавщица в предновогоднем настроении посоветовала взять свежайший лангет из говядины. Средств хватило только на три порции. Серёжа был весел, остроумен, два раза мы слегка поцеловались в очереди, но по дороге домой я вопросами (безответными) о месте его работы, перспективах невольно разрушила создавшуюся атмосферу предпраздничной лёгкости.

В коридоре стоял запах жареной на свином сале картошки с чесноком. Соседи (лысый мужчина предпенсионного возраста и крашеная блондинка в байковом цветном халате) на кухне готовили обед. Я разместила продукты в холодильник, потом разложила оставшихся цыплят на сковороду и поставила разогревать. Женщина (она представилась Галиной) поинтересовалась, что это за блюдо, я стала объяснять, в дверь позвонили (четыре раза, так звонят к Серёже), и он пошёл открывать. Когда принесла еду в комнату, Серёжа был уже не один. Развалившись на диване, курил мужчина.

— Это Пётр, — сказал Серёжа, — я тебе о нём говорил. А это — Лида.

— Привет, Лида!

— Здравствуйте, Пётр. Сейчас будем обедать.

— Ах, как это славно! Прямо-таки деревней повеяло. «Иди, Петечка, мой руки, и обедать!» — так моя бабушка говорила. Ну так пойду ручки помую!

Петя вышел. Он был коренаст, низок ростом (чуть выше меня) и казался некрасивым. Скуластое лицо, нос с лёгкой горбинкой, глубоко посаженные тёмные глаза, но взгляд живой, острый, чувствовалось, что от его внимания мало что ускользает. Тембр голоса был приятный, низкий, но как бы чуть театральный. Пётр производил впечатление человека, слегка играющего на публику.

Я поставила тарелки с цыплятами и пошла за солёными помидорами и хлебом. Когда вернулась, Серёжа и Пётр, не дожидаясь меня, уже начали есть.

— Ах, как вкусно-то, господи! Ай да Лида! Ай да молодец! — приговаривал Пётр, утрированно причмокивая.

— Это мой папа готовил!

— Ай да папа! Ай да молодец! — повторил Пётр. — А у нас и помидорчики есть! А водочка к помидорчикам? А, Сержик?

— Сейчас будет и водка.

Серёжа достал бутылку из буфета. Водки там было меньше половины. Поставил две рюмки, разлил, а потом спохватился:

— А ты, Лида, будешь?

Сначала я хотела отказаться, но передумала.

— А то! Редкая сибирячка от водки откажется!

Выпили. Пётр сметал еду со скоростью исправного пылесоса. Успокоился только, когда кроме костей ничего не осталось.

— Хорошо было, но быстро кончилось! — Он отошёл от стола и, как бы по привычке, прилёг на диван.

Я мыла на кухне посуду, думала о том, что не таким я представляла Петю, и не могла отделаться от ощущения, что уже где-то видела его, хотя понимала, что раньше мы не встречались.

Когда вернулась в комнату, Серёжа вышел в коридор к телефону. Петя сидел в кресле и курил.

– Лидочка, ты зачем портретик-то порвала? Только прилетела, и на тебе! Уничтожила, можно сказать, шедевр начинающего гения!

Под шутливым тоном чувствовалась злость и агрессия.

– Гений всё может повторить в любой момент, если, конечно, натурщик вернётся.

– Какой натурщик?! Лида, ты даже не поняла, что он себя рисовал?!

– Разве? Я там Серёжу не узнала. А вы, Петя, сразу сходство уловили? Считаете, что Серёжа такой, как на портрете?

– А ты, Лида, штучка ещё та?! Да?!

– Петя, я, наверное, тоже перейду на ты, ты меня ставишь в тупик. Я чувствую с твоей стороны нападение, но не пойму, против чего ты борешься? Если у Серёжи талант живописца, то надо помочь ему, может, учителя найти.

– И ты вот специально прилетела для этого? Или, может, всё-таки для чего другого? Может, зачесалось у тебя там, в одном месте?!

Я оторопела. Что ответить?! Что ответить, 62 учитывая, что он Серёжин друг?

– Нечего сказать?

– Нечего.

– А ты и не говори! Пользуйся моментом!

– Спасибо, пользуюсь с радостью. Петя, мне Серёжа сказал, что ты его друг, лучший на данный момент. И я изначально относилась к тебе как к его другу. Мне, например, хотелось узнать, какую музыку ты пишешь? Кто тексты сочиняет? И вообще, как в нашей стране можно свою группу собрать? Но, возможно, я не правильно поняла Серёжу, и он говорил не о тебе?

– Лидуха, ты кто вообще такая?! Наверное, отличницей была? Вопросы она мне задавать хотела! «Какую музыку ты пишешь?!»

– А на самом деле нужно спрашивать, сколько говна тебе приходится есть, чтобы чего-то добиться?

Вошёл Серёжа.

– Ну что, вы познакомились поближе?

– Да, мы поболтали, – с улыбкой ответил Петя. – Лида сказала нехорошее слово.

– Только слово? Вообще-то она спец по фене. Однажды был свидетелем! Теперь, навер-

ное, студентов этому учит. Правда, предмет назвала «Риторикой», – Серёжа шутил, не представляя, какой разговор только что состоялся у нас с Петечкой.

– Гармонично развитая личность, – подытожил Пётр. – Ладно, по поводу вечера всё остаётся в силе? – обратился он к Серёже.

– Да. Часам к семи придём.

– Ну, пока! До встречи, Лидия! Приятно было познакомиться.

Пётр ушел.

– Мы сегодня идём к нему в гости?

– Да.

– Он очень странный.

– Почему? Мне он кажется нормальным. Хотя многие талантливые странны.

– А он – талант? Как музыкант?

– Он вообще талант! Во всём! Если бы жил в нормальной стране, миллионами бы ворочал.

– Он тебе в чём-то помогает? Поддерживает тебя?

– Он мне?! Я ни в чьей помощи не нуждаюсь! Это скорее его надо поддерживать! Хотя сейчас у нас обоих дни не самые лучшие. Но ничего, прорвёмся! А почему ты расспрашиваешь о нём?

– Он же твой друг, и потом, я ему не понравилась.

– Не заметил.

– Он при тебе общается совсем по-другому. А мне гадости говорил.

– Не обращай внимания, он вообще баб не особо за людей держит.

– Думаю, это взаимно.

– Не скажи. У него с этим проблем нет.

– Бедные женщины. Я, конечно, видела его мало, но создалось впечатление, что он со всеми играет, и с тобой тоже. Мне кажется, он завидует тебе.

– Что за фантазии?! Всё! Оставим эту тему! Он мой друг, и это не обсуждается!

Серёжа включил телевизор (тот же маленький, переносной) и лёг на диван. Я решила немного прибраться и стереть пыль.

– Не надо ничего делать. Здесь и так нормально.

– Как скажешь.

Некоторое время мы смотрели мультфильм про приключения Снеговика, потом я сказала:

– Ты обещал показать свои стихи.

– Уж и не знаю, вдруг ты и их порвёшь? – Серёжа улыбнулся, встал, достал из письменного стола несколько листов и дал мне.

Это были, конечно, не стихи, а рифмованные истории, написанные от лица вымышленных героев. Рифмы банальные, часто нарушался размер. Наверное, поэзию Серёжа воспринимал как интеллектуальную игру, которой может научиться любой умный и знающий правила. Серёжа был уверен, что разгадал эту нехитрую премудрость и пишет не хуже, чем многие другие. Я по-настоящему расстроилась.

«Зачем он на это тратит время? Почему не занимается своим делом? Что хочет доказать? Что с ним происходит?!» Серёжа ждал моей реакции. Я решала: пощадить его самолюбие, соврать либо сказать правду и, возможно, обидеть его? Врать не хотелось, но и критика вряд ли принесла бы пользу. Я попыталась найти компромисс, выбрала из всего наиболее живые строчки. Они были написаны от лица отвергнутой любимым женщины:

*Мне ночью страшно без снов!
Пустую видеть тишину,
Фатальный бой глухих часов.
Но как же это объяснить ему?!*

И сказала Серёже, что он здесь он тонко чувствует женскую психологию:

– Это очень похоже на правду! Сразу чувствуется, что женщины с тобой откровенны, а ты умеешь слушать. – И я, действительно, так думала.

– А Пете это понравилось меньше других.

– А остальные он считает лучше?

– Да.

«Интересно: у Пети плохо со вкусом или он врёт специально. Но для чего? Что ему нужно от Серёжи?» – задавала я себе вопросы.

– Ладно, баловство это всё! Пора собираться! – закончил обсуждение Серёжа.

– Как мне одеться?

– Так, чтоб жарко не было. У Пети комната тёплая.

Пётр жил в Центре, в двух остановках от Серёжиного дома. В гастрономе мы купили бутылку водки, хлеб и колбасу. Шли через дворы. Опять крупными хлопьями падал снег. Дворники не успевали расчищать дорожки, и жители самостоятельно прокладывали узкие тропы, с удовольствием, как в детстве, оставляя следы на хрустящем рыхлом покрове. Я шла следом за Серёжей. Он часто курил и разговор поддерживал в состоянии некоторой рассеянности.

В коммунальной квартире на три хозяина Петя снимал комнату размером с коридорчик. В ней вплотную стояли узкий шифоньер, раскладной диван, журнальный столик, стул, и ещё оставался узкий проход, в котором два человека, не задевая друг друга, расходились с трудом.

Я сразу облюбовала угол дивана и села, поджав ноги (была одета в длинную клетчатую гофрированную юбку и тонкую водолазку), Серёжа занял стул.

Пётр поставил кассету с записью концерта Стиви Уандера (Song in The Key of Life). Через минут пять с подносом вошла худенькая невысокая женщина лет тридцати, без косметики, с собранными в хвост чёрными волосами, представилась Татьяной, Петиной соседкой, и поставила на стол рюмки и тарелки с бутербродами. Серёжа из пакета достал водку, а Петя с подоконника бутылку Рижского бальзама и коньяк. К дивану придвинули столик, и компания расселась вокруг него.

Я оказалась между Петей и Таней, чувствовала себя чужой, но смотрела на Серёжу и думала: «Пусть все немного не так, как мне представлялось, но я с Серёжей, и это реальная жизнь». В течение трёх часов все поглощали алкоголь (бутерброды съели в самом начале). Серёжа и я быстро опьянели, потом, когда откуда-то появилась ещё и настойка (я её уже не пробовала), захорошели и Пётр с Татьяной.

Разговор не складывался даже у мужчин, хотя видно было, что их взаимное приятие возрастало пропорционально выпитому. Пётр никак ко мне не обращался, но иногда внимательно смотрел. Таня в основном молчала, но всем видом демонстрировала безусловное одобрение всего, что говорили и делали Петя с Серёжей. Я пыталась ничем не выделяться из компании, но всё же сил моих выдерживать этот столичный способ скоротать вечерок хватило ненадолго. Где-то часа через два, когда Стиви запел мою любимую песню (Pastime Paradise), я, заметив свободное пространство (где раньше стоял столик), пробралась к нему (по дороге как бы нечаянно наступила Пете на обе ноги) и стала с радостью, как застоявшаяся коняга, танцевать, не заботясь о том впечатлении, которое мог произвести на окружающих мой поступок. А он произвёл: Серёжа сначала удивился, потом, заметив улыбку Петра, занервничал, разозлился и перестал обращать на меня внимание. Пётр, наоборот, не отводил возбуждённого взгляда. Таня держала

нейтралитет, но, когда музыка стала более ритмичной, протиснулась ко мне и вторую композицию мы танцевали вдвоём.

На улице все (Петя и Таня пошли нас провожать) немного отрезвели. Время близилось к ночи. В метро Серёжа и я влились в поток пассажиров, многие из которых были, как и мы, подвыпившие. В ожидании поезда я стояла недалеко от Серёжи и машинально просматривала варианты пересадок. Неожиданно появилась весёлая шумная компания девушек и юношей, один из них, высокий, озорной, чуть отстал и, глядя на меня, воскликнул:

– Я давно таких красивых не встречал! Пойдём к нам! У нас весело!

Я усмехнулась, отрицательно покачала головой, и он побежал догонять своих.

Серёжа, когда я повернулась в его сторону, с иронией сказал:

– Что ж ты не оценила предложение? Уровень твой!

Раньше подобная Серёжина реплика вызвала бы во мне слёзы обиды, а сейчас я только с горечью подумала: «Серёженька! Что с тобой?! Чем ты недоволен?! Что мне сделать, чтобы тебе было хорошо?!»

Перед сном я пошла в душ, а Серёжа стал рисовать рюмку, предварительно выпив из неё водку (из запасов на Новый год). Когда я вернулась, он спал, положив руки и голову на стол. Я постелила бельё, надела ночнушку и помогла ему перебраться на диван. Раздевать не стала, прилегла рядом и накрыла одеялом. «Совсем не верится, что завтра Новый год!» – подумала я, засыпая.

– У меня сегодня очень много дел, – сообщил Серёжа после завтрака. – Чем ты будешь заниматься?

– Попытаюсь попасть к Спесивцеву, приготовлю ужин, наведу порядок и, если успею, в парикмахерскую забегу. Мы же дома будем встречать?

– Возможно.

– С кем?

– Пока нет никакой определённости.

– А когда прояснится?

– Часам к семи.

– Серёжа, я лангеты не готовила ни разу, знаю, что мясо нужно отбить. А чем? Давай я просто сделаю говядину с луком. Это у меня должно хорошо получиться.

– Сделай как хочешь.

Серёжа ушел. С утра он периодически выбегал в коридор к телефону, со мной говорил только о самом необходимом, обсуждать прошедший вечер не стал, на моё шутливое замечание о том, что изображать наполненные рюмки лучше, чем пустые: хоть какая-то заначка остается, – вяло улыбнулся, зато неожиданно, не глядя на меня, произнёс:

– Ты утром так же хороша, как и вечером.

Это так не вязалось с тем, как он общался со мной весь вечер и утро, что на секунду от этих слов мне стало как-то тревожно.

Последний день тысяча девятьсот семьдесят девятого года был тёплым, поэтому я не замёрзла, пока искала здание театра-студии Спесивцева. Убедившись, что набор уже завершён (об этом сказал какой-то мужчина, наверное, сторож, вышедший после того, как я долго стучала в дверь), я пошла готовить новогодний ужин (пораньше, чтобы в случае неудачи был запас времени как-то выйти из положения).

Над мясом колдовала два часа. Получилось вкусно, но мало (порции четыре), даже с учётом добавленного лука. Начистила картошки, оставила в кастрюле с водой, чтобы потом отварить. Познакомилась ещё с одними соседями. Честно говоря, они были похожи на тех, которых я видела раньше, только мужчина ещё не облысел, а на женщине, тоже блондинке, халат был не цветастый, а однотонный (бордовый). Они одолжили мне лавровый лист и с радостью поделились своими наблюдениями: оказывается, женщины, посещающие Серёжу, ни с кем не здороваются и не разговаривают. А уж чтобы на кухне кто-то из них появился, так этого вообще не было. Я никак не комментировала эту информацию и постепенно перевела разговор на тему сибирских морозов. (Беспроблемный вариант.)

В комнате навела порядок, стёрла пыль, подмела пол и пошла в парикмахерскую – в дом через дорогу. В целях экономии решила сделать не причёску, а завивку на бигуди (это было дешевле), и уже перед праздником уложить волосы самой.

К Серёже вернулась к шести часам. В комнате был только Пётр.

– Мать, как ты всё вкусно приготовила! Даже не ожидал, что у тебя такие таланты! Мы с Серёгой почти всё умяли!

Я подумала, что он шутит, но увидела на столе сковороду, в которой еды осталось на одну ложку.

– Так там же ещё гарнир предполагался, я собиралась отварить картошки!

– А нам и без гарнира понравилось, хлебушком помакали да и съели! Молодчина!

– А в Новый год что на стол поставим?!

– На ночь наедаться вообще вредно! К тому же ты говоришь, картошка ещё есть!

Я не стала продолжать эту тему, решила дожидаться Серёжу, да и Петин задор показался мне насмешливым и даже злорадным.

Из кухни Серёжа принёс чай. Посмотрел на меня и ничего не сказал. И я промолчала.

– Серж, глянь, что у Лиды стало с волосами! Кудри, как у благородной дамы.

Расстроенная скоропостижной кончиной еды, я забыла о полуфабрикатном варианте причёски, вид который был, конечно, дурацкий. Серёжа в разговор не вступил. И я вдруг почувствовала, что Петина насмешка – это ещё даже не начало того, что предстоит мне пережить в этот праздник. Неожиданно меня осенило: «Да они же уйти собираются! Без меня».

Пока друзья пили чай (мне никто не предложил), я расчесала волосы, собрала грязную посуду и унесла мыть на кухню. Я так хорошо чувствовала Серёжино настроение, что никаких вопросов задавать ему не собиралась. Ситуация мне напоминала историю о Дюймовочке, когда бедная девочка не понравилась приятелям Жука.

«Интересно, как Серёжа скажет мне об этом? Какие найдёт слова?!» Сама задавать ему вопросы я не собиралась. Зачем? И какие? «Почему ты, Серёжа, молчишь?» «Чем я обидела тебя?» «На что ты надеялся, когда звал меня к себе?» Я подозревала, что ни на один из них у Серёжи вразумительного ответа не было.

В двери я столкнулась с уходящим Петром, державшим позвякивающие бутылками пакеты. Мы молча разошлись. В комнате присела на диван. Серёжа, уже одетый в дублёнку, из буфета достал жестяную коробку папирос «Герцеговина Флор» и открытую, почти полную бутылку «Столичной». Коробку он взял с собой, водку поставил на стол, посмотрел внимательно по сторонам (но только не на меня), мол, ничего не забыл? – и вышел.

Когда я поняла, что моё предположение оказалось правильным, то от отчаяния не смогла сначала даже пошевелиться. Не плакала, только тихонько постанывала, прижав лицо к коленям. Первые четыре часа ещё прислушивалась к шагам в коридоре, надеялась, что Серёжа всё-

таки вернётся. Но слышно было только отдалённые голоса соседей. Уйти я никуда не могла – ключей от квартиры и комнаты, которые дал мне Серёжа, на их обычном месте не оказалось, а оставлять дверь открытой я, конечно, не решилась. Позвонить домой можно было только по междугороднему автомату, по телефону в этой квартире кемеровские номера не набирались.

Никаких сетований по поводу собственной глупости, никаких поползновений понять происходящее у меня не было.

Я не винила ни себя, ни Серёжу! Не вскрикивала: «Какая дура! Зачем приехала?! На что надеялась?!» Потому что, когда ехала сюда, как раз и не надеялась ни на что! Разве только опять увидеть Серёжу, просто быть с ним! Вот и побывала!

Тысяча девятьсот восьмидесятый год я не встретила – он сам незаметно прокрался, когда, примостившись на коврик у буфета (почему-то только там меня трясло меньше всего), я пила мелкими глотками водку из стакана.

Не пьянела. Такой одинокой до этого я была всего один раз. Тогда меня восьмилетнюю мама вечером привезла в прокопьевскую больницу в отделение костного туберкулеза. (Мне предстояла операция на тазобедренном суставе). Место в палате (его ждали два месяца) освобождалось только утром. Чтобы не возвращаться домой, в Белово, мама договорилась, и на одну ночь меня положили в коридоре. Широком, продуваемом. Вместо кровати – каталка: высокая, узкая, прохладная и жёсткая, на неё же мама поставила сумку с моими вещами. Прямо над головой на потолке болталась тусклая лампочка в металлическом синем плафоне. Полночи я плакала от страха, одиночества, неизвестности, а потом заснула, обняв сумку, от которой пахло мамиными духами «Красный мак».

От этих воспоминаний я наконец заревела во весь голос, причитая: «Господи! Мама! Мамочка! Господи!»

Позднее, не раздеваясь и не расстилая постельное бельё, прилегла на диван и, засыпая, вспоминала, как тогда в больнице утром ко мне на костылях подошёл рыжий мальчик и положил на каталку пряник. Мальчик был старше меня на два года и звали его Пашкой. Вспомнила, как через месяц после моей операции мы бежали уже вместе по больничному парку, но из нас на костылях теперь была я, а Пашка готовился к выписке. «Лидя, не переживай! Ты тоже скоро будешь ходить нормально!»

– Когда же?! Когда же уже?! – всхлипывала я на диване, окончательно уходя в сон.

Серёжа вернулся в десять утра. Усталый, бледный, почти потусторонний. Он разделся и повалился на диван, натянув одеяло с головой. Около часа я лежала, думала, где провести оставшийся день. Решила: «Пойду в Театр на Таганке!» Попастъ туда было невозможно, но я чувствовала, что в результате переживаний этой ночи во мне многое изменилось: то ли третий глаз наметился, то ли кожа стала толстой до непробиваемости, то ли сила всех оставленных в Новый год женщин вселилась в меня неведомым образом. Я не сомневалась – сегодня передо мной откроется любая дверь, так как остановить меня было невозможно.

Я посмотрела в зеркало (удивительно, но на лице следов слёз не осталось, а глаза светились ярче), сходила в душ, расфрантилась по первому классу, оставила на столе записку: «Приду поздно» – и выскочила на улицу!

В двенадцать часов заняла очередь в кассу: передо мной стояли только четыре молодых человека. Сегодня давали спектакль А. Чехова «Вишнёвый сад» в постановке А. Эфроса. Естественно, висело объявление, что все билеты проданы, и кассир периодически говорила, что мы стоим напрасно, шансов нет.

Мне всё равно идти было некуда, но и юноши не отступали. Трое из них держались вместе, а четвёртый сам по себе. Прошло два часа. Мы уже перезнакомились, выяснилось, что мальчики – студенты: трое из медицинского, а четвёртый (высокий красивый брюнет) – из высшего училища им. Баумана. Он представился Мишей и неожиданно спросил:

– Хотите, я вам пирожок куплю?

Эту идею тут же подхватили медики:

– Точно, давайте сгоняем за жратвой! А то до вечера ноги протянем!

Беляши и лимонад на некоторое время скрасили наше ожидание, но по-прежнему не появлялось никакой надежды на возможность купить билеты.

Миша неотступно находился возле меня и что-то рассказывал или задавал вопросы. Поскольку мысленно я постоянно разговаривала с Серёжей, вернее, я говорила, а Серёжа слушал, то часто отвечала Мише невпопад.

– Лида, вы, наверное, стихи пишете? – вдруг спросил Миша.

– Почему вы так решили?

– Я чувствую. Ну, так пишете?

– Редко. А вы любите стихи?

– Да! У нас в институте есть студия. Тоже пытаемся сочинять.

– Прочитайте свои!

– Однажды горная река устала скал лизать бока

И упорхнула в облака, свежа, прозрачна и легка.

А утром там, где ты живёшь, на землю выпал летний дождь.

И долго веяло потом прохладным горным ветерком!

– Здорово!

– Вам, правда, понравилось?

– Да!

– Теперь вы!

Я прочитала, потом опять он. Выяснилось, что Мише нравятся стихи Юрия Кузнецова и Давида Самойлова, и мы вспоминали любимые строчки.

– Лида, у меня сегодня с утра было предчувствие, что произойдёт что-то важное!

– И произошло?

– Да. Вы появились.

– Женщина с третьим глазом, с непробиваемым панцирем и старше вас на пять лет?! Но, если серьезно, сегодня обязательно должно произойти действительно важное, надеюсь, мы попадём на этот спектакль!

До начала было два часа. Мальчики постепенно сникли, при мне оставались сверхъестественное спокойствие и уверенность в успехе.

Через пятнадцать минут открылась служебная дверь, и показался молодой мужчина.

– Ребята, у нас накладка сегодня! Надо помочь перенести кое-что! Как вы?

– А билеты?

– Да посадим мы вас куда-нибудь!

Мальчики ринулись к двери.

– А Лида? Лида должна пойти с нами! – вскричал Миша.

– Пусть и Лида идёт! Только быстрее! Мы декорации ставить не успеваем! С этим Новым годом всё делается через... – он не договорил, но все поняли.

И вот я в театре! Не просто в фойе, а в коридорах, закутках, цехах электриков и декораторов и даже на самой сцене! Хожу, как по музею: на стенах новогодние шуточные поздравления, шаржи, стихи! Что-то вроде стенгазеты для сво-

их. Подписи под остроумными строчками: Смехов, Золотухин, Высоцкий, сам Любимов! Невероятно!

Пока ребята ставили декорации (вид на پوست), я сидела в комнате для работников сцены. Периодически кто-нибудь заходил, доброжелательно здоровался и что-нибудь предлагал: чай, пряничек, кофе, конфеты. И от этого нормального человеческого отношения я с трудом сдерживала слёзы. Наконец работу закончили, и нас разместили в зале (это невероятно, но нам с Мишей достались лучшие места в центре партера).

Начался спектакль, и ко мне постепенно стала возвращаться жизнь. Это чеховское уравнение Эфрос решал совсем не так, как рекомендовала школьная программа по литературе или как делали до него другие режиссёры. Для меня главным мотивом стала история любви Лопухина (его играл Высоцкий) к Раневской (Демидова).

Я не была поклонницей Высоцкого-исполнителя. Большинство слов из песен, записанных любителями на концертах, из-за плохого качества слышать было невозможно. От надсадно-эмоционального хрипа у меня оставалось впечатление, что человек страдает, а почему? Детали ускользали. Хотя его «Кони» душу точно рвали! (Слушала на гибкой пластинке.)

Я любила Высоцкого-киноактера! В его героях, за редким исключением, угадывался тип мужчины, о котором мечтает почти каждая женщина: умный, решительный, сильный, порядочный, скрыто-чувственный, любящий женщин, но превыше всего ставящий интересы дела, как и положено мужчине. Фильм «Служили два товарища», где Высоцкий играет белого офицера, я смотрела раз пять.

И вот Высоцкий на сцене, от меня в нескольких шагах. Вышел какой-то помятый, но уже не Высоцкий, а Лопухин. И пошло действие. Как он мучился, бедный, как зависим был от этого своего чувства к Раневской (мечтающей любой ценой поскорее вернуться в Париж к любовнику), как понимал всё! Взглядом, лёгким поворотом, улыбкой, намёком на движение, интонацией почти однообразной, но такой сокровенной Высоцкий лепил образ мужчины, которого когда-то я увидела и полюбила в Серёже.

Все остальные актеры в мастерстве своём Владимиру Семёновичу не уступали. На сцене уже не было вымысла, а только жизнь! Концентрация жизни!

От потрясения я тихо плакала весь спектакль. В антракте Миша купил мне коржик, но есть я не могла.

– Ты же мне потом объяснишь, отчего эти слёзы? – спросил он.

– Это займёт много времени, а у нас его с тобой нет.

– Почему?

– Я улетаю завтра.

– Утром?

– Вечером, но это неважно.

– Это важно. Во-первых, я провожу тебя сегодня домой, а, во-вторых, завтра в аэропорт.

Миша оказался редким юношей: умным, искренним, внимательным, весёлым, понимающим с полуслова.

Мы обсуждали спектакль, я пыталась объяснить концепцию режиссёрского замысла, горячилась, когда Миша возражал, смеялась, когда он утрированно замолчал и перешёл на язык жестов. За разговором не заметила, как подошли к подъезду.

– У тебя чемодан тяжёлый?

– Нет.

– Жаль. Не смогу завтра продемонстрировать свою физическую форму.

– Не надо этого делать. Ты и так не производишь впечатления человека из реальности. И провожать меня не надо.

– Я всё равно буду ждать тебя завтра здесь.

У подъезда появился Пётр. Сначала он мельком посмотрел на Мишу, а потом на меня. Узнал и молча скрылся в дверном проёме. После спектакля Петя уже не произвёл на меня такого гнетущего впечатления, но видеть его всё равно было противно.

– Тебе хочется туда идти?

– Мне хочется оказаться дома.

– Может, переночуешь у нас? Я живу с мамой, она поймёт.

– Спасибо, Миша! Правда, спасибо! Но на сегодня новых впечатлений достаточно! Уже поздно, пожалуйста, иди домой!

– Лида, во сколько тебя завтра ждать? Когда твой самолёт?

– Самолёт вечером, но я поеду раньше. В два часа.

– Я приду.

Поднимаясь по лестнице, я пыталась представить, какие Серёжа найдёт слова для меня, когда Пётр уйдёт домой. Но Петечка никуда не ушёл, остался ночевать. Они спали с Серёжей

на одном диване. Зная, что отклонений от сексуальной нормы у них не было, я поразились, на какие неудобства пошёл Серёжа, чтобы только не оставаться со мной наедине. Весь остаток вечера друзья ёрничили, посмеивались, подыгрывая друг другу. Я была спокойна и доброжелательна. (Когда Петя захотел есть, а в доме не было даже хлеба, отдала ему коржик.) Мой третий глаз ясно видел скрытую Серёжину неловкость и некоторые зачатки стыда. Даже Петечка был растерян, наверное, моё поведение не вписывалось ни в какие привычные для него рамки.

С утра я прошлась по магазинам (денег хватило только на московскую карамель, подарок из столицы) и к часу уже была у Серёжи. Петя так и не уходил. Я собирала вещи, а Серёжа с дивана наблюдал за мной. Когда застёгивала сумку, он встал, достал из ящика стола фотографию и протянул мне. На ней Серёжа сидел в компании с друзьями.

– Вот тебе моя фотокарточка. Говорят, что дарить фото к расставанию. Думаю, мы уже с тобой не увидимся никогда.

– Спасибо за снимок.

– Лида, ты поняла? Мы расстаёмся с тобой! Навсегда!

– Поняла, Серёжа. Жаль, что мало зрителей присутствует при этом. Хотя настоящий актёр готов играть и для одного, – эту фразу, как и многие другие, я придумала позже, когда летела в самолёте, а в момент прощания, проглатывая ком в горле, пожелала Серёже быть счастливым.

На улице меня ждал Миша. До самого пункта досмотра в аэропорту он развлекал меня, как мог. Я, опуская подробности, рассказала о том, как встретила этот Новый год.

– Может, Сергей болен? – предположил Миша.

– Скорее всего, лечиться нужно мне. Если бы не Таганка и не ты, я бы точно умом тронулась. Тебе между лопатками ничего не мешает?

– В каком смысле?

– В смысле, не режутся ли там крылышки?!

– Нет уж, не надейся! Я абсолютно земной, а временами даже приземлённый. А здесь, потому что это единственная возможность побыть с тобой подольше. Ты мне дашь свой адрес и телефон?

– Конечно. Звони. Пиши. Миша, у тебя по литературе пятёрка была?

– Лида! При чём здесь литература?! Ты... Я даже не думал, что такие действительно есть! И

не возражай, и ничего не говори о своём возрасте! Это смешно! И... мы скоро встретимся! Я предчувствую.

– Это, наверное, мой третий глаз к тебе переметнулся. Ну и пусть! Для хорошего человека не жалко!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Чем дальше я улетаала от Москвы, тем меньше ощущала присутствие в себе сверхъестественных способностей. К моменту посадки исчезли не только третий глаз и непробиваемость, но и последние силы жить. Всякий раз, когда вспоминала очередной эпизод поездки, сердце заходило от ощущения свалившегося несчастья. Я отупела от тщетных попыток дать логическое объяснение тому, что со мной произошло, и уже не задавала вопросы: «За что?!», «Почему?!» и «Что ты делаешь с собой, Серёжа?!» Меня знобило, и очень хотелось оказаться в своей комнате.

На автобусе я доехала до своей остановки, буквально еле волоча ноги, забралась на пятый этаж, тихо открыла дверь и, сняв дублёрку и сапоги, одетая рухнула на диван под одеяло.

Я заболела. Простая простуда осложнилась пневмонией. (Наверное, потому что с температурой принимала экзамены.) Мой организм оказался умнее и в целях самосохранения решил пожертвовать физическим здоровьем, сохранив психическое. Выздоровливала медленно, но к концу зимы вошла в привычное расписание: работа, лекции, подруги, дом. Я запрещала себе вспоминать московские каникулы, но, когда приходили письма от Миши, а он писал часто, иногда не дожидаясь ответа, опять возвращалась к тем событиям и мучительно пыталась найти всему объяснение.

Сначала, конечно, винила злобного паука Петечку. Он, по моим представлениям, присосался к Серёжиной душе и уничтожал лучшее в ней. (Кстати, во время болезни перечитывала «Бесов» Достоевского и поняла, почему мне показалось, что Петю я уже где-то видела: в моём представлении Верховенский был именно таким.)

Потом, сгорая от стыда, я решила, что сама вела себя как последняя идиотка! (Уничтожение портрета, попытки разоблачения Петра, сразу же после первого знакомства с ним, а чего стоил мой показательный сольный танец в Петинной каморке!)

Серёжу я ни в чём не винила, но понимала, что его надо спасать. Как? Не знала и от этого

мучилась. Наконец нашла правильное, как мне показалось, решение и написала ему письмо.

«Серёжа, господи, как стыдно! Уже двадцать четыре года, а всё о том же: люблю! Всё понимаю, но ничего не могу с собой поделать! Когда ты рядом, я спокойна и счастлива! С тобой я осуществляюсь как человек и как женщина!

Меня спрашивают: где гордость? Где достоинство женское? Какая гордость, какое достоинство, когда жизни без тебя нет! Мама говорит: «Из гроба выскочишь, если позовёт!»

Но ты ведь, наверное, и сам это знаешь! А пишу я, потому что боюсь за тебя! Серёжа! Что ты с собой делаешь?! Что Ты с Собой делаешь?! Тебе же Богом дано, что и не перечислить! Уж и умён, и талантлив, и красив! Что происходит с тобой? Я мало знаю о твоей жизни, но сердцем чувствую, что душа твоя мечется! Почему? Надеюсь, у тебя есть ответы на эти вопросы!..»

Письмо заканчивалось так:

«Дай Бог тебе идти своей дорогой, а тогда и я буду счастлива. Аминь».

Никогда и нигде я не употребляла этого последнего в письме слова. Почему оно пришло мне на ум? Наверное, мне казалось, что именно «аминь» должно передать всю серьёзность моей тревоги за Серёжу.

Дней через десять после отправления письма Серёжа мне позвонил. Разговор был коротким:

– Я прочитал. Если ты хочешь перебраться в Москву, то могу предложить тебе фиктивный брак со мной по минимальной цене. Две тысячи.

– Брак?! Две тысячи?!

– Да.

– А видаться мы будем?

– Возможно. Но жить отдельно.

– Это неожиданное предложение

– Обдумай и позвони, если согласна.

Серёжа ошеломил меня. «При чём здесь Москва?!» – был первый вопрос, второй: «Наверное, ему очень нужны деньги?!» Папа, который слышал наш разговор, взял меня за руку, усадил на диван и сказал: «Лида, расскажи мне всё как есть».

После возвращения из Москвы, избегая подробностей, я сказала родителям, что с Серёжей мы просто поссорились. Теперь решила, что лучше, и правда, папе узнать всё как есть.

Его реакция меня удивила. Не комментируя годовые события, он сказал:

– Две тысячи – это большие деньги («жигули» стоят пять), но я могу их достать. Если ты

действительно хочешь уехать! Боюсь только, что обманет он!

– Папа, мне не Москва нужна, а Серёжа! А он жить со мной не собирается!

– Да и хрен с ним! Другого найдёшь. Зато прописка будет, в столице останешься!

– Менять работу, жить в коммуналке, без вас, без друзей! Ради чего? Чтобы, возможно, иногда он позволял себя видеть?!

– Чтобы в Москве закрепиться! Там другая жизнь!

– Точно. Но не моя.

– Ну, тебе решать.

Возможно, если бы это коммерческое предложение было сделано мне до Нового года и не Серёжей, я бы задумалась, потому что действительно хотела поступать на режиссёрские курсы, и мне казалось, что сделать это будет проще, проживая в столице. Но и тогда бы вряд ли согласилась: две тысячи (конечно, одолженные), папе пришлось бы отрабатывать несколько лет, не позволяя себе никаких излишеств и поездок в отпуск. А попытаться поступить на курсы можно было и не меняя прописки.

Серёже я не позвонила. И только теперь поняла, что это точно конец наших отношений. В сердце своём я чувствовала такую дыру, что удивлялась, почему, кроме меня, никто не слышит свист от сквозняка, несущегося через неё. Жила по привычке, стараясь добросовестно выполнять каждодневные обязанности.

Вечерами помогала папе готовиться к государственным экзаменам. Часто после обсуждения вопросов очередного билета, мы вели откровенные разговоры.

– Из меня человека Нина сделала. Кто я был?! Пацан без образования! Только что петь умел. А у неё характер! Её уважают буквально все! Мама хоть с кем общий язык находит! И насквозь всех видит. А я перед ней виноват! И перед Сашкой виноват! Мало ему внимания уделял! Всё работа да работа! А вот теперь он в Казахстан уедет (Сашу определили в Актюбинск), и неизвестно, когда увидимся!

Но больше всего папа переживал, что редко приезжал к своей маме.

– Почему таким дураком был?! А сейчас уже не поправишь ничего!

Я его утешала:

– Все мы, дети, такие, о родителях вспоминаем, когда жизнь прижмёт.

В один из вечеров папа вдруг сказал:

– Лида, роди нам с мамой ребёнка! Ты замуж, наверное, не скоро выйдешь! Роди, от кого хочешь, оставь нам, а сама можешь дальше учиться!

– Папа! Ты что?! Я, во-первых, своих детей не оставляю никогда, ни с кем, даже с вами, а во-вторых, Аня скоро родит!

– Это хорошо, но они уедут, и ты собираешься. Будем мы с матерью одни.

– А хор твой?! А хоровики... и хоровички?!

Папа пристально посмотрел на меня.

– Ты знаешь?..

– Да. Я вас видела в больнице.

– Осуждаешь?

– Нет. Просто жалко всех. Никто не виноват, но и счастья нет! Давай не будем это обсуждать!

– А мама... ты ей сказала?

– Конечно нет! Как ты мог такое подумать?!

В апреле мы узнали, что меня назначили секретарём ГЭКа у заочников.

– Да! Покажи такое в кино, я бы сказал, что сценаристы совсем заврались! – смеялся папа. – Это же надо: отец сдаёт экзамены, а дочь в комиссии!

– Папа! Ты же уникальный студент! История нашего вуза ещё не знает примера, когда бы диплом получали в сорок девять лет! Ты – первый!

– Теперь у меня переживаний в два раза больше будет!

Но всё прошло успешно, особенно экзамен по хоровому дирижированию. С трудом умещаясь на сцене актового зала, поблёскивая кокошниками и атласными лентами на сарафанах и рубашках, стоял папин хор: аппаратчики, лаборанты, пожарные, шофёры, воспитатели детских садов... (По распоряжению директора химкомбината всех участников в этот день освободили от работы.) Папа, я знаю, накануне от переживаний заснул только под утро, но по его вдохновенному лицу, по тому, как он взглядом ободрял своих певцов, вселял в них уверенность, никто бы не заметил ни волнения, ни тем более усталости.

Никогда до этого хор не пел так профессионально. Мощно, проникновенно, до самого сердца. По протоколу ведения экзамена аплодировать не разрешалось. Я сидела рядом с председателем экзаменационной комиссии (женщиной, профессором из университета). Отзвучал хор, она поднялась, первая захлопала в ладоши, а за ней и весь зал! Взволнованный папа еле сдерживал слёзы! Зато, не стесняясь, плакали некоторые участницы и, конечно, я. В довершение

успеха в этот день стало известно, что подписан указ о присвоении папе звания заслуженного работника культуры России.

Середина лета стала временем расставаний: сначала проводили Сашу (Аня должна была приехать к нему после родов), потом Марину. Она всё-таки решила поступать в Ленинградский институт. С Марином их отношения так и не определились:

– Сдам экзамены, там видно будет!

Вера уехала на собственную свадьбу с Игорем. Обещала к сентябрю вернуться с мужем.

Наташа, моя коллега, осенью опять собиралась в Ленинград, поступать в аспирантуру, а пока мы с ней принимали вступительные экзамены. Иногда после работы гуляли по Весенней, ходили в кафе и в гости к Мите, который тоже через месяц уезжал в Ленинград. На меня по-прежнему заглядывались молодые мужчины, и с некоторыми из них я встречалась. В моменты свиданий предугадывала поступки и ответные реплики кавалеров. При этом они были очарованы мной и уверены в собственной неотразимости. Ни о какой любви я не думала и мёрзла постоянно, потому что дыра в сердце не зарастала, и из неё сквозило пуще прежнего. А когда позвонил знакомый поэт и сказал, что умер Высоцкий, стало ещё хуже. И даже сообщение папы о том, что на конец августа он мне купил путёвку в Болгарию, сквозняк этот остановить не смогло.

«Курица не птица, Болгария не заграница», – шутили туристы в нашей группе, хотя поехать туда могли или начальники, или передовики производства, или имеющие знакомство. (Как в моём случае). Прежде, чем получить путёвку, я прошла два собеседования: в институте на бюро комсомола с присутствием парторга, где задавали вопросы о политике Болгарской коммунистической партии, о её лидерах; и в обкоме профсоюзов, там в основном давалась информация о правилах поведения советского гражданина за границей. Всё это было и смешно, и противно, но неизбежно. На общем собрании туристов меня выбрали культторгом группы (соответственно, были ещё парторг и профорг).

Собрав свои лучшие наряды и упаковав чемодан, я выслушивала последние наставления папы (они с мамой в Болгарии были несколько раз).

– Все вещи покупай сразу в Софии. В других городах возможности не будет, а на море тем

более. Постарайся найти пальто, хотя это трудно, у них летом тёплые вещи редко где продают. Главное, подружиться с гидом, они всё знают и покажут.

– Не волнуйся, на месте сориентируюсь. А ты на солнце меньше лежи! И маме не давай! Это вредно! И вообще, берегите себя! (Родители уезжали через неделю в Сочи).

Ранним утром папа уложил чемодан в такси, мы обнялись, он крепко прижал меня к себе, а я его поцеловала в щёку.

– Папа, спасибо тебе ещё раз! Если бы не ты...

– Отдыхай, ни о чём не думай!

Мы летели через Москву. После Олимпиады она стала неузнаваемо безлюдной (к соревнованиям всех, кого руководство считало лишними, под разными предлогами из столицы удалили), гулкой, и в этом было что-то мистически-тревожное. Я, конечно же, думала о Серёже, гадала, где он сейчас? Понимала, что случайно встретиться шансов нет, но всё равно, как последняя дура, надеялась.

В самолёте до Софии сидела с Ксенией (молодой миниатюрной красивой женщиной, которую муж отпустил прийти в себя после болезни и безвылазного нахождения дома с двумя детьми. Мы с ней ещё в Кемерово решили держаться вместе) и болгаринном средних лет. С мужчиной – а он знал русский язык – разговорились и в процессе поделились друг с другом несколькими анекдотами. За один из них (что-то про стиральный порошок, который в СССР сложно достать) меня хотели сразу по прибытии в Софию отправить обратно, кто-то из бдительно-внимательных попутчиков тут же доложил парторгу и руководителю группы. Но потом, видимо, настроение изменилось, и о том намерении я узнала уже дома.

Болгария, конечно, была за границей! Другие люди (суровые смуглолицые женщины и красавцы-мужчины), другая архитектура, еда другая (впервые попробовала там оливковое масло), а какое разнообразие вин! (Этим я не преминула воспользоваться, как и все члены нашей группы.)

Два дня осматривали достопримечательности Софии. Я помнила папин наказ найти магазин, где продают пальто, а для этого подружиться с гидом. Им оказался стройный тридцатилетний красавец с утончёнными чертами лица, которое выражало «как вы, отдыхающие, а бабы

особенно, надоели мне!» Не я одна понимала, что гид – лучший друг туриста. Все женщины (особенно незамужние) и некоторые мужчины с подбострастием донимали Станоя (так звали гида) вопросами (часто по идиотскому поводу), на которые он снисходительно отвечал. Но мне действительно было нужно пальто, и я в первый же день приезда, выждав момент, когда Станой остался один, спросила:

– В каком магазине можно купить демисезонную верхнюю одежду?

Последовали уточняющие вопросы: что такое «демисезонная»? Что подразумевается под одеждой? Я объяснила. Тогда в быстром темпе он в течение минуты, произнося множество названий незнакомых улиц, рассказал, как пройти к этому заветному месту. В завершение спросил:

– Я понятно объяснил?

– Да.

«Попробую купить в Москве на обратном пути», – подумала я и спокойно отошла в сторону. После посещения мавзолея, где покоился Димитров (обязательная программа всех советских туристов), группе дали свободное время до ужина. Мы с Ксенией решили обойти ближайшие к отелю магазины. Неожиданно подошёл гид.

– Это вы хотели купить одежду на осень?

77 Нам по пути, могу проводить.

Наша встреча с пальто состоялась! Оно оказалось из микровельвета, почти бархатное, бордовое, длинное, с поясом, рукав реглан – ничего подобного я раньше не носила.

– Как будто на тебя шили, – сказала Ксения.

К пальто присоединились: вельветовый пиджак, твидовая юбка-карандаш, шарфы для папы и мамы, короче, денег осталось только на самое необходимое.

Во время ужина мы с Ксенией сидели в компании руководителя группы, Николая (вероятно, после рассказанного в самолёте анекдота меня решили держать под пристальным контролем), его жены и гида. После десерта (пирожные с кремом, пропитанные коньяком) Станой неожиданно сказал:

– Лидия, вы когда-нибудь были в ночном клубе?

– Нет.

– Приглашаю сегодня пойти со мной.

– Лидия не хочет, – ответил за меня Николай. – Так ведь, Лидя? – И выразительно посмотрел мне в глаза. Это не помогло.

– Я ненадолго сходила бы. Может, пойдём все вместе?

– Посещение ночного клуба не предусмотрено программой! – возразил руководитель. – Мало ли что может произойти! Мы останемся в гостинице.

– Тогда я беру Лиду под свою ответственность, – с серьёзным видом сказал Станой, – надеюсь, вы доверяете мне?

Николай не нашёл, что возразить, и мы пошли в ночной клуб, где я была, наверное, единственным представителем СССР. Мы сидели за столиком напротив круглой сцены (она же и танцплощадка), пили джин с тоником (я в первый раз и с удовольствием!) и слушали выступления местного юмориста (я ничего не понимала, как и многие иностранцы). Потом замелькали цветные огни, зазвучал голос Челентано, и началась дискотека. Мы одними из первых вышли в круг. Среди танцующих, мужчин (стройных, стильных, доброжелательных) было не меньше, чем женщин! Вернулись под утро, а через час наша группа садилась в автобус. Я до первой остановки (бассейна с минеральной водой) спала на заднем сидении.

Солнце, ракия, вино, свежие овощи и фрукты, отсутствие забот постепенно стирали с туристов нашей группы отпечатки зажатости и напряженности. Теперь уже Николай и его жена не отказывались от внеплановых развлечений, которые предлагал Станой, и ходили на них вместе со мной, Ксенией и Драго, водителем нашего автобуса.

Наконец мы приехали на Солнечный Берег! Разместились с Ксенией в номере, наплавались в море и побежали (уже опаздывали) готовиться к прощальному ужину. Утром Станой и Драго должны были везти уже других туристов по обратному маршруту в Софию.

В ресторане все напились до состояния всеобщей любви. Никто не хотел, чтобы Станой и Драго покидали нашу группу. Момент прощания откладывали, как могли. С песнями и пританцовками гурьбой пошли на пляж. Прыгали по набегавшим волнам, кто-то из мужчин пытался ходить на руках и сделать колесо. Многие женщины разделись и купались в белье. (Было темно, и видимость ограничивалась десятью метрами.)

Утром, когда мы проснулись, автобус со Станой и новыми туристами уже уехал.

Оставшуюся неделю я и моя соседка по комнате посвятили пляжу, игре в «тысячу» вместе с Николаем и шахтёром из Ленинска, сну и разговорами «за жизнь». Ксения умела и любила слу-

шать (особенно, когда я читала стихи) и без занудства пыталась дойти до самой сути. У меня впервые были доверительные отношения с молодой (на шесть лет старше) замужней женщиной. Её, в основном счастливые, впечатления от семейных будней, любовь к дочерям заставляли с горечью осознавать, что моя личная жизнь – череда сплошных провалов. Постепенно мы прониклись симпатией друг к другу, особенно, когда выяснилось, что обе считаем своего папу необыкновенным, талантливым, короче, самым лучшим.

Отец Ксении, известный журналист, фронтовик, к несчастью, умер год назад. Но в её рассказах он был живым, остроумным, любящим, настоящим другом. Когда я говорила о своём (вообще во время поездки заметила, что постоянно вспоминаю папу), Ксения и восторгалась, и смеялась, иногда даже сомневалась (например, в том, что папа выкинул из трамвая двух хулиганов).

– Когда приедем, я вас познакомлю, и он сам тебе расскажет! А какие папа блинчики печёт!

– Ох, что-то уже домой хочется! К девочкам своим, к мужу!

– А меня дома никто не ждёт: родители сейчас в Сочи, подруги ещё, наверное, не вернулись. Я бы здесь задержалась.

72

В последний день перед отъездом на меня навалилась такая тоска и ощущение безысходности, что ревела полдня. Причины сама не могла понять, а уж Ксения тем более, она пыталась успокаивать, но от этого слёзы лились ещё больше. Под вечер уже не плакала, но на душе было тяжело, будто завтрашний отъезд предстоял не домой, а в другую незнакомую жизнь. Ночью во сне увидела папу: он, красивый, молодой, довольный, сидел во главе большого стола в каком-то незнакомом одноэтажном доме. Кругом гостей видимо-невидимо. Все едят и выпивают. И папа тоже.

– Папа, тебе же нельзя пить! – говорю ему.

– Лида, доченька! Мне теперь всё можно!

Сон был странным, но весёлый вид папы меня ободрил, я успокоилась и стала строить планы, думать о том, как поеду на режиссёрские курсы, решила возобновить к ним подготовку и больше не откладывать попытки поступления.

В Москве (мы останавливались на сутки) я позвонила в Кемерово маминной подруге. (У неё родители оставили ключи от квартиры.)

– Лидочка, хорошо, что ты объявилась. Когда приезжаешь?

– Завтра утром.

- Лида, мама прилетает через два дня.
- Почему?! Что случилось?!
- Лида... папа умер. В Сочи. Вчера.

Самым тяжёлым оказалось по приезду из Москвы первой и одной войти в квартиру, из которой родители уехали отдыхать. Я переступила порог и почти физически ощутила, как мимо меня в открытую дверь вылетела прежняя счастливая (теперь я это поняла) жизнь. Мне казалось, что в дороге уже выплакала все слёзы, но, увидев стопку учебников, с которыми папа радостно попрощался после экзаменов, заревела с новой силой.

Мёртвым я папу не видела. Его привезли во Дворец культуры в закрытом цинковом гробу. Внезапная смерть от сердечного приступа (умер в медпункте санатория через десять минут после того, как в поликлинике сделали ЭКГ, и молоденькая врач сказала: «Ничего серьёзного. Не знаю, что вы так стонете. Боль терпимая. Можете идти в свой корпус»). И они с мамой по жаре пошли до санатория) потрясла всех, кто знал папу. Я и Саша сидели с мамой и остальными родственниками (кроме тёти Полины, она болела) у обложенного цветами гроба. Запомнилось только, что люди шли и шли, и цветов становилось всё больше и больше. Потом, позднее, уже на фотографиях увидела моих подруг, одноклассниц, коллег и студентов, участников хора: мужчины едва сдерживали слёзы, женщины рыдали.

На поминальном обеде молодой, задорный папа смотрел на меня с портрета. Оглядев собравшихся за столами, я вспомнила сон перед отъездом из Болгарии.

Вспомнила, каким радостным и довольным папа там был, и поняла, что даже после смерти он хотел утешить меня, хотел, чтобы я знала, что душе его светло.

После девяти дней родственники уехали, а Саша ещё раньше, его отпустили только на похороны. Мы остались с мамой одни. Вышли на работу. Вечерами решали, как жить дальше. Выяснилось, что на отпуск папа взял деньги займа, в надежде на обещанный дополнительный заработок.

– Хорошо, что мы всё потратить не успели, – сказала мама и заплакала. – Не знаю даже, как отдавать, где что брать?!

– Мама, это же не срочно! Накопим, сдадим что-нибудь в комиссионку. Я пальто своё новое продам, пиджак!

– Нет! Иван хотел, чтобы ты там обязательно что-то купила.

– Перезаймём! Выкрутимся. Мне на работе материальную помощь обещали.

– И мне.

– Вот видишь? К тому же на похоронах люди деньги давали.

– Это на сорок дней. Но, может, ещё останется.

Скоро выяснилось, что без папы мама совсем не могла вести хозяйство (все основные покупки он всегда делал сам), ходила растерянная, советовалась по малейшему поводу, последнее слово оставляла за мной и иногда даже боялась одна оставаться в квартире. Только в своём коллективе, в лаборатории, она как-то отвлекалась. Постепенно мы стали выплачивать долги (экономили на всём), и стало ясно, что ни о каком поступлении на режиссёрские курсы речи пока быть не могло.

В конце октября умерла тётя Полина. Ещё летом я приезжала к ней в больницу. Тётя старалась бодриться, но во взгляде прежнего задора не было. Вспоминали бабушку, смешные случаи из нашего с Сашей детства, о моей личной жизни молчали, но, когда я уже выходила из палаты, тётя окликнула меня и неожиданно сказала:

– Ты не тоскуй! Может, ещё немного помыкаешься, но счастья своего дождёшься!

Пока мы ехали в автобусе, я плакала, отвернувшись от мамы (чтобы лишний раз не расстраивать её).

Тётю провожали из маленькой единственной в городе церкви. Слова молитвы и тихое пение притупляли боль, напоминали о том, что жизнь вечная, в последнее время в это особенно хотелось верить.

В ноябре маму положили на обследование в больницу от химкомбината. Я осталась дома одна. Подруг рядом не было.

Марина поступила на театроведческое отделение и уехала в Ленинград. Жизнь показала, что Марик по-прежнему не способен предложить ничего конкретного, хотя грозился как-нибудь неожиданно навестить её на новом месте.

– Да куда он не приедет! Бабуля не разрешит! Я теперь точно знаю. Не даст она нам пожениться! Никогда!

Марина или виду не показывала, или уже смирилась с мыслью о разрыве, но переживаний по поводу разлуки я не заметила. Возможно, теперь, когда город на Неве раскрыл ей объятия, она как человек практичный оставила Марика только в качестве запасного аэродрома?

Уехал в Ленинград и Митя. Писал там диссертацию, а к праздникам присылал на кафедру остроумные поздравления и шуточные зарисовки своей жизни в Северной столице.

С Верой мы почти не виделись: у неё началась замужняя жизнь и учёба в заочной аспирантуре Новосибирска. В редкие наши встречи рядом неотлучно находился Игорь, разнообразно одарённый, общительный, но ревнующий Веру даже к подругам. Когда я приходила к ним в гости, он становился напряжённым, да и мне было неуютно: никак не могла привыкнуть к постоянному присутствию рядом с Верой пока чужого для меня человека.

Через неделю маму перевели в областную онкологическую больницу. После обследований я пришла к её лечащему врачу, на вид усталому, безэмоциональному мужчине, лет сорока пяти, узнать о результатах.

— У неё опухоль, скорее всего, злокачественная. Мы отправили на гистологию, но по виду похоже, что рак. Нужно срочно удалять. Вы не бледнейте, это же не конец! Опухоль уберём, если другие органы не задеты, может, до старости проживёт! Паниковать не надо.

— А она знает?

— Нет. Мы пациентам не говорим. Только близким родственникам. Важно, чтобы настрой у больного был на выздоровление. Так что вы поддерживайте свою маму.

Опять рыдала в одинокой своей квартире. Горе не вмещалось ни в сознание, ни в сердце. Отдать хотя бы часть его было некому: Сашу и Аню, пока не придут результаты гистологии, расстраивать не хотелось, Марина и Вера уехали. Рука сама набрала Серёжин номер.

— Алло! Вас уже слушают, — бодрый, вызывающе-заигрывающий тон.

— Серёжа, здравствуй!

— Здравствуй! — Молчание. — Лида?! Ты что, в Москве?

— Нет. Дома.

— Решила позвонить?! — он веселился.

— Да. Серёжа, мой папа в сентябре умер.

Небольшая пауза.

— Вот как? Что же, жаль. — Ещё пауза, и дальше прежним тоном: — Ну ничего не поделаешь! Мы все умрём когда-нибудь. Человек, к несчастью, смертен. И ты, и, — он хихикнул, — даже я. Вот такая вот закономерность, малыш!

Не помню, ответила ли я или просто положила трубку. Мне было стыдно! Мне было стыдно

перед папой так, что я сжалась в комок и застонала! Больше с Серёжей не разговаривала никогда. А через шесть лет увидела его в последний раз.

Тогда я ехала в трамвае в поликлинику химкомбината. День назад похоронили маму, и нужно было срочно отдать врачу оставшиеся от инъекций ампулы промедола. В начале лета маме сделали вторую операцию и отправили домой умирать. Наступили тяжёлые времена. День мой был расписан по минутам (это в какой-то степени притупляло боль): помимо работы (в приёмной комиссии) пять раз ставила уколы, делала уборку, вечером готовила ужин и обед на завтра, стирала и гладила бельё, укладывала спать дочек, вставала в шесть, чтобы к восьми утра приехать в поликлинику. Дорога только в один конец занимала сорок минут. Это было неудобно, но мы с мужем решили не прикреплять маму в больницу по месту жительства: не хотели, чтобы она поняла, что в родной свой коллектив уже не вернётся никогда. После первой операции мама прожила шесть лет. Ходила на работу, отдыхала в санатории, помогала воспитывать двух наших девочек. Мы переехали в полнометражную четырёхкомнатную квартиру в центре города. С мужем своим я познакомилась на новогодней вечеринке у Светланы, лаборантки нашей кафедры (умницы, модницы, студентки заочного исторического факультета). На том, чтобы пойти к ней, настояла мама.

— Обязательно соглашайся! Буду знать, что ты не одна, в компании, и в больнице веселей лежать станет!

— Вы не пожалеете! — говорила Светлана. — У нас всегда весело, и, честно говоря, Лида, там будет Григорий, товарищ мужа, мы хотим вас познакомиться. Но он старше.

— На много?

— Нет. Лет на пять.

— Надеюсь, неженатый?

— Нет, но разведён. Умный, порядочный, симпатичный, живёт в своей квартире.

— Так у него, наверное, и без меня есть с кем время проводить, с такими-то достоинствами.

— Время с кем проводить есть, а для серьёзных отношений... короче, классный мужик, может, понравится друг другу!

— А если нет?!

— Да и ладно! Это не обязательно! Будем просто веселиться! Известно же, как встретишь Новый год, так его и проведешь! (А уж мне-то как известно!)

Я встретила Новый год с Григорием. Было ощущение, что знала его всегда. В тот же вечер рассказала ему о Серёже.

– Лида, а ведь мы с тобой уже виделись!

– Когда? Где?

– В ресторане «Современник». Ты приходила туда с Кортниковым. И тоже в Новый год!

Я стала вспоминать и поняла, что тот единственный в Серёжиной компании доброжелательный, улыбающийся, подбадривающий меня человек и был Григорий!

На следующий день он пришёл ко мне домой, и с тех пор мы не расставались. (Разве что во время командировок, ненавистных из-за разлуки.)

Со своего места я смотрела в окно. Август начался дождями, и лужи не успевали высыхать. Многометровый хвост очереди из винного магазина (партия во главе с Горбачёвым боролась с пьянством в стране) упирался в одну из них. Подумала: «Хорошо, что талоны на водку (на похороны пить разрешалось), Григорий уже отоварил, спиртного должно хватить и на девять, и на сорок дней». Трамвай остановился. Из магазина вышли двое бомжеватого типа мужчин: высокий и низкий. Высокий, с длинными светлыми волосами, свисающими лоснящимися прядями, в мешковатой куртке был похож на Серёжу. Он что-то увлечённо рассказывал товарищу, размахивая руками. Мужчины перешли дорогу и встали на остановке спиной к моему окну. Трамвай тронулся, высокий обернулся, и стало очевидно, что это действительно Серёжа.

Моё сердце не дрогнуло. Не было ни удивления, ни любопытства. Только чуть позднее возникло лёгкое чувство вины за то, что не смогла помешать Серёже так разительно перемениться, а сама счастлива с мужем. Трамвай ехал дальше, я думала о том, что вечером расскажу Григорию об этой встрече, радовалась, что от него ничего не надо скрывать, не надо подделываться, притворяться и, вообще, можно оставаться такой, какая есть, и ненакрашенной, и смешной, и иногда глупости говорить, не скрывать своей любви и жить легко, как дышать, и замирать от счастья всякий раз, когда он после работы открывает ключом входную дверь.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Пока писала роман, прошло почти два года. Отдельные его главы я отсылала в разные концы мира близким мне людям. (В Москву, Нью-Йорк, Хайфу, Санкт-Петербург, в Кемерове зачитывала своим друзьям.) Многие в романе узна-

вали себя, говорили о том, что опять вернулись в молодость, вспомнили и вновь пережили события, о которых я рассказала. Все ждали, когда можно будет прочитать произведение целиком, хотели узнать, чем же оно закончится? Я предполагала, что финал будет таким:

Прошло почти тридцать лет. О том, что Серёжа умер (в возрасте моего папы), мне стало известно от Лены. Она сказала, что это случилось в каком-то южном городе, внезапно, а других подробностей не знает. Вообще о жизни Серёжи я догадывалась только по отдалённым слухам. Кто-то в самом начале перестройки встречал его беззубого на Арбате, чуть позднее я услышала, что Серёжа влюбился в юную девушку, и у него на глазах её насмерть сбила машина. Потом долгие годы новостей не было совсем, и вот последняя, страшная – от Лены. Я не могла поверить, что Серёжи больше нет на свете, плакала навзрыд, говорила: «Какой ты дурак! Почему не смог себя уберечь?! Как ты это допустил?!»

А год назад со мной и Григорием по скайпу вышел на связь Валентин (у которого мы были с Серёжей в гостях и который оказался давним приятелем моего мужа). Он теперь закоренелый житель Нью-Йорка, но в курсе всех событий, происходящих со знакомыми, разбредшимися по миру. Валентин рассказал, что Серёжа изобрёл и запатентовал новый метод изучения иностранного языка. Стал автором книги по этой теме. Поселился в Краснодаре, преподавал там английский язык в университете, лицее, на курсах повышения квалификации. Взял в жены женщину с ребёнком, она родила ему ещё троих детей: двух девочек и мальчика. Но последние годы Серёжа жил один в небольшом городке у моря (туда же переехали его родители). По официальной версии, умер от сердечного приступа в своей квартире.

После этих новостей Григорий удивлялся, как можно было оставить троих детей. Как можно было вообще выходить замуж за такого!.. И здесь он не находил слов!

А я обрадовалась, что Серёжа стал отцом, что, наверное, любил и был любим, изобрёл что-то новое! Была уверена, что детям своим он помогал. Чувство вины, которое я часто испытывала, думая о Серёже, прошло. Но стало больно от того, что душа его, по-видимому, не успокоилась, металась, мучилась, искала чего-то и не нашла.

Ежедневно молюсь теперь об её упокоении. (Раньше, после того как рассказала о Серёже на исповеди, молилась о её здравии.)

С Григорием мы вместе уже почти тридцать пять лет. Радуюсь каждому прожитому с ним дню. Опять стала писать стихи.

*Я никогда не привыкну
К тому, что ты рядом, мой.
Уходишь, я вслед окликну:
«Пораньше вернись домой!»
Я ещё не налюбуюсь
На то, как смешно пьёшь чай,
Как дразнишься, когда хмурюсь,
По-детски боишься врача.
Как с дочками ты танцуешь
Бережно, чуть дыша,
Их тайно ко всем ревнуешь.
Как бреешься не спеша.
Я никогда не устану
Слушать, как ты поёшь
Песни про атамана,
Нинку и финский нож.
Мне жаль, что не научилась
Тому, как легко живёшь –
Сдаёшься на Божью милость,
Последний теряя грош.*

Мы пережили и перестройку, и перестрелку (офис мужа взрывали и поджигали), не спали ночами, ожидая груз, в который вложили все деньги. Во время кризиса, чтобы расплатиться с долгами, бизнес продавали и опять начинали с нуля. Всем

этим, конечно, занимался Григорий, я помогала, но основным местом работы оставался институт. За эти годы поняла, что жить нужно здесь и сейчас, но делать этого пока не научилась.

В пятьдесят пять лет ушла на пенсию. Пою в церковном хоре. А в этом году состоялась первая служба в маленьком храме, который построила бригада строительной фирмы Григория. Во время литургии со своего места на клиросе я смотрела на дочерей, на то, как мой муж ведёт к причастию внука и внучку, думала о том, что в загородном доме накрывают на стол и ждут нас зятя, надеялась, что когда-нибудь они тоже придут в храм, и старательно выводила: «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите!»

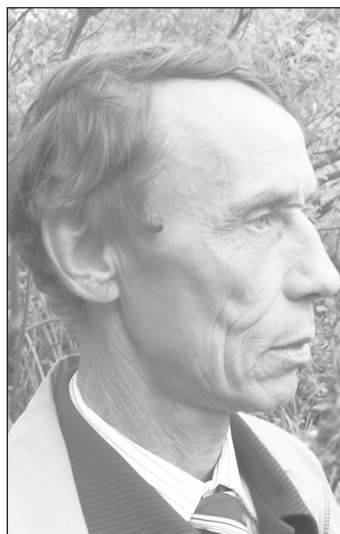
Вот чем я решила закончить роман. Вроде в эпилоге правду написала, как думала и чувствовала на самом деле. Но прочитала последний абзац, и в этой героине себя не узнала – всё-то у неё хорошо, всё ладится, и сама правильная, благообразная, уж точно не я.

Но финал оставляю. Может, мне когда-нибудь удастся по-настоящему стать такой? Не заикливаться на себе, не ныть от болячек, которых с возрастом становится всё больше, не раздражаться, не черстветь, перестать сквернословить в сердцах, не унывать, не трястись от страха за родных и близких, а научиться любить их, не навязывая свою волю и действительно доверяясь Богу...

Виктор КОВРИЖНЫХ

ВЕРНОПОДДАННЫЙ ИЮЛЯ, СЕНОКОСА РЯДОВОЙ!

БОЖИЙ ДЕНЬ

А когда уже всё надоело
среди грохота плит и кастрюль,
Пожалеть моё грешное тело
прибыл вторник, четвёртый июль.

И тогда я пошёл за грибами
с оцинкованным звонким ведром.
Проворчали незлобно громами
небеса над лесистым холмом.

Мне дышалось легко и свободно,
так мечталось в лесной тишине,
словно Господу было угодно,
чтобы вторник явился ко мне.

ИСХОД

Нет опоры в стране у мессии.
Глум гламурный да поиск врагов.
И река шириною с Россию
пролегла между двух берегов.

Не наладить мостов, переправы –
глубока, своенравна вода.
Каждый берег – опорой Державы,
и глухая меж ними вражда.

На одном берегу – промолчали.
Покаяния ждали они.
На другом – сапоги лобызали
и гасили надежды огни.

Говорил глубоко и сурово,
но глухая в ответ тишина...
Тяжелы его совесть и слово –
не сдержала их тяжесть страна.

Задыхаясь в имперской клоаке,
сожалел о свершённом не раз,
отвергая признания знаки
от лукавых калифов на час.

Помолившись грядущему году,
он ушёл ни чужой, ни родной.
Тень судьбы тихо канула в воду, –
на сто лет приросла глубиной.

Он взошёл в сокровенное пламя,
где – один. И вокруг никого.
Помолись, православная память,
за бездомную душу его.

77

КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич родился в 1952 году в посёлке Старобачаты Беловского района. Служил в армии. Работал на разрезе, электросварщиком, машинистом железнодорожного крана, составителем поездов. Публиковался в журналах «Смена» (Москва), «Наш современник», «Рабоче-крестьянский корреспондент» (Москва), «Бег» (Санкт-Петербург), «Литературный свят» (Болгария), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Огни Кузбасса», «День и ночь» (Красноярск), «Барнаул», «Начало века» (Томск), «Бийский вестник» (Бийск), альманахах «Поэзия» и «Истоки» (Москва). Автор поэтических сборников «Я, наверно, родился не зря...», «Непонятно, куда мы спешим...», «Зелёная дудка», «По токовинской дороге» и «Избранное время». Член Союза писателей России. Живёт в селе Старобачаты, Беловского района.

СЕНОКОС

– 1 –

*Сенокосный, високосный
Год-июль набрал полёт!..
Над травой, густой и росной,
утро раннее встаёт.*

*Проступают постепенно
сквозь туманный полумрак:
склон холма и копны сена
и с кустарником овраг.*

*Зреют шорохи и звуки
над озябшею травой,
и вода речной излуки
засквозила синевой.*

*Алым заревом на синем
засветился небосклон.
Набирают робко силу
птичий щебет, свист и звон.*

*На лугах, на сенокосных,
словно счастья смех и крик,
засверкал в алмазных росах
солнца утреннего лик!*

*Залил светом даль лесную!..
Вот и лёгкий ветерок
гасит росы и волнует
мой притихший костерок.*

*Как сплошной пчелиный улей,
день гудит над головой!..
Верноподданный июля,
сенокоса рядовой!*

– 2 –

*...Устали... Уже не до смеха.
И вот, через лог напрямик,
на конных граблях к нам подъехал
высокий и строгий старик:*

*«Помочь?» Пожимаем плечами:
во сне? Или же наяву?..
А грабли уже зазвучали,
в валки собирая траву.*

*Глядим на него с удивленьем:
откуда? И кто он таков?..
Пожились в ответ объясненьем
шуршащие строки валков.*

*Несла старика колесница,
мелькало вращение спиц.*

*Во мне шелестела страница
с рисунком былых колесниц.*

*Гребли, будто бы воскрешали
далёкие годы свои.
Закатною медью мерцали
заклёпы и бляхи шлеи.*

*Дыханьем ль былого согреты,
судьбы узнавали следы,
объятые таинством света
звезды сенокосной страды?*

*Вздымались в сияющем глянце
железные пальцы граблей,
скрипели чугунные флянцы,
как петли амбарных дверей.*

*В молчании строгом, неярком
по кругу вершили дела.
Дуга триумфальной аркой
над конскою гривой плыла...*

*Печальным кармином заката
вечерний окрасился час.
Казалось, что с ними куда-то
уйдёт что-то важное в нас.*

*Окончил дела. Я в награду
тяну трояки и рубли.
Ожёг, как кнутом, меня взглядом,
коня – под уздцы, и – пошли...*

*В закат, по колени в тумане,
где тихие гасли огни.
Как будто в легенды, преданья
навек уходили они...*

– 3 –

*Сенокос отошёл... Смолкла воля.
Зябкий сумрак томится во рву,
словно ропот вечернего поля,
на котором скосили траву.*

*Всё по мне: и печаль, и дорога,
тихий свет над родной стороной.
Горьким мёдом исходит из стога
обеззвученный скошенный зной.*

*И смотрю я, душой обмирая,
на просветы берёз и земли,
где, как пасынков горного края,
слов несказанных тени легли.*

*Не кляню ни судьбу, ни погоду,
несказанному выпадет срок,
коль грядущему слову и году
наготовлено лучшего впрок...*

ВЕЧЕРЕЮЩИЙ СВЕТ

То ли мёртвым был я, то ли пьяным,
ошиваясь в окрестном лесу,
обнаружил за сизым туманом
обнажённую деву-красу.

И пока я гадал, что случилось,
Засквозило дыхание ночи.
И лицо её вдруг засветилось,
словно робкое пламя свечи.

Незамеченным мне не остаться.
Я спросил её: «Как тебя звать?» —
«Сон недавно почившего старца.
Как могилку его отыскать?..»

За прохладные взял её плечи
и повёл вдоль высоких берёз
за овраг, где совсем недалеко
деревенский ютился погост.

Меж могил она тихо бродила,
вдруг внезапно послышался треск:
зашатался над свежей могилой
полотенцем повязанный крест.

«Милый мой!» — она радостно молвила,
на мгновенье рассеялась мгла.
Промелькнула меж рук моих молния
и стремительно в землю ушла...

То ль на том, то ль на этом был свете?..
За холмами закат догорал.
Лёгкий ветер, задумчивый ветер
чёрный пепел с ладоней сдувал.

Я в село своё двинулся жить
вдоль полей с вечереющим светом.
И всё думал, что так может быть,
потому что подумал об этом...

ВЫШИВАНКИ

Для последнего часа свиданья,
упиваясь небесным огнём,
вышиваешь иглою Майдана
вышиванки на теле своём.

Лягут крестик с веночком и строчки,
алой кровью наполнятся швы.
Обернутся воронки в цветочки,
а траншеи в ажурные листы.

Чудный месяц на теле и звёзды.
В честь высоких заморских гостей

вспыхнут росы, как чистые слёзы
в небеса унесённых детей.

Дым и горечь полынного хлеба,
гарный хлопец над полем ржаным.
Блещет жовто-блакитное небо
над коханым простором твоим.

Ради воли высокой и цели
гайдамаки от мира сего
для любимой тебя не жалели
ни себя, ни родных — никого.

Захлебнувшись сыновней любовью,
по следам самостийных годов
напитают москальской кровью
вышиванки вишнёвых садов.

Возойдут из поганого склепа
в золочёный державный жупан:
посполитовый гетман Мазепа,
незалежный Бандера Степан...

Вышиваешь, себя обряжаешь,
как в последний готовишься путь.
Ждёт жених из предтечных пожарищ,
звонкой песней прострелена грудь.

С рушниками придут за тобою,
вознесут на престол к образам.
И в церквах твоих ветер завоюет
и откроет всем Виям глаза.

Протокольные речи назначат,
рухнет птах на средину Днепра!..
Только русское сердце заплачет
по тебе, дорогая сестра...

ОДИНОКИЙ ТРАКТОР

Неуютно, сиром и убого
во дворах загложившей МТС.
Через поле вязкая дорога
уползает в сумеречный лес.

Непогода. Трактор, стар и грязен,
бороздит плугами косогор.
Брызговик верёвкой привязан,
чёрным маслом кашляет мотор.

Дух упадка над Россией всюю,
бесполезен хлебороба труд.
Это поле, если и засеют, —
урожай в закроме не уберут.

А в селе — разруха да сивуха,
трын-трава у ветхой городьбы.
На скамье печальная старуха,
будто призрак горестной судьбы.

Только трактор, вопреки резонам,
тарахтит с надрывною тоской,
нарезая плугом горизонты
новой жизни, светлой и простой.

Тыща лет пройдёт!.. В ночи глубокой
я услышу, как в краю родном
пашет поле трактор одинокий,
словно мир весь держится на нём...

ПИЛА

Сияют зубья от развода!
Как будто плотные стоят,
лицом к лицу, солдаты взвода,
слегка откинувшись назад.

В них свет медальками сверкает,
и сталь звенящая, как зной,
истонным стоном истекает
и остывает синевой.

Полно азартного томленья
в упругом теле полотна.
Дрожит, как девка в нетерпеньи,
и в руки просится она.

И обессиленной приляжет
в сенях на полку, и вдогон
слегка протяжный и вальяжный
с пилы соскальзывает звон...

КАК СТРАННО, ЧТО Я ВСЁ ЕЩЁ ЖИВОЙ...

Е. П. Чепурных

Живу в селе неторопливо
вдали от праздных дураков.
И новый день, что кружка пива,
с игривой пеной облаков.

Ещё живой. И слава Богу.
Не скучно мне в своих веках
топтать привычную дорогу
до тихой речки в тальниках.

Глядеть на птицу в небе ясном,
в житейских хлопотах предел.
И понимать, что не напрасно
я здесь родился, жил и пел.

Где даль светла и встречный каждый
душевной близостью знаком...
А что потом? — Уже не важно,
когда есть родина и дом.

Когда бывшее в летнем глянце
нахлынет лёгкою волной,
И начинаешь удивляться
тому, что я ещё живой...

НЕ ВСЕМ ПО ПЛЕЧУ...

Не всем по плечу безымянная слава,
что в жизни обыденной просто живёт.
Лишь жаль, что опять не узнает Держава,
как странник народный до Бога дойдёт.

Начнёт, зарядившись от слова простого,
в заглохшую землю бросать семена,
будить голосами глухие просторы,
вернув потерявшим свои имена.

Послушна природа Божественной Воле.
Любовью и светом желанным полна.
Журчаньем ручья, колосающимся полем
по имени нас окликает она.

БЕЛОВСКАЯ ОКРАИНА

Воздух будто из жизни иной.
В зелень спутаны годы.
Предвечерние блики, что зной
загустевшего мёда.

Чья-то жизнь за оконным стеклом
промелькнёт, как в тумане.
Потемневший бревенчатый дом,
кроткий облик герани.

Не окликнут ведуний своих
приворотные сени.
И тоскует меж ставен резных
томный тенор сирени.

Заблудиться б среди тихих оград
и не ведать иного:
вновь ловить обещающий взгляд
в нежном мае былого.

Здесь печаль, как молитва светла,
и послушник заката
покрывает дерев купола
вечереющим златом...

Подступили вплотную, глядят
современные зданья.
Но ответный задумчивый взгляд
не найдёт пониманья...

Татьяна ИЛЬДИМИРОВА

ЛЮБИМАЯ

Рассказ

Мы жили тогда на даче моей сестры в тревожном ожидании: прежняя наша квартира была два месяца как продана, а новая – пустая коробка в замершем доме – всё никак не могла стать нашей. Саня нервничал и ездил по адвокатам, каждый из которых говорил ему что-то своё, по непонятной причине стоившее оглушительных денег.

По вечерам я разглядывала план нашей будущей квартиры, мысленно рисуя белые стены и минимум мебели, и всё сильнее меня раздражала пропылённая дачная захламлённость, плюшкинская привычка хранить здесь залежи ненужного хлама: от неработающей техники до вороха старого тряпья и груды неизвестно чьих школьных тетрадей.

Сестра приезжала по выходным. Мы с нею не вполне ладили: она была старше на двенадцать лет и детской дружбы между нами никогда не существовало. Сестра работала воспитателем в детском саду, по вечерам вышивала; муж её таксовал, играл в шахматы и, выпив, предлагал сразиться за чёрных всем, кто имел неосторожность оказаться с ним за одним столом. Оба они были людьми простыми, славными и мне настолько чужими, что я не жалела о нашей чуждости.

87

Когда наступил бесполезный отпуск, я нашла себе развлечение в пристройке, куда годами сваливали ненужные книги. Там всегда было прохладно и вкусно пахло библиотечным хранилищем. Бабушка до самой смерти была заядлым книголюбом и, кстати сказать, кулинаром. Выкинуть книгу было для неё кощунством. В пристройке мирно соседствовали старые кулинарные книги, школьные учебники, собрания сочинений Бунина, Вересаева, Ленина и Чейза, наши детские книги, литературные пересказы латиноамериканских мыльных опер и книги о разведении комнатных растений. Саша почти никогда не открывал книгу, я читала в дороге с экрана телефона. Но книги эти, ненужные, со сланные в пристройку, пахли днями, когда не тяжко болееешь, в школу не идёшь, сидишь дома одна, лечишься чтением и пьёшь по графику лекарства. Они были как старые украшения: такие на себя наденешь редко, но выбросить не поднимается рука.

Отыскав что-нибудь интересное, я садилась прямо на перевязанную стопку книг (а больше в пристройке сидеть было не на чем) и бережно листала страницы. На стенах висели лубочные

ИЛЬДИМИРОВА Татьяна Никоноровна родилась в 1981 году в Кемерове. В 2003 году окончила юридический факультет Кемеровского государственного университета. Работает ведущим юрисконсультантом в ОАО «МДМ банк».

Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Сибирские огни», электронном журнале «Пролог», а также в сборнике «Новые писатели – 2013» (М.: Фонд СЭИП, 2013). Автор книги повестей «Солнце». Участница форумов молодых писателей в Липках (2003, 2004, 2006, 2012). В 2007 году участвовала в Советствии молодых писателей в городе Каменске-Уральском. В 2011, 2014 и 2015 годах вошла в длинный список премии «Дебют» в номинации «Малая проза». В 2015-м вышла в финал российско-итальянской премии «Радуга». Переводилась на итальянский. Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

янтарные картины, когда-то привезённые бабушкой из прибалтийской командировки.

Однажды мне попались конторские книги с рецептами, записанными тем же размашистым, острым, уникально разборчивым почерком, каким бабушка моя выписывала медицинские рецепты. В её записях: «Курицу нафаршировать!», «Мясо нарезать кубиками!», «Лук нашинковать!» как нельзя лучше отражался крутой норов строгого терапевта, наводившего страх на пациентов. Дед – а он всю жизнь, до самой смерти, проработал с нею в одной больнице – называл её своей командиршей.

Бабушка умерла несколько лет назад, а самые живые воспоминания о ней отчего-то те, что родом из дошкольного детства. Помню её шершавые руки, готовые к шлепку, громкий голос, раскатистое «ээррр», скорая походка, бурый плащ, застёгнутый под горло. Несколько зим подряд я болела воспалением лёгких, она приходила ставить уколы, и каждый хворый сизый вечер я напрасно ждала, что она задержится или забудет. Самым страшным было прикосновение влажной ваты за секунду до укола – да не пищи ты, я же тебя не режу! – и знакомая рука неловким успокаивающим движением гладит меня по голове, почёсывает за ухом, а я реву от боли и обиды и бью ногами по кровати.

В одной из книг рецептов и оказалось первое из найденных писем, сложенное в бумажный самолётик.

«Оленька! Ясноглазая милая Оленька!

Сегодня вечером ты не пришла ко мне. Твоя соседка Зоя заглянула и сказала, что у тебя болела рука, ты всю ночь не спала и плакала в подушку. Когда ты приходишь, то так улыбаешься, что я забываю, как тебе больно. Мне стыдно теперь! Ты мой самый лучший друг здесь.

Вчера, как ты учила, я медленно считал про себя до тысячи, чтобы отвлечься от боли и не плакать. У меня получилось уснуть! Уже не очень больно. Просто ноет нога.

Меня опять никто не навестил.

Мама бывает редко, оттого что ей нельзя волноваться. Если она видит меня на койке, то потом уходит из больницы со страшной головной болью. Такая болезнь называется «мигррень». Маме никакие лекарства от нее не помогают. Нужно только лежать в темноте и тишине и ждать.

Отец в разъездах. Однажды мне привиделось, что я вижу его в окне, у ворот. Тот чело-

век так же сутулился, и плащ у него был похож. Отец в этом плаще как большая черепаха.

С тех пор я каждое утро только проснусь и сразу смотрю – нет ли его. Смотреть в окно с кровати сложно, приходится поворачиваться на бок, тянуть шею, как страус, и то почти ничего не видно. Может, отец приходит, а я просто его не вижу?

Ося говорит, что ломать руку гораздо больнее, чем ногу. Хотел бы я, чтобы было наоборот! Ведь если все так, как говорит Ося, то тебе больнее, чем мне.

Сам Ося тоже сломал руку, когда катался на велосипеде. Он впервые выехал со двора на улицу на новом велосипеде, и вот так ему не повезло. А я очень хорошо катаюсь, могу и без рук. Когда мы с пацанами гоняли по дороге в аэропорт, я почти всегда приезжал первым. Если бы не та машина, я бы ни за что не упал.

Под утро мне приснилось, что я кормлю тебя вишней у нас на даче, в гамаке, а ты смеешься и косточками плюешься по сторонам.

Извини за плохой почерк.

Твой Володя».

«Оленька!

Мне очень нравится твое имя. У меня есть двоюродная сестра Оля, вредная, как гвоздь в сапоге. Я раньше не любил это имя из-за нее. А теперь оно для меня как музыка.

Ося говорит, что в прокате новая картина, мировая, про шпионов! Его друг уже три раза посмотрел. Очень хочу, чтобы мы с тобой поправились, пока это кино еще идет. Хочу посмотреть его вместе с тобой. Так здорово смотреть фильм с другом! Будто два раза его смотришь: своими глазами и глазами друга. Вдвое больше удовольствия. А еще я бы тебе пирожное купил. Какие ты любишь пирожные?

Сегодня весь день идет дождь. Я тебе потом обязательно расскажу, как мы с отцом ходили по грибы. Мы там заблудились и плутали едва ли не до ночи. Я боялся, что мы встретим медведя, а отец меня пугал нарочно. Вечером пошел сильный дождь, и мы вымокли до нитки.

Подумал сейчас, Оленька: я ведь на самом деле трус. Если бы на тебя напал медведь, я бы стал защищать тебя или убежал? Я не знаю.

С утра опять разболелась нога. Сейчас приходила сестра и сделала укол. Нога болит меньше. Но все равно кажется, что под коленкой, в самой глубине, без остановки жалит пчела».

«Оленька!

Иногда такие дурацкие мысли в голову лезут: будто я герой фильма, а еще, будто я живу много лет назад. Например, недавно я лежал и представлял себе, что мы живем сто лет назад, я сижу в беседке, в усадьбе, и пью чай в халате. Ты приходишь, садишься напротив и тоже пьешь чай. Мы едим румяные пироги с капустой, кладем в чай мед и ведем светский разговор о борзых собаках и ценах на овес. А вечером едем на балет. Я встречаю тебя у колонн, ты выходишь из экипажа, а я целую твою руку в перчатке.

Надеюсь, никто, кроме тебя, не прочитает это бредовое письмо!

Говорят, что завтра у нас на обходе будет самый главный врач. Я еще ни разу его не видел. А ты?

Приходили пацаны и принесли мне уроки. Химия очень сложная, не могу разобраться. Поможешь? Ты, наверное, отличница?

Скорей бы домой, домой!

Володе-большому родители принесли пряники. Он такой хороший парень, неуклюжий и добряк. Его любят все наши, он похож на общего дядюшку. Он большой не только потому, что самый старший, а из-за своего огромного роста. Ося, кажись, ему по пояс.

Я свой пряник оставил для тебя, но кто-то тайком его съел. Наверняка Ося! Вчера он смеялся, что я втюрился. Хочу поскорее встать и задать ему трепку.

Вчера ты присела на мою кровать и своей здоровой рукой погладила по руке меня, и я снова забыл, что тебе тоже бывает очень больно.

Хорошая моя!

Я хочу, чтобы меня выписали раньше, но мне будет грустно без тебя.

Ты знаешь, что у тебя светлый голос? Сейчас снова глупость напишу, вот: у тебя акварельный голос. Когда тебя слушаешь, хочется улыбаться.

Мне кажется, ты могла бы стать врачом.

Мы летом жили в деревне, и там была такая бабка, которая лечит руками. Так говорили соседи. А вдруг ты тоже так умеешь?

Еще мне нравится, как у тебя розовеют уши, если тебе сказать приятное, а ты сердишься.

Извини меня за почерк! В позе, в которой я вынужден лежать, сложно писать аккуратно, да и без того я никогда не был пятерочником по чистописанию.

Сегодня все смеялись, что у меня синие губы и язык из-за химического карандаша.

Я тебе не все письма передаю. Иной раз по десять листов бумаги изведешь, а получается не то».

«Ты опять не пришла. Что случилось, Оленька?

Зато была мама. Сидела возле меня, плакала, терла виски и закатывала глаза. Она перед уходом попросила Володю-большого, чтобы он присматривал за мной. Мне было стыдно за нее (зачеркнуто).

Осю забрали в изолятор. Володя-большой сказал, что у него менингит. Ося всю ночь бредил, ему казалось, что он где-то застрял. Его колотило в ознобе, и он все кричал: «Ау! Я здесь! Вытащите меня!»

Из нас никто не спал. Мы скидывали на него свои одеяла, чтобы согреть. Володя-большой, единственный ходячий, искал сестру, с костылем прыгая на одной ноге. Он еще ни разу не ходил с костылем по лестнице, но ему пришлось. Так устал, что вернулся и упал в дверях с грохотом, лицо у него в тот момент было похоже на отражение в кривом зеркале. У меня сразу же заболела нога с новой силой.

Когда Володя упал, Ося вдруг вынырнул из своего бреда и неудержимо, скрипуче засмеялся.

Было очень страшно слушать его смех. Он до сих пор у меня в ушах.

Володя-большой тоже смеялся, хотя ему было больно. За ним зашла сестра и на нас кричала, что мы стадо диких павлинов. Пока она кричала, пришел незнакомый врач и унес Осю на руках, как маленького ребенка».

«Олечка!

Вчера тебя снова не было. Или ты приходишь, когда я спал? Я закемарил вчера вечером после укола еще до отбоя и боюсь, что пропустил тебя. Конечно, по вечерам девочкам закрыт вход в палату к мальчикам, но вдруг ты снова сумела упросить сестру.

У нас в палате новичок — это взрослый дядька, которому не хватило места на третьем этаже. Он лежит на вытяжке и страдает без курева, а, как назло, никто из нас не курит и не может тайком поднести ему сигарету.

Прибегала его молодая жена и угостила всех блинами. Вкусные! Она кормила его с руки, как птенца. Он звал ее странно, то ли Буся,

83

то ли Пуся. Краем глаза зыркал на нас и тянулся к ней лицом, а она клевала его в губы и снова кормила.

После обеда он орал на сестру. Ему опять строго запретили курить. Когда кто-то рядом кричит, я перестаю слушать и накрываю лицо подушкой, а уши пальцами затыкаю. Потом я подглядел из-под подушки, и оказалось, что сестра ушла, а он по-прежнему кричит и плюется в крике. Пришел врач и долго его ругал. Говорил так: «Какой пример вы подаете мальчикам?»

Еще он кричит, когда ему делают уколы. Такой большой, а кричит, охает и стонет. У нас в палате даже Павлик терпит, хотя он всего-то второклашка.

Однажды в школе мы писали сочинение о «маленьких людях». Я не был на уроке, когда рассказывали, как правильно писать сочинение, не понял, почему обычные люди вдруг называются маленькими, и написал тогда, что любой человек внутри своей взрослой шкурки навсегда остается маленьким – то есть ребенком. Мне тогда вlepили пару».

«С днем рождения, хорошая моя Оленька!

Тебе уже семнадцать, а мне шестнадцать только через четыре месяца, и я никогда до тебя не дорасту.

Рядом с тобой хочется быть другим. Расти над собой. Развиваться. Непременно заниматься спортом. Когда я выйду из больницы, то начну бегать по утрам.

А вот еще что, читать! Обязательно надо читать! Помнишь это: «Григорьев – яркая индивидуальность, а Диккенса не читал». Я тоже не читал, но скоро прочту. Я попросил маму принести мне из библиотеки Диккенса и Гюго. А у тебя какая любимая книга? Не забудь мне ответить, я прочту обязательно, если еще не читал.

Я очень любил ходить в библиотеку, там страшно много книг, и неужели есть человек, который смог прочитать их все?

Ты, наверное, улыбаешься сейчас.

Ты всегда очень красивая. Я никогда не встречал таких красивых. Закрываю глаза и вижу твое нежное лицо. Знаешь, твое лицо создано для того, чтобы я держал его в своих ладонях и любовался тобой.

Наверное, твои волосы мягкие на ощупь. Мне всегда очень хочется их погладить. Ты всегда заплетаешь косу?

Я подумал, каким человеком должен быть твой муж, перебирал все положительные качества и решил: настоящим человеком.

Когда же я снова увижу тебя, славная, нежная добрая Оленька?»

«Оленька, заметила ли ты, что здесь, в больнице, каждый из нас тоскует по еде, может, и не самой любимой, но самой домашней? Например, мне хочется сырников, которые мама жарит по воскресеньям. Со сметаной или со сгущенкой. Мы их едим и слушаем какую-нибудь передачу по радио. Мама не разрешает есть под телевизор.

Потом напишу еще: ко мне пришла мама. Сейчас снова будет плакать».

«Оля!

Нету больше Оси. Вчера вечером нам сказали, когда освобождали тумбочку от его вещей.

У меня его книжка – Маяковский. Надо вернуть тете Оси, но я хочу оставить книгу себе на память. Как ты думаешь, отдать или нет?

Хочется дождаться, пока все уснут, и зареветь.

Вот был Ося: двенадцать лет, сирота, жил у тетушки, стонал от боли, закусив угол подушки, предлагал нам в карты сыграть на деньги. Круглая бритая голова. Родинка на щеке. Писался в постель, сестры вот ругаются на него, а он съжится и молчит. Хлопает белыми ресницами. Ночью опять за свое.

Мне кажется, что это его очередная дурацкая шутка. Разве мог он умереть всерьез? Та штука, которую врачи приняли за Осю, не он. Настоящий живой Ося прячется от нас, чтобы потом посмеяться. Ведь правда?

Осина кровать стоит голая, как скелет, и мы все стараемся не смотреть в тот угол.

Дядя Жора достал откуда-то флягу и предложил помянуть пацана. Все отказались, кроме Володи-большого. Он только сделал глоток, и его сразу вывернуло на свою кровать.

Сегодня утром дядю Жору перевезли на другой этаж».

«Оленька! Олененок!

Пришла Зоя и рассказала про твое нагноение и операцию.

Держись, хорошая моя, держись, держись, держись!

Ты самая сильная из всех, кого я здесь узнал.

Зоя сидит рядом, пока я пишу, и сейчас принесет тебе мое письмо. Я попросил поцеловать тебя в щеку за меня.

Хорошая, любимая, я мыслями с тобой!

Если я что-нибудь значу для тебя, представь, что я сижу рядом и сжимаю твою руку.

Любимая! Любимая! Мне нравится повторять это слово. Говорить «любимая Оленька» — все равно, что катать во рту лимонную карамельку. Мне не надоеет повторять твоё имя даже сто тысяч раз, даже миллион!

Я рад, что сломал ногу и попал в больницу, потому что здесь я встретил тебя.

Когда я не могу заснуть, я придумываю для тебя ласковые имена.

Твой Володя».

«Оля!

Ты не отвечаешь на мои письма и не приходишь меня навестить.

Прошла уже неделя.

Я спросил о тебе у Алексея Денисовича на обходе. Он назвал меня юным возлюбленным и ответил, что ты быстро идёшь на поправку и целыми днями читаешь в постели, а это вредно для глаз.

Невозможно описать, как меня это обрадовало.

Но почему ты молчишь?

Я сделал что-нибудь не так? Я обидел тебя?

Если не хочешь больше ко мне приходить, передай это через Зою и скажи почему.

Я исправлюсь, если ты обижаешься на меня.

Возможно, на днях мне разрешат вставать. Как только я смогу пройти на костылях хоть немного, а я буду постоянно тренироваться, я сам найду тебя».

«Оля! Олечка! Где ты?

Я скучаю по тебе так, что мне больно дышать. Будто в горле у меня моток колючей проволоки.

Завтра меня выписывают, но я этому не рад, потому что мне так и не удалось с тобой поговорить.

Телефона у нас пока нет, но если ты вдруг захочешь увидеть меня вдали от стен больницы, мы можем пойти в кино, театр или даже в цирк (хотя мы оба не любим смотреть на дрессированных животных). Я могу каждый день встречать тебя после занятий!

Напиши мне, пожалуйста! А лучше приходи! Можешь приходить в любое время вечером. Я не

буду гулять после школы, буду делать уроки и ждать тебя. Мой адрес — улица Заречная, дом 2.

И еще, если тебе не жалко, пришли мне на память свою фотокарточку.

Твой Володя».

Я не могла перестать думать о Володе, несколько дней искала его письма, пыталась разложить их в правильном порядке и погружалась в историю Володи и Оли, по горло в них влюблённая, словно читала увлекательный роман — книгу, из которой вырваны последние страницы.

Не хватало фотографий. Попадались всё не те: групповые снимки с бабушкиной работы, детские — мамы, меня, сестры, свадебное фото с дедом, несколько карточек из Крыма, все — без надписей и дат, выпавшие из альбомов, с обломанными уголками, вперемешку с открытками, телеграммами, билетами на поезд и прочим жизненным сором. Ничего о Володе-маленьком, кроме его писем, написанных прыгающим почерком на выдранных из блокнота листах, затёртых на месте сгиба.

Мне не хочется рассказывать о том, как я ездила к Володе: как вы сами можете догадаться, всё закончилось банально и нелепо. Я ведь не в кино живу, в котором мы с ним, общительным, крепким стариком, сидели бы на кухне, пили чай с жасмином и вспоминали бабушку — лучшую женщину в его жизни, единственную, кого он любил.

Его дом чудом не был снесён и жался, как бедный родственник, к знатным многоэтажкам. Двор за хилой оградой зарос бурьяном. Между досками ограды пробиравлась старая крапива. Несмотря на жаркий летний день, в проулке пахло болотом. Было похоже, что здесь уже давно никто не живёт.

Я постучала на всякий случай, собралась уходить и удивилась, когда у калитки появилась женщина. На ней был бурый плащ, такой же, как у бабушки. Усталое лицо, даже веки, покрывала россыпь пигментных пятен.

«Что вам надо?» — спросила она отталкивающим голосом, как если бы я предлагала поговорить о Боге или купить овощечистку — лучшего помощника на кухне.

Я сказала, что ищу Володю, Владимира с неизвестной фамилией, человека, который юношей жил здесь пятьдесят лет назад.

Женщина смотрела на меня так, будто в жизни не слышала большего вздора. Конечно, она не знала такого человека и не могла взять в толк, почему я спрашиваю её о нём.

Я неловко попрощалась и пошла к остановке трамвая, в мою обычную жизнь, ту самую, с ранними подъёмами, пробками, работой ради денег, магазинами, кредитом, химчисткой, РЭУ, медицинскими сериалами онлайн, вечерними посиделками с сухариками и пивом, социальными сетями, мелкими ссорами и дежурными нежностями. Вдоль дороги за мной шла тощая кошка черепаховой масти. Палило жадное июльское солнце.

В конце лета в одной из старых книг я нашла ещё одну фотографию, рыжую от старости: весёлая девушка на качелях, подол платья задрался, улыбка к небу, смешинка в глазах. Хотелось смеяться вместе с ней, дружить, шептаться, и чтобы не кончалось лето. Лёгкая озорная влюблённость струилась с будто ожившего снимка, и я верила, нет – я знала, как признаёшь родное: Оля любила Володю.

«Оля!

Я был в больнице, спросил о тебе и рад, что через неделю тебя выписывают.

Сейчас я дома и чувствую себя хорошо. Скоро я вернусь в школу, а пока пытаюсь нагнать пропущенное. С химией совсем беда! Мама все твердит, что я останусь на второй год, но нет, я справлюсь! Обещаю тебе!

Нога почти не болит, но стала такая худая и бледная, как будто бы и не моя. Мне повезло,

а вот у Володи-большого нога срослась неправильно, и его увезли лечиться в Москву.

Первые дни я скучал по больничной толченой картошке, а еще по компоту. Мама сварила компот, но он и вполонину не такой вкусный.

Извини, если был назойлив все это время.

Я считал и до сих пор считаю тебя своим другом.

Я часто вспоминаю, как мы встретились у кабинета рентгена. Я лежал на каталке, весь зареванный, грязный, как беспризорник, в порванных штанах. Ты увидела меня и сказала с улыбкой и слезами в голосе: «Никогда раньше не ломала рук! Сегодня мой дебют!». Я вначале услышал твой голос и полюбил его сразу же, а потом повернулся к тебе и удивился, какая ты маленькая.

Помню, когда ты вышла, то сказала, что у врача усы, как у твоей собаки. Я только врача увидел, как сразу засмеялся, – твою собаку представил. Ты потом много рассказывала про него, про боксера своего Кешу.

А однажды в больнице мне приснился прекрасный сон, будто ты пришла ко мне спящему, поцеловала меня в висок. От тебя очень вкусно пахло цветами, как будто ты только что вышла из весеннего сада.

Это было на самом деле или только во сне? Хочется думать, что вправду.

Я жду тебя!

Я каждый вечер тебя жду!

Твой Володька».

**Вера
КУЗЬМИНА**

**А В РАЮ, НАВЕРНО,
ТЁПЛЫЕ КРЫЛЕЧКИ**

* * *

Я читаю сказку: бабка и корыто, рыбка золотая – плавники дугой. В кухне пьяный батя спорит с дядей Витей, будто бы у русских рай совсем другой. Папиросой в шторке батя дырку выжиг, Витя засмеялся: будет нам буза. Мамка пилит батю: пьяница да рыжий. Нарисую бате чёрные глаза. А в раю, наверно, сладкая малина, кормят шоколадом, колой, шаурмой... Мишка тёти-Танин, жирная скотина, мне кричал недавно: батя мой – не мой, что на самом деле батя – дядя Витя, и шептались бабки кучей на крыльце: «Ох, глаза-те чёрны... Сходства не ищите, нету ни в повадке, ни в самом лице». Мама называет дядю Витю «мачо». Я раскрашу батю с головы до пят... а в раю, наверно, бабки не судачат и не топят Мишка маленьких котят. «Провожу Витюху... Не играй у печки. Маме скажешь: пили с дядей Витей морс». А в раю, наверно, тёплые крылечки – чтобы пьяный батя ночью не замёрз...

* * *

Зыбаю, позыбаю,
Отец ушел за рыбою.
Мать ушла пелёнки мыть,
Дедушко дрова рубить.
Дедушко дрова рубить,
Бабушка уху варить.
Колыбельная моего детства

Никогда не пели мне: баю-баю-баюшки,
Пели: батя ловит рыб, будет рыбий мех.

КУЗЬМИНА Вера Александровна родилась в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончила Каменск-Уральский медицинский колледж. Работает медсестрой в городской поликлинике. Стихи Кузьминой печатались в журнале «Наш современник». В 2014 году вышла её книга «Медицина здесь бессильна» (литературный псевдоним Веник Каменский). Живёт в городе Каменск-Уральский.

А окраина всегда на краю, на краешке,
А внизу река и ров, общие для всех.

Никогда не пели: спят рыбки-птички-заечки,
Пели: дед ушёл дрова тюкать во дворе.
Батя пьяный на крыльце в полосатой маечке
Отморозил полстопы ночью в ноябре.

87

А четвёртый бабкин дед утонул под Тёсаным,
Камень Тёсанный высок, сверху пять берёз.
На окраине полынь вся покрыта росами,
А в полыни дядя Вить, снова не тверёз.

Никогда не пели мне: баю-баю-баюшки,
Пели: бабка чистит щук, чтоб кормить семью.
А окраина всегда – на краю, на краешке,
Да по тоненькому льду, да по острию...

* * *

Жизнь гранёными стаканами
Тянут воля и тюрьма,
Где разошлись деревянные
Простодырные дома.

Двухэтажки-двухэтажечки,
Алиментики-долги.
Что ж ты, маслице, не мажесси
На ржаные пироги?

Погуляй на Волге, Каме ли,
Утопи в Босфоре нож,
Поживи в палатах каменных –
Помирать сюда придёшь,

Где из кухонь тянет щавелем,
Где запоров нет – на кой?
Где помолятся во здравие
И нальют за упокой,

Где старуха Перелюбкина –
Костыли да медный крест –
На просушку рядом с юбками
Прицепила край небес,

И смеётся – вот зараза ведь,
Муха подлая цеце –
Потому что кареглазого
Жду, как дура, на крыльце...

* * *

А ты не виноват – не смог принять
Тёсовых крыш и дядькиных наколок,
Пощёчин в сенках выпившим парням
И доброго угодника Николу.
Не жду. Но тяжелей течёт Исеть,
Еранка вянет, блин печётся комом.
Что не срослось, тому всегда болеть –
Как переломам...

* * *

Обещались Марат и веснушчатый Севочка
После смены прийти, потусить без балды,
И гуляют хорошие русские девочки
Главной улицей тихой Сысерти-Тавды.

Тополиные клювики, семечки лусканы,
Золотистые фантики, надпись: «Нуга»,
Каблучки-то китайские, ножки-то русские,
До вокзала осталось четыре шага.

Знать бы, сколько шагов до счастливого
случая...

«Познакомимся, девочки?» – «Мальчик, иди...»
Глядят девочки спину Ходынке замученной
И Сенатскую греют на слабой груди.

Мужики-то заварят, а бабам расхлёбывать:
Мерзлоту да похлёбку снегов и дождей.
Ходят девочки в праздничной лаковой обуви
Вдоль по улицам имени всяких вождей.

Поправляют височки и чёлочки девочки:
«Знаешь, Маша, а Гуля купила парик...»
Не явились Марат и веснушчатый Севочка –
Что ж, пора по домам, в привокзальный тупик...

* * *

Июнь. Уже тепло и сухо,
Прошли дожди, засохла грязь.
Выходят бабы и старухи
Из церкви, истово крестясь:
От силы полтора десятка,
А мужиков-то – два попа...
Жись под конец жевать несладко,
Не мёд – берёзова щепя:
«Ой, чё же ты меня покинул?» –
«А что дралися, Мань, – ничё?
Он тубареткой прямо в спину,
Ты на башку ему харчо?
Что пил да шлялся к рыжей Верке?» –
«Да я ж его ругала – вот...»
Тогда приходят бабы в церковь,
Когда мужей земля берёт.
«Хоть пил – купил пальто да бусы,
Чё ж воевала я с тобой...»
И одинокой бабой с флюсом
Висит луна за Барабой.
...Кресты, платки, глаза косые
И, как всегда, – ничё да чё...
Любовь далёкая в России,
А смерть хватает за плечо,
Кто повстречается – поддаты
И этим счастливы вполне,
И вечно двое виноваты –
В любви, разлуке и войне...

* * *

Анна с Вороньжи – счастье бабайка сты-
рил, бабкина мама, значит, прабабка мне...
Были у ней подарки – за жизнь четыре – это
Вороньжа, не в романе, не в кине.

Первый: Терентий-батя привёз лошадку,
пряничный хвостик, сахарное седло. Вплоть до
Святой субботы казалось сладко, звонко, под-
ковно, яблочко и светло.

Был и второй: обручально кольцо от Гриши.
Баяли бабы: шибко на водку лих. Как же не вый-
ти – пропили... плачь потише... в сорок втором
обменяла кольцо на жмых.

В пальцах сведённых – глянцевый хмель
крушины, редькины думки, мох в избяных пазах.
Третий подарок: шаль от вдовца Ишима. Сва-
тался, мать сказала: «Не наш, казах». Шаль

отдала обратно, Ишим скуластый сжёг на Исети молча свою любовь. Целую ночь в прогулке раскоса шастал, утром уехал, баяли, что в Азов.

Был и четвёртый дар, и никто не отнял: чёрное солнце в небе сосновых стен. Чёрные круглые солнца – десятки, сотни. В Каменске было шесть или, может, семь. Радио дочке выдал начальник Саша, слушала Анна-Аннушка, не дыша: «Вот бы их видно было! Поют да пляшут... будто водички в засуху – из ковша, будто по сердцу гладят – тепло, утешно. Вот бы их видно было! Сапог, рука...»

Так и ушла – под песни во тьме кромешной. Короток век – а Родина велика.

Греет Вороньжу солнце свечным огарком. Анна ушла, а Родина всё жива. Короток век... плывут в облаках подарки: кольца, платки, свидетельства и слова. Короток век... Господь в драгоценной ризе, в мирре и золоте тихо шепнёт Петру: «Анне с Вороньжи завтра же – тепловизор... Кем – не положено? Чтوب привезли к утру».

* * *

В Старом Каменске топят печи,
Дым летит в Таборы, в Сысерть.
Утверждают, что время лечит:
Врут, наверное – только смерть.

Отпустила, иди. Но всё же
Веки щиплет калёный дым:
Где-то бродит в тумане ёжик,
Тот, который не стал моим,

Потому что моё – не сроки,
А морошковые срока,
Чёрный ворон да две сороки,
Да в чекушке на полгалотка.

Непростым да негладким – вечно
Вместо туфель носить пимы...
В Старом Каменске топят печи,
Над Россией стоят дымы –

Над Россией, в которой ёжик,
Лисы, лошади, вороньё...
Боль на дым из трубы похожа:
Никуда не девать её.

С. Уланова и В. Кузьмина

Дорогая Наталья, поздравляем тебя, нашего автора, с юбилеем. Желаем счастья, крепкого здоровья, творческих успехов! Ждём новых стихов и прозы. Многая лета!

**Наталья
МУРЗИНА**

АЛЕНЬКИЙ

Рассказ

Я зову её Аленький. Она – моя крестница. Прошло ровно десять лет с того дня, как это существо с тёмными косами и бархатым карим взглядом, а тогда ещё безмятежный младенец в белой пелёнке, стало частью моей судьбы. Да-ле-ко не самой простой её частью.

За эти годы стремительно спился отец Алёнки, и жизнь семьи покати-лась под откос. Мать, безвольная и словно бы повредившаяся в уме, безгласно терпела пьяные выходки супруга, который уже давно не работал. Паразитировал он с удовольствием, не испытывая ни малейших угрызений совести. Безобразные сцены-избиения, после которых мать ходила с синяками, неоднократно происходили на глазах у Алёнки. Он с кошачьей хитростью обнаруживал и расхищал их тайнички, куда мать и дочь прятали деньги, отложенные на самое необходимое, и, естественно, пропивал всё без остатка.

Иногда папа «шутит». Его тяжёлый, мрачный юмор пугал Аленького. Однажды он «в шутку» сказал ей: «Вот возьму и зарежу, и помрёшь молодой. Гы-ы». Но притом был твёрдо уверен, что любит свою дочь и желает ей добра.

Ужасающий многолетний беспорядок, грязные бутылки, пепел от окурков повсеместно, нищета без продыху – такова картина детства моего Аленького. Мне много раз приходилось избав-лять её... от педикулёза. У родителей не было

денег на специальный лечебный шампунь. Алёнка очень страдала – боялась, что в школе узнают, снова и снова заражалась от отца с ма-терью, отчаянно чесалась, находила по утрам у себя на подушке случайно раздавленных ночью насекомых. Это продолжалось несколько меся-цев, почти год, пока мы с ней не вычитали в Ин-тернете очень простой и действенный способ, которым в Америке лечат малолетних детей: го-рячий воздух фена. Это помогло всей их бо-лящей семье. Педикулёз прекратился.

С того момента, как их семья погрузилась в нищету, я по мере сил старалась приодеть Аленького. Ношенные, но ещё вполне пригодные детские вещички находились у нас в избытке. Несколько раз удавалось найти необходимое по объявлениям совершенно бесплатно. В конце концов у меня сложилось впечатление, что в их квартире – самая настоящая «чёрная дыра», ко-торая без остатка пожирает детские вещи. Сколько бы ни увозила Алёна одежды домой, в следующий свой приезд, в любое время года, кроме зимы, она появлялась в своём неизмен-ном «костюме» – потрёпанные джинсы, грязная футболка, кроссовки на босу ногу. Обычный ти-нейджер с городской окраины. Ни дать ни взять. Убедить её надеть носки я так и не сумела...

Но она умница, мой Аленький. Она держится так, что посторонние редко замечают в этом ху-

МУРЗИНА Наталья Петровна родилась в посёлке Тисуль Кемеровской области. Окончила Кемеровский государственный университет. Работала редактором в издательстве «Кузбасс». Публиковалась в журналах «Москва», «Огни Кузбасса», «Наш современник», «День и ночь», антологии военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было!..». Автор книги стихов «Вторжение весны». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

дом темноглазом подростке что-то неблагополучное. Хотя одна особенность всё же выдаёт её. Алёнка боится за столом у чужих взять что-нибудь самостоятельно. Ей хочется ещё кусочек хлеба. Робко спрашивает: «Можно?» И на удивлённый взгляд хозяйки: «Спасибо большое». А теперь ей хочется конфетку: «Можно?» Ещё более удивлённый взгляд, и опять: «Спасибо большое». Когда это повторяется в десятый раз, хозяйка впадает в недоумение: «Всё, что на столе, для вас – для гостей, зачем же ты постоянно спрашиваешь?»

Всё же она по-своему любит их, своих непутёвых родителей. Однажды задумчиво сказала: «Сама не понимаю, почему меня от дыма всех сигарет тошнит, и только от папиных – нет». Видно, даже такая семья лучше, чем интернат...

Алёнка часто приезжает ко мне. Все её невзгоды так или иначе становятся мне известны. Горюшко моё! Помогаю как могу. В церковь с собой беру, в гости к хорошим знакомым и в поездки. Лишь бы к ней в сердце не прокралось одиночество, страшнее которого, мне кажется, нет ничего на свете...

Я уже давно обещала Алёнке катание на лошадях, и вот – свершилось. Мы на конезаводе. Слепительно-яркий декабрьский день. Юные «амазонки» – ровесницы Аленького или чуть старше – увлечённо проводят экскурсию по конюшне, по-деловому рассказывают, что сами знают, о своих питомцах, а те в ответ покачивают мохнатыми мордами, одобрительно внюхиваются, всхрапывают, прядают ушами. Наверное, думают: это нас привели к ним на развлечение. Ах, какие ласковые у них имена: Зорька, Ивушка, Пряник. Но всех краше белая кобыла Звёздочка. Впрочем, не все лошади ведут себя дружелюбно. Вон тот арабский жеребец с такой злостью косит в нашу сторону выпуклым блестящим глазом, что становится не по себе. Вот-вот укусит. Вздорный забияка Сильвер. Хорошо, что он за решёткой.

Морозец. Резко пахнет соломой, конским пометом, чем-то ещё. «Кататься будете?» – спрашивает нас одна из местных, веснушчатая девчонка с длинной белобрысой косой поверх зимней куртки. «Конечно». И для Аленького седлают красавицу Звёздочку. Моя девочка не без труда взбирается на высокую лошадиную спину. Наша белобрысая провожатая ведёт кобылу по кругу.

Та спокойна. Видно, ей приятно размяться, понюхать влажный ветерок, пройтись по хрустящему снегу в компании других лошадей, несущих своих ездоков. Сколько грации в её плавном шаге. Алёнка весит немного, и Звёздочке легко. Она играючи везёт Алёнку, и та сидит в седле, словно впаянная. Почувствовала себя ловко, разительно улыбается, покачиваясь на доброй лошадиной спине.

Наша «амазонка», видя, что кобыла ведёт себя смирно, срывается по какому-то неотложному делу, и теперь я вместо неё семеню рядом со Звёздочкой вдоль ограды, держа повод в руке. Круг, ещё круг, и ещё, и ещё... Лошадь не хочет остановиться, никак не реагирует на мои робкие тпру-у-у. Она идёт и идёт, как заведённая, – размеренным, спокойным шагом и, кажется, готова ходить так целую вечность. Мы с Аленьким начинаем нервничать.

Но вот появляется Главная «амазонка». Видно, что эта энергичная молодая женщина в зимнем спортивном костюме чувствует себя здесь полной хозяйкой. Она быстро и решительно останавливает Звёздочку. Можно облегчённо вздохнуть. Алёнка оказывается на свободе и на своих ногах.

97

Мы выходим за пределы ограды, и Главная предъявляет счёт: «С вас четыреста рублей». Я в недоумении. Я ошарашена: «Как четыреста? Почему??? Ведь перед экскурсией было объявлено, что сто!» – «Это в повозке. А для вас седлали отдельную лошадь. Это стоит четыреста».

Но где же об этом написано, что это столько стоит? Ни одной вывески. Ведь мы не знали... Лихорадочно прикидываю, хватит ли у меня денег.

«А что вы думали? Лошадей ведь надо кормить», – это опять Главная.

Я увлекаю её по дорожке на несколько шагов вперёд, подальше от Алёнки, чтоб та не слышала, и с надеждой прошу: «Ну пожалуйста... Сделайте скидку. У этой девочки родители-инвалиды» – «А у нас лошади голодные». Так, значит... Пихаю ей в руку сторублёвку, нервно разворачиваюсь, и мы с Аленьким размашисто удаляемся в сторону автобусной остановки.

Ой, как скверно... Не расплатились. Лошади голодные... Нет, не могу так! Надо вернуться. Внимательно пересчитываю наличность. Хватит – не хватит? Самое главное, оставить на обратный проезд... Аленький смущённо плетётся рядом. Вдруг тихонько: «Простите...» – «За что, Алёна?» – «Что я так долго каталась» – «Ну что ты...» Денег хватает.

Мы возвращаемся к Главной и протягиваем недоплаченное. Она говорит: «А с вас ещё только сотня. Я узнавала. Вы, оказывается, совсем немного катались». Вполне дружелюбно. Уф-ф-ф...

По дороге домой обе упорно молчим. В памяти ещё ярко всплывают добродушные лошадиные морды, несравненная красота их тел, бегущих по блистающему снегу. Но на душе по-прежнему тяжело. Мне стыдно. Меня придавливает чувство вины: вот так вот, из-за трёхсот рублей раскрыла постороннему человеку Алёнкину тайну...

Собираю Аленького на исповедь и причастие. Обычно ставлю на стол икону, кладу рядом чистый листок бумаги и удобную ручку и выхожу из комнаты, заперев за собой дверь. Так у нас повелось с самой первой Алёнкиной исповеди. Не вмешиваюсь. Пусть сама пишет письмо Богу. Может быть, с ошибками или не всё понимая. Но обязательно сама.

А однажды случилось так. «Держать зло на человека – это грех?» – вдруг спрашивает. «Ну, конечно...» И тут выясняется, что мой Аленький разругалась с единственной подругой, что называется, в пух и прах. Эта Ксюша часто скрашивала жизнь моей Алёне. Они много времени проводили вместе. Я в тупике. «Э-э-э... ну, позвони, – говорю, – помирись». Сама думаю: «Легко сказать... Мы, взрослые, часто ли имеем решимость помириться, охотно ли просим друг у друга прощения?»

Алёнкино лицо покрывается красными пятнами. В глазах угадывается недетская злость. В её душе происходит жестокая борьба, и я эту борьбу явственно и с некоторой растерянностью наблюдаю. Она ведь знает, что подходить к причастию с обидой на сердце – нехорошо. Да нет, категорически нельзя!

Что бы придумать? Я не могу заставить её позвонить. Вижу: это свыше её душевных сил. Но и позволить пойти на причастие в таком состоянии не могу. Вдруг меня осеняет: «А ты напиши на чистом листике: «Прости меня, Ксюша!» и сожги этот листик. О нём никто не узнает, но тебе станет легче. Пусть хотя бы вот так, тайно, но ты попросишь прощения. А там, смотришь, и помиритесь» – «Нетушки, не-е-ет!» Машет руками, на глазах выступили слёзы, сейчас расплачется: «Даже так не могу». Но потихоньку

уговорила. Она закрылась в комнате. Напряжённое пятиминутное молчание. Выходит: «Всё! Написала».

Прошёл год. Подружки помирились и снова не разлей вода. «Алёна, а ты помнишь, как на Ксюшу обижалась, как не хотела даже тайно попросить у неё прощения?» – «Помню!»

А взгляд блестящий и радостный.

Мы с Аленьким в провинциальном краеведческом музее. Экскурсовод замученно-заученно рассказывает, что «на территории нашего края много миллионов лет назад было огромное море». Многочисленные древние окаменелости, найденные в окрестностях города, подтверждают это. А вот останки шерстистого носорога. А вот зубы мамонта. Обратите внимание, какие они внушительные. А вот...

Переходим от одной экспозиции к другой. Аленький послушно идёт со мной рядом и с любопытством рассматривает всё вокруг. Теперь перед нашими глазами предметы немудрёного телеутского быта. Всё просто, но красиво в своей простоте.

А вот вещи русской купеческой семьи Емельяновых начала двадцатого века. Огромный стол, накрытый роскошной кружевной скатертью, начищенный до блеска пузатый самовар. Экскурсовод неожиданно, с некоторой хитринкой в голосе, предлагает: «Присядьте-ка за этот стол. Присядьте-присядьте», – и будто мелкий чёртик на секунду проскакивает в её взгляде. Садимся на старинные стулья с изогнутыми спинками. Музейная тётенька продолжает интриговать: «Семья Емельяновых была очень богата. Стол обладает особой энергетикой, накопленной за многие десятилетия». «Ну, – думаю, – понеслась экстрасенсорная дребедень». «Положите руки ладонями вниз». Наши экскурсионные попутчики послушно кладут руки на стол ладонями вниз. Мои руки на столе, но зажаты в кулаки. Аленький демонстративно прячет руки под стол. «Загадайте желание и ждите, когда начнёт покалывать пальцы. Ваше желание обязательно сбудется». Музейщица вопросительно смотрит на нас с Аленьким. Дескать, ну что же вы? Мы дружно мотаем головами: «Не-е-а!», решительно встаём с изогнутых старинных стульев и уходим. Мы верим во Христа Воскресшего, а не в энергетику купеческих столов.

Приехали на святой источник. Сколько машин на стоянке! Желающих окунуться – хоть отбавляй. Надпись: «Женщинам купаться только в рубашке». Да знаем, знаем! У меня есть – специальная, с любовью и старанием сшила. Но тут оказывается, что у Аленького – только короткая поношенная маечка и линялые трусики. Мой недосмотр... Отмечаю это и мысленно ругаю себя: «Двоечница». Но, кажется, отсутствие рубашки её не смущает. «Будешь купаться?» – «Буду!»

Скоро моя очередь. Собираю волю в кулак. Читаю молитву, медленно и осторожно вхожу в ледяную воду. «Во имя Отца». Окунаясь с головой. Будто стальным обручем перехватывает грудь. Дышать невозможно! Как рыба ловлю воздух ртом. Заставляю себя ещё раз окунуться. «И Сына». Задышаюсь, но что есть силы погружаюсь с головой снова. «И Святого Духа. Аминь!» Вот теперь всё. Взлетаю по скользким ступенькам колодца наверх. Мокрая ситцевая рубашка словно берёт меня в плен, не даёт двигаться, навязчиво липнет к телу. С волос стекают обильные струи воды. Но мне уже не холодно. Мне — замечательно, головокружительно!

Теперь Аленький. «Ну как, ты справишься?» Входит в воду. Мне со спины видно, как просвечивают под маечкой острые лопатки. Неловко и торопливо куряется лицом. Вода едва успевает сомкнуться над её головой, над хвостиком тёмных волос, перетянутых резиночкой. Выныривает. Глаза чёрные, огромные, испуганные. Ещё раз. Ещё!

Молодец, Аленький! «Тебе не холодно?» – «Нет!»

Мы в старинном кузбасском городке – на утренней службе в храме. Дорогой моему сердцу дядя Саша, у которого мы гостим, каким-то чудом договорился, и нам с Алёнкой разрешили подняться на колокольню!

Впереди нас по крутой деревянной лестнице поднимается вверх звонарь. Это пожилой крупный мужчина. У него густая борода с проседью и светлые пронзительные глаза. Он сосредоточенным шёпотом читает какую-то молитву и, кажется, не обращает на нас никакого внимания.

Здесь нужно осторожно ставить ногу. Ступеньки незнакомые, разной крутизны и величины. Через окошки сбоку видно, как высоко мы

уже поднялись. Последний пролёт наверх. И вдруг... Мы оказываемся на круглой площадке с огромным чугунным колоколом посередине. Он внушает мне уважение, и я, чтобы засвидетельствовать ему особое почтение, слегка притрагиваюсь к старому канату, вертикально свисающему с колокольного языка. На боковой стене — ещё колокола, но меньшего размера. А вокруг, за пределами стен, — всё как на ладони: и старинный городок, и протяжная горная гряда, окутанная прозрачной синеватой дымкой. Далекое-о-о-о видеть! И какие над нами облака! Огромные, свободные, плавно текущие по счастливому июльскому небу. Непередаваемо красиво! «Как тебе, нравится здесь, Аленький?»

Звонарь берёт в руки канаты от всех колоколов сразу. «БОМ-М-М! – БОМ-М-М!» Это энергично и приветливо громыхнул главный. И началось! «БОМ-М-М! – би-м-м! – бим-бим! – бам-бам! – БОМ-М-М!» Дружная, оглушительная, мелодичная переключка. Мы с Аленьким поспешно прикрываем ладонями уши. Люди, стоящие там, внизу, сейчас кажутся игрушечными тёмными фигурками. Они враз поднимают головы, вслушиваются, крестятся. Я уверена, что они не видят нас с Аленьким. Мы их видим в незарешённое окно, а они нас – нет.

И под этот величественный, пронизывающий, невыносимо громкий здесь, на верхней площадке, колокольный звон, глядя на вдохновенно выполняющего свою работу могучего звонаря, на Алёнку, весело зажимающую ладошками уши, я с восхищением думаю: «Дивны дела Твоя, Господи! Слава Тебе!»

Приветливый летний день. Сквозь листву древних карагачей, растущих возле моего дома, снопами пробиваются свежие солнечные лучи. Мы с удовольствием гуляем вдоль сухой асфальтовой дорожки. Беседуем обо всём подряд. Вдруг робко тянет меня за рукав. Догадываюсь: хочет спросить что-то важное. «Что, Аленький?» Она медлит, не решается, отводит глаза. Вижу, как в её золотистых зрачках отражается напряжённая работа мысли. Наконец, набравшись смелости, немного низко и хрипло произносит: «А... почему крёстную нельзя звать мамой?» Вопрос...

Надо признаться, уже несколько бессонниц подряд я размышляла над этим. Но она всё равно застала меня врасплох. Что я скажу ей? Что я реально могу ей ответить? Что у меня семья, и

тесная квартира, и маленькая зарплата? Но ведь живёт же она у нас, и подолгу, и вроде бы никому не мешает. Всё не то...

(Мы в ответе за тех, кого приручили).

Как объяснить ей ту истину, что я могу стать её мамой, если только родные мать и отец перестанут быть её родителями... Чужая жизнь, беспощадно вывернутая наизнанку?.. Суд?.. Слёзы?..

(Мы в ответе за тех, кого приручили).

«Понимаешь, Аленький... У человека только одна мама. И её нельзя предать. А крёстных в народе зовут лёлями».

Она делает вид, что понимает. Кивает головой, но видно, как потускнел её бархатный карий взгляд.

«Понимаешь, Аленький... Я всегда с тобой. Я очень люблю тебя. Но...»

Обречённо дрогнули уголки губ.

«Но твоя мама... она ведь тоже тебя любит».

Неожиданно соглашается, пнув ободранной кроссовкой подвернувшийся под ногу лист лопуха: «И даже папа...»

Или только делает вид, что соглашается...

Я обнимаю её, крепко прижимаю к себе это худенькое родное существо и чувствую, как горько и неостановимо рвётся моё сердце.

«Понимаешь, Аленький... Даже если мы совсем одиноки... Даже если нам кажется, что рядом нет никого, кто бы любил нас...»

С каким трудом подбираются слова... Как медленно... Но мне хочется вложить в них сейчас всю силу убеждения, на какую только способна.

«...на нас всегда смотрит Тот... Кто сотворил нашу душу и тело... Кто любит нас больше, чем мы себя любим».

Слушает. Замерла на мгновение. Кажется даже, перестала дышать.

«...Любит беспредельно... Страдает вместе с нами, когда нам плохо, и готов откликнуться на первый наш зов...»

Голос не слушается. Но я продолжаю: «Надо только не огорчить Эту Любовь. И она всегда будет с тобой. Каждое мгновение твоей жизни. Понимаешь?»

Наталья Мурзина

**Виктор
КИСЕЛЁВ**

Я ДАРИЮ ТЕБЕ ЭТУ ПЛАНЕТУ

* * *

Я не люблю квадратность городов,
И в том моя деревня виновата,
Где в зеркалах железных лемехов
Круглилось поле в золоте заката.

Свой отчий дом оставил я когда-то,
Тяжёлый труд на трудный быт сменя,
И в том ещё деревня «виновата»,
Что в мире научила жить меня.

Я не забыл, как отбивать косу,
Бродить люблю осенними полями,
Когда грибы я нахожу в лесу,
Здороваясь порой, как с земляками.

...Стучится гость, смущаясь и робея,
Он в городе искал меня полдня:
— Ну, здравствуй, неуклюжая Расея,
Рад, что не забываешь ты меня!

А дочь моя, едва наступит лето,
Летит к родне, где лес поёт маня...
Я вырос на берёзовых рассветах,
И дочь, похоже, выросла — в меня.

ПИСЬМО БРАТУ

...Знаешь, брат, и в областной столице
Работяге льгот особых нет...
У меня здесь, правда, есть больницы,
Есть в общаге тёплый туалет.

Уезжая, был тогда я молод,
Повзрослел и понял только тут:
На износ нас проверяет город,
А в деревне на излом живут.

Выживая, рвёшь и пуп, и спину,
А года летят, летят года...
Повзрослев, твой сын тебя покинет,
Ведь закроют школу навсегда.

Посидишь с женою молчаливо
Да наточишь поострее нож,
И, свою жалеючи скотину,
На забой соседа позовёшь.

Мёртв мой тополь, от годов засохший,
Дом наш рядом начали ломать.
Мне знакомых больше на погосте,
Где в покое спят отец и мать.

Вы меня в сегодня не зовите:
В нём река от вырубок мелка...
Городского вы меня простите,
Что я вас люблю издалека.

Буду помнить над тайгой закаты.
Буду помнить, помнить до конца
Тот, из детства, запах мягкой лапы
Пихточки, коснувшейся лица...

95

КИСЕЛЁВ Виктор Павлович родился в 1959 году в Новосибирской области, служил в армии, работал в леспромышленности, на заводах Кемерово. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Подъём» (Воронеж), альманахах «Образ», «Кольчугинская осень», в коллективных сборниках «Кемерово — город поэтов», «Поэтическое трио». Автор двух книг: «Седьмая вода» и «Просто от души». Живёт в Кемерове.

Где под звёздной бездной бесконечной,
Что своей пугает глубиной,
Можно слышать над тайгой извечной,
Как гудит, вращаясь, шар земной.

...В этот отпуск не поеду в Ниццу.
Приезжай – помянем, посидим...
Мне кедров над нашей речкой снится,
Дом живой под топодем живым.

НА ПОДАРОК ДОЧЕРИ ГЛОБУСА-ТОЧИЛКИ ДЛЯ КАРАНДАШЕЙ

Я дарю тебе эту планету,
Пусть б/у, но другой у нас нету.
Пусть её на оси расшатало,
Пусть мала, пусть слегка полиняла,
Пусть поблекли на ней океаны,
Поистёрлись границы и страны,
Ты пойми –

ей досталось немало.

Стань планете хозяйкою важной,
Протирай её тряпочкой влажной...
Она очень хрупка, между прочим, –
Видишь, снизу подклеена скотчем...
Сбереги, сохрани её, доча...
У меня получилось не очень.

* * *

Вам под сорок. В счастье нету веры,
И не счесть Вам жизненных потерь.
Я уже стучался в Ваши двери,
Только Вы мне не открыли дверь.

Прошуршали гладкостью халата,
Только у глазка затихли вдруг...
Ухожу по лестнице щербатой,
А за дверь – сердца перестук.

...Жизнь летит, и на её излёте
Новую испытываю грусть:
Вы одна по-прежнему живёте,
Только я уже не постучусь.

ВОСПОМИНАНИЯ ЮНОСТИ

Восемнадцать.

Ещё не курю.

Утром воздух черёмухой сладок.
И уже я люблю!

И дарю

Я улыбки прохожим в подарок!

И живу так легко –
Не грешу...

Без врагов,
без долгов,
без помарок.

И наивные письма пишу
На листочках
Из школьных тетрадок.

...А вокруг
Распогодился май!

И девочки
открыли колени,
И в наполненный солнцем
трамвай

Рвутся ветви
цветущей
сирени!

КОНЦЕРТ В СМИРНОВКЕ К 9 МАЯ

Живёт без света третий день Смирновка,
Но к празднику Победы снизошли...

Нет, свет не дали – керосинки жгли.

Но руководством явлена сноровка:
Лекарство и артистов привезли.

...Был микрофон, гитара и поэты.

И сельские свидетели войны,
С неловкостью державшие конфеты,

Что были им под праздник вручены.

Пусть микрофон порой визжал фальцетом,

Артисты были все слегка пьяны,

Но бабушки, вниманием полны,

Всех слушали.

И плакали при этом.

...Концерт закончен. За клубами пыли

Автобусы артистов унесли.

И старики их строго не судили:

Спасибо, что приехать-то смогли...

...Росли цветы, питались травы соком,

И яблони бесхозные цвели...

В лазурном небе, чистом и высоком,

Над вдовами, что по домам пошли,

Над стареньким кладбищенским покоем,

Над зеленью заброшенной земли,

Летя усталым и неровным строем,

Смирновку отпевали журавли...

* * *

Террористы? Что они взорвали?!

Раду, Киев? Запад крепко спит.

Вот в Луганске ночью спят едва ли...

Не восток вы даже расстреляли:

Вами мир украинский убит.

...Украина, а самой не жутко?
Украина, ты ж кому-то мать...
Чьи команды слушаешь ты чутко?
Кто тебе позволил убивать?
И летает истребитель низко...
«НЕ УБИЙ!»
Но сладок звон монет.
И лежит в крови «сепаратистка»
В пять своих
ещё неполных лет...

ПИСЬМО ПРАВУМУ СЕКТОРУ ИЗ СИБИРИ

Вас, конечно, воры донимают.
Сами с олигархами живём:
Газ на запад, гады, отправляют,
Мы же топим лесом и углём.
...Жалко вас, я видел на экране,
Греетесь там у зажжённых шин.
И у вас там трудности настали:
На коктейли вышел весь бензин.
Слышу крики: «Сало уронили!».
Ничего. Нагнётесь...

Не впервой.

Только оглянитесь: запад ныне
Цвет имеет нежно-голубой.
...А у нас опять снега до мая.
Мы в июнь картошку – в полосу.
Только, что вам эта посевная:
Выборы, понятно, на носу.
Незалежность – выше пропитанья!
Прыгайте, который не москаль!

Нулланд привезёт для вас бананья.
Ваша пища...

А народ вот жаль.

Ваши боги, что из схронов вышли,
Резали людей по хуторам.
Москалей, жидов и коммунистов...
Чем язык-то русский вам не чистый?
Что ж вы Украину – пополам?!
Вас народ оценит по делам.
По крови горевших на майдане,
По одесским людям-факелам...
Я – москаль.

Привет сибирский вам!

Ждём зимой вас в тёплом Магадане.

Я, понятно, сала вам не дам:

Вас снабдит Америка пайками.

Бить не будем...

Каждый сдохнет сам.

И привет там ПЕРШЕМУ – Обаме...

* * *

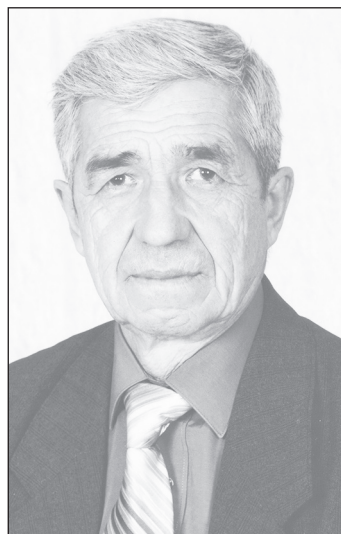
Клянёт нас запад, словно супостата:
Россия – зло! И, чтоб её сгубить,
Они готовы чёрта принять в НАТО,
Они фашизм готовы возродить,
Наполеона, Гитлера, Пилата,
Иуд, готовых ложью нас травить...
– А чем Россия им мешает жить?
Не потому, что недрами богата,
Она – укор давно продавшим честь.
...Россия потому и виновата,
Что просто на Земле Россия есть.

**Анатолий
ИВАНОВ**

МУЖИК, КУРИТЬ НЕМА?

Рассказ

Июль стоял в самом разгаре. К вечеру жара стала спадать. Придя с работы домой, Николай переоделся, умылся, поел и вышел во двор.

Присев в тенёк на перевёрнутое свинячье корыто, он закрутил самокрутку и жадно затянулся.

– Чего делать собираешься? – спросила жена Клавдия, развешивая постиранные пелёнки.

«Вот язва, – подумал Николай. – Покурить спокойно не даст. Сейчас опять начнёт нудить-гундеть: то надо, другое надо, а то без неё не знаю, что надо. После сытого стола хорошо бы полежать часок другой, да разве удастся».

– А чего надо? – с неохотой спросил он.

– Посмотрите на него, люди добрые, посмотрите! – громко запричитала Клавдия. – Скотины полон двор, ребятишек полон дом, а он сидит курит да говорит: «Чего надо?» У меня сердце кровью обливается, люди всю сено ставят, а у нас шаром покати, копы свежей нет.

– Чего орёшь, дура! – урезонил её Николай. – Сейчас не то что на покос, за деревню выходить страшно и опасно.

– Это ещё почему? Неужели крокодилы объявились? Так у нас вроде Сибирь, не Африка, а в Сибири крокодилы не водятся, об этом всем известно, крокодилам тоже.

– Не умничай, слушать тошно, – кривясь, как от зубной боли, парировал муж. – Ты думаешь,

почему по деревне солдаты с автоматами ходят? Потому, что с зоны двое зеков сбежало.

– Это как так?

– Да вот так. Подкоп сделали, и будь здоров, дай бог ноги.

Километрах в пяти от деревни находилась исправительная колония строгого режима, очень редко, но случались побеги сибулонцев – так в Сибири называли тех, кто находился за колючей проволокой. Это слово произошло от названия организации СИБЛАГ, ведавшей делами и судьбами исправительных лагерей и людей, в них находившихся, всей Западной Сибири. Каждый побег наводил дикий страх на жителей окрестных деревень.

– Ты что, испугался сибулонцев, что они с тобой сделают? Да в конце концов ты мужик ли нет? Может, тогда дома останешься с Никитой нянчиться, а я поеду косить?

– Вот язва, надо же. Мёртвого поднимет и плясать заставит, – со злостью себе под нос проговорил Николай.

Он встал, сплюнул, пнул некстати подвернувшегося под ноги кота и пошёл запрягать кобылу. Бросив в телегу неотбитую косу, он стегнул лошадь хлыстом, будто она в чём-то была виновата, и телега резво двинулась в путь. Покос находился недалеко от деревни, километрах

ИВАНОВ Анатолий Ильич родился 14 декабря 1950 года в многодетной семье. Детей было семеро. В 1968 году окончил две школы: общеобразовательную и музыкальную. Поступил в Барнаульское музыкальное училище. После первого курса служил в новосибирском ансамбле песни и пляски МВД СССР. Затем работал преподавателем музыкальной школы на Алтае, в Кузбассе, Горной Шории, Казахстане, на БАМе. После окончания Кемеровского института культуры в 1987 году уехал на Камчатку. В 1994 году переехал в Мариинский район, в село Суслово, работает в музыкальной школе.

в полутора. Доехал скоро. Когда начал распрягать кобылу, то вспомнил что из-за этой ругани ничего с собой не взял. Ни воды, ни хлеба, ни махорки, а самое главное – топор забыл.

Не дай бог, что случится, и нечем будет защитить себя. Одна надежда – на кобылу, смекалку да ноги. Он не стал спутывать лошадь и отпускать на вольную пастьбу. Мало ли что. Сделав подлиньше повод от уздечки и привязав его сзади к своему брючному ремню, принялся за первый прокос. Послышалось размерное «вжик, вжик, вжик» – неизменная песня косы. Следом за ним, щипая траву и громко фыркая, двигалась лошадь. В лесу пели птицы, куковала кукушка, неустанно трудился дятел, добывая себе пропитание. В ещё не скошенной траве прыгали кузнечики, беззаботно от цветка к цветку порхали разноцветные бабочки. Пчёлы, вечные труженицы, собирали драгоценный нектар.

Из-за кустов, росших рядом с покосом, за Николаем внимательно наблюдал Сеня Емельянов, брат жены, его шурик, живший по соседству. Велосипед, на котором он сюда прикатил, валялся тут же. В тот день Сеня был навеселе. За час до того, как ему оказаться в кустах на своём наблюдательном пункте, он молча лежал за верандой, в тени на стареньком тулупе. Время от времени не забывал наведываться в дом, чтобы в очередной раз снять пробу из фляги с недобродившей брагой, поставленной к покосу.

Высоких заборов в деревне не ставили, граница между усадьбами была чисто условной. Дома стояли рядом, слышимость отменная. Вот так, лёжа на тулупе после очередной апробации, он и стал невольным свидетелем перебранки Николая с Клавдией. Опасения Николая, его боязнь встречи с сибулонцами так взвинтили разгорячённое брагой воображение Сени, что он уже не мог ни лежать, ни сидеть, будто сотни иголок жалили его как изнутри, так и снаружи. Строя разные планы и варианты, он представлял себе, как подшутить над бедным зятком, а предполагаемая ответная реакция душила до колик припадками смеха. Чтобы не выдать себя раньше времени, он зажимал рот руками и, как мог, старался успокоить свои взбудораженные фантазии. Такой уж был человек Сеня, что и дня не мог прожить без какой-нибудь безобидной, с его слов, шутки. А со слов пострадавшего, это выглядело самой что ни на есть гадостью. За эти проделки ему и морду били, и руки-ноги ломали, не говоря уже о рёбрах, а ему всё нипочём. Шу-

тит – и всё тут. Такая уж, видно, его натура, что никакому слладу не поддаётся... А недели две назад с ним произошёл такой случай...

Загулял сторож, дед Федот. На его место, сторожить совхозный двор с гаражами, поставили Васю Шустова. Основным инструментом, которым пользовался Вася при работе с жестью, был деревянный молоток, представляющий собой внушительную деревянную баклушку, насаженную на черенок. У Васи была одна странность, а может, гордость за профессию жестянщика: этот молоток он всегда носил с собой пристёгнутым к брючному ремню, за что и прозвище имел: Молоток. Первая Васина смена в роли сторожа прошла спокойно, без происшествий. Утром к нему в сторожку зашёл Сеня, который работал электриком.

– Здорово, Молоток!

– Здорово, Емеля!

– Ну как дела, с электричеством всё нормально?

– Да нет, в мастерских и гаражном боксе света нет.

– Пойду гляну, – сказал Сеня и вышел.

Сделав обход производственных помещений, он опять зашёл в сторожку к Молотку.

– Ну что, почему свет не горит?

– Фазы нет.

– Куда же она подевалась?

– Кто-то спер!

– Кто? Здесь никого не было, я один был, всю ночь не спал, сторожил.

– Если никого не было, значит, ты и стащил.

– Да ты что, Сеня? – удивился Молоток. – А мне она зачем, на какой хрен?

Сеня смекнул, что Вася понятия не имеет, что такое фаза, чему очень удивился и обрадовался, в его глазах заиграли бесенята.

Упустить такой случай было грех, и Сеня постарался на славу, не думая о последствиях. Он и представить себе не мог, что физический закон, открытый Ньютоном: «Сила действия равна силе противодействия», может распространиться не только на человеческие взаимоотношения, но и на него лично.

– Ну как – на какой хрен? Ты же строишься, – гнул своё Сеня.

– Ну строюсь.

– Вот, значит, заранее себе и приготовил. Ты же будешь свет в дом проводить?

– А как же без света!

– Выходит, для себя и стибрил. Ладно, пойду писать докладную директору, – сказал Сеня.

– Постой, погоди, – остановил его Вася. – Сколь же она стоит, эта фаза?

– Сколь? – Сеня прищурил левый глаз, правый закатил под лоб, будто вспоминая. – Примерно столько же, сколь и корова, так что придётся тебе её продавать на мясо. Но деньги – это не самое главное. Фаза – большой дефицит. Достать её очень трудно, а если не достанешь, то могут и посадить, года три дадут, а может, и четыре.

– Ни хрена себе, вот это я посторожил.

Сеня вышел из сторожки и через минуту забыл об этом разговоре. Закрыв сторожку на замок, Вася бегом ринулся в контору.

– Директор у себя? – спросил он у секретарши.

– Ага. У себя, с утра тебя ждёт не дожждётся, все окна проглядел, – с издёвкой в голосе сказала она. – А то ему и делать-то больше нечего.

«Значит, ему всё известно», – решил про себя Вася и, не дослушав её, скрылся в кабинете директора.

– Иван Степаныч, родненький, спаси, только ты мне можешь помочь, – чуть ли не в ноги кинулся к нему Вася. – Звони в милицию, пускай едут, делают обыск у меня, тётщи, у всей моей родни. На чердаках, в подвалах, в сараях, огородах, пускай хоть всё перекопают, но, видит Бог, не воровал я эту фазу, она мне даром не нужна.

– Погоди, успокойся. Ты мне можешь толком объяснить, что случилось, о чём идёт речь, про какую фазу ты мне талдычишь?

– Как, вы разве ничего не знаете?

– Что я должен знать?

– Ну, Сеня-электрик разве не написал вам докладную?

– Никто мне не писал никакой докладной. Давай-ка рассказывай всё по порядку. Что случилось?

Вася обстоятельно рассказал о дежурстве в качестве сторожа, о потере злополучной фазы, в краже которой электрик подозревает его. Внимательно выслушав, Иван Степаныч поднялся из-за стола.

– Эх, Вася-Вася, чудака ты, Вася. Понимаешь, Сеня просто над тобой подшутил. Фаза – понятие условное, её нельзя украсть, спрятав в карман или мешок. Она либо есть, либо её нет, а не быть она может по одной причине – отсутствие контакта. Вот к твоему дому сколько проводов подходит?

– Два.

– А если один провод отрезать, у тебя в доме будет свет?

– Конечно нет.

– Ну так вот, значит, света нет потому, что отсутствует один провод, один контакт, одна фаза. Теперь ты понял, что такое фаза?

– Понял, – сказал Вася, хотя сам чувствовал, что ни черта не понял. В данное время его интересовал лишь один вопрос, как получше отблагодарить Сеню за столь щедрую науку, из-за которой он едва не поседел.

– Вася, ты сколько классов-то закончил?

– Шесть. Вы что, Иван Степанович забыли, вы же тогда директором школы были. Помните, в шестом классе меня на второй год оставили, потом на третий, а потом я сам не пошёл. Начал курить, дурить да за девками бегать. В семнадцать лет женился, а вскорости жена Валуха мне двойню принесла, из-за неё меня и в армию не взяли.

– Да нет, Вася, не забыл, просто хотел, чтобы ты вспомнил. Сейчас, поди, жалеешь, что не хотел учиться?

– Конечно жалею, но время-то ушло.

– У тебя, Вася, может, и ушло, а у детей твоих – нет. Так что смотри за ними, не допускай, чтобы они повторили твои ошибки. Ну да ладно, ступай.

На следующий день Вася с нетерпением ожидал прихода электрика. Тот каждое утро делал обход всех помещений. Вот открылась дверь сторожки, и показалась сияющая физиономия Сени. Он только раскрыл рот и хотел поинтересоваться насчёт фазы, но не успел. В этот момент, крикнув от удовольствия, Вася треснул его своим деревянным молотком меж глаз. Дверь закрылась, не успев до конца открыться.

– Ну как, Сеня, заискрило? Чувствую, что доволен и душа у тебя радуется. То-то, на сегодня приём по личным вопросам окончен. Если фаза не контактит, приходи завтра утром, чуток подправлю.

Прислонившись спиной к стене, Сеня начал медленно сползать вниз, пока не присел на корточки. Мгновенно на лбу образовалась шишка величиной с детский кулак, красно-малинового цвета, постепенно приобретая лилово-фиолетовый оттенок. Обширная опухоль распространилась на глаза, превратив их в еле заметные щелочки.

– На сегодня, кажись, отработал, – полушёпотом произнёс он, – пора и в люлю.

Вспомнив о спрятанной недопитой бутылке, он огородами, чураясь людей, направился к дому.

После этого случая они не стали кровными врагами. В деревне не принято держать камень за пазухой, годами мстить и носить в душе обиду. Дня через три-четыре, когда опухоль отступила и синяк начал рассасываться, они с Васей уже ходили по деревне в обнимку, с недопитой бутылкой самогона, распевая любимую песню:

– И молодого-о-го коного-о-на несут с разбитой голово-о-й...

И с новой мощью, набрав в лёгкие побольше воздуха, стараясь перекрыть друг друга от нахлынувших переживаний:

– И молодого-о-го коного-о-на несут с разбитой голово-о-й...

Эту историю можно было бы считать и законченной, если не принимать во внимание то, что после этого случая к Сене Емельянову приклеилось прозвище Фаза. Деревенское прозвище не банный лист, его не то что водой, никакими молитвами не отдерёшь. Частенько оно бывает и потомственным. Переходит от отца к сыну, от сына к внуку.

Чуть ли не каждый второй при встрече с Сеной Емельяновой считал своим долгом спросить:

– Ну как, искрит, нет, фаза не теряется?

– А ты сходи к Васе Молотку, – отвечал он, – только с утречка, когда он в добром здравии. Он тебе всё обстоятельно растолкует. У него вразумитель хоро-о-ший. С неделю помнить будешь. Вся твоя харя будет расписана в знаниях....

Между тем, совсем забыв о сибулонцах, Николай начал третий прокос и постепенно продвигался к тому месту, где спрятался Сеня. Через некоторое время он с ним поравнялся.

– Мужик, курить нема? – раздался хриплый голос.

В ответ – тишина. Легко занесённая на взмахе коса опустилась, как трёхпудовая гиря. Враз прошиб липкий пот, сменившийся лёгким ознобом. В горле пересохло, заходил кадык, колени мелко задрожали. Он остановился как вкопанный, лихорадочно соображая, как быть и что делать. Он хотел ответить, но не мог. Из нервношевелиющихся губ вырвался бессвязный сип.

– Так ведь он глухонемой, – заключил Сенька визгливым, тонким голосом.

– Что делать будем? – спросил первый грубый голос.

– Как что? Кобылу заберём и продадим, хоть погуляем всласть.

– А глухонемого куда? Он же нас сразу сдаст.

– Его зарежем по-тихому. Хорошо, что он немой, кричать не будет.

Услышав, что его многострадальная судьба предрешена, Николай стал медленно на полусогнутых трясущихся ногах пятиться. Спокойная, ни о чём не подозревавшая кобыла Чалка продолжала щипать траву. Когда он почувствовал, что до кобылы осталось рукой подать, развернулся и, сделав три огромных прыжка, оказался верхом. От неожиданности, наострив уши, она заржала, поднялась на дыбы, всем своим видом пытаясь сказать: «Ты что, хозяин, совсем сдурел?». Но хозяин нещадно колотил её пятками сапог, как шпорами, с обеих сторон в брюхо, давая понять, что промедление смерти подобно. И она понесла его что есть мочи, галопом в сторону деревни, а зади доносилось хриплое:

– Стой, стой, сука, заре-е-жу...

«Ага, сейчас, стану, только пятки соплями смажу», – пронеслось в голове Николая. Прижавшись к шее скачущей кобылы, он с мольбой шептал ей в ухо: «Давай, спаси, родимая, спаси...»

Она несла его словно на крыльях, только ветер свистел в ушах да сердце колотилось, готовое выпрыгнуть. Проскакав с километр, он понял, что за ним никто не гонится. Попридержал поводья, Чалка покорно перешла на рысь. Вдали показались крыши домов. В последнем околке Николай остановился перевести дух. Перебирая в памяти произошедшее, он мучился тем, что у него нет прямых доказательств встречи с сибулонцами. Как показать жене, этой дуре, что он чудом спасся, благодаря Чалке. Что они действительно хотели его зарезать, а кобылу продать да всласть погулять. Клавдия – баба добрая, но временами несносно едкая. Как прицепится к чему-нибудь, никаким богом ты её не переубедишь, пока в лоб не треснешь. Но бить её в лоб не хотелось. Какая-то неведомая сила останавливала его. Но какая, он этого понять не мог. Эту неведомую силу он только ощущал. Может быть, исходивший от жены запах грудного молока, которым она вскармливала их сынишку Никиту, а может, другое. Хрен эту бабу разберёшь. Тут его осенила идея... Он подошёл к толстой берёзе и, сжав кулаки, врезал по стволу со всей силы сперва одной, потом другой рукой так, что занесли суставы. Казанки на руках оказались сбиты. Несильно разбежавшись, хорошенько боданул берёзу, она тихо загудела, голова тоже. Для пущей убедительности этот манёвр по-

вторил ещё раз. Из разбитых ссадин засочилась кровь. Рванул ворот рубахи. Пуговицы с треском разлетелись, рубаха расползлась до пупа.

«Вот сейчас в самый аккурат. Все доказательства в первозданном виде», – решил он.

– Мать моя, Пресвятая Богородица! – запримечала Клавдия, увидев верхом приехавшего мужа. – Что с тобой случилось, Коля? Никак кобыла понесла да ты с телеги свалился?

– Какая телега, дура! – взвинчивая себя, закричал он. – Видишь, я весь в крови, еле отбился, а не то бы завтра хоронили, если бы ещё нашли. Хотели Чалку отнять, а меня зарезать. Но я тоже не пальцем деланный, показал им кузькину мать. Одного, наверное, сразу кулаком убил, так он и не встал больше, а у второго нож выбил да рёбра хорошенько посчитал, но судьбу свою больше не стал испытывать, поехал домой. Может, у них там ещё подмога есть. Кто знает, сколько их сбежало?

– Матерь Божья, что творится, кругом одно ворьё да жульё. Скоро в туалет с ружьём ходить будем.

– Ладно, не причитай, приехал живой, обошлось, и слава богу. На будущее слушать мужа надо, а не трюндеть что ни попадя.

– Ты, Коля, уж прости меня, дуру, я ж не думала, что так обернётся.

– Думать должен мужик, а жена – слушать и выполнять.

– Хорошо, Коленька, хорошо.

– Выпить есть?

– А как же, конечно, Коля, есть. Давай обмойся под рукомойником, а я быстренько приготовлю на стол. Ну надо же так случиться, надо же...

Умывшись, он уселся за стол. Налив из бутылки полный стакан крепчайшего самогона, залпом выпил, занюхав краюхой свежего хлеба, начал медленно хлебать недосолённый борщ. Отхлебав половину тарелки, налил второй стакан, так же залпом выпил, не почувствовав его крепости, зажевал хлебом. Встал, не раздеваясь, плюхнулся на диван и уснул мёртвым сном.

К Клавдии в гости зашла кума. Узнав о падении сибулонцев на Николая, понесла новость дальше. Заработало деревенское сарафанное радио. От дома к дому в этой истории прибавлялись подробности, домыслы и нюансы. Деревня гудела, как пчелиный улей. Страсти-мордасти улеглись лишь за полночь.

Каждое утро, к семи часам, все работники собирались у конторы на раскомандировку, которую

проводил директор с управляющим. На этих раскомандировках подводился итог работы прошедшего дня и ставились очередные задачи на следующий день. Распекали пьяниц и чествовали ударников, решали все насущные вопросы производства. До прихода начальства курили, рассказывали байки, травили анекдоты. Главным балагуром и заводилой был Ромка Траливалин, у которого рот не закрывался даже во сне. Поговорка «И чтец, и жнец, и на дуде игрец» была придумана явно про него. Без его участия не обходилась ни одна деревенская свадьба, ни одна гулянка. На все случаи у него был готов анекдот. Где он их брал и как умудрялся удерживать всё это в голове, было тайной за семью печатями.

Вот и в это утро, не успев прикурить сигарету, начал с нового анекдота:

– Сидят зэки в камере. Жизнь скучная и однообразная. Все друг другу надоели. Карты и нарды опостытели. Анекдоты все переслушали. Заняться нечем, хоть вешайся, вот один и предложил: «Давайте поиграем в новую игру на основе русских народных сказок. Каждый участник должен произнести по одной строчке из сказки, а в конце должна получиться новая, интересная, ни на одну непохожая сказка». Идея всем понравилась. Первый произнёс:

– Посадил дед репу...

Второй продолжил:

– А Репа вышел и деда грохнул.

Третий:

– Вот и сказке конец.

Раздался дружный гогот, но всех интересовал другой вопрос: поймали или нет сибулонцев? Один работник сказал, что у него гусь потерялся, у другого овечка не пришла ночевать, у третьего телёнок, и пошло-поехало...

– Я вот расскажу вам случай, – перехватил инициативу Роман, – который произошёл со мной пять лет назад. О нём я ещё никому не рассказывал. Тогда тоже два сибулонца сбежали. Весной пришёл из армии. Сами понимаете моё состояние – сама жизнь из штанов выпрыгивает... – все дружно заулыбались. – Девоч в деревне хоть пруд пруди, одна другой краше. Ну, я и дорвался до бесплатного. То с одной, то с другой. Менял их как перчатки, пока не добрался до Ленки Кузьминой, моей первой жены.

– А где она сейчас? – спросил Савелий.

– После того как мы разбежались, вскорости и уехала на Сахалин, на паутину, да, видно, там

и осела. А что, хочешь посвататься? Съезди, может, ещё успеешь.

Все засмеялись.

— Да нет, я так, к слову, — покраснев, ответил Савелий.

— С утра по деревне слух прошёл, что сибулонцы сбежали, а к вечеру я об этом и думать забыл. Разве обо всём упомнишь? Летняя ночь коротка, успевать надо. На танцах в клубе с Ленкой разговелись красненьким, потанцевали, выиграли чувствами, пошли на улицу, а там комары съедают.

— Пошли к нам в баню, — предложила она.

— Пошли, — согласился я.

Лежим на полке, оба увлечённые желанием и страстью. И тут на самом интересном месте слышится скрип отворяющейся двери. Меня прошиб холодный пот. Тут уж дело не до любви. «Никак беглые сибулонцы», — осенила мысль. Машинально на ощупь хватаю с каменки первый попавшийся булжик и бросаю в открывшийся дверной проём. Было слышно, как он обо что-то шмякнулся, донёсся короткий вскрик, и что-то тяжёлое, как мешок с зерном, повалилось на пол.

— Что это?

— Не знаю.

— Давай посмотрим, кто это?

— Здесь света нет.

— У меня спички есть.

Вышли в предбанник, зажгли спичку и обомлели. На полу, раскинув руки, в одной из которых была зажата непочатая бутылка водки, с огромной шишкой на лбу лежала тётка Пелагея, Ленкина мать и моя будущая тёща. «Никак убил», — пронеслось у меня в голове.

— Посмотри, жива, нет.

— Да её палкой не убьёшь.

Она набрала из бака воды и сбрызнула ей в лицо. Тётка Пелагея открыла глаза, поворачивала вокруг непонимающим взглядом, потом села.

— Чего это со мной? Иду от кумовой, слышу, что-то в бане скрипит, дай, думаю, посмотрю.

— Ну что, посмотрела? — спросила Ленка.

— Да не успела, видно, слепа, в темноте, сама себе шарахнула дверь в лоб, шишак-то вон какой соскочил, хорошо, хоть бутылку не разбила. Помогите подняться, да пошли в дом, чего в темноте ляссы точить.

Зашли в дом. Пелагея принесла из кладовой малосольных огурчиков. Ленка наложила из чунки в тарелку свежей отваренной картошки, нарежали хлеба. Вот и вся деревенская закуска.

Выпили по первой, затем сразу по второй. В голове зашумело. Глянул на тётку Пелагею, и меня пробрал безудержный смех. Лицо её покраснело, на лбу торчала огромная шишка, как у носорога. Из-за неё зрачки сдвинулись к переносице и глаза начали немного косить. Без смеха смотреть на неё было невозможно. Сидели шутили, смеялись, разговаривали. Я с дуру возьми да признайся ей, что мы с Ленкой в бане «шероборились», приняли её за сбежавших сибулонцев, а шишка у неё от того камня, который я выхватил со страху из каменки да пульнул в скрипнувшую дверь. Но моего чистосердечного признания тётка Пелагея не оценила по достоинству, напротив, шибко обиделась.

— А что было бы, если бы я в то время голову повернула, и ты бы попал мне прямо в висок? А то послезавтра меня бы уже похоронили. Э-э-эх, несчастная я, некому за меня заступиться...

— Мам, ты что дуркуешь? Он же не специально, а нечаянно, со страху.

— Ладно, погодь, рассчитаемся, — вытерев слёзы, как ни в чём не бывало предложила: — Наливай!

Выпили по третьей.

— Что-то водка горькая, пойду запью.

Она встала, подошла к ведру с водой, в котором плавал деревянный ковш. Этот ковш ей достался от деда, который был искусным мастером. Из берёзы он выдалбливал ковши и чашки, вырезал тарелки и ложки, а береста и тальниковая лоза шла на туеса и корзины. Отпив воды, она подошла ко мне сзади и с размаху треснула этим ковшом по макушке так, что от ковша только щепки полетели. Я, как сноп, со стула повалился на пол. На макушке вздулась шишка величиною с булку, из раны показалась кровь.

— Вот теперь по полям. Никто никому не должен, — с радостью сказала она и пустилась в пляс.

— А-а-а-а! — заголосила Ленка. — Зачем моего жениха грохнула? Я, может, беременна.

— Стоп, — сказала Пелагея. — А почему я об этом не знаю?

— Когда тебе было об этом говорить? Ты всё время под газом.

— Не серчай, дочка, ничего с твоим рыжим не случится. Рыжие — это такая хитрая порода людей, что их ничто не берёт. Ни пот, ни мороз и ни засуха, а от колотушек они ещё крепче становятся. Говорят, что, когда родился татарин, еврей три дня плакал, а когда родился рыжий — еврей с

татаринном неделю плакали. Вот и твоего рыжего я для пользы огрела, может, любить тебя больше станет. А кровь мы враз остановим, заодно и обжежем сразу. Чего тянуть-то, коль беременна...

— Такого Кузьму я махом возьму, — сказала, как отрезала, и побежала в кладовую. Вернулась с пучком паутины, намотанной на ладонь, как кудель на прялку. Очистив паутину от засохших мух, она начала натирать ею мою рану на макушке. Кровотечение сразу прекратилось.

— Запоминай, дочка, при кровотечении паутина — самое верное средство, это ещё моя бабка меня учила.

Я начал приходить в себя.

— Вот и зятёк наш оклемался, — запела Пелагея. — Ты уж прости меня, дуру старую, не со зла я, так, шутки ради, чтобы потом было что вспомнить да посмеяться. Зато по этой части мы с тобой в полном расчёте, а по другой — слушай меня внимательно. Как я поняла, вы с Ленкой были в бане и ты её обделал по всей программе.

— Что значит — обделал? — оскорбился я. — У нас всё было по любви и согласию.

— Это хорошо, что по любви и согласию. Она мне говорит, что беременна двойней. У нас все бабы в роду по двойне рожают, вот только Ленка почему-то одна уродилась. Правду сказать, и отец у неё был мужичонка дохлый, как сморчок, у него и кличка была Сморчок. Не то что ты — парень бравый да видный, хоть и рыжий.

— А что, на рыжих облава, небось?

— Сегодня да, облава. Попался ты, паря, как кура в щи. Ежели завтра к обеду от тебя не будет сватов, то я еду к уряднику и пишу на тебя заяву, что ты мою дочку насильничал. Она подтвердит, — сказала Пелагея и грозно посмотрела на дочь.

— Вот те крест, подтверждаю, — сказала Ленка и перекрестилась.

«Ни хрена себе погуляли, вот это дела....», — подумал я.

— И предстоит тебе тогда дорога дальняя до самой Колымы в казённый дом. Будешь там «лес валять да слёзы вытирать».

— На Колыме уже и леса-то нет, — сказал я в свою защиту первое, что пришло мне в голову.

— Ничего, не горюй, для тебя два-три околка всегда найдут. Так что одному лет на пятнадцать пилить хватит.

На Колыму мне ехать не хотелось. Да и Ленка, чего греха таить, девка видная, справная, всё при ней, почему бы и не пожениться.

Решил как-то сгладить острые углы.

— Что это мы всё о грустном? Может, ещё по стопке выпьем?

Выпили. Я дал согласие, что завтра к обеду пришлю сватов.

Ленка от радости чуть в окно не выпрыгнула.

— Вот и ладушки, вот и добренько, — засияла Пелагея.

Во всей этой истории меня смущало только одно: что-то уж слишком быстро она забеременела, да ещё двойней. Надо будет поспрашивать у знающих мужиков, но об этом я тут же и забыл, а зря. На следующий день, в воскресенье, Ленку засватали, а вскоре и свадьбу сыграли.

— Да... лихо они тебя охомутили, — высказал своё мнение Егор.

Все заулыбались. Кто-то спросил:

— Что-то я забыл, почему вы с Ленкой-то разбежались?

Роман хотел ответить, но не успел.

Внимание всех переключилось на подошедшего с перевязанной головой Николая. Ему сразу уступили место в самом центре, на лавке. Он чинно уселся, не спеша достал папиросу.

— Давай, Никола, рассказывай всё по порядку, что да как.

— А что рассказывать? — прикурив, он медленно выпустил дым кольцами. — Поехал я, значит, на покос, кошу спокойно, в ус не дую. Один прокос прошёл, второй, третий уже заканчивал, и тут слышу в кустах разговор:

«Давай у него закурить спросим, не даст — придерёмся, морду набьём, кобылу отымем, продадим да погуляем всласть», — говорил первый. «А если он брыкаться будет?» — спрашивает второй. «Зарежем да закопаем».

Ну вы знаете, я-то не из робкого десятка. «А ну, — говорю, — подь сюды, вшивое отродье, сейчас, — говорю, — буду вас табачком угощать». А сам-то кiset с махоркой дома забыл. Выходят двое. По рожам и робе сразу определил, что это беглые сибулонцы. Один пожилой и тощий, второй молодой и крепкий. Тощего я одним ударом с левой приговорил, после чего он упал и больше не вставал. Может, богу душу отдал. Со вторым мы долго бились. Конечно, и мне досталось, но я ему всю харю в кровь расквасил, ребра два-три точно сломал. Под конец ослаб, видит, что я его забить могу, вытащил нож и давай им махать. Изловчившись, одной ногой выбил нож, а второй ногой — в челюсть. Сам слышал, как

хрустнуло. Тогда он кинулся в кусты, наутёк. «Гниды голопузые, – думаю, – не на того напали». Куда он побежал, не знаю, может, за подмогой. Кто знает, сколько их там сбежало. Я сел на коня да домой. Зачем, думаю, судьбу второй раз испытывать?

– Ну ты, Коля, молодец, орёл, знай наших! Не каждый бы так смог, – слышались вокруг одобрительные возгласы.

И вдруг в наступившей тишине кто-то произнёс:

– Мужик, курить нема?

Никола сперва подумал, что ему слышалось. Нет, уже громче, тот же хриплый голос, повторил:

– Мужик, курить нема?

Засосало под ложечкой, мурашки пробежали по спине, заколотил озноб. Мысли в голове забегали, как тараканы в закупоренной банке. Ущемлённое воображение рисовало картины – одну страшней другой. Все расступились на голос, и тут он увидел ухмыляющуюся рожу своего шурика. Разум покинул взъерошенную голову Николая. Со словами: «Ах ты, курва немытая!», – кинулся он на Сеню с кулаками, как кидается злая собака, сорвавшаяся с цепи, на человека, пытавшегося её разозлить. Они бились неистово. Вернее, бился Николай, а шурик защищался из последних сил. В душе он тысячу раз покаялся, что затеял эту ШУТКУ. Никто ничего не мог

понять, из-за чего дерутся, что не поделили. Неизвестно, как долго бы продолжалась эта драка, если бы не появилось начальство.

– А ну прекратить, – негромко сказал директор, но его голоса дерущиеся даже не слышали.

– Иван Степанович, можно я им обоим сопатки поразбиваю, может, тогда помирятся, – предложил управляющий Фёдор, мужик под два метра ростом и с кулаками-кувалдами.

– Нет, не можно! Не хватало ещё публичных драк. Что смотрите? Разнимите.

Фёдор спокойно подошёл к дерущимся, взял обоих за шиворот, легонько приподнял, стукнул лбами и раскинул в разные стороны. Только тогда они пришли в себя и, набычившись, встали, исподлобья смотря друг на друга.

– Разослать по разным объектам и чтоб никаких приключений! А то я вам... не возрадуется, – пригрозил директор.

Через несколько дней тайное стало явным. Сеня во всех красках расписал подробности этой истории. Теперь каждый, кто встречал Николая, считал своим долгом спросить:

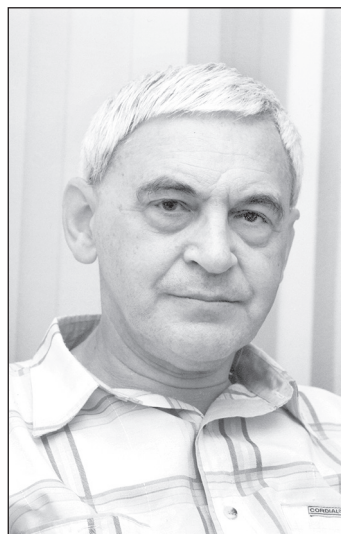
– Мужик, курить нема?

Так и приклеилось это прозвище к нему. По первости он злился, ругался, дрался, даже бросал курить, но всё бесполезно. Со временем он к нему привык и смирился. Это прозвище в деревне живёт и по сей день...

Владимир
КАГАНОВ

АПРЕЛЬСКИМ ТЕЗИСАМ НЕ ВЕРЬ

* * *

Поздней осени порою
Серебрится лёгкий снег.
Скоро он листву покроет,
Устремляя в зиму бег.
И сквозящее сиротство
Обнажившихся аллеи
Поразит невольно сходством
С образом души моей.

* * *

Всё длиннее осенние ночи,
Всё короче осенние дни.
Опустели далёкие рощи,
Первым снегом покрылись они.
И в усталом осеннем сознании –
Листопад облетающих слов,
Так похожий на расставание
С миром сказок, иллюзий и снов.

ГДЕ ВЫ, ВОИНЫ СВЕТА?

Где вы, Воины Света, ау?
Ветер гонит сухую листву,
Ветер гонит озябших людей.
Где вы, Воины Света? Скорей!

Пьяный бомж доедает батон,
Что нашёл возле мусорки он.
Диктор врёт по ТВ, как всегда.
Где вы, Воины Света? Сюда!

Обкурившийся школьник блюёт.
Над беднягой смеётся народ.
Но родителей не позовут.
Где вы, Воины Света? Вас ждут!

106

Лжёт политик и лжёт депутат.
Посылает их электорат...
Но без боя они не уйдут.
Где вы, Воины Света? Вас ждут!

Олигархи набили кошельки,
А спугнут их, покинут страну,
Что ограблена ими до дна.
Где вы, Воины? Ждёт вас страна!

МАРАФОН ЖИЗНИ

Ленточка финиша уходит всё дальше,
И надо бежать, и бежать, и бежать,
Не оглядываясь на павших товарищей,
Спотыкаться, падать и снова вставать.
Марафон по пересечённой местности
Продолжается семьдесят с лишним лет,
Без маршрутной карты, в глухой
неизвестности,

КАГАНОВ Владимир Львович родился в 1942 году в Кемерове. Учился в Новосибирском университете. Окончил Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Работал в научных институтах Сибирского отделения АН СССР, в Доме учёных СО АН, Кемеровском госуниверситете, Институте культуры и искусств. Его стихи публиковались в журналах «Памир», «Звезда Востока», «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса», «Начало века», «Университет культуры», в коллективных сборниках. Автор трёх книг стихов: «Ночной разговор», «День осеннего равноденствия», «Осиянный шатёр». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

На зелёный, жёлтый и красный свет.
Каждый шаг уже сам по себе достижение.
Проживая его, становлюсь я другим.
Побеждая себя, продолжаю движение.
Чтобы стать наконец-то собою самим.
Звёзды так же сияют, поля, перелески,
Миражи деревень, миражи городов
Проплывают в тумане, звенят эсэмэски...
Нет, пока ещё бег я прервать не готов.

* * *

И птицы летят и летят на закат.
И листья за ними летят и летят.
Но им не догнать улетающих птиц.
И листья всё падают, падают ниц.

РАННИМ УТРОМ

Ранним утром тоскливо и зябко.
Март в Сибири – ещё не весна.
Ни чернил не достать, ни тетрадки,
И не радуется вид из окна.
Талый снег и замёрзшие лужи.
Холода, холода, холода...
День с утра безнадежно простужен,
И незримо витает беда.
Впрочем, надо рискнуть и одеться,
Выйти в город холодный, больной.
Может быть, огонёк в моем сердце
Как-то справится с этой бедой.

АПРЕЛЬСКИМ ТЕЗИСАМ НЕ ВЕРЬ

Апрельским тезисам не верь,
Дежурный по апрелю.
Возьми волшебную свирель,
Закрой невидимую дверь,
Пролейся звонкой трелью.
Шумит, гудит ночной ИГИЛ,
Шумит, гудит Аль-Кайда.
И хватит ли на всех могил,
Не знает даже Вайда.

Ведь нам, солдатам, скоро в бой,
И жалко жизни молодой
Весенними ночами.
Архангел со своей трубой
Нас поведёт в последний бой,
И май придет – не с нами.

ИСПОЛНИ СВОЕ ПРИЗВАНИЕ

Расколотое сознание
Пытаясь связать воедино,
Исполни своё призвание –
Стань лампою Аладдина.
Слова, как звёзды хрустальные,
Сплетаются в круг волшебный.
Их пчёлы жалят астральные
И цедают нектар целебный.
И долгим-долгим молчанием
Раскроется круг Вселенной,
Когда из жизни нечаянной
Ты выскользнешь птицей пленной.

ВЕТЕР ЭПОХИ

Ветер эпохи гудит и гудит над Отчиной,
Судьбы людские несёт, как осенние листья.
107 Мальчиком вышел я из дому, встретившись
с жизнью,

И до сих пор мне черёмуха белая снится.
Сколько дорог я прошёл, сколько было вокзалов,
Аэропортов, разлук и таёжных рассветов.
И каждый раз начинать приходилось сначала,
И каждый раз мне казалось, что счастье –
там где-то.

Вот и теперь, в мои семьдесят, слышу я голос
Юности милой, давно улетевшей далече.
Солнечной зрелостью полон налившийся колос.
Жизнь оставляет свой дар, уходящая
в вечность.

**Борис
БУРМИСТРОВ:**

«ПИСАТЕЛИ ДЕРЖАТ МИР В ХРУПКОМ РАВНОВЕСИИ»

Многим памятно время, когда жителей России (тогда СССР) называли «самым читающим народом в мире». А что сейчас? Наблюдаем падение интереса не только к чтению, но и к одной из важных его побудительных основ – литературному творчеству.

Наш разговор с поэтом, председателем Кемеровского отделения Союза писателей России, директором ГУК «Дом литераторов Кузбасса» Борисом Васильевичем Бурмистровым затронул темы, волнующие писательское сообщество. О сохранении и укреплении исторической памяти. О роли пишущего человека в современной жизни. О проблемах творческой реализации в провинции. О будущих литературных мероприятиях в Кузбассе...

– Борис Васильевич, 2015-й – Год литературы в России, а значит, к писателям, поэтам, критикам и публицистам особое внимание. Насколько выполняются творческие задачи, поставленные Дому литераторов Кузбасса и Союзу писателей России?

– Задача у нас одна – нести правду людям через художественные произведения, публицистику. На своём уровне мы это делаем: мы призываем к Добру. Вот ты спрашиваешь об особом внимании к нам в Год литературы. Да ничего не меняется...

Какое было отношение к русской культуре, литературе, мягко говоря, равнодушное, а по большому счёту – разрушительное, таким и остаётся. И как не был услышан русский писатель, так и неизвестно, когда будет услышан. Пляски, гогот, хохот в то время, когда нас терзают проблемы областного, государственного и планетарного масштаба, удручающая духовная деградация. У человека пять составляющих, пять признаков человечности – духовность, словомыслие, историческое бытие, вера и культура. Как только нас лишают истории, семьи, народа, государства, мы перестаём быть людьми. Об этом писал мыслитель В. Троицкий, и с ним нельзя не согласиться. Нельзя в одной руке держать цветок, а в другой меч. Телевидение и прочие СМИ, различные фонды поддерживают и пропагандируют пошлую, антирусскую культуру, и её вал только возрастает. Уходят великие писатели, а их места заполняют по-

рой воинствующие графоманы, бездари, которые, как ни странно, влияют на литературный процесс, пробуждая интерес к низменному, злему восприятию жизни.

«Всё смешалось в доме Облонских», и, чтобы разобраться во всём этом, нужны серьёзные передачи на ТВ. Нужна хорошая критика и максимум доброй литературы в школах.

– Зимой писательская организация попрощалась с одним из видных прозаиков, когда-то руководившим Кемеровским отделением Союза писателей СССР, Владимиром Мазаевым. Какую роль он играл в литературном процессе Кемеровской области? Какие Ваши личные воспоминания от общения с ним?

– Какую роль он выполнял? Он был! Он отражал по крайней мере в нашем регионе эпоху второй половины двадцатого века. Он показывал своей жизнью, своим творчеством, как надо жить, творить Добро и Любовь. Не крикун, знал себе цену.

Я думаю, время Мазаева ещё придёт, ещё будет зачитываться его настоящей, совестью прозой – прозой нашей жизни.

– С каждым годом всё сложнее становится поэтам и писателям выходить со своими произведениями на радио и телевидение. Как исправить ситуацию?

– Общество поменялось, изменились ценности. На первое место вышло материальное благополучие. А как оно достигается, мы прекрасно видим на том же ТВ, в печатных и электронных СМИ. Проповедуются нажива, культ удовольствия. Душа в разладе. Правда искажается в угоду повседневности. А ведь настоящие писатели пишут о другой стороне человеческого бытия – о любви, милосердии, стыде, совести. Эти понятия не вписываются в нынешний общий хор рвачей, стяжателей. Настоящей русской духовной литературе нужна долгосрочная программа правительства. Пора от дешёвого бомонда переходить к настоящей культуре, где духовные ценности являются главной составляющей.

Необходимо вернуть воспитательное значение культуры и литературы. Пора понять – патриотизм ниоткуда не берётся. Уж точно не берёт он свои истоки от шоу-бизнеса и массовой культуры. Его надо воспитывать через серьёзную литературу и народное искусство. В лихие 90-е я писал о хоровом пении – вернее, об уничтожении хоров. А ведь хорошее исполнение даёт высочайший творческий подъём, его эмоционально-духовное воздействие на людей сложно переоценить. Слава богу, сегодня это возрождается. Примеры же другого (дурного) воспитания мы видим на Украине. Человечность, главная добродетель, есть в каждом ребёнке с рождения, и в дальнейшем по жизни она может утверждаться только делами добрыми.

– Писательская организация вошла в череду юбилеев – в прошлом году исполнилось 65 лет журналу «Огни Кузбасса», в этом году 40 лет отмечает литературная студия «Притомье», не за горами юбилей журнала «После 12», а ещё в стране весь год празднуется 70-летие Великой Победы. И в этой связи вопрос. Как продолжают журнальные традиции, что нового возникает в издательской деятельности ДЛК?

– Юбилей литературного журнала «Огни Кузбасса» мы отметили не просто праздными словами, а собрали форум писателей Сибири! Были гости из Томска, Омска, Барнаула, Екатеринбурга, Москвы. Были творческие встречи, были круглые столы, конференции. Там и шёл разговор о журнальных традициях. Главное – чистое слово без какой-либо примеси пошлости.

В год 70-летия Победы второй номер журнала был полностью посвящён этой дате. Был вечер, посвящённый писателям-фронтовикам: Е. Буравлёву, А. Волошину, М. Небогатову, В. Мамаеву.

Литературная студия «Притомье» – это наши университеты жизни, творчества. Сегодняшнее поколение писателей – это притомцы 70–80-х годов. Учили нас прекрасные писатели 60-х годов – В. Баянов, В. Махалов, М. Небогатов, И. Киселёв, В. Мазаев, Г. Емельянов, ныне здравствующий Г. Юров и другие. Их имена вписаны в литературу и культуру нашего края.

Меняются поколения – уже и нам в поддержку приходят молодые талантливые ребята. За последние годы были приняты в Союз писателей более десяти молодых литераторов.

При Доме литераторов действует своя типография, которую мы запустили совместно с областным театром драмы им. Луначарского.

– Насколько актуальны сейчас литературные студии?

– Когда говорят «учёного учить – только портить», я не согласен. Любой талант не может находиться в одиночестве, так как окружающий мир диктует свои правила, свой образ жизни, и надо знать очень многое. Это даётся только в постоянном общении. Поэтому литературная учёба просто необходима. Общение с себе подобными даёт импульс творчеству. Ведь всё познаётся в сравнении. На занятия студий надо чаще приглашать профессиональных мастеров слова. Литературный институт даёт фундаментальное образование: изучение классики, современной литературы, рассматриваются теоретические вопросы, а студии на местах помогают литераторам обрести свой голос, учиться мастерству.

Я бы в работу литературных студий в регионах, кроме обсуждения творчества молодых авторов, включил обсуждение классических произведений,

повышая тем самым интеллектуальный уровень. Практиковать надо выездные мастер-классы, семинары в отдалённые территории. Нужно хотя бы раз в год проводить обучающий семинар для руководителей студий.

– Кемерово сотрудничает с городами области, среди которых, на мой взгляд, самые активные – Ленинск-Кузнецкий и Новокузнецк. Что интересного происходит в этих и других городах Кузбасса?

– Если быть точнее – не сотрудничаем, а работаем вместе с литераторами, библиотеками, администрацией городов. Ведь мы создаём вместе общее художественное и творческое пространство Кузбасса. В таких городах, как Киселёвск, Мыски на юге Кузбасса; на севере – в Таштаголе. В Яе и Мариинске реализуются многочисленные совместные проекты. А с главой Таштагольского района Владимиром Макутой нас связывают более двадцати лет работа и дружба. Добрые творческие отношения выстроены с Ижморским районом, с главой района А. Н. Малышко.

В этих городах постоянно работают литературные студии, которые имеют поддержку администрации, там регулярно проходят семинары, мастер-классы, приглашаются известные кузбасские писатели.

Действительно, в последнее время очень тесный контакт с Ленинском-Кузнецким благодаря сильной литературной группе во главе с Дмитрием Филиппенко и пониманию главы города Вячеслава Телегина. Творческие традиции там были заложены прекрасным поэтом Алексеем Бельмасовым.

Что касается Новокузнецка, то в какой-то степени с этим городом утеряны литературные связи, виной тому местечковый сепаратизм, завладевший сознанием некоторых индивидов. Мы живём в одной области, в Кузбассе, в России, и умные люди понимают, что цели у нас должны быть едины – нести слово доброе, чистое, незамутнённое мелкопозырчатыми проблемами. Отношение администрации Новокузнецка к писателям оставляет желать лучшего. В последнее время всё-таки появилась надежда на понимание, я с этим связываю приход нового главы города. Надо в Новокузнецке проводить литературные чтения им. Л. Никоновой, Г. Емельянова – прекрасных писателей, произведения которых известны всей России.

В Кузбассе сложилась традиция проведения литературных праздников – Фёдоровских чтений в Марьевке Яйского района, Чивилихинских чтений в Мариинске, Киселёвских – в Кемерово, Небогатовских чтений – в Гурьевске и Баяновских – в Топках.

Долго решаются вопросы по установке мемориальных досок, именных премий. Мы очень надеемся, что о литературе будут вспоминать не только в

Год литературы, а всегда, постоянно, ведь литература – это наша история, наша память и наш взгляд в будущее.

Литература – это то, вокруг чего формируется общественное мнение, строится грядущее. Это понимают многие руководители городов и районов. И в первую очередь наш губернатор А. Г. Тулеев.

– Как развивается литературное взаимодействие Кузбасса с ближайшими регионами Сибири – Томской, Барнаульской, Новосибирской областями, а также с более отдалёнными?

– У нас прочные давние литературные связи с сибирскими писателями в рамках Союза и личных добрых отношений. Они были заложены ещё нашими предшественниками – писателями шестидесятых годов. К нам в гости приезжали многие известные писатели – В. Распутин, В. Озолин, А. Плитченко, Н. Черкасов, А. Мерзликин. Москвичи – В. Ганичев (нынешний председатель нашего Союза), В. Сорокин, А. Парпара, Ст. Куняев и другие русские писатели и писатели союзных республик.

Если говорить честно, то в 80-е годы было проще передвигаться по стране, больше встреч, больше возможности, тогда в этом были заинтересованы административные структуры. Сегодня мы, конечно, сохраняем в меру своих возможностей эти связи.

Есть понятие «духовное пространство России», туда входит и «духовное поле провинции», которое мы укрепляем и расширяем. Сегодня наши связи перешагнули за границы Сибири. Кроме Томска, Омска, Барнаула, Иркутска, налажены литературные контакты с Дальним Востоком, Уралом, Хакасией, Тывой, а также с городами Орёл и Санкт-Петербург. И всё это в большей степени благодаря нашему журналу «Огни Кузбасса», который уже несколько лет является органом Союза писателей России.

Мы упрочили традиции – регулярные обмены литературными журналами, поездки друг к другу. Участвуем в Шукшинских чтениях в Барнауле, «Сиянии России» в Иркутске, «Омской зиме» и других мероприятиях. К нам приезжают на Фёдоровские и Чивилихинские чтения.

Авторитет наших писателей достаточно высок. В своё время В. Астафьев говорил, что лучшая поэтическая школа в Кемерово. Нас приглашают на различные конкурсы, форумы. Ежегодно в Томске проходит межрегиональный детский конкурс «Устами детей говорит мир». Мы участвуем в качестве членов жюри, отправляем на мероприятия своих студентов и семинаристов уже более десяти лет. Кроме того, наша организация является коллективным членом Ассоциации писателей Урала и Сибири. Совместно с ассоциацией проводим конференции и совещания молодых писателей Сибири.

– Какую поддержку ДЛК оказывает авторам, которые были у истоков писательской организации? Достаточно ли хорошо жители области знают своих литературных героев – Александра Волошина, Евгения Буравлёва, Михаила Небогатова и других?

– Мы никогда не забывали и не забываем своих старших товарищей. Конечно же, чествуем тех, кто стоял у истоков писательской организации, – Е. Буравлёва, М. Небогатова, А. Волошина и следующих за ними В. Баянова, В. Мазаева, В. Махалова и др. Отмечаются юбилейные даты, издаются хрестоматии, антологии, коллективные сборники с обязательным их участием, произведения публикуются в журнале «Огни Кузбасса» – всё делается для того, чтобы наши сограждане помнили эти имена, знали их творчество.

Как только часы на главном почтамте играют мелодию из песни о городе Кемерово – сразу звучат стихи Валентина Махалова «Над Томью плывут соловьиные зори...» Как же можно забыть наших писателей, если они остались не только в памяти, но и в делах, в общей мелодии Кузбасса.

Мемориальные доски в Кемерово установили Е. Буравлёву, А. Волошину, М. Небогатову, И. Киселёву. В этом году планируется установить памятные доски В. Махалову, Н. Колмогорову. Многие библиотеки города носят имена писателей – И. Киселёва, А. Береснева, В. Баянова, М. Небогатова и др.

В Сквере искусств заложена Литературная аллея. Но нам одним трудно сохранять литературное наследие области. Нужна помощь общественности. Хорошо бы возродить общество книголюбов, создать литературный музей.

– В условиях капитализма природа литературы меняется. На первый план выступают не художественные достоинства произведения, а умение автора «пустить пыль в глаза» и сделать книгу частью шоу. Как же себя вести подлинным писателям и поэтам?

– Сегодня в нашем государстве видимые противоречия между людьми старшего поколения, у которых, говоря откровенно, больше целомудрия, больше чувств гражданского долга, и юным поколением, впитавшим в себя «прелести» вольной жизни. И всё-таки мне верится, что эти противоречия больше надуманны. Они ещё подогреваются «новыми» писателями, несущими своими произведениями разрушение души.

Поэтому нам нужно искать и находить взаимопонимание. Давайте сверим наши ценности, и я уверен – мы найдём много общего и в настоящем, и в будущем. Сегодня время диалога. На протяжении длительного времени мы ищем общенациональную идею, которая объединила бы и сплотила наше общество. Вот она, эта идея: диалог постоянный, честный, открытый – на телевидении, в прессе, литературе и в отношениях с властью.

Я считаю, что в России каждое столетие должны появляться произведения типа «Отцов и детей», «Героя нашего времени». Это вечная тема! Во все времена противоречия были, и они решались цивилизованным, открытым диалогом. Ведь, по сути, все мы за достойную жизнь, за высокоразвитое духовное общество.

От того, как писатели должны понимать, чувствовать этот мир, объяснять его людям, – от этого зависит политика приходящих к власти. Влияние писателей на политику неоспоримо. Заметь, пошла литература разрушительная – пожинаем плоды беспредела, хаоса, смуты в душах человеческих. Благодаря писателям настоящий мир до сих пор держится в хрупком, но равновесии.

Не за славою гнаться, не за премиями, чем сегодня озабочены многие «деятели» культуры и литературы, а работать над сбережением слова русского, над убережением традиций русских. Русский язык – это крепь России. Не назидать, но показывать что есть что и кто есть кто... Заставлять думать, размышлять и открывать доброе в человеке.

– С какими проблемами сталкивается Дом литераторов Кузбасса?

– Проблемы есть: и внешние, и внутренние. Внешние – хорошо бы привести в порядок, эстетически оформить фасад Дома литераторов, провести реконструкцию зала для массовых мероприятий. Нужно, чтобы Дом литераторов стал культовым местом для молодых. Но на это пока нет средств. Создание комфортного культурного пространства в стенах Дома литераторов – цель, которая оправдывает средства.

В последнее время культура наша сделала крен в сторону пиара. Пиарим всё подряд. А надо брать не количеством мероприятий, а качеством. Мне бы хотелось, чтоб Дом литераторов был обителью для творческой мысли, чтоб здесь подрастали молодые таланты.

Творчество – это тишина, это постоянная литературная учёба, которую Дом литераторов считает главным направлением в своей работе. Главное – появление новых имён, достойных нашего времени произведений, и здесь должен быть чёткий отбор. Сегодня очень много появилось самостоятельных студий и союзов – и это прекрасно, люди заняты творчеством, но, чтобы это творчество получало достойную оценку, нужна профессиональная критика. Не надо смешивать всё и выдавать продукцию сомнительного качества. Дом литераторов – это профессиональное учреждение, которое занимается отбором и учёбой молодых авторов.

– Какими масштабными литературными мероприятиями характерен конец 2015 года?

– Совместно с областной научной библиотекой им. В. Фёдорова провели полюбившийся традици-

онный праздник «Золотая осень в Кузбассе» с выездом писателей в Прокопьевск, Березовский и Юргу. В рамках «Золотой осени» проведены мастер-классы и различные творческие мероприятия.

Большим литературным событием стали вечера «Поэзия в Политехническом» (КузГТУ). Это своеобразное возрождение московской традиции шестидесятих годов выступлений в Политехническом институте, но в преломлении с колоритом нашего региона.

В декабре прошёл поэтический фестиваль, посвящённый году литературы. Программа обширная – это чтения, круглые столы, творческие встречи в областной библиотеке, музее-заповеднике «Красная Горка», драмтеатре... Как говорится, и воздух, и почва были насыщены поэзией.

– Что ждать от года грядущего?

– Нас ждут интересные события. Год литературы не закончился. Литература – это наше всё. Только сохраняя литературное наследие и создавая новые произведения, правдиво отражающие современные процессы в нашем обществе, мы морально помогаем землякам выдерживать трудности нынешнего времени.

На 2016 год задуманы и, я уверен, исполнятся издательские проекты: четырёхтомник кузбасской поэзии и критики (1960–70–80-х годов), коллективный сборник рассказов о животных, стихи и проза молодых авторов, книга «История кузбасской литературы» о становлении Союза писателей в области и др.

Типография ДЛК продолжит работу, связанную с юбилеями писателей.

В Кемеровском институте культуры и ДЛК состоятся новые встречи в Дискуссионном клубе, которым руководит В. А. Плющев.

В Год кино мы поспорим об экранизациях отечественной классики от произведений Александра Сергеевича Пушкина и Фёдора Михайловича Достоевского до Михаила Александровича Шолохова.

Продолжится и акция «Почитаем своих» с участием представителей работников администрации. Вновь пройдут литературные фестивали «Весна в Притомье» и «Юго-Александровский родник».

Вечера «Поэзия в Политехническом» станут традиционными, приобретут общественный вес.

Конечно же, будут и творческие поездки по области, областные семинары молодых литераторов, уроки эстетики в школах региона.

Говоря о делах 2015 года и планах на 2016 год, хочется сказать, что можно и нужно делать больше в духовной жизни Кузбасса – была бы активная поддержка чиновников на местах и СМИ, включая телевидение.

**Беседовал Александр МУХАРЕВ,
г. Кемерово**

Зоя
ЕСТАМОНОВА

В ПОИСКАХ ОТВЕТА

*Те два года, которые я провёл в деревне, –
Самое лучшее, по-моему, время моей жизни...*

Иосиф Бродский

I

«Вас не слышат? Услышат нас! Напишите в Общественную палату России» – именно этот широко разрекламированный призыв показался выходом из тупика для тех, кто потерял надежду быть услышанным.

Увы, ответ последовал стандартный: «Ваше обращение направлено в администрацию Кемеровской области».

Но разве жители и дачники правобережных сёл по Томи – Порывайки, Грязной, Ивановки, Комаровки, Змеинки – сами не догадывались обратиться к представителям региональной власти?

Обращались. И не раз. Посылали коллективные письма. А в ответ эти люди, лишённые возможности пользоваться надёжным речным сообщением, внезапно, в канун навигации по Томи, получили от чиновников департамента транспорта вежливое сообщение: катер, которым они пользовались в течение многих лет, аннулирован в связи с финансовыми затруднениями, «экономической нерентабельностью воднотранспортного предприятия».

Вместо поисков рационального выхода из создавшейся ситуации, каким могло быть повышение цен на билеты, сокращение рейсов катера, чиновники дали полезный совет: «Пользоваться автомобильным транспортом и малометражными судами».

«Малометражные суда», проще говоря, моторные лодки, как и автомобили, имеют далеко не все из бывших пассажиров катера. Да ведь и те, кто имеет эти средства передвижения, вынуждены добираться до левого берега километрами бездорожья.

Читая отписки наших чиновников, невольно вспоминаешь совет вельможи из гоголевской «Повести о капитане Копейкине»: «Я для вас ничего не могу сделать, старайтесь покамест помочь себе сами, ищите сами средства...»

И далее единственный катер был продан, речной порт областного центра, существовавший десятки лет, превратился в пристань для коммерческих прогулочных судёнышек, а к числу пустующих и вымирающих деревень России добавились и наши, кузбасские.

II

*Как хорошо бежать по лугу
Напропалую босиком
И, повстречавшись, словно с другом,
Поцеловаться с родником!
И пульс у веточки потрогать
Прикосновением руки...*

Эти строки стихов Сергея Донбая вызвали слёзы. Ивановка... Нужно отнять у человека то, что он любит, чтобы стало понятно, как дорого и свято ещё недавно казавшееся таким обыденным.

*...Серебристый воздух сквозь деревья
Робко начинает оживать –
Это возникает от доверья
Меж рукой и веткой благодать...*

Для меня неудивительно, что в рисунках девочек, подраставшей в тесном контакте с природой, лошадка обретает крылья, как у птицы, и роднится с деревом, листва которого подобна многоцветным перьям, а у доисторического ящера вместо гривы – поросль травы, вместо чешуйчатого хвоста – большой чудесный цветок.

«Человек и природа взаимоподобны и внутренне едины», – говорил учёный и богослов Павел Флоренский. Он называл цивилизацию, вытесняющую природу, «трижды преступной».

Уже не одно десятилетие мыслителей мира волнует всё та же проблема.

«Техника всё больше отрывает человека от земли, лишает его корней», – это слова немецкого философа Мартина Хайдеггера.

«Человеческая культура становится всё больше железной, всё более машинной, – писал поэт Александр Блок. – Растёт промышленность, чтобы люди могли расстаться с землёй...»

А Николай Бердяев был уверен: «У русских иное чувство земли».

III

Францию, как известно, однажды прославила на весь мир скромная деревня недалеко от Парижа под названием Барбизон.

В изобразительном искусстве появилось понятие «барбизонская школа». Так именовали группу работавших в деревне живописцев.

Поговорка гласит: «В своем Отечестве пророка нет».

Подумаешь, объединение лучших художников Кузбасса в какой-то там таёжной Ивановке! Кузбасс – индустриальный край, а они пейзажики пишут!

Между тем иметь пейзажи народного художника России Виктора Зевакина в своих фондах считают за честь картинные галереи России. Его работы есть в музеях и частных коллекциях Франции, Голландии, Бельгии, Германии, Ирландии.

Он жил рядом с нами. Большую часть года работал в Ивановке. Оттуда и привозил в город на катере рулоны холстов со свёрнутыми в трубочку грозами, ледоходами, тихими избышками, праздниками весенней, летней, осенней природы.

И он был не одинок. Там, в Ивановке, из года в год создают симфонию сибирской таёжной деревни романтик Анатолий Чернов, нежный и грустный лирик Валерий Громов, преданная духовному миру деревенской избы Августа Тарнавская. Ольга Чукина пишет картины-раздумья о родстве человека и природы.

Александр Макеев прозревает в закатах и восходах космическую мелодию ноосферы. А как не вспомнить живописца-фронтовика Якова Буймова, работами его восхищались французы.

Но, может быть, наши художники в своих творческих открытиях покажутся вчерашним днём?

Вот руководитель Поволжского отделения Академии художеств Константин Худяков в интервью заявил писателю Александру Проханову: «Я пытаюсь художников расшевелить, вывести на откровения, на актуальные темы какие-то, чтобы они оторвались от церквей, огородов и прудов...»

С помощью талантливого программиста этот новатор приступает к созданию портрета сложного виртуального существа. Технология уникальна. «Вы махнёте рукой или ещё что-то сделаете, «Оно» вам ответит».

За основу множества виртуальных частей композиции художник без зазрения совести берёт шедевры классики – картины Иванова, Репина, Сурикова и признаётся: «Я в известном смысле спекулирую на великих сюжетах».

Как все художники-профессионалы, Худяков обучен традиционным приёмам художественного ремесла, но он считает, что «в художественном образовании очень слабая интеллектуальная составляющая...»

«Я по натуре романтик, – говорит Худяков, – и оттого мои картины сентиментальными часто быва-

ют. Я борюсь с этим, с красотой борюсь сознательно, пытаюсь быть циником – художник должен быть в известном смысле циником...»

IV

Цинизм, который теперь всё чаще наблюдаем в новаторстве мастеров современной культуры, вполне отвечает самой сути буржуазного мироустройства, основанной на логике социал-дарвинизма.

В 90-е годы этой логикой обосновано уничтожение Советской державы, которая была альтернативой европейскому и американскому миропорядку. Вот и хищническое разграбление нашей общенародной собственности, выходит, легко объяснить всего лишь результатом естественного отбора – «выживания наиболее приспособленных».

Ведь даже крошечные мушки-паразиты, тахины, которых великий энтомолог Жан-Анри Фабро называл «прожорливыми чужаками», живут за счёт грабежа земляных нор других насекомых.

Только ведь, в отличие от того, что видим в мире природы, человек далеко не всегда ограничивается вытеснением и даже физическим уничтожением чужой альтернативы. Более важная цель циничного интеллекта – перевоспитание инакомыслящих.

В 1945 году была создана знаменитая Доктрина Даллеса: «Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые. Мы найдём своих единомышленников и союзников в самой России...»

Хаос посеяли. Единомышленники нашлись.

Помню, как впервые купила в киоске незнакомое лакомство – «Сникерс». Соблазн хлынувших к нам европейских «ценностей» был, пожалуй, подобен этому чужеродному и заманчивому вкусу. Далеко не всех отрезвила в 1993-м пальба из танков по зданию высшего органа советской власти. «Не тормози, сникерсни!» Сникерснули...

Фальшивые ценности оказались особенно устойчивыми, если до сих пор идут ожесточённые споры о сути 90-х.

– России предложили отказаться от самой себя!

– Нет, все выиграли. Лично я выиграл. Среди моего круга общения абсолютно все!

– Мы верили в реформы, а произошёл развал страны!

– Это одна из самых свободных эпох в истории страны!

– Были надежды, а нас обманули!

Ностальгия по «лихим» все ещё продолжается. Особые желания воскресить эти дни у «пятой ко-

лонны», а её поддерживает в предательских побуждениях Запад в лице тех, кто мечтает о «цветной революции» в России.

Уже если в канун 70-летия Великой Победы телевидение обращается к народу с немыслимым, казалось бы, призывом: «Защитим нашу Победу», если по инициативе Америки европейские страны, якобы освободившие Советский Союз от гитлеровской чумы, «наказывают» нас санкциями за выбор собственного исторического пути, значит, мы все ещё получаем «приветы» из «лихих 90-х». «Не тормози, сникерсни...»

Что касается Америки, её «экономический и политический эгоизм», о котором говорил с трибуны ООН наш президент, воспитан убеждением в собственном превосходстве.

Об этом говорит их «Проект нового американского века», обнародованный в 1987 году: «Наша цель – заново обосновать глобальную руководящую роль Америки... Мы не можем позволить, чтобы ответственность за руководство миром была отдана другим...»

Сколько мудрого предвидения в «Откровениях Святого Иоанна»!

Откроем 17-ю главу Апокалипсиса, которая описывает символические видения Вавилона, «великой блудницы, сидящей на водах многих».

«...С него блудодействовали цари земные, и в нем её блудодеяния упивались живущие на Земле... Воды... где сидит блудница, суть люди и народы, и племена, и языки...»

V

Какие-то «плохие русские парни» влезли на забор американской базы в Латвии. Ушлые пацаны задумали снять полосато-звёздный флаг и были арестованы. По обвинению в хулиганстве? Нет, в шпионаже.

Латвийская власть запретила въезд в Юрмалу на музыкальное шоу «Новая волна» российским певцам: Кобзону, Валерии, Газманову. Особо раздра-

жал Олег Газманов. Нашёл, чем гордиться, выступая на латышской сцене: «Сделан я в СССР!»

Откровенной русофобии ещё не было заметно в послевоенной Латвии, когда мы с бабушкой приехали в Ригу, где завершили свой фронтовой путь мои родители, офицеры 65-го отдельного полка связи.

Я заканчивала третий класс в рижской школе.

«Лаба манн мамулиня», – повторяла я на уроке латышского.

Ещё запомнилось, как на перемене, вставая в коридоре в кружок, играли, напевая слова сказки о спящей царевне. Выбирая ту из нас, которую должна была усыпить на триста лет злая фея, и – «выросла ограда вокруг дворца» – мы поднимали руки вокруг красавицы, спящей в ожидании спасителя-принца.

Пройдёт три года, и в Брянске, играя на зелёной лужайке возле дома, построенного отцом, я напевала вместе со своими сверстниками совсем иное:

«А мы просо сеяли-сеяли,

Ой, дид, ладо сеяли-сеяли...»

Сотни лет назад родилось это славянское, языческое игрище. Не знать – не гадать, как передавалось, какими неведомыми путями добралось оно до нас...

Иссякают ли теперь таинственные родники народной генетической памяти?

Вот известная либералка называет всех нас вместе взятых «генетическим отребьем», а режиссёр, создавший двусмысленный фильм с названием «Родина», предлагает обновить в духе европейских стандартов устаревшее, по его мнению, понятие патриотизма.

Может быть, потребительские идеалы 90-х опять торжествуют, а родники исторической памяти иссякают?

Нет! Возрождая надежду, на площади городов выходит «Бессмертный полк», и молодые руки поднимают ввысь портреты погибших дедов-прадедов.

А на улице моей Ивановки мальчишка, который любит сидеть в Интернете, встречая любого из незнакомых ему людей, говорит, как испокон веков принято в русской деревне: «Здравствуйте!»

г. Кемерово

Олег
КУХАРЕВ

БОЖЬЕ УТРО*

(Из путевого дневника)

ДО ВАЛААМА

Прижавшись к своей бабушке Варваре Андрияновне, навсегда удивлённой Богом, я, перепуганный мальчишка, замерев, слушал её. «Старики раньше говорили, кто Библию до конца поймёт, тот ум потеряет». От страха лезу под одеяло и оттуда шёпотом: «Как же так – ведь, кто сошёл с ума, тот уже никому не расскажет, ЧТО он понял? Отчего же мне нельзя? Лишусь ума? Ну и пусть! Жизнь-то зачем, если нечем понять, что живёшь?» Я задумываюсь, как сороконожка, у которой спросили, с какой ноги она ходит. А она, несчастная, начинает размышлять и осознавать свою чудовищную многоножность, с ужасом взирая на себя: а действительно, как это всё двигается? И просто завязывается в узел, оцепенев... «Ничего, разберёшься, – успокаивает бабуся, – вон Илье Муромцу, чтобы стать богатырём, нужно было тридцать три года пролежать на печи».

Всю жизнь как актёр я езжу по стране, но странствовать паломником случилось только в шестьдесят. И вот снова потянуло к монахам помолчать, поговорить о Божественной Мудрости, научившей их жить для смерти и умирать для жизни. Самый худой монах лучше самого хорошего священника. Это знания от бабуся.

Моя жена Люда по случаю вспомнила предание об умной фракиянке, которая видела, как искавший небесных тайн муж её провалился в колодец, и искренне хохотала над старым чудачком: не может разглядеть, что у него под ногами, и воображает, будто разглядит что на небе.

Она помнит, в каком смятении приезжал раньше, как давал зарок больше ни помышлять о монастыре, где трёх дней мне хватало, чтобы принять образ

* Горячо не рекомендую читать эти необязательные паломнические записки членам писательских союзов: творите – не отвлекайтесь. Это действительно рукоделье от безделья: мне надо выговориться, ничего другого пока не делается.

мыслей его обитателей. Ведь потом месяцами перестраиваешься на нормальное идиотическое состояние. Выручал алкоголь как панацея от этого идиотизма, от которого не отмахнуться, особенно в первые дни после возвращения. «Можно ли быть нормальным в ненормальном обществе?» – Кьеркегор понял это раньше меня.

Но проходило время, и ничто не могло удержать от новой поездки к братии. «Что же ты так легко меняешь убеждения?» – упрекала Люда. А я ей, точно Лев Николаевич Софье Андреевне: «Людушка, я же не зяблик на ветке петь одну и ту же песню».

С Людой живём уже 40 лет, она избавила меня от дурной бесконечности других женщин. В молодости она была так красива и талантлива, что всем актрисам театров, где мы работали, впору было бы идти к ней в одевальщицы. Ей всегда было труднее, чем мне.

В театре чужие слова, накипь не своих мыслей, выдуманных чувств – за это расплавляешься здоровьем, теряешь самого себя. Аплодисменты!!! – эхо прозвучавшей пошлости. В жизни бесконечная погоня за успехом, где надо быть без удовольствия ловчее и сильнее всех, чтобы стать первым. И ведь знаешь, что если хромой прибежит к финишу первым, всё равно останется хромым. Нет, бежишь, задыхаешься, но уже ближе к обочине, и вот – остановился, задумался: ну, сыграю ещё одну роль, поставлю ещё спектакль, повесят медальку не простую, а золотую. Как записано в одном богослужебном тексте: надо ли продолжать эту «самоизмышлённую пагубу»?

Навязываемая Новая драма, персонажеподобие – от банной мокроты образование. Человек в их текстах – существо без Бога. После их пьес надо идти в церковь и просить прощение у Господа, не забывая жертвовать на храм.

Ничего в себе не люблю, кроме желания найти путь к Богу. В этом мне помогают зависть и лень. Я завидую монахам. Мне лень принимать участие в теперешней жизни: я асоциален настолько, что даже водку пью один на кухне, для чистоты образа хотелось сказать – и без закуски, но, к сожалению, в это время мечу всё из холодильника.

«Люблю Бога больше всего на свете», – жуткое признание для меня, потому что если твоё имя Исаак, а имя отца Авраам, он во имя этой любви зажарит тебя, как овцу на костре. Я не готов быть жертвоприношением. Кажется, в Израиле до сих пор имя Исаак считается приносящим несчастье.

Монах – драматический персонаж: кроткий, не крепкий на тело, вызывающий сострадание своим

очевидным неблагополучием, огромной трагической платой за знания, которые никому не нужны, кроме него самого, поскольку ими не поделишься (наученный старцами не открывать другим внутреннюю свою жизнь, что равносильно открыть дверь в бане и выстудить её), он не ждёт меня с камерой, чтоб я мог выполнить задание студии. Научившийся жить в уединении, молящийся за всё человечество, но скрывшийся от него. Вряд ли об отдельном человеке он думает иначе, как о мошке, которая только и ждёт кормёжки. Могу ли я, представитель содома, думать иначе, если даже через это записки я заинтересован капитализировать своё имя.

У меня нет духовника. Пока не возникло вопроса, в решении которого я не чувствовал бы своей меры.

Дурная трагикомедия нашего горького существования.

Ещё вчера были время и надежда, сегодня осталось только время, а «дальше тишина».

В театре нет человека, кто бы имел право говорить прямо и без оговорок.

Вот так и живём – не сходим с ума.

В конце театрального сезона обнаружил в себе дремавшие запасы грубости как ответ на агрессивную серость. Как бы хотелось, по Довлатову, быть учеником своих знаний – кто доказывает грубо, тот ничего не доказывает. Нет. Пишу рабочую записку директору – лучше с умным потерять, чем с дураком найти – и снимаюсь с роли святого в православном спектакле, инициатором которого был сам.

Театр сегодня выражает себя через поколение 30–40-летних, у нас оно молчаливое. Пофигизм? А может, страх, что не допустят к десерту.

Я написал историю нашего театра. Так получилось, что после прочтения читавший навсегда даст себе зарок туда больше не ходить, а будет искать искусство, как советовала Ф. Г. Раневская, в музее. Может, махнуть рукой – успокоиться? Но он, покой, говорил Л. Н. Толстой, есть «душевная подлость».

Хочу, чтобы мне нашли того человека, который придумал мою зарплату, и обидеть его навсегда, причём изо всех сил. Если деньги есть результат того, что у меня на сцене всё получилось, т. е. деньги есть характеристика успешности, – я ничто.

Поругался со всеми, с кем возможно, что ж, мудрость не всегда приходит с возрастом, бывает возраст приходит один.

Телефонный звонок: «Здравствуй, брат, дело в том, что я крупно заработал, больше, чем мне нужно, уважаю то, что вы делаете, слышал, что хотите снять фильм о нашем земляке-послушнике мона-

стыря, предлагаю вот такую... сумму, а там видно будет». Это случай двухлетней давности. В этом году снова звонок – слава Богу! В дорогу!

Москва. Марфо-Мариинская обитель. Привезли привет от руководителя и духовника православного душепопечительского центра «Омофор» в честь прп. Серафима Вырицкого, деятельность которого проходит в сотрудничестве с сестричеством в честь свв. прмцц. вл. кнг. Елисаветы и инокини Варвары в Новокузнецке – протоиерея Алексея Шульгина. Это как пароль – нам открыты все двери. Игуменья обители м. Елизавета горячо рекомендует пообщаться с м. Магдалиной. Подробнее о ней в нашем фильме, а сейчас только одно откровение от неё.

«Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир». От Иоанна (гл. 15, 19), чтоб не ошибиться, она прочитала по источнику, сбежав – ей за восемьдесят – за Евангелием. Это о нас, русских, богоизбранном народе!!!

В Санкт-Петербурге остановились в доме паломника в Александро-Невской лавре. Моим соседом по келье оказался иеромонах Псково-Печерского монастыря. В прошлом году мы снимали там фильм, но задать приготовленные бесчисленные вопросы не получилось. Удача догнала меня: о. Сергей расположен к разговору, нам никто не мешает – все остальные в трапезной, православным паломникам есть чем поделиться за вечерним чаем. Мы лежим с батюшкой напротив друг друга на своих кроватях, и он, будто заранее прочитав мои вопросы, не спеша нащёптывает ответы. Главной оказалась не информация, а интонация: ему ли не знать, что каждый слышит лишь то, что понимает. Он говорил с радостью от моего любопытства, с любовью ко мне. Как же точно, «где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них». Высшая математика в православии в самых простых вещах – почитай родителей, будь милостив, добр... А ведь в своё время я резко огорчился, когда старец Никон, благословляя меня, напутствовал словами: «Благодарный человек никогда ни в чём не нуждается, вот и ты так живи». Не показались они мне тогда ожидаемой мудростью.

БАЛААМ

Уже в Приозёрске, где на пристани нас встречал Михаил Юрьевич Шишков (в дальнейшем – Миша, по его просьбе), пресс-секретарь епископа Панкратия, игумена Валаамского монастыря. С первым рукопожатием стало понятно, что тайн от нас не будет. Он вёл себя так, будто всю жизнь ждал нас, чтоб показать и рассказать об этой святой земле.

Порой был смущён, боялся обнаружить себя грешного в этой священной чистоте, где на каждом камне, по словам ппр. Иоанна Кронштадтского можно служить литургию.

Женщины особенно религиозны, они дали всё религиозное на земле, религию грусти, религию ужаса. Тут какой-то другой корень, совсем иной, чем тот, на каком держатся цветы, плоды. Трогать их нельзя, как трогать и обнажать, выводить к свету корни деревьев. Вредно. И им, и тебе. Просто смори не оценивая.

«Помоги, Мать Божия!» – молила девушка, стоя на коленях перед иконой, и редела, не сдерживая слёз... Никто её не торопил, а ведь это толпы, тысячи женщин, они непременно помешались бы от страха, от горя, если бы не знали, что добредут сюда и – Богородица услышит. Да сияют образа эти вечно.

«Не имамы иная помощи, Владычица наша! Иного заступления не имамы!» – звучало по храму.

И слёзы, слёзы, и ничего не можешь с собой поделать. И вдруг бабушка, божий человек, шепчет мне на ухо: «Плачь, плачь, да с молитвой «Господи, прости, я изнемогаю!», ведь раньше так и молились, пол мокрый был от слёз покаяния, а они ведь, что слёзы разбойника, который однажды увидел страдающего человека и заплакал. И когда после смерти взвешивали его дела, чаша с грехами оказалась тяжелее пустой чаши, без единого доброго дела, но Ангел положил на неё платок, омоченный этими слезами, и он перевесил. Плачь! Как же хорошо, Господи, Боже мой! Плачь, родной, плачь».

Последний день совпал с празднованием иконы Валаамской Божией Матери, к 12 часам закончилась литургия и остатки моих сил. На клирос, где я молился вместе с монахами, замирал от счастья узнавания, слушая рядом с собой братский хор, а не в Интернете, Миша, божий человек, вдруг принёс просфору и чашку с горячим вином, сам бы он это назвал православным бандитизмом, ведь я не исповедовался. Но Господь так устроил, что я более, чем когда-либо чувствовал причастие к дарам Божиим.

Священник зачитывает записки. Оператор крупно берёт случайную из них, и дальше кто поверит, что это не постановочный кадр, – в ней просьба молиться о здравии патриарха Кирилла и президента Владимира. Обедня за В. В. Путина заказывается во всех православных храмах простыми людьми. Дай Бог ему здоровья – первому руководителю России, за последние почти сто лет верующему, ча-

сто причащаемому и исповедываемому на Валааме. Здесь моя Родина, а не там, куда надо возвращаться, где слуги народа бьются за кусок пирога и часы «Richard Millc».

«Предыдущее население обслуживало советскую власть. Она вырастила себе подобных приспособленцев. Нужно не одно поколение монахов, чтобы поменялся генотип людей». (Из разговоров с Мишей.)

Становится палачом тот, кто жесток. Монахом может стать лишь тот, у кого порог безразличности к мирской концепции выше нашего. Его подташнивает от наших привязанностей. Вот это я загнул, как бы посмеялся Миша, прочти он мои размышления. Совсем недавно я даже настаивал на обязательном присутствии в характере интровертности для жития в монастырях. А это всего лишь любовное участие Господа – благословение Его.

Симфоническую музыку не понимаешь – это нормально, читая «Улисса», путаешься, теряешься, – это нормально, глядя на монаха, разводишь руками – не возьмёшь в толк его жизнь, как и в случае с фиалками, которые разводят в Арктике, – и это нормально. Может, просто довериться чувству – и всё станет близко и желанно?

«И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж всё сказать: ведь этот народ – необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?» – это заключительные строки повести «Записки из мёртвого дома» Ф. М. Достоевского. Не потому ли Фёдор Михайлович с сожалением относится к положению каторжников, что это люди поступка. Выбор пути монаха – тоже экстремальное решение: не самое ли это высокое проявление мужественности, дерзновения перед Богом – молиться за весь мир???

ПОСЛЕ ВАЛААМА

Поездка не была повязана бантиком, но всё равно это был подарок.

Соблазнительное чувство подвешенности, ты уже и не в монастыре, но и не в миру, и ожидание – чем отзовётся благодать? Оставаться в таком положении губительно, но продолжаю пока вихляться в порочной неопределённости.

У Бодлера: «Бог избавляет своих любимцев от бесполезного чтения». На лето запланировал пере-

читать «Войну и мир», но услышав от Миши, что читать надо только то, что помогает в данный момент твоему духовному деланию, доверюсь. Л. Н. Толстой не станет от этого менее любимым.

Что им горевать о даром пропавших возможностях в миру, в сравнении с тем, что они получают через Иисусову молитву. Исполнение ими заповеди «возлюби ближнего своего» делает их приближенными к Спасителю – «по любви друг к другу узнаю своих учеников». Наиболее отличившимся даётся проницательность старцев.

Мой знакомый рассказывал, как возил взятки в Москву депутату, который решал вопросы финансирования одной крупной стройки. Позже это взяточник возглавил один из регионов страны, неистово бичуя своего предшественника за коррупцию. Вор покупает время на ТВ и клянётся в праведности. Война – синоним бизнеса. Как успокоить, смягчить нравы людей и начать улыбаться. Неугомонные комедии в театре – не решение. А на Валааме, когда я вижу тысячи молящихся, появляется надежда на возрождение

страны с царём-батюшкой – Божиим помазанником, ради которого и жизнь отдашь. У монахов вопрос смыслов давно решён, и хоть я и чувствую себя рядом с ними как рыба, которая никогда не поймёт, что живёт в воде (шутка А. Эйнштейна), мне хорошо в их реальности, а своя, с навязанными приоритетами, кажется бредом сумасшедшего. Как бы решиться выбросить телевизор и воздержаться от лишней информации, на которую истрачивается столько внимания и чувств?

Все люди, посланные нам, это отражение наше, мы в ужасе шарахаемся от них, узнавая в них себя. Можно ли считать, что встреча с монахом – это надежда, шанс?

Как же разделился мир – непримиримо! А уж со стезей монашеской – навсегда. Господи, вразуми!!!

Мудрецы считают, что правильное решение, принятое с опозданием, является ошибкой.

Ангеле Божий, наставь на путь праведный!!!

г. Кемерово

Олег Кухарев

Юлия
СЫЧЁВА

БЫТЬ ГРАМОТНЫМ – МОДНО, ИЛИ КАК Я ПИСАЛА ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ

Трудно приходится грамотному человеку в современном мире, куда ни глянь – орфографические и синтаксические ошибки нагло лезут в глаза.

С названиями просто беда. Кафе «Таймаут» (куда-то выпал дефис), или магазин «Вязанные вещи» (удвоенная «н» без надлежащего уточнения, например, крючком или спицами), или коварный вопрос в витрине другого магазина: «Ваш ребёнок – кино-звезда?» (а вот тут дефис совершенно лишний).

Даже читая толстый иллюстрированный журнал, ты не застрахован от фразы: «Отсюда открывается христоматийный вид на гору Арарат». Словечко «христоматийный», похоже, образовано совсем не от знакомого слова «хрестоматия». Открываю журнал на списке редакционной коллегии, но в длинном перечне среди шеф-редакторов, ответственных редакторов и креативных директоров не нахожу простого корректора, видимо, должность эта устроена за ненадобностью...

На общем фоне чувствуешь себя человеком весьма и весьма грамотным, укоризненно косишься на тех, кто говорит «звОнит» или «туфлЯ», поправляешь знакомых: не «свЕкла», а «свЁкла». И вдруг слышишь по радио объявление: «Завтра в блочной аудитории номер три Кемеровского государственного университета состоится Всероссийская акция «Тотальный диктант», приглашаются все желающие проверить свою грамотность». И начинаешь сомневаться в своих силах.... А имеешь ли ты право считать себя суперграмотным да ещё и поправлять других? Сможешь ли написать диктант на отлично? Особенно с учётом того, что русский язык учил только в школе, и было это тому... достаточно много лет назад?

Вот это сомнение и привело меня четыре года назад в стены alma mater. Знакомый со студенческих лет главный корпус Кемеровского государственного университета, просторный вестибюль,

признак нового времени – система пропусков и охранники на входе. Впрочем, узнав, что я на тотальный диктант, пропускают безоговорочно. Пришла я с запасом времени, что дало мне прекрасную возможность понаблюдать за собирающимися людьми, желающими проверить свою грамотность. Подходили группами, судя по возрасту, школьники и учащиеся средних специальных учебных заведений в сопровождении педагогов. Подходили одиночки, в основном женщины средних лет. Заметила несколько дам явно пенсионного возраста. Наконец девушки-студентки пригласили пройти за ними в блочные аудитории, и участники акции расселись за парты.

Немного расскажу об истории акции. Оказывается, идея добровольного диктанта для всех желающих родилась в начале 2000-х годов среди студентов Новосибирского государственного университета и вначале не была широко известна. Позже к акции присоединились другие новосибирские вузы, а также школы и библиотеки. В качестве диктующих текст стали приглашать заслуженных учителей, известных в Новосибирске теле- и радиоведущих. Несколько лет для диктанта брались отрывки из произведений Льва Николаевича Толстого, Николая Васильевича Гоголя, Редьярда Киплинга, Василя Быкова. Затем специально для диктанта текст был написан известным писателем-фантастом Борисом Стругацким. О мероприятии сообщили в прессе, и энтузиасты из других городов выразили желание присоединиться к акции. И с 2011 года тотальный диктант расширил свою географию, охватив города и страны. Тогда же были сформулированы основные принципы тотального диктанта, с которыми кемеровские устроители познакомили нас в первую очередь.

Тотальный диктант – добровольный бесплатный диктант для всех желающих.

Кстати, при упоминании о добровольности диктанта в аудитории поднялся дружный возмущённый ропот, видимо, этот принцип акции оказался не соблюден.

Но, как бы там ни было, участники тотального диктанта получили бланки, заполнили их и приготвились.

Первый раз текст диктанта прозвучал с экрана в исполнении автора – российского писателя Захара Прилепина. Текст с названием «Мне – не всё равно» написан современным языком и на злободневную тему. На слух он показался мне сложнее обычных школьных сочинений – и тематикой, и оборотами.

Затем текст ещё раз был зачитан преподавателем факультета филологии и журналистики КемГУ, профессионально и громко. После этого мы приступили к написанию диктанта.

Всё, как в полузабытые школьные годы: строишь под диктовку, раздумываешь, нужна ли здесь запятая, поставить букву Е или букву И, стараешься не заглядывать в листок соседа по парте. Знаете, что было самым трудным в моём случае? Писать ровно и разборчиво, ведь не так часто сейчас приходится писать от руки, больше работаешь с компьютером.

Следующим этапом мы вторично прослушали диктант в исполнении Захара Прилепина и ещё раз проверили свои тексты. И сдали работы преподавателю.

Оставалось только терпеливо ждать оценку. Впрочем, проверить себя я смогла быстро, ведь текст диктанта практически сразу появился на сайте: www.totaldict.ru, причём с подробным разбором с точки зрения орфографии и пунктуации, с приведёнными правилами для каждого сомнительного места и указанием допустимых возможностей их написания. Я поняла, что до вожаемой оценки «отлично» чуть-чуть не дотянула – одна запятая оказалась лишней. Хотя на общем фоне – из 600 работ две пятерки, 13 четверок, 200 троек, остальные двойки – мой результат оказался вполне себе не плох.

Кстати, критерии выставления оценок строги: для того чтобы получить высшую оценку «отлично», ты можешь ошибиться лишь один раз в пунктуации.

По итогам диктанта в КемГУ состоялось награждение отличников и хорошистов. Организатор акции в областном центре, доцент кафедры русского языка КемГУ, кандидат филологических наук Марина Чабаненко подвела итоги и поздравила смельчаков, принявших участие в образовательной акции.

В следующем, 2013 году я уже с нетерпением ждала информации о дате проведения тотального диктанта. Заранее был объявлен автор текста, им стала любимая мной Дина Рубина. Я знакома с творчеством этой современной писательницы и была совершенно уверена, что текст не окажется простым. Её рассказы, романы «Белая голубка Кордовы», «Почерк Леонардо», «Синдром Петрушки» мастерски написаны сочным, красивым языком, персонажи колоритны и выразительны, сюжетные линии продуманны. В 2015 году из печати вышла новая трилогия автора «Русская канарейка», и я смело могу порекомендовать эту книгу для чтения. Мне совершенно непонятен смысл скандала, разго-

ревшегося вокруг привлечения Дины Рубиной к акции «Тотальный диктант», причиной которого стало распоряжение губернатора Ульяновской области Сергея Морозова заменить текст, подготовленный Рубиной, рассказом Василия Пескова, посвящённым картине художника А. Пластова «Весна».

Тему для своего эссе Дина Рубина выбрала современную: «Интернет – зло или благо?», часть диктанта для нашего региона называлась «Об опасности райских кущ». Вопрос-рассуждение, который автор задаёт в конце диктанта, думаю, возникает перед многими людьми: «И я думаю: не слишком ли высокую цену мы платим за прекрасную возможность поговорить с далёким другом, прочесть редкую книгу, увидеть гениальную картину и услышать великую оперу? Не чересчур ли рано сделано это грандиозное открытие? Иными словами, доросло ли человечество до самого себя?»

На этот раз знаний, полученных в школе, мне явно бы не хватило: в тексте встречались неологизмы. Как, к примеру, писать слово «Интернет» – с большой или маленькой буквы? А словосочетание «Всемирная сеть»? Наверное, именно для нас, выпускников советских ещё школ, перед диктантом устроители провели небольшую разминку.

С радостью я узнала, что в моей аудитории читать текст диктанта будет легендарный диктор кузбасского радио Юрий Михайлович Усольцев, которого многие называют «наш кузбасский Левитан». Его уникальный голос я помню с детства, так как Юрий Михайлович многие годы был ведущим главной информационной программы радио Кузбасса «Местное время», одной из самых популярных на областном радио. Поначалу Юрий Михайлович взял излишне быстрый темп диктовки, раздавались просьбы: «Помедленнее, пожалуйста!», на что диктор объяснил: «Для меня это тоже в первый раз!» Но богатый опыт работы помог Юрию Михайловичу быстро сориентироваться в ситуации и приноровить темп диктовки под скорость письма участников. Авторский текст Дины Рубиной был сложен, и читать, и писать его было не просто.

У меня сложилось впечатление, что результаты предыдущего года ужаснули кемеровских организаторов настолько, что на этот раз они пустили в ход «тяжёлую артиллерию»: пригласили для участия в диктанте студентов, выпускников и даже преподавателей филологического факультета КемГУ. Кроме того, в течение месяца каждую пятницу в университете проводились занятия по подготовке к диктанту под названием «Русский по пятницам». Семь пятёрок и 70 четверок из работ 423 человек – таковы ре-

зультаты акции «Тотальный диктант-2013» в Кемерове. На этот раз до пятёрки мне одной запятой не хватило.

В 2014 году акция «Тотальный диктант» приобрела статус всемирной, прошла 12 апреля и охватила более 250 российских городов и 100 городов в 48 странах мира, диктант писали 64 тысячи любителей русского языка, вдвое больше, чем год назад. В нашей области более тысячи человек проверили свою грамотность в Кемерове, Новокузнецке, Белове, Мысках, Калтане, Верх-Чебуле.

Написать текст ТД-2014 организаторы пригласили автора романа «Географ глобус пропил» лауреата престижных литературных премий Алексея Иванова. Пожалуй, больше известен одноимённый фильм с Константином Хабенским в главной роли – учителя географии Виктора Сергеевича Служкина. Тем, кто не читал книгу, советую непременно это сделать: книга умная, смешная и печальная, читается она легко, на одном дыхании и повествует о современной школе, о современном мире, о любви учителя к старшекласснице, о любви к Родине. Замечательно описана в романе красивейшая природа Пермского края.

Основной темой текста над названием «Поезд Чусовская – Тагил» стала любовь к Родине, которая закладывается в детстве. Алексей Иванов вспоминает юные годы: «Тогда, в детстве, всё было по-другому: и дни длиннее, и земля больше, и хлеб не привозной». Текст оказался интересен и понятен, и, на мой взгляд, не слишком сложен.

Видеоролик от организаторов в начале проведения был смешной. Алексей Иванов честно предупредил: «Ну что вам сказать? Готовьтесь. Будет очень много запятых». Российские полярники в отсутствие бумаги и ручек писали текст диктанта на белоснежном арктическом снегу. На МКС наши космонавты отлынивали от акции под предлогом профессионального праздника – Дня космонавтики.

Мне хотелось попасть в аудиторию, где читать будет Григорий Забавин, но случай распорядился иначе: в нашу аудиторию лёгкой походкой вошла Ольга Редько и спросила, игнорируя микрофон: «Так меня слышно?» У Ольги замечательный, поставленный голос и чёткая дикция, и её прекрасно было слышно даже на последних партах. Позже я узнала, что Ольга специально для участия в акции брала несколько уроков дикции. И, мне кажется, позитивный настрой Ольги передался аудитории, соз-

дал какое-то праздничное настроение, и в моей вожденной пятёрке есть и её заслуга тоже.

В 2014 году 37 участников тотального диктанта в Кемерове получили оценку «отлично». Кстати, на сей раз диктант писали и китайские студенты. Не знаю, как они справились с заданием, с которым и не каждый русский справится, но сам факт участия героический.

18 апреля 2015 года в Кемерове тотальный диктант писали 450 человек, от школьников до 86-летнего ветерана Великой Отечественной войны Ивана Арсентьевича Лазарева. На стендах родного университета я увидела несколько забавных объявлений вроде: «Профи или дилетант – приходи писать диктант!». Филолог и писатель лауреат премии «Большая книга» 2013 года Евгений Водолазкин подготовил текст под названием «Волшебный фонарь». Перед началом нам показали юмористический выпуск новостей, из которого мы узнали, что биологический вид «человек, пишущий по-русски грамотно» находится на грани вымирания, неграмотность распространяется, словно эпидемия, а самая эффективная её профилактика – тотальный диктант. В моей аудитории текст читала Ирина Николаевна Латынникова, главный режиссёр любимого кемеровского театра – Театра для детей и молодёжи. Кроме того, Ирина Николаевна – доцент кафедры театрального искусства КемГУКИ, и её привычка растолковывать задания артистам или студентам, по-моему, немало помогла и в этот раз. Чётким, внятным голосом Латынникова проговорила сложные слова типа «уключина» и «брандмейстер» и интонационно выделила замысловатые словесные конструкции. Среди участников акции я заметила знакомые лица, видимо, не только для меня тотальный диктант стал традиционным способом проверить своё знание русского языка. Результаты не слишком порадовали – всего три отличника, увы, опять без меня. Но я оптимистично надеюсь в наступающем, 2016 году улучшить свой личный результат, ведь я всецело разделяю лозунг акции «Писать грамотно – это модно!».

Кстати, по подобию тотального диктанта в 2015 году состоялись Всероссийский географический диктант и Всероссийский тест по истории Отечества. А значит, в России становится модно быть грамотным и образованным человеком, и это радует!

г. Кемерово

Дорогой Сергей Елизарович! Сердечно поздравляем тебя с 60-летием! Верим в твою творческую звезду! Любим и ценим твою прозу и всегда ждём её в нашем журнале! Здоровья, вдохновения и задора!
Горячо любимые тобой писатели Кузбасса

Сергей ПОДГОРНОВ

АСИНСК

1

Прежде всего надо сказать вот о чём: легко пишется о тех местах, куда попадаешь впервые, – свежесть восприятия, незашоренный взгляд и всё такое. Бродишь по улицам, о которых раньше и знать-то не знал, заглядываешь в музеи, всё-то тебя увлекает, и только успевай впитывать новизну! Какой-нибудь особнячок необычной формы, скверик с фонтаном и скамеечками вокруг – непременно надо заснять! И как тут вдогонку снимкам не закрепить на бумаге нахлынувшие впечатления?

А вот как написать о месте своего постоянного обитания, где всё вокруг видел тысячу раз?

Тут надо, чтобы или ты менялся, или город, или оба сразу. И, желательно, быстро – тогда есть повод для увлекательного изложения.

2

Однако возможен ещё вариант: обнаружить интересное именно в примелькавшемся и давно знакомом. Этот вариант, конечно, будет потруднее, но удовольствие от него сродни удовольствию, например, грибника, набравшего корзинку груздей там, где проскочили десятки других грибников.

Устоявшийся Асинск для такого исследования объект – как раз пригодный. Не стану утверждать, что городок, каким был тридцать лет назад, таким и остался, но, оказавшись в стороне от громких сибирскихстроек, Асинск счастливо избежал скоропалительных (и разрушительных!) обновлений.

Центр, само собой, понемногу преобразуется, зато прошлое не кануло в омертвевших архивах – оно по-прежнему живо и в добром здравии на окраинах. Сев, допустим, в автобус и отъехав в сторону Восьмой горы, можешь наткнуться на столетние бараки, построенные ещё при горнозаводчике Михельсоне. Нынешний Асинск, вот что существенно, не нянчится со своим прошлым, не хлопочет над ним и тем более не стыдится его – он соседствует с ним. Предметы прежнего быта и труда и сегодня никакая не редкость. Перешедший ко мне по наследству старый дубовый шифоньер, сработанный

без единого гвоздя и шурупа, продолжает служить до сих пор. Оказавшись однажды в городском музее, я среди прочих экспонатов обнаружил деревянную прялку с почерневшим от возраста колесом, педалью и струнами. Точно такая же ещё недавно пылилась у меня в кладовке: не нужна, но жалко было выбрасывать – осталась от матушки.

Так что, не покидая рамок города, можно заглянуть в прошлое, рассмотреть его, а потом и себя на его фоне – на предмет сочетаемости. Идея увлекательная!

Начну издалека.

В истории Асинска само возникновение получилось – на зависть. У него прямо-таки сказочная подкладка! Это возникновение аукается с античными легендами и теми временами, когда связь богов, зверей и людей была ещё крепкой, а небо и земля не были столь непоправимо разделены.

Было так. Однажды – а произошло это полтора века назад – кузнец из села Лебедянка по имени Иван Карышев с сыном Сергеем отправились на охоту. В столь рядовом событии не было б ничего примечательного, если б в тот раз вдогонку за охотниками не увязалось само Провидение. Так они втроём и высматривали добычу: охотники с ружьями впереди, а за ними – Провидение. Попетляв по тайге, кузнец и его сын выбрались на поляну, где мышковала лиса.

Стоп! Здесь необходима пауза, которая предшествует величию момента.

122

Возможно, в это мгновение грянул гром. Или шквал ветра пронёсся по верхушкам деревьев. То есть боги взбодрились, свесили с облаков сияющие головы и подчеркнули значимость происходящего. Самой лисице удалось улизнуть, а возле разрытой норки валялись камешки угля.

Кузнец осмотрел их, остался доволен и сложил в мешок.

Вряд ли он предвидел последствия своего поступка, однако вскоре вокруг мышиной норки разросся горняцкий посёлок, не считая самих шахт, которые возникли одна за другой...

Когда в диких, мало освоенных местах слоняется избыточное число не слишком укоренённых людей, у них в головах возникает общая мысль: где бы осесть попрочнее? Тут, главное, чтобы повод внушительный появился. Уголь оказался таким поводом, который отбрасывал в сторону любые сомнения! Заодно отметим отличие молодой цивилизации от старых. Старые бродят в поисках утраченного, молодая этакой ерундой мозги себе никогда забивать не будет. Молодой корни прежде всего пустить надо.

Так в глухой тайге возникла цивилизация. А первым горняком, добывшим уголь, оказалась лиса. Обыкновенная лисица, выдавая на-гора из мышиной норки горючие камешки!

Эх, с какой практической пользой этот, говоря по-нынешнему, «бренд» раскрутить можно было бы! Ничуть не хуже, чем сейчас йети на юге области раскручивают.

Но, удивительным и необъяснимым образом, захватывающая быль о начале угольного посёлка даже в городском музее никак не отражена. Хотя исследователь Г. Р. Умнов приводит целый ряд доказательств, что случай с лисой не выдумка. Одно из них такое: за открытие угольных залежей кузнец Иван Карышев ежегодно получал от владельцев шахт вознаграждение: 25 рублей золотом, 8 аршин ситца, кирпич чая, 5 мешочков (по одному на члена семьи) муки, головку сахара и мерку спирта.

Справедливости ради следует отдать должное музейщикам: они натащили к себе немало разных артефактов. Там среди прочего можно найти прялку, фотографии старых угольных забоев и пожелтевшие, словно перезревшие кабачки, удостоверения неулыбчивых стахановцев.

Прозы хватает, а вот поэзии – нет.

3

И всё-таки случай с лисой получил любопытное продолжение.

Однажды я рассматривал висевшую напротив в кабинете карту города. Но не как обычно, когда отыскиваешь глазом нужные улицы, а как разглядываешь потолок, когда долго не получается заснуть: мысленно соединяя паутинки и трещинки в узоры и фигуры.

На карте жилые районы были окрашены светло-коричневым, поля и перелески, примыкающие к ним, – светло-зелёным.

И тут я обнаружил, что коричневые пятна – по контуру – образуют отчётливую фигуру животного, сильно смахивающего на лисицу: туловище, лапы, горделивая высокая шея, хвост на отлёте (пос. Рудничный). И – корона на голове! «Существуют, однако, места, разглядывание которых на карте на какой-то миг роднит вас с Провидением» (И. Бродский). Именно! Именно с Провидением и роднит! Я думаю – с тем самым, которое шастало по тайге вслед за Иваном Карышевым. Я как только увидел, – это открытие... оно меня изумило!

Если кто-нибудь скажет мне, что такая конфигурация – всего лишь игра воображения, и что мало ли каких зверюшек можно напридумывать, я отвечу: попытайтесь изучить карты своих городов, может, и вам повезёт! Может, в облике ваших городов вы отыщите связь с тем, как они возникли. Потому что в столь серьёзных вещах не бывает ничего случайного. На карте Асинска естественным образом обнаружили черты его зачинательницы, как у любого зверёныша или маленького человечка в лице и фигуре проступают черты родителей.

Картинка, что и говорить, – дух захватывает! Городской герб из неё получился б – лучше и не пожелать! Однако там каких-то башен и прочей мути нагородили...

Отправимся далее.

Название города – тоже полно загадок. На сей счёт существуют разные толкования. Прежде всего город возник из двух объединившихся посёлков – Анжерки и Судженки. Так вот, если обратиться к В. М. Шабалину, автору «Тайн имён земли Кузнецкой», то Анжера, имеется здесь такая речушка, почти ручей (на тюркском это звучит: «Анг чер»), в переводе означает: «река, текущая по земле, богатой зверями». А Судженка (тюркское: «Суджак») – «река, вода». То есть вопреки тому, что больших рек поблизости нет, местность нераздельна с водой. А вода, как любому известно, – это овеществлённое движение, оно устремлено в будущее, но берёт начало в прошлом. В далёком прошлом. И когда вслух произносишь имя города, эхо отлетает туда, где бежит сквозь тайгу река. И текущий подвижный народ – то ли алтайцы, то ли шорцы (тюрки), таинственный и бесшумный, проходит по её берегам и навсегда скрывается среди деревьев...

Убывая в гости или по иным надобностям в другие края, я на вокзале ощущаю себя, скорее, отплывающим, чем отъезжающим. Внизу, у вагонного окна, качнётся, пятясь, перрон, и Асинск тает в дымке, как островок среди реки, текущей по земле, богатой зверями.

4

Всё то, что началось после открытия угольных пластов, происходило уже без участия богов. Богам присущи не действия, а жесты – молнию метнуть, громом прогреметь или ещё чего-нибудь в этом роде.

Вслед за богами приходят драконы, фурии и герои. Они производят много шума и меняют пейзаж. В данном случае их заменил Лев Александрович Михельсон. Успешный петербургский адвокат, уловив чутким еврейским носом реальную наживу, вбросил сюда немалые деньги. А всё, что затевают евреи, как правило, серьёзно, хотя порой и неприглядно. Уголь взялись черпать лихо, с нарастающим размахом. А два посёлка возникли, как бы между прочим, сами собой. Судженка, владение Михельсона, была, что называется, отпетой. Да и Анжерка не отставала. Будущий Асинск, избегая выпячиваться, был грязным, нервным и приземистым. Основное жильё – землянки и приплюснутые домишки с высокими крышами, чтоб снег съезжал. Работа была тяжёлой и опасной, а досуг асинцы в основном проводили так – пьянки-гулянки, мордобой, а могли и ножичком пощекотать. Неслучайно центральные районы выразительно именовались: Тербиловка, Вшивая Горка...

Жизнь ценилась невысоко. Человек, часто и надолго ныряющий под землю, привыкает к тому, что и там ничего особенного, только света меньше. После ежедневных примерок к потустороннему такие пустяки, как смерть, ужасными не казались. Эка невидаль: придавило в забое кого-то или перо под рёбра воткнули. Отнесли, закопали и – царство небесное...

Революция, нахлынувшая сюда, перелопатила жизнь, а потом сделала её ещё хуже.

Вместо исчезнувшего Михельсона личину драконов, фурий и героев отважно напялило на себя государство.

Это сторукое и стоглазое, но бездушное чудовище сумело превратить повседневную драму в затянувшуюся на много десятков лет трагедию. Если до революции сюда ехали на заработки, то теперь о хороших заработках надлежало забыть: устроенный, обеспеченный быт объявлялся мещанством и буржуазным пережитком.

Однако и новой власти нужен был уголь, много угля.

Когда очень быстро народ оказался у себя во врагах, население Асинска увеличилось в разы. Репрессированные кулаки и разные там оппортунисты и вредители, превращённые в дармовую рабсилу, вместе с ребятишками эшелонами свозились сюда. Наспех рыли землянки, мёрзли, болели и в большом числе перебирались на кладбище.

Обычное, надо признать, дело.

В России многие города поднялись на костях – разве кого-нибудь этим удивишь?.. Когда зло пребывает долго в одной личине, в глазах народа оно перестаёт быть злом. Злу никак нельзя быть изменчивым, и оно это понимает. Потому и застаивается. В последнем случае – на семьдесят четыре года.

5

Я родился в маленьком деревянном роддоме, что бочком, как нарост, притулился к машиностроительному заводу. Страной в это время руководил Хрущёв. Из занимавших до и после него верхнюю веточку государства он один был исключительно творческим человеком – непредсказуемым, увлекающимся. Он свято верил в кукурузу, в космос, в победу коммунизма и показывал Америке кузькину мать, которая американцев пугала до ужаса. Период его правления был самым терпимым. Однако и при всех послаблениях, помня о недавнем прошлом, лишнее боялись высказать даже в семье. Да и с религией боролись неистово, поэтому картонную иконку матушка прятала подальше – в ящике комода.

Но я ничего этого ещё не сознавал. Для меня первое общение с властью было сравнительно безобидным: пришёл участковый и стал выпытывать у родителей, чем они откармливают двух хрюшек.

Хлебом кормить строго запрещалось – налегающие на хлеб поросята могли подорвать экономику страны и ударить по её обороноспособности. Враги у государства были не только внешние – мы их, оказывается, выращивали в нашей стайке.

А в бревенчатом магазинчике выстраивались длиннющие очереди за мукой и сахаром. И мука, и сахар отпускались по числу едоков в семье, и мы, громкоголосая ребятня, перебегали от одной женщины к другой. Это было что-то вроде увлекательной игры: на время мы становились братишками и сестрёнками, только матери менялись по нескольку раз. Всё понимавшая продавщица для порядка пересчитывала мелкий выводок по головам, и таким образом хозяйки запасались продуктами...

Однако что тогда для меня были загибы и завихрения родной экономики! Я жил абсолютно другим!.. Среди самых ранних и тёплых воспоминаний – первая моя победа: возле нашей калитки я нашёл кем-то подброшенного белого котёнка. Матушка ни за что не соглашалась оставить его, но из меня хлынуло столько слёз, что она уступила. И, оказалось, не зря. Такой чистоплотной кошки да ещё и старательной в ловле мышей у нас не было больше никогда. Потом я плакал редко. К чему слёзы, если кошка уже была, да и в семье мы жили дружно.

Кошек я люблю до сих пор. Кошка, даже вредливая, безобидна. Она не скандалит, не огрызается. Ты можешь накричать на неё, а она подойдёт, выгнет спину, умоляя, чтобы её погладили. Кошки терпят нашу раздражительность, наше плохое настроение. Они учат нас незлобivosti...

Из тех давних лет в сознании отпечаталось самое яркое.

Вот мы большой компанией ребятишек обнаружили огромного чёрного жука. Кто-то объявил, что это «стригун» и что если он сядет на голову, то сострижёт все волосы до последнего! И мы толпились поодаль, боясь приблизиться. Вот я бегу к другу Витьке Муковникову, и мы по очереди катаемся с горки на самокате, который сделал его отец. Вместо колёс – старые громохочущие подшипники, и у нас с Витькой от восторга замирает сердце: грохот они производят такой, будто едешь на самом настоящем мотоцикле! Вот Колька смастерил «ходули», и, глядя на него, старшие пацаны тоже стали передвигаться по улице на длинных палках.

А что Асинск? Он занимался тем, чем и всегда, – выпускал стекло, лекарства и необходимые шахтам скребковые конвейеры. И вычерпывал уголь из-под себя. Центр его оседал. Он всё больше походил на огромную вогнутую чашку, сильно припорошенную шлаком, вылетающим из труб ТЭЦ. Дважды в год – 1 мая и 7 ноября – середина этой чашки празднично расцветала красными знамёнами и портретами членов Политбюро.

6

Вдруг по итогам переписи выяснилось, что Асинск – единственный город в стране, население которого с предыдущего учёта сократилось на десять процентов. На целых десять процентов! Такого в правильном государстве, где на первый план всё отчётливей вторгалась показуха, не должно было быть!

И наш городок взялись усиленно строить.

Я помню, как начали сносить деревянную Теребиловку, освобождая место для хрущёвок. Махом убрали несколько улиц, нарыли котлованов и стали вколачивать сваи. Вскоре дело застопорилось. Видимо, кирпича не подвезли. Или сваи кончились. Перевороченная земля за два года заросла густым бурьяном, в нём квакали лягушки и бегали вольные собаки, а котлованы наполнились водой.

Таким одичавшим и таинственным я не видел Асинск никогда. К обрывистым берегам подступали джунгли из лопухов и лебеды. Мы сбивали из старых досок плоты – они были у нас фрегатами, и пускались в долгие плаванья. Мне не дано представить ощущения от полёта на космическом корабле, но, как качается палуба под ногами, я знал уже в восемь лет. И ещё я знал, что главная опасность подстерегает отважного моряка не в море, а дома: если придёшь в мокрых штанах – от матери влетит!...

Я сейчас сознаю, что воды в моём детстве было на удивление много. В самом центре Асинска лежало озеро Тёплое. Но так его называли в городской газете. А для всех оно было просто Горячкой. Ещё до школы тайком от родителей мы сбегали сюда. Именно здесь я научился плавать, здесь же выловил удочкой первых рыбок: вьюна и пескаря. Я помню, как меня в тот момент распирало от гордости – я умею добывать еду!

Такая счастливая жизнь продолжалась до тех пор, пока мы не разобрали по брёвнышкам дом и не перевезли на новое место. Мы уехали до того, как на бывших улицах наших поднялись кирпичные пятиэтажки. Джунгли из лопухов и крапивы пали.

7

А вот школа... Школа, школа... Холодом облитые классы... Школа – это такое специальное заведение по воспитанию незнамо кого. Впрочем – знамо. Классная выговаривала: «Носитесь по коридору, как бараны». Или: «Решай пример, чего ты смотришь на доску, как баран». Историчка могла сорваться на уроке: «Из вас никогда ничего не получится! Бараны! Бараны!»

Я вот только и сейчас не пойму: это было заклинание или прогноз? И мы как будто соответствовали! Неслучайно все областные педкомиссии – строгих жирных тёток таскали в нашу городскую образцовую, как в загон: поглазеть на нас.

Среди тех, за кого нас принимали, я до поры ничем не выделялся, пока в четвёртом классе не запал на Печорина.

Прочитал, и всё в моём сознании перевернулось. О, как я старался быть таким же холодным и бесстрастным! Мне нравилось воображать себя жутко уставшим от жизни. Грушницкому я не сочувствовал ни капельки. «Мне очень жаль, что я взошёл после того, как вы уже дали честное слово в подтверждение самой отвратительной клеветы». И дальше: бах! – и никакого Грушницкого. Страницы романа перечитывал сотни раз. Так продолжалось до тех пор пока, следуя школьной программе, мы не добрались до М. Ю. Лермонтова и выяснили, что самый хороший человек – Максим Максимыч, а Печорин – эгоист и продукт своего века. Ну, как было равняться на продукт? А вскоре мы налегли на поэмы Егора Исаева «Даль памяти» и «Суд памяти». Там было всё, как надо, и никаких продуктов...

Чем ближе по времени оказывалась изучаемая литература, тем дальше от жизни и фантастичней она становилась. Мозги (если можно говорить о мозгах в столь нежном возрасте) школа промывала – ещё как...

Когда в твоё сознание грубо вламываются, важно сохранить неповреждённым хотя бы маленький уголок. Мне повезло, я сохранил, пусть в этом уголке хлама было достаточно. На родительских собраниях матушку корили: «Все держатся вместе, а он один. Непростой он у вас». А я и не хотел быть простым. Простой – это значит никакой. Простой – это значит стёртый до безликости. В коллективе, я это интуитивно создавал, даже товарищеский круг превращался в круговую поруку. Нет уж, в коллектив – как в гости, а потом домой: в себя.

Из школы я вынес одно из самых твёрдых жизненных убеждений: не бывает такого абсурда, который не сумел бы реализоваться и превратиться в норму... Это помогало потом в разных ситуациях. Хотя чем-то пригодилась школьная закалка.

8

Когда человек больше тебя, это не оскорбляет. Поначалу все больше – отец, мама, соседи, знакомые и незнакомые люди. Потом ты кого-то перерастаешь. Потом однажды совершаешь открытие, что большой по росту может быть абсолютно незначительным внутри, и понятие «большой» переносишь на то, каким внутренним содержанием он обладает. Но и здесь количество «больших» убывает – или оттого, что сам понемногу растёшь, или оттого, что развивается близорукость. С государством так не получается. Ты в чреве его, и сравнивать не с чем. Когда тебе каждый день твердят, что живёшь в самой лучшей стране – трудно не согласиться. Так, примерно, любят толстую и некрасивую стряпуху в

таёжной мужской экспедиции – ведь у неё нет соперниц. И однажды, в какой-то момент, появляется мечта: взглянуть на другие края и страны. Взглянуть хотя бы для того, чтоб сравнить. И мечта эта, возникнув почти случайно, уже не отпускает. Для её осуществления следовало перебраться ближе к океану.

9

И был по окончании школы отъезд на Дальний Восток. Я покидал Асинск в твёрдой уверенности, что обратно в него не вернусь никогда.

Владивосток встретил великолепно.

Он жил шумной, безалаберной жизнью гуляки-моряка. Порт, напичканный торговыми и рыболовецкими судами, крики чаек и влажный солёный ветер, разбитной и вольный, без усталости шатающийся по улицам, – всё было не так, как дома. В четырнадцать последующих лет вместились учёба и работа. Частью работы стал промысел рыбы в морских глубинах.

...Натужно визжала лебёдка, отстёгивались распорные сферические доски, и трал появлялся из воды, медленно вползая по слипу на палубу. В траловом мешке, раздутом огромной кишкой, были тонны, а иногда и десятки тонн минтая. Но больше мне нравились донные траления – из-за разнообразия уловов. Чего там только не было: и палтус, и камбала, и треска, и крабы, и кальмары, и осьминоги, и креветки... Мы шли проложенным курсом, и просторные дали, пятясь к горизонту, перемещались в таком порядке, чтобы открыть новое и чудесное. Я видел дельфинов, которые резвились у самого борта. Я видел, как летучие рыбы, выпрыгнув из воды, стремительно несутся над низкими гребешками волн. Я видел фонтаны китов и мелькнувшие над поверхностью могучие спины касаток. До сих пор изумляюсь: до чего судьба оказалась ко мне благосклонна! Я побывал в туманном сыром Ванкувере, экзотическом роскошном Гонолулу и кипящем от зноя Сингапуре – это были города совершенные, как кристаллы. Я, наконец, сравнил увиденное с тем, что было дома, и поразился богатству заморских земель, не забывая, однако, что я здесь только гость. Я увидел всё, о чём грезил в детстве. Если бы память глаза не размывалась и была столь же чёткой, как фотоснимок, мне бы хватило собранного в ней ещё на одну жизнь.

А на берегу ждала работа в конструкторском бюро. Кульман, чертежи, расчёты – повседневная изнанка романтики. Возможность хорошего улова камбалы или минтая прочерчивается сначала на ватмане...

Закончился дальневосточный вояж возвращением.

Сейчас я понимаю, почему так произошло. Город, как и одежду, следует выбирать по размеру.

Хорошо, если совпало. Но бывают города, которые в плечах и подмышками жмут, бывают – слишком просторные. Владивосток для меня оказался из числа вторых. Он был настолько велик, что холод проникал в душу. Это был такой специфический холод, при котором руки-ноги не мёрзнут, а сердце замирает в ознобе. Я согревался тем, что много двигался. Когда двигаться стал меньше – холод меня победил.

Я возвратился туда, откуда уехал. Где в юности было тепло, где вместо сопков – горбатые терриконы, где вода ужимается до размеров Горячки и где в забористые крещенские морозы женщины всем сапожкам предпочитают валенки.

Уезжая из Асинска, я ничуть не сомневался, что он находится на дальней окраине настоящей жизни, что всё самое интересное происходит не здесь. Годы странствий сильно поколебали эту уверенность.

Заканчивался май. В воздухе висела жара. Крылья «Аэрофлота» перенесли меня из Приморья в Новосибирск. Дальше железной дорогой – опять на восток. Поезд миновал узловую станцию Тайга, колёса – стук-стук – стучали на стыках, и земля покачивалась, и косматые ёлки бежали навстречу, и где-то над Горячкой поднимался туман... И ничто вокруг не было расчерчено циркулем и карандашом.

Юнцом покидая Асинск, я не знал, что душа обрастает малой родиной, как днище судна ракушками. От этого с годами замедляется ход, но разве лучше, когда душа летит как угорелая?

10

Я вернулся на сломе эпох. Город оказался другим: он жутко обветшал. Позолотой он и раньше не мог похвастать, но и такого упадка не было. От строительства светлого будущего инерция ещё осталась, но что строить – уже не знал никто. Взгляд наткался на невероятное количество начатых и брошенных стройплощадок – на диспетчерской, возле горного техникума, рядом с пожаркой, на «швейке»... Десятка полтора только в центре! Такой массы забытых и заросших бурьяном свай не было с ликвидации Тербиловки. Меня закачало на берегах новых незаполненных морей, я понял, что жизнь продолжается и впереди очередные горизонты, которых непременно надо достичь.

И точно: в телевизорах гремела перестройка.

А вокруг под шум, ускоряющийся развал и неразбериху разворачивался следующий акт асинской истории.

Всё происходило на расстоянии вытянутой руки, и любой, даже не желающий того, становился участником событий... Митинги, митинги, митинги. В азартных до хрипа криках толпы отчётливо слышался мат. Объявилось множество решительных

вожаков, которые сразу принялись искать виноватых, но не имели никакого понятия, куда вести. Их недолгое пребывание наверху только усилило хаос. Сегодня, по прошествии лет, могу сказать: если вы видите поблизости начинающего организатора масс – задавите его немедленно.

Помню, как сердитая матушка, без покупок возвращаясь из пустых магазинов, на чём свет костерила власти. В редакции городской газеты, где я оказался, мужчин было трое. И я по талончику вытянул единственный выделенный на газету мужской костюм. Зато четыре счастливицы явились на другое утро в одинаковых юбках и блузках. Одежка нам досталась египетская, плохого качества, но ничего другого в свободную продажу давно не выбирали.

Время накатило насквозь революционное.

Объявленная запретной и с трудом добываемая водка потреблялась исключительно как средство защиты от окружающей среды. Пили, однако, не все. Кто-то уже смекнул, как ловится рыбка в непрозрачной воде, и захватывал разбитые параличом предприятия или перекупал магазинчики; кто-то с этим не соглашался, и вместо киношного клюквенного сока в битве за скудную собственность лилась настоящая кровь. Это был ужас, но какой-то странно освежающий. Выяснилось, что теперь можно выбрать себе судьбу. Стать, к примеру, владельцем ларька или «братком», или в случае пониженной сопротивляемости – бомжом.

А на зданиях торчали лозунги, которые забыли убрать: «Народ и партия едины!», «Решения съезда – в жизнь!».

11

В двадцать первый век Асинск ввалился большим, безвольным, еле пережившим угар девяностых.

Его пошатывало от отсутствия денег, от «рельсовых войн», от жульничества властей. Для большинства асинцев радость земного бытия сильно омрачалась горечью повседневного существования.

Но угар понемногу сошёл на нет. Всё как-то успокоилось и обрело форму. В заводских цехах загудели станки, завизжали свёрла. Над брошенными свайными полями захопотали строители, завезли кирпич и панели, начали поднимать этажи. И стало ясно, что из сора могут вырасти не только стихи. Из сора, раздрая, разброда девяностых начала проклёвываться – и проклюнулась! – новая жизнь.

Теперь на территории, похожей на чашку, Асинск всё больше напоминает хаотично подновляемое преддверие рая, правда, с некоторыми вкраплениями преисподней.

Влияние преисподней неудивительно: Асинск с самого основания устремлён не к звёздам, а в об-

ратную сторону. Роясь на километровой глубине, поблизости от котлов с кипящей серой, неистовые добытчики угля проломили границу дозволенного, и оттуда началась миграция. Так что черти давно и основательно перемешались с жителями – хвост торчит из каждой третьей задницы. Поэтому хоть и преддверие рая, но с оговорками. Строится много жилья. Первые этажи зданий на людных улицах заняты уютными магазинчиками и по вечерам сверкают огнём реклам. Зарплаты, конечно, маленькие и вызывают нарекания. Однако, несмотря ни на что – всё хорошо. Вот что удивительно! Даже за голову схватиться: нет, не бывает так! Но куда ни глянешь – всё хорошо!.. На прилавках – сбывшаяся мечта рядового советского человека, колбаса – вот она, в ассортименте. И машин на улицах столько, что дорогу перейти затруднительно. И компьютер с Интернетом почти в каждом доме.

Кому и этого мало – райские кущи легко устроить под боком, на своём садовом участке. На почве нашей и вишни, и сливы урожай дают, не говоря о яблонях. Но для полноты ощущений, главное – вовремя вскопать землю. Посадить лук, морковку, помидоры, капусту, чеснок, огурцы. Райскую картошку, само собой, посадить. Асинец гуляет между грядок, как небожитель.

А ещё можно, закинув за плечи котомку с хлебом и квасом и закатав штаны, босиком бродить по задворкам Асинска, заглядывая в самые дальние уголки. На фоне придорожных лопухов и крапивы повседневный уклад окраинных жителей выглядит подчёркнуто патриархально. Сидят на лавочках старухи. Пасутся на лужайках гуси. Мужик, навалившись на калитку, курит махру. Но открытый солнцу Асинск всё равно не может обойтись без сумрака и прячет его в сараюшках и погребках. Отправляясь к избирательным урнам, местные жители голосуют за КПРФ не в силу политических убеждений, а потому что так привыкли, потому что старое время по-прежнему здесь. Оно из этих дворов никуда не ушло, а пригелось среди жующих коров и хлопчущих кур. Если затаить дыхание, можно услышать, как оно дремлет, посапывая...

Вечером, потягивая чай из блюдечка, полезно обдумать увиденное.

Баракы на окраинах понемногу идут на слом. А в центре подпирают небо новенькие девятиэтажки. Но лучше б Асинску оставаться ближе к земле. Маленькому городку высоты ни к чему. Они против его натуры. Но кто придумал, что нельзя вытащить скелет из тела, не повредив самого тела? В Асинске всё можно!

По-прежнему наша самодеятельность – от певцов до коммунальщиков – самая самодеятельная. Одних плясовых коллективов триста восемьдесят шесть. Выбежав на сцену, танцоры сильно колотят в

пол ногами, но от этого никуда не деться: доступные средства слишком бедны, чтобы передать наши городские реалии. Если на побережье Камчатки луноликий солист под бубен легко изобразит гонку на оленьих упряжках или охоту на кита, то у нас как, допустим, спляшешь отключение горячей воды в Южном районе с 15 июля по 26 августа?.. Зато на производстве, в тех же цехах, теперь не ставят трудовых рекордов. Конвейер, работающий в заданном ритме, лучше умельца, делающего руками то же самое, но на пределе человеческих сил.

Остыв от перестроечных страстей, мы сейчас вполне способны рассуждать здраво, но, не исключено, лишь до тех пор, пока очередной прохвост не позовёт в даль светлую. Мы, несмотря на недавние уроки, быстро очаровываемся и твёрдо в светлые дали верим.

Потом (и этого тоже не отнять) в Асинске за любыми точными цифрами кроется надувательство. Оно у нас особенное, домашнее, то есть не злое. Когда городская газета сообщает: «В спортивных мероприятиях приняло участие 17 485 человек», – я говорю: «Лопни мои глаза, если это действительно так!» С выборами, опять же... В кубометрах переработанной древесины, если вникнуть как следует, либо приписка, либо не указано, сколько сворovali.

12

Каким же город мыслится дальше? Уютным прежде всего. Неторопливым и невысоким, несмотря на разные девятиэтажки. Пусть остаются чиновничьи заскоки – не совсем пусть, но – пусть: где ж ещё маленькому человеку, пробившемуся во власть, показать свой норов? Пусть дороги пребывают в ямах и трещинах – пусть, это ничего, это не позволяет разгоняться под сотню и давить пешеходов и собак. Пусть вместо прежних партийных лозунгов нас бесстыже обманывает реклама – пусть, она всё равно честнее тех самых лозунгов...

Так чем же обогащает пристальный взгляд на Асинск? Какие уроки наш городок способен преподать?

Может быть, самый главный – это урок отстранения от собственных жителей.

Когда-то Асинск окружал тебя резкими запахами и звуками. А ещё травил тем, что ежедневно обрушивался с назойливой пропагандой – через радио-

точку, через городскую газету, через наглядную, лезущую в глаза, агитацию. Через всякие сборища и общественные мероприятия.

Перестройка поработала здесь, как ножницы.

Она отрезала всё, что коптило и воняло, забивало зрение и слух. Пропали заводы, извергающие дым и смрад, – оставшиеся обходятся как-то без этого. Исчезла идеологическая радиоточка – в эфире теперь песни и музыка. Городская газета хоть и старается вдолбить читателям, за кого надо голосовать на выборах, но совсем неубедительно. Канули в прошлое партийные собрания, персональные проработки и прочая дребедень...

Сегодня у жителя Асинска небывалое ощущение автономности, ощущение своей границы, через которую никто чужой не моги. Вовлечённость города в личные дела человека почти незаметна. Частная жизнь обрела неслыханные права! Даже дружба, как выяснилось, может возникнуть из притяжения разнотупающих индивидуумов, а не из-за уродливой спайки во всём согласных.

Если и при таких условиях жить здесь кому-то не вмоготу – можно сесть в поезд и уехать. Для каждого найдётся свой Владивосток.

13

Вот таким получился мой экскурс в историю Асинска и в своё прошлое.

Осталось добавить несколько слов.

Государство сродни пчелиному рою. Есть непременно матка – столица, и есть трудовые пчёлы – города большие и совсем маленькие: они доставляют в улей нектар. Асинск не так уж сильно отличается от других российских городков. Однако в данном случае общность важнее, чем различия. Рассыплется рой, и пчёлы погибнут – украинский пример перед глазами.

Да, у любого человека и в крохотном городке, и в огромном мегаполисе есть теперь право выбора. Он может быть с чем-то не согласен и делать то, что считает нужным. Хорошо бы – если уж не во благо, то не во зло остальным.

Но как каждому из нас не перешагнуть эту невидимую черту, за которой начинается зло?

Я знаю лишь один верный способ: любить свою малую родину. Если любишь – не навредишь никогда.

г. Анжеро-Судженск, 2008 г.

**Виктор
СУГЛОБОВ**

ПРОЩАЙ, ХЕМИНГУЭЙ! ИЛИ КУДА ДЕЛСЯ ВЕЛИКИЙ ЧИТАТЕЛЬ?

**О книге И. Михайлова «Роман
с жизнью Эрнеста Хемингуэя»**

Скажу сразу – это очень хорошая книга, хотя издана неважно – как-то лениво и равнодушно: так раньше делали книги затурканые редакторы: «Всё же, мол, правильно, без промашек, а чего ещё надо?!» Но автор не зря назвал её «Роман с жизнью»: это действительно своего рода роман Хемингуэя с его жизнью, – но это и произведение Игоря Михайлова, выстроенное как роман, хотя и абсолютно документальный. И можно же было его как-то поинтереснее сверстать: ведь сейчас такое обилие разных гарнитур и всяких прочих возможностей, и так легко ими пользоваться при офсетной печати – не то что раньше, когда отливали свинцовые строчки... Странно это – тем более в «Худлите». И если не из уважения к автору, то хотя бы из почтения к Хемингуэю можно было чуть-чуть постараться?! Или современным редакторам имя Хемингуэя ничего не говорит?..

А ведь это была такая веха в нашей жизни – и не только литературной: не было, кажется, дома с мало-мальски интеллигентской обстановкой, в котором не висел бы на стене его знаменитый портрет с бородой и в свитере.

Мы, русские, – народ, как известно, литературный (были, по крайней мере) ещё со времён Пушкина и Гоголя, и даже раньше. Тому много причин, и одна из них, может быть, самая главная: при любой цензуре – уважительное отношение власть имущих к «изящной совесности». Чтение никогда не было у нас пустым занятием – даже наоборот: у нас и цари читали, и Ленин, и Сталин... А Хрущёв и Брежнев уже книг не читали или совсем мало и в молодости. А зря! Потому что идеологические чиновники, которым они отдали всё на откуп, уже с большей долей цинизма, довели всё до полного абсурда – и загубили идею, а она была не так уж плоха: на основе классической литературы, русской и зарубежной,

вырастить советскую – и на ней воспитывать советских людей. Ведь что было бы с миллионами таких, как я, допустим. Я, живший в детстве на маленьком разъезде в Кемеровской области, с маленькой школой на двадцать учеников, но с библиотекой, школьной или принадлежавшей учительнице, всеми уважаемой Софье Петровне, которая была у нас всем, ибо всё крутилось вокруг школы (которую, кстати, построили году в сорок восьмом или девятом: война совсем недавно кончилась... У отца моего ещё свищ не зажил и постоянно сочился там, где было плечо, которое ему отрезали вместе с рукой, раздробленной автоматной очередью... Хлеба белого почти не видели, сахара – по маленькому кусочку к чаю... Но школу построили – уютную, удобную, с верандой, раздевалкой, пионерской комнатой и тёплыми туалетами – простыми, без всяких унитазов, но с проходом из школьного коридора, из которого, с другой стороны, был и вход в учительскую квартиру, пристроенную прямо к школе – так что, когда было уж очень холодно и школьные печи не справлялись, Софья Петровна уводила нас к себе, рассаживала два класса в разных комнатах, а после занятий поила нас чаем с белым хлебом, который у неё водился чаще, чем у нас всех. В наши занятия входила и подготовка концертов ко всем праздникам, на которые стекалось всё население разъезда – посмотреть на своих маленьких артистов, поскольку все мы там были задействованы: пели, танцевали, читали стихи и прочее).

Но это праздники. А в будни, особенно долгими зимними вечерами, взрослые и дети собирались у кого-нибудь, в том числе и у нас, и при свете керосиновой лампы читали книги вслух. (Электричества на разъезде не было, и радиоприёмник батарейный один – в бригадирской, где я слушал его только один раз, когда хоронили Сталина.)

К чему и почему я всё это говорю? А к тому, что благодаря всему этому у Хемингуэя, когда он стал печататься у нас, оказалось много миллионов читателей и почитателей. И ему было приятно об этом услышать от Микояна, который также сообщил, что ему будет выплачено за все издания сто тысяч долларов гонорара – огромные деньги по тем временам, от которых Хемингуэй отказался.

Конечно, Хемингуэю у нас повезло: он смолоду был ярким противником фашизма да и с американской системой не очень ладил (по причинам, о которых подробно и достоверно рассказано И. Михайловым), – и это сближало его с нашей идеологической линией.

Но тех миллионов читателей Хемингуэя у нас, к сожалению, уже нет: ведь у него был подготовленный, квалифицированный, я бы сказал, читатель... И он-то в любом случае дознался бы, что вышла такая вот книга И. Михайлова о Хемингуэе и, как лет

тридцать назад, вмиг расхвтал бы её, даже не замечив каких-то издательских недочетов.

Сейчас во всём, и в этом тоже, принято винить проклятых демократов с их лживыми разрушительными реформами. Но это несправедливо: они только dokonчили то, что началось, когда они ещё были октябрятами и с растерянным изумлением смотрели, как их старшие товарищи, пионеры, разрисовывали портреты товарища Сталина в разных учебниках и книжках. Тогда как раз правил тоже очень решительный реформатор, который, в отличие от Сталина, книг не читал и совсем не думал о том, что, уничтожая деревню в нашей всё ещё крестьянской стране, он наносит вред пострашнее сталинской коллективизации: какие-то учёные болваны, из тех, что гнобили и угробили Чаянова и Вавилова, подкинули ему идею укрупнения сёл и создания агрогородов. А чтобы не выгонять людей из своих домов прикладами и пинками, начали закрывать так называемые малокомплектные школы – вроде нашей разъездинской: семилетки превращать в четырёхлетки, чтобы их потом закрыть, десятилетки – в семилетки с той же перспективой... И люди поняли, и тронулись с насиженных мест... но не в села покрупнее и мелкие города, как наметили партия и правительство, а в города настоящие, большие, решая попутно и всякие другие проблемы, кроме школьных. А кто не мог этого сделать по каким-то причинам или просто упорствовал, должны были отправлять своих детей в школу всё дальше и дальше или вовсе оставлять дома, тем более, что в колхозе всегда было много всякой работы для недоученных подростков, с малых лет привыкших к разному труду.

Но и учителям тоже пришлось решать вопрос: уезжать или оставаться доживать в своём доме – уже вне профессии, престиж которой стал быстро падать, и в педвузы пошли уже не затем, чтобы «сеять разумное, доброе, вечное», а либо за «корочками» о высшем образовании, либо от безвыходности, не имея шансов поступить в более престижный вуз, то есть в педвузы пошли троечники, в том числе и городские. (Помню, году в семьдесят шестом мы на Челябинском телевидении готовили передачу о студентах и поинтересовались, что же читают будущие учителя русской словесности? Оказалось, ничего, кроме хрестоматий, за редким исключением.)

Уезжая на Алтай из-за болезни матери, мы считывали на имеющуюся в её родной деревне семилетку... Но её как раз закрыли, и мне пришлось сразу уехать в соседнюю деревню... Через год и там закрыли, и пришлось ехать в другую, а потом третью – уже за двадцать с лишним километров... И когда родители решили покончить с этим и забрать меня оттуда (с семьёй классами образования), мне пришлось побороться, пригрозить, что поеду в рай-

оно и попрошусь в детдом, потому что хочу учиться, а родители не пускают.

Кто заложил во мне эту любовь к учёбе и школе? Мой полуграмотный отец, читавший по слогам и с трудом выводивший буквы левой рукой... или мать, ни одного дня не ходившая в школу и не умевшая даже расписаться?! Нет! Этому я обязан моей маленькой школе на разъезде 79-й километр. И моей первой учительнице... Хотя не только: много было таких учителей из той породы: в пятом классе, например, учительница математики вела и уроки пения – приходила со скрипкой, играла нам и рассказывала о музыке (и это в деревне за сто с лишним километров от железной дороги!).

Кто-то сказал, что Германскую империю создал школьный учитель... А ведь и нашу Советскую тоже!

«Сталинист!» – обвинят меня либералы из бывших преподавателей научного коммунизма, умевших всегда держать хвост по ветру.

«Увы, ребята, нет!» – скажу я твёрдо... И это правда!.. Моего кемеровского деда (по отцу) арестовали и сгноили где-то на социалистических стройках, а другого, алтайского, раскулачили и выслали с семьёй, и только благодаря известному случаю послабления вернули с полдороги и назначили конюхом, позволили жить в своей бывшей усадьбе, ставшей колхозным конным двором... Да и на разъезде мы оказались не по своей воле, так как нас выслали из Кемерово по какой-то статье – за то, что мой однорукий отец продавал на базаре резиновые галоши, которые делали из негодных автомобильных камер одноногие и безногие инвалиды.

Так что портрет Сталина на лобовом стекле своей машины я не выставлю даже назло Сванидзе. Но историю не исправить, и приходится с этим жить, опираясь на то хорошее, что в ней всё-таки было.

Хемингуэй хотел побывать в нашей стране, но не сложилось. Как человек умный и честный, он наверняка понял бы всё про нас, хотя и так многое понимал из общения с нашими в Испании, и эта неоднозначность, такая двойственность нашей жизни, может быть, даже настораживала его, несмотря на то, что у него тут были миллионы читателей.

Чем же он оказался так интересен и близок нам – этот парень, который так честно и открыто смотрит на нас с передней крышки переплёта книги И. Михайлова? Наверное, таким когда-то лучшие люди Америки хотели бы видеть всех американских парней, готовых бороться за идеалы справедливости там, где они нагло попирались чьей-то злой волей. Стопроцентный американец по происхождению и воспитанию, он мало жил в Америке и был, в сущности, гражданином мира. Имея возможность посмотреть на свою родину и другие страны как бы со стороны, он видел в них и хорошее, и плохое. «Это особенность Хемингуэя, – говорит И. Михайлов, –

его ощущение гражданина мира и позволяет ему создавать произведения, которые заставляют сопереживать и понятны людям многих стран и континентов». Хотя мне вообще кажется, что вот это ощущение гражданина мира (из-за особенностей формирования нации) есть почти в каждом американце, даже если он живёт в каком-нибудь заштатном городишке, путает Австрию с Австралией, Иран с Ираком. Но сначала патриот Америки, разумеется. (Мы, как известно, во многом похожи на американцев – и в этом, я думаю, тоже: только у большинства из нас никогда не было ни средств, ни возможностей, будучи патриотами России, жить и быть гражданами мира. А тем немногим, у кого есть такие средства и возможности, дела нет ни до кого и ни до чего, кроме денег.)

Для Хемингуэя весь мир был его большим домом, а все народы – его семьёй, за которые он не просто болел и переживал, а тотчас стремился туда, где зло и несправедливость брали верх, чтобы противостоять этому. И Михайлов приводит строки из письма Ивану Кашкину, переводчику Хемингуэя: «Жить в действии для меня много легче, чем писать... <...> Но когда пишешь, никогда не удаётся написать так, как хотелось бы...»

Но для Хемингуэя писать хорошо – это, прежде всего, писать честно, а уж потом разные стиливые изыски, которыми баловались тогда многие в его окружении. То есть он писал, как жил... а жил он честно, открыто и смело: не боялся ни людей, ни зверей... ни фашистов, ни своих фэбээровцев, державших его на учёте как не совсем благонадёжного американца (о чём свидетельствуют документы, приведённые в книге И. Михайлова). И проявлялось это во всём, на каждом шагу, в каждый момент его жизни: чего стоит случай, когда Хемингуэй, увидев бесчестный бой, выскочил на ринг и врезал по морде одному из бойцов – амбалу, поставленному в заведомо выигрышное положение. И это поступок!

У меня в юности был период страшного разочарования в художественной литературе, когда я осознал вдруг, что всё это выдуманно, неправда (не понимал ещё, что бывает художественная правда). А позже, когда уже сам пописывал, не любил пишущих от первого лица – как бы о себе любимом. Хемингуэй же как раз многое писал, что называется, «с себя» и был узнаваем под любыми именами. Но тут было что-то особенное, вызывающее полное доверие, и это особенное – личность писателя: ему нельзя было не верить именно потому, что он, повторяю, писал, как жил, и жил, как писал. Именно через него я осознал, что писатель – это, прежде всего, человек: его жизнь, его характер, его моральные принципы и понятия о совести и чести.

Теперь это вообще неважно... нигде – и в литературе тоже... Вот увидел как-то писательницу

Татьяну Устинову в телевизоре: она поучала какую-то женщину, как без проблем и скандалов летать на самолёте с ребёнком, на которого не полагается билета. «Я, – говорит писательница, – просто покупаю на ребёнка второй билет – и никаких проблем».

«Действительно просто, – подумал я, – но, может, у этой женщины просто нет денег на второй билет: я знаю многих таких людей, которые именно поэтому не могли полететь на похороны своих близких: страна-то у нас большая, а билеты – ого-го!» У меня племянница в Алтайском крае работала в СПТУ комендантом общежития за три тысячи рублей (но и тех уже нет, так как училище закрыли), и на мои похороны она уж точно не сможет прилететь... (Хотя, конечно, правильно кто-то решил: зачем в Угловском районе сельское профтехучилище, если поля вокруг, на которых когда-то росла пшеница, кукуруза, подсолнухи, уже давно поросли сосёнками выше моего роста).

И вот, решил я посмотреть как-нибудь, что же пишет наша умная и чуткая Таня – член каких-то советов где-то наверху, около самого президента... «Людишков поучает в кинохрониках...» – как сказал бы Высоцкий. И вообще я не читал никогда такого рода литературу: надо же когда-то...

А у нас в подъезде кто-то регулярно покупает её, читает, надо полагать, и потом выкладывает на подоконнике возле мусоропровода – не выбрасывает: вдруг кому понадобится.

Я попросил Устинову – и жена принесла мне одну очень прилично изданную книгу, такую в мусоропровод – жалко. «Гений пустого места» – название, и под ним снизу вверх, красным по чёрному: «Первая из лучших». Вот и хорошо, думаю, сразу и определяюсь, чтоб других уже не читать.

Открываю наугад, листаю, читаю: «Сквер был совершенно темен и оттого похож на Шервудский лес...» Ага, думаю, это, наверно, в Англии... Что ж, они теперь все там пасутся... Но вдруг выше: «...памятник Циолковскому в серой морозной дымке... городок – столичный пригород... общежитие и комендантша баба Вера... в пуховом платке, завязанном крест накрест – выглянула из-за фанерной перегородки. «Хто там? – спрашивает... а потом говорит: «Куды», «Чегой-то», «Мене»... про Гоголя глупость какую-то думает и прочее.

Но коменданты (и комендантши) общежитий не спят за фанерной перегородкой, и эта фанерная бабушка, скорее всего, вахтёрша (уж я-то пожил в общежитиях – знаю), а «фанерная» она потому, что всё тут, в общем, фанерное – и мысли, и чувства, и всё прочее... И это «первая среди лучших»? Что же остальные?... Но ведь покупают, читают, и тиражи – будь здоров!.. А почему?! Чёрт его знает! Знал бы – насочинял таких штук двадцать... всё-таки у меня побольше профессионального опыта (талант не об-

суждается, это всегда дело спорное) и ездил бы к себе на родину, в Сибирь, не в плацкартном вагоне безфирменного поезда, а закупал бы три места в самолёте – и сам посередине, чтобы никто не мешал ни справа, ни слева... И заседал бы как живой классик в какой-нибудь общественной палате – около президента и премьера... не вылезал бы из телевизора и поучал великий и глупый русский народ правильно летать и ездить по нашей огромной стране – с тремя тысячами рублей месячной зарплаты...

Но я увлёкся – размечтался... И, возвращаясь к замечательной книге И. Михайлова, хочу оспорить только одно его утверждение: что «интерес к творчеству и судьбе Э. Хемингуэя продолжает расти и сегодня...» Не похоже! Дай Бог, чтобы об этой книге узнали хотя бы те оставшиеся бывшие советские читатели (а их ещё много по стране, доживающих свой невеселый век, но сохранивших, как первую любовь, те давние чувства и переживания, которые они испытывали, общаясь с творчеством такого удивительного человека и писателя, как Эрнест Хемингуэй... Но как они узнают? Критики нет, а книжные обзоры в телевизоре исключительно для своих и вокруг своей тусовки... Но даже и узнают... как её заполучить, допустим, в Новосибирске, Красноярске или во Владивостоке (о Камчатке можно и не вспоминать). А ведь у нас был «Книготорг» – лучшая в мире система распространения, которая доставляла книгу в самые отдалённые уголки нашей огромной страны. Но об этом заботилось государство, которое не считало книги товаром, как ботинки, допустим, хотя и зарабатывало на них больше, чем на ботинках.

Сергей Довлатов когда-то написал: «...заметил... что упадок гораздо стремительнее прогресса. Мало того, прогресс имеет границы, упадок же беспределен». (Это он о советской литературе, которую не уважал по известным причинам.) А теперь мы все уже «заметили», что цензуры нет, того идеологического контроля (подчас идиотского) нет... но и литературы нет, а хорошие книги, которые все же появляются, выходят очень малыми тиражами – и никто о них не знает, а если и узнает, не сможет купить (по причине, о которой я уже говорил).

Но, слава богу, что они всё-таки есть, эти книги, в том числе и книга И. Михайлова о Хемингуэе... И

если верить, что история и жизнь вообще развиваются по спирали, то придёт время, когда вспомнят об этих книгах, будут читать их, изучать и удивляться, как они могли появиться у нас в такое межумочное время. А с тем и вспомнят, и вернут многих задвинутых в полузабытьё, а подчас и оболганных нынешними властителями умов писателей, в том числе и Хемингуэя, якобы сотрудничавшего с КГБ (по версии двух американцев и одного нашего предателя и перебежчика из этого самого КГБ).

Казалось бы, как можно верить предателям? (И всем этим героям, сжигавшим свои партбилеты перед телекамерами?!) Ведь ещё древние говорили: «Единожды солгавший, кто тебе поверит?» Но верили, в массе своей... Да так, что легко отказались не только от своих идолов, но и от идеалов – и разменяли великую страну на импортную просроченную колбасу, будто мы голодали сильнее, чем жители блокадного Ленинграда.

Нет, мы не голодали – просто мы не хотели ждать: желали всего и сразу! И ради этого забыли все понятия о чести и совести – предали целые страны (Кубу, например, так горячо любимую Хемингуэем) и вообще всех друзей, которых ещё оставалось много по всему миру, которых стали гнобить и травить теперь уже предавшие нас бывшие номенклатурные соратники и лакеи... И такие люди и писатели, как Хемингуэй, с их понятиями о чести и справедливости стали не нужны, ибо казались странными и наивными романтиками, время которых прошло навсегда.

Но будем надеяться, что это не так: ведь и Михайлов говорит о «новых поколениях читателей, которые хотят (может быть, правильнее – захотят) больше узнать об этом замечательном писателе и человеке. И тут я с ним согласен!

А пока – прости нас, Эрнест Кларенсович!.. Прости и прощай: нынешнее новое поколение, плотно занятое своим собственным благополучием, вряд ли уже встретится с тобой... Ну, разве что в ином мире, когда сами там окажутся, да и то не признают за писателя: в твоём любимом толстом свитере на голое тело да с бородой – примут за бомжа.

г. п. Карабаново Владимирской области

**Валентина
ЕФИМОВСКАЯ**

«НУЖНО ПОПРАВИТЬ РОДНЫЕ КРЕСТЫ»

(О поэме Василия Дворцова
«Ермак». 2015 г.)

*Нужно кликать память Ермаку и дружине,
вместе с прочими пострадавшими за Православие
Архиепископ Сибирский Киприан (1636 г.)*

Интерес человека к истории, подразумевающей и область знаний, и жанр художественного творчества, проявляется не только в связи с практическими, теоретическими или развлекательными целями, но и как следствие не всегда осознанного стремления человечества к пониманию единого своего прошлого, как поиск ответа на главный вопрос существования – вопрос о смысле человеческой жизни. В «минуты роковые» мировой истории, во времена кровавых смут и войн, когда физическая жизнь человека перестаёт иметь ценность, когда гибнут страны, рушатся памятники, насилию подвергается память, этот вопрос звучит насущно. Богословы, философы, историки в границах своих наук дают направления поиска, отчасти способствуют разъяснению того смысла, который по природе человека не может быть им понят до конца. Художественная литература в силу своей образной специфики, приближённости к реальности, антропологической укоренённости, используя достижения названных гуманитарных наук, имеет возможность полнее прояснить метафизические смыслы существования, исследовать имманентный и трансцендентный уровни бытия.

Современный русский поэт и прозаик Василий Дворцов, задумывая десять лет назад столь нужную сегодня, во время новых геополитических сломов и перестроений, поэму о прославленном русском герое Василии Оленине, более известном под именем Ермак, сначала, наверное, таких сложных философских задач перед собой не ставил. Но в процессе работы над поэмой они возникли как неотъемлемые особенности исторического времени и личности главного героя, свершившего подвиг, который можно уподобить апостольскому. Хотя не как подвиг в те грозные времена понимался сибирский прорыв Василия Ермака, необходимый для России в тяжёлый период её истории, а как обыч-

ная, хоть и почётная, служба государю – Царю и Великому Князю всея Руси Ивану IV.

В прозаическом вступлении к поэме Василий Дворцов знакомит читателя с главными героями произведения и даёт оригинальную, но фактологически выверенную версию похода казаков в Сибирь – ведь явно, что малый отряд не мог ставить целью захватить столь огромные пространства, и это была чисто спецназовская операция по упреждению готовящейся глобальной агрессии на Русь со стороны Азии. Здесь за объяснением логики поведения лиц, определявших главные мировые события конца шестнадцатого века, уже проявляется мировоззрение самого автора, коренного сибиряка, для которого многое, о чём он пишет, является знакомым в силу личной памяти, понимание сути тех событий кажется унаследованным от предков. Идеологическая авторская позиция в течение поэмы раскрывается, уточняется и выкладывается в объективную консервативно-историческую концепцию, имеющую откровенную проекцию в новейшую историю России.

Поэма «Ермак» композиционно сложное и достаточно смелое художественное произведение, мозаично составленное из глав-монологов героев. Более того, в поэме автор рассматривает не столько исторические события, ментальные смыслы произошедшего, но касается «неудобных» по современным меркам, но вечных русских вопросов. Среди них можно отметить межнациональные и межконфессиональные отношения, переосмысление личности Ивана Грозного в её духовно-нравственных особенностях, провокационный вопрос о правомерности «присоединения» земель. Но главное, что отличает поэму, – это её просто феноменальный исторический охват и неослабевающий богословский подтекст. Скрытый духовный план оправдан стремлением поэта отразить образ эпохи, когда в Русском государстве Церковь находилась в привилегированном положении, со всеми плюсами и минусами такого социального устройства.

Считается, что в литературе невозможно выразить актуальную действительность, динамику современности в архаичных художественных формах. И наоборот, кажется, что исторический образ времени нельзя передать современным языком. Поэт Дворцов для разрешения этого противоречия, для сближения пульсов истории и современности использует не только оригинальные стилистические приёмы, но наполняет произведение параллельными смыслами, чем достигается и семантическая полифония, и историческая убедительность.

О временах правления Ивана Грозного – царя-реформатора и собирателя Руси в устойчивых общенациональных границах, когда, по его словам, «бесчисленные враги восстали на русскую держа-

ву», невозможно говорить только в фактологической плоскости. Жизнь русского человека того времени не представлялась возможной без церковной её составляющей, без размышлений о жизни и смерти, о спасении и наказании по грехам. Существование в обыденном мире Православной Руси не исчерпывалось его зримыми проявлениями, но представлялось как явление «славы Божией в человеческом ничтожестве». Человек не просто должен был прославлять Бога. «Мир не увеличивает славы существа Божия, но мир участвует в славе Божией; в мире проявляется слава Божия, но это есть уже новая слава» (Тареев М. Цель и смысл жизни // Смысл жизни: антология. М.: Культура, 1994. С. 169). Слава Божия есть предмет человеческой жизни, которая должна постоянно преображаться. «Идея славы может служить руководным началом свободной деятельности человека и в более тесном смысле: она не только делает из жизни долг, но и определяет ее характер» (Там же. С. 172).

По-разному понимают «долг жизни» герои поэмы, которая начинается главой, рассказывающей о рождении и младенчестве Ермака. Напряжённость её художественное поле, где поэтический ток образуется между двумя активными уровнями: уровнем смыслов и уровнем образов. Название главы «Материнская колыбельная» настраивает читателя на лирический лад, а её содержание заставляет задуматься о глубинных истоках могучести Ермака. Эта поэтическая часть эпической поэмы перекликается с былинными сказаниями славян, тюрков и угров, удивительным образом схожих. Достоверных сведений о жизни Василия Оленина очень мало, но авторская поддержка предания того, что Ермак, уроженец Северного Урала, был сыном русского и вогулки, объясняет не только прекрасную ориентацию казачьего отряда на запутанных сибирских речных путях, но и лёгкость построения доверительных отношений с местными племенами.

Через былинную аналогию поэт объединяет тысячелетнее казачье служение России, заставляя вспомнить, что кроме святого Ильи Муромца, Ермака и Дежнёва, были у нас и атаман Платов, проводивший казаков победным маршем через Париж 1814 года, а так же герои-кавалеристы, бравшие Берлин и Кёнигсберг в 1945-м. Запоминающийся образ казака-сибиряка создал в своих воспоминаниях маршал СССР Р. Я. Малиновский: «У нас, фронтовиков, укоренилось глубокое уважение к питомцам Урала и безбрежной Сибири. Это уважение и глубокая военная любовь к уральцам и сибирякам установилась потому, что лучших воинов, чем сибиряк и уралец, бесспорно, мало в мире. Оба они такие родные и настолько овеваны славой, что их труд-

но разделить. Оба они представляют одно целое – самого лучшего, самого храброго, упорного, самого ловкого и меткого бойца» (цит. по: Раш К. Русский выезд. Омск, 2007. С. 127).

Поэт Василий Дворцов, соблюдая эпическую традицию, находит свои художественные образы, соответствующие эстетике родного края богатыря Ермака, у которого «течёт по жилам чистая водица Чусовой». Привязанность героя к своей родной земле, чего так чаяла безутешная матушка, останется на всю его жизнь, но проявится не в том, чтобы эту землю не покинуть, а в том, чтобы служить ей, связать её вселенскими связями с миром, наделить статусом земли Русской. А все это оказалось возможным и благодаря материнскому заклинанию:

*Сыночек-Василёчек мой! Спать, спать, спать...
Что ж время быстромётно так? Спать, спать, спать...
Едва засуетилась я, как люлька раскололась,
А лишь отец заторился, так ты сломал кроваточку
И в балку потолочную упёрся головой.
Сыночек-Василёчек мой! Спать, спать, спать...
Зачем ты вырос наскоро? Спать, спать, спать...
Зачем грозишь покинуть нас и отчий дом с добром?
Сыночек-Василёчек мой, остался бы малюточкой,
Ещё бы на годиночку, хотя бы на одну!
Тебе в судьбу вплетала я овсяные соломинки
И пуповину прятала под лиственный порог.
137 Когда сосцами вспухшими тебя я сладко сытила,
Живицу солнцесмолую всосал ты с молоком,
И землянику с мёдами, и дух цветов полуденных,
И небо в белых рябинках, и чуткой рыбы тень.
Пески земли Прикаменной в твоей крови растворены,
Течёт по жилкам чистая водица Чусовой.*

Краеведение в качестве краелюбия проявляется в первой главе не только в метафорах, как например, «пески земли Прикаменной в твоей крови растворены», но и в местных фольклорных прототипах: урало-угорских приметах, обычаях, песнях и сказаниях. Некоторые, благодаря исследовательскому поиску автора, имеют буквально археологическую ценность, но требуют дополнительного пояснения. Так, упоминание соломинок и пуповины связано с такими местными обычаями: прятали соломинки в кроватку малыша, чтобы он оставался как можно дольше привязанным к родному дому, а пуповину вкладывали в книгу, чтобы ребёнок вырастал умным. Первая глава с её раздольем, языческими приметами, народными сибирскими обычаями, щемлящим материнским причитанием является прологом, где коренятся и откуда возрастают и разветвляются дальнейшие события и духовные смыслы поэтической истории подвига, который зачинался любовью и ею освящался в кинезисе.

Поэма «Ермак» выстроена автором так, что имеет не сюжетное, а смысловое развитие. Вторая глава «Царь Иоанн Васильевич Грозный» переносит нас в царские покои, где Царь всея Руси то смиренно, то страстно молит Господа о своей возлюбленной дочери – Руси, над которой он защитным покровом крепко держит «крестоносную хоругвь Православия». Эта глава имеет кульминационное значение в системе постановки вопросов, которые будут иметь развитие и разрешение не только в поэме, но и во всей, вплоть до наших дней, истории России. В противовес распространённому либеральному мнению, что Иван Грозный был сумасшедшим, что он маниакально топил в крови Русь, Василий Дворцов создаёт образ одинокого в своём стремлении Царя-инока, не имеющего мудрых единомышленников, обладающих имперским мышлением. Царь вынужден только с Божией помощью спасать Россию от бесчисленных внутренних и внешних врагов. А их было несчётно, если вспомнить, что Россия в то время вела войны одновременно с Польшей, Крымом и Казанью, боролась с ересями, насылаемыми западом и востоком.

Автор поэмы не вдаётся в исторические тонкости описания быта, не соблазняется изображением кровопролитных сражений или казней, он только задаёт критерий оценки деятельности водителя государства, который, по личной убеждённости поэта, может в первую очередь определяться категорией «отцовства». Тема «отцовства» в различных его ипостасях – сквозная тема творчества Василия Дворцова. Её он исследовал во многих своих, чаще всего прозаических произведениях на уровнях: отец – родитель, отец – командир, отец – священник. Высокомерное поэтическое слово и роковые исторические события христианской Руси помогли писателю повысить статус осмысления и отражения этой категории до уровня Царь – отец Отечеству в наследовании и применении им заповедей от Бога-Отца.

*Милостью, Господи, твоею милостью!
И не похотью, а породю
Ставлен я царём, воеводою,
Ставлен судьёй и учителем,
И указником, и смягчителем.
Ставлен я Тобой, Господи,
Житиём своим творить проповеди.
Быть отцом для всех равнолюбящим,
Нетерпимо злоторцов рубящим.
Милостью, Господи, твоею милостью...
Кровоточною изъязвимостью...*

Этот страстный в своей сыновней преданности Богу монолог грозного Царя можно пояснить размышлениями выдающегося русского философа-богослова начала прошлого века Михаила Тареева.

«Отец и путем естественного рождения, и путем воспитания сообщает сыну все свои блага, всю свою славу; но высшее утешение для него состоит не в одном только сообщении благ, а в том, что сын принимает эти блага как отеческий дар, чувствует сыновнюю благодарность, признает свою жизнь продолжением жизни отца. Тем и ограничена вообще любовь в своем действии, оттого она и подвергается страданиям, что она может удовлетвориться только ответной любовью. Так и Господь для победы над ничтожеством проявляет Свою жизнь-славу в ничтожестве, бросает Свои лучи в хаос и тьму; но для полной победы необходимо, чтобы тварь свободно возвратила эту славу Богу, чтобы она свою славу полагала в славе Божией и славу Божию считала своею собственною, чтобы она признала свое собственное ничтожество и отреклась от личного самодовольства, от личного обладания мнимым абсолютным естественным совершенством. Этою задачей и обуславливается неизмеримо высокое положение человека в мировой жизни» (Тареев М. Цель и смысл жизни. С. 172).

Задача служения человека божественной славе относится к его личной свободе, определяется его самосознанием, отношением к своему делу, пониманием Божиего замысла об этом деле-служении или, точнее, долге жизни. И поэтому, наверное, Василий Дворцов с чутьём реставратора осмысливает, но категорично не осуждает, не домисливает картину воинственного правления Ивана Грозного, осознавшего долг своей жизни в служении Православному Отечеству. В обеспечение блага и единения государства под «хоругвью Православия» Царь боролся не только с иноземными захватчиками, но и с еретиками, «пятой колонной» своего времени, с врагами исконной русской веры столь же жестоко, так как деяния их отождествлял с нападками охотников за русскими землями.

*На Суде с меня страшно спросится.
Власть моя, что клеть золочёная:
Русь – невеста Христу речённая.
Русь моя, дочь моя и славутница,
Выжгу я в тебе беспопутницу...*

*Выжгу-вырублю, до костей псом выгрызу...
Жезлом выбью дурь, палом выкурю,
По грехам вложу в клещи мытарю.
Как парша ползёт рать бесовская –
Ересь папская да жидовская.
Кто, как Царь миропомазанный,
Исцелитель на то посаженный,
Остановит смерть встречной смертью,
Осечёт соблазн твёрдосердием?
Выжгу-вырублю, до костей псом выгрызу...
Русь до святости мечом выскоблю.*

В уста героя главы «Ишван Батори – король Стефан» автор поэмы вкладывает слова, озвучивающие причины и направления извечной западно-католической экспансии, а также латинские фаталистические девизы, типа «Участи слава!» Пенсильванский венгр из рода изуверов-колдунов, руководимый ненавистью к России и Православию, поставленный на польский престол мировым сговором во имя похода на Русь, был искусным воином.

много способствовал укреплению союза непримиримых врагов её – поляков и литовцев. И, действительно, не знавший славянских языков, Батори со своими многонациональными подданными изъяснялся на латыни.

*Стокгольм и Прага... Лютер, друзья...
Шираз и Рим, Сарай и Гданьск...
Социст и суфий, францисканск –
Все, все сошлись в одном союзе,
В желанье гибели России.
В решимости стереть с земли
Её погосты и кремли,
Её ученье о Мессии.
Right: aethiops non albescit –
Нет, эфиоп не отбелит.
Славянством status не вместим,
Медведя папа не окрестит.
Iumenta rex, domin servorum!
Скотов владыка, царь рабов, –
России свалкой быть гробов,
Тебе прослыть кровавым вором!
Боец и маг – того не зная –
Из рода древних колдунов,
Я избран средь Шомье сынов
Синклитом истинных хозяев.
Рожденьем венгр и лютеранин,
Османской силой Польши Кроль,
Я – сублиматор тайных воль:
Я – сын Imperium Romanum...*

В монологе фаталиста-короля Стефана, поляром покаянной молитвенной речи Царя Ивана Грозного, нет упоминания об Отце Вселенной или отце Отечества, но слышится «старая песня» о мировом господстве, о «синклите истинных хозяев», во главе с римским папой, имеющая древние историко-богословские корни. Как говорит архиепископ Константин (Горянов), «признание римского папы «наместником Христа на земле» и «епископом над епископами» порождает гордыню у латинян и ненависть к православным». «XVI в. явился временем, когда все важнейшие вероучительные расхождения между римо-католической и православной богословскими традициями были уже не только сформулированы богословами, но и, по крайней мере, частично закреплены соборами Римо-католической церкви в качестве общеобязательных, догматически значимых отличительных черт ее вероучения. При этом статус догматических расхождений придавался даже исторически приходящим обрядовым особенностям богослужения, с неизбежностью возникавшим при столь различных культурно-исторических условиях, в которых происходило развитие римо-католической и православной литургических традиций» (Константин, архиепископ (О. Горянов). Встань и иди в дом твой (Лк. 5:24). СПб.: Родная Ла-

дога, 20014. С. 280). Таким образом, в земной истории и истории Церкви Христовой можно обнаружить немало событий, исторический смысл которых может быть постигнут лишь при сопоставлении их духовного содержания с основополагающими для этого содержания богословскими началами.

Но возникает вопрос, почему поэт Василий Дворцов, пишущий о подвиге Ермака, совершённом в землях Сибири, так подробно рассказывает о том, что перед этим происходило на южных и западных рубежах Руси, в каком отношении находились ветви христианства? Наверное, потому, что без ощущения исторического напряжения, а главное, без понимания разницы категорий «Отец Вселенной» и «хозяин мира» трудно понять промыслительный подвиг нашего великого соотечественника и его сподвижников. В процессе осмысления тысячелетнего противостояния двух теорий мироустройства, сохраняющегося поныне, в поэме происходит как будто сжатие времени, так что подвиг Ермака в его историческом значении приближается к границам нашей эпохи и получает современную оценку. Помощников и прославленных современников Ермака, известных и неизвестных воинов, чтобы лучше было видно их с отстояния почти в пять веков, автор поэмы изображает в былинной модальности, в высоком статусе эпических героев, личностей, достойных знаменательной памяти.

137

Сюжет главы «Дмитрий Иванович Хворостин» сродни традиционному былинному рассказу о том, как князь даёт своему верному «выучеспоборнику» почти невыполнимое задание. Грозовым раскатом звучат слова вельможи: «Ермак! – пойдя – найди – убей Кучума». Зачем нужно убить предводителя сибирских ордынцев Кучума, славный князь Хворостин объясняет Ермаку долго и подробно. Он говорит о смерти и бессмертии, о долге и судьбе, о крестоношении, вспоминает свою победу с помощью хитроумного сооружения гуляй-города над ханом Давлет-Гераем, повторяя рефреном: «...нами держится Православие». Дав следующую характеристику Ермаку, десять лет прослужившему под его боевой хоругвью, князь указывает цель его воинской судьбы, предопределённой Божиим замыслом.

*Лихач-рубака смелый, лишне безоглядный,
ты рос и вырос в сотники с наукой побеждать.
Настырный выучень, глазастый и упорный,
тебе не вижу ровни я средь слуг и подначалий.
А, велие, ты знаешь цель своей судьбины,
свое призванье в жарком Божьем мире,
свою прямую суть – и духом, и оружием
хранить отечество,
народ и веру.*

В своей стратегической манере мышления князь Хворостин поясняет даже экономическую и политическую подоплёку ермакова задания.

*Семь лет для Белого Царя ясак не славши,
мошной набухший деспот Сибирский Кучум-хан
затеял воровство – сей супостат срядился
с ногойскою Большой Ордой на Русь ударить.
Сам он по северу пойдёт на Пермь, затем*

*ко Пскову,
Урус же Бий – через Казань – на помощь
черемисам*

*бунтующим. Такое ноне
«слово и дело государево»...*

По сути, в этом задании реализуется план создания военно-духовных казачьих орденов. Не только служили казаки на страже русских границ от грабителей и работорговцев, но противостояли духовной экспансии. Как говорит военный историк Кавад Раш, «казачьи заставы, дружины и войска с первого века от рождения Христа (хотя история их уходит далеко в глубь веков) появлялись только там, где русскому народу угрожала опасность... Казаки вырастали перед врагом всюду, где русским угрожали полон, грабеж, рабство, истязания. Казаки с первого часа русской истории стали иммунным ответом восточных славян на смертельную опасность... Именно как боевое и духовное ядро русского народа казачество оказалось наиболее религиозно стойким сословием» (Раш К. Русский выезд. С. 191–192, 194).

Соратники Ермака – люди разных сословий и национальностей, привносили каждый свой вклад в победу. Далеко не все и не сразу осознавали глубину царской мысли и становились надёжной Государю опорой, как о том рассказывает «организатор тыла» Максим Строганов:

*...холопы костные, слепые побегушники,
Глухие побирушники, ему разве помощники?
Разве на что оплот?
Ленным своим умишечком за ним разве потянемся?
Мы ж нового пугаемся, по старое ругаемся,
Приспавши на печи.*

Постепенно происходило в обществе поумнение, осознание того, что не только родство по крови присуще человеку, но велико значение родства по вере и родства по делу. И какова ответственность каждого за общее наследство России.

*Сплошное разорение:
на копиях нерадение,
земля опять язычися,*

*а русские волнуются,
в побеги норовят.
Неужто дело дедово,
отцовое да дядьево,
на мне, невразумительном,
развалится-порушится,
погубится врагом?*

Вот и вольный казак, привыкший воевать с бусурманами «лёгким боем» не столь для Родины, сколь для себя, Иван Кольцов вместе с другими казаками не сразу готов последовать за Ермаком, который, уйдя с вольных станиц на десять лет в опричные войска

*Тыщи-тьмы из полона вернул народа,
Сиротин-христиан защитил от извода.
Цепным псом служа Руси, с холодом да голодом,
Не разжился от служения того золотом.*

Но именно на примере жертвенной жизни атамана начинают понимать лихие казаки, что смысл и их воинской жизни в верности Православному Царю – отцу Руси и что пришёл день возвращения блудным сынам под отчую руку.

*«Брат ты наш, Ермак, да Василий Тимофеевич,
Остудись, отвернись волков, не о тех ныне речь», –
Встал на ответ атаман Кольцо-Иван Юрьев. –
«Всюду есть удалыцы – мощны, да мозги курьи.
Мы ж в поход за тобой пойдём всею станицею,
На сие вот те Крест Святой перед божницею.
Выведи, Ермак, нас из лжи тропой узкой,
Повинимся мы Царю душой нашей русской».*

Это коллективное поумнение народа вокруг истинного лидера является исторической правдой. И как же убедительна правда, изложенная в метафорической форме. Через метафору можно передать не только глубину исторического смысла, но и неотделимое от него историческое сознание личности, вернее самосознание. Сегодня человечество находится в процессе всё большего отчуждения от Бога, от источника надежды и любви, всё легче свыкается неизбежностью смерти. Поэма Василия Дворцова, посвящённая давним событиям, имеет современное значение, как спасительное свидетельство пасхального покаяния той смерти. Автор показывает пути и способы преодоления моральной испорченности человека через понимание и признание того, что человек не автономное существо, что наша жизнь заряжена на воссоединение друг с другом в стремлении воссоединиться с Создателем. Только в наполнении этим стремлением человек может идти на любой подвиг, не боясь смерти.

*Господи Боже, помилуй нас грешных,
Коли за правое дело стоим –
Даруй соборностью, сладом утеши,
Не покидай нас дыханьем Своим.
Господи Боже, мы малое стадо,
Бремя ж великое возложено.
Веруем: лишь под небесной заградой
Всё прорастёт, что Тобой саждено.
Сеятель – Ты, мы – слепое зерно.*

В этой молитве Ермака отражена метафизика русского подвига. Тайнственное, непонятное для иноплеменного ума знание чуют в Ермаке его враги и проникаются восторгом к богатырю, идущему в бой, в полном доверии судьбе. В этом доверии скрыто творческое начало, которое не имеет ничего общего ни с фанатизмом самурая, ни с механической заведённостью религиозного сектанта. Симпатизирует Ермаку и сибирский татарин Мухаммедкули-Султан, военачальник Кучума, видя в своём победителе благородного рыцаря-князя и называя «враг мой и друг мой». Передал он это восхищение своим детям, которые пошли в ополчение князя Пожарского. Тянется к русскому герою и приспешник Кучума, горделивый казах визирь Карача-бек, чует своим неверующим сердцем божественную тайну верующей души Василия Оленина. Но всё-таки не может встать на сторону света расчётливый сребролюбец, возвращается он к кажущемуся более ему понятным Кучуму.

Ожидаемое читателем личное противостояние казака Ермака и хана Кучума, олицетворяющее исконное территориальное и духовное противостояние Руси и Орды, в поэме Дворцова показано не в грубой физической схватке стратегов и рукопашников, а символично, на тонком духовно-психологическом уровне. Герой поэмы, выходя на битву со злом, понимает, как мало вооружиться саблей, пушкой да желаньем победить. Надо заручиться горней поддержкой, помолиться и – испросить благословение у родителей. Поклонение родительским могилам и встреча с родными местами – самая пронзительная глава поэмы. Чужаком приехал Ермак в родное поселение.

*Родина встретила статью чужою,
Строем-строем в незнанный лад.
Словно обижена за нежилое,
За несложённое в давний расклад –
Спрятала долу скупающий взгляд.*

.....

*Верно ль – что было, тому не вернуться?
Нужно поправить родные кресты...
Матушка, милая, дай мне уткнуться
В сухость ладошек твоих сквозь кусты.*

В синергии любви происходит встречное преображение героя и его малой родины. Пристально вглядываясь в забытые за трудными боевыми походами родные места, Ермак видит щемящие красоты милой родины, вспоминает свою к ней любовь, и она идёт к нему навстречу, открывается в своих сокровенных подробностях. Невозможно остаться равнодушным пред «стадом вечерним надменных коров», не насладиться «духом внесённых мороженых дров». Диссонируют этой природной красоте покосившиеся, замшелые «родные кресты», представляющие не только уровень личной памяти, но заставляющие задуматься о будущем этих мест.

Много способствует этому же пониманию короткости связи личного и исторического любовно-лирическая глава «Югра, дочь Канты-Кана бая». В совершенной красоте невинности предстаёт перед героем возможная его невеста – местная остяцкая княжна, символизирующая саму Сибирь. Но не дано ей стать Ермаку женой, не дано родить ему мальчиков и девочек, которых «ты бы их любил», в силу его личной миссии казачьего атамана, особого его посвящения. Как поясняет во вступлении к поэме автор, особенность характера главного героя заключена в этимологии его боевого имени «эрмак-эрмак», что в переводе с тюркского означает «одиночка», «чурающийся семейной жизни», по-славянски – инок. Инок вышел первым на Куликово поле, инок выходит на бой за русские земли Сибири в их реальной и космической красоте. Напрасно поёт-соблазняет княжна:

*На плёсах речек плещутся тьмы уток с гагарами,
Жар-клюква на болотинах что яхонты горит.
По-вдоль собольих стрелочек, вокруг лабазов*

беличьих

*Мелькают сойки яркие и филины глазастые,
А в водах тёмно-стуженных спят мамонты зубатые,
А в дуплах мыши-карлики поют о вещем времени,
Когда на небе звёздами народ твой русский плыл.*

Через поэтическое видение внешнего мира, через метафоры разговорного языка, сочетанием отдалённых по смысловому уровню понятий – от уток-гагарочек до космологических аналогий, в которых эта же самая утка-гагара добывает со дна мирового океана комочек грязи, из которой создаётся наша Земля, через вкрапления нерифмованных авторских отступлений, усиливающих достоверность повествования, поэт выводит раздумья героя, начинающего понимать, как «нужно поправить родные кресты», на осмысление Божиего промысла о Сибири как неотъемлемой части новой, грядущей России. Такая красота и чистота, «земля беззлобная», обладающая небесным происхождением, не может жить под властью жестокого сла-

столюбца Кучума. Только на земле, освобождённой от монгольских захватчиков, поработивших заско-рузлое в язычестве местное население, эти кресты могу встать в полный рост православного вселенского величия пришедшей сюда правды и добра. Вот дотошное описание «сибирской украины» Государю Иоанну Васильевичу ермаковским соратником Черкасом Александровым со свидетельством Божественного покрова над казаками:

*Как правда для язычников, так агарянам – сила.
С молитвой Иисусовой да саблей наголо
Мы шли на смерть за Ермаком, судьба же возносила
Руси хоругвь победную Архангела крылом.
Великий Царь! Не человекья похоть – Божья воля:
Вернулись блудные под православный омофор
К тебе народы и вожди из горького бездоля.
Прими в семью, отец благой, не ставь бузу в укор.
Самодержавный Царь всея Руси! Победа в правде,
А правда – в милости. Повинных не отринь прихват –
Сие казачье каянье причти к земной расплате.
Прости, кто чем пред Богом и тобою виноват.*

*Богоугодный Царь Иван Васильевич всея Руси!
Отец благой! Прими в семью! Прости.
Сие казачье каянье зачти –
мы шли на смерть с молитвой.
И Господь Иисус Христос,
Пресвятая Богородица
и святитель Николай
нас
не оставляли.*

Смысловые узлы «вернулись блудные <...> народы из горького бездоля», «прими в семью», «мы шли на смерть с молитвою», совершенная уверенность в высшей помощи – художественные доказательства и духовные свидетельства убеждённости автора в Божием промысле, который заключался и в расширении земель Русского царства, и в установлении незыблемых духовных его границ. «О гра-нях и межах Сибири» – так назвался труд современника Петра I Семёна Ремезова, первый, в котором была предпринята попытка осмыслить особенность этих земель и народа, их населяющего. В совокупности сибирский склад мышления, исполинская сила, беззлобность, одухотворение православной верой сотворили чудо явления сибирского характера в его особости. Чудо свершил и Ермак, ставший витязем, от которого «солнце Евангельское землю Сибирь осия», поэтому «к Ермаку повеле Государь написать не атаманом, но князем Сибирским». Идеей духовной миссии, верой во спасение руководствовался герой, которого с радостью встречали освобождённые от Кучума и выведенные из языческого плена местные народы.

*Поведаю о виденных в сибирской украине
Безбожных племенах, что поклоняются зверью,
Камениям и омутам, да куклам. Что донныне
Приносят кровью жертвы и беснуются огню.
Спасителя Христа не ведая и Божью Матерь
Не почитая, однако же, порокою не злы
И к миру расположены: в их чумах нашу братью
Без хитростей встречали и провожали без хулы.*

Немногочисленный отряд Ермака, хорошо знавшего местность, неожиданно появился в самом центре ханства. В несколько сражений они разбили разрозненные силы Кучума и захватили столицу Сибири Искер-Кашлык. После этого Большая Орда нагайцев подтвердила своё верноподданство Москве, и башкиры уверили в вечной дружбе. Однако алчный ставленник Ташкента Кучум, мечтавший, что он «опять соберёт Орду от Балкан до Байгала», в своих меркантильных стремлениях посрамлён, но Ермаком не убит. Поэт изображает его жалким, полуслепым и полуглухим, но упорно задыхающимся иллюзиями возвращения былого величия, сгорающим от желания отомстить ушедшим «из под его пяты» народам, прикрывая злобу невоплощённых амбиций «святою мезтью» газавата. Да, Кучум остался жив, но страшнее смерти для него эта мучительная жизнь всеми презираемого беглеца, превращённая гордыней в безумный, затухающий в сибирской чаще вопль:

110

*Я – сын и родитель вселенского страха...
Я – продолжатель походов Ибака...
Я – тот...
я... я...*

Не мезтью, но милостью освобождали из-под власти чингизидов русские казаки сибирские земли, предназначенные от сотворения мира для России. Спасительной идеей самопожертвования во имя правды Господней руководствовались все участники этого исторического похода, который свою геополитическую оценку получил только во времена Петра I. Как известно, жертвенная спасительная любовь несовместима с судьбой обыденной. Невозможно представить и седого Ермака, почивающего на лаврах среди многодетной семьи. Смерть «вынужденного держать оплот» героя в бою с подло напавшими превосходящими силами принципиального врага закономерна. Это завершающий аккорд его земного подвига, за которым – «воздаяние на небесах».

*Други-казаки! Нам брашно не горько,
Нет ни обид, ни занозной тоски –
Шли на Сибирь не по алые зорьки,
Не по кисель у молочной реки.*

*И не под рабство языки мы клоним,
Стоит ли жизнь соболей да бобров?
Капля за каплей стекает в ладони,
В братину общую общая кровь –
Чашу Руси наполняет любовь.*

Жертвенной кровью Ермака и его дружины выкуплена и хранима Сибирская земля, которую на протяжении веков многие властители мира мечтали захватить, а теперь вот вождедеют новые заокеанские «кучумы». Но не удастся никому ступить на нашу святую, омытую кровью Христовых мучеников XVI и XX веков землю, пока русский народ будет нести сыновнюю ответственность пред Богом и Его великим даром Руси, пока будет делами крепить веру Православную.

Многие поэты-романтики XIX обращались к образу Ермака, создавали произведения, используя только героические или романтические краски. Одной из лучших лирических легенд признан сказ Павла Бажова «Ермаковы лебеди». Готовился к труду о Ермаке, понимая всю его сложность и ответственность, и Александр Сергеевич Пушкин. Баратынский говорил Пушкину в январе 1826 года: «Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму – «Ермак». Предмет истинно поэтический, достойный тебя... Благослови тебя Бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг». Но Пушкин не успел, хотя последние годы он жил с творческой мыслью о Сибири.

Поэма Василия Дворцова в этом именитом ряду занимает особое место, ибо он – первый из литераторов, кто исследовал и отразил не только романтику истории и героизм похода, но раскрыл святость образа Ермака в достоинстве русского воина-апостола.

Действительно, в 1582 году Ермак появился в Сибири не просто с отборной, хорошо вооружённой дружиной, но и со священником. И поход казаков преследовал не корыстные интересы, а защитно-государственнические. Потому ещё первый архиепископ Сибири Киприан собрал в 1622 году с оставшихся в живых соратников Ермака «записки о походе», на основании которых написал первую летопись о Ермаке, герое, достойном архиепископ-

ского пера, как подвижнике веры, пострадавшем за Православие. Но синод отказал в общероссийском церковном прославлении Ермака и дружины. Позже архиепископ Нектарий (Василий Теляшов) установил «вселенские поминания» Ермаку и дружине в Москве и Тобольске.

Талантливое художественное произведение более всего способствует сохранению национальной памяти. Тем более, что поэма Василия Дворцова имеет не только глубокое историческое, но обширное современное значение, простирающееся и в будущее. Во времена новейших гонений на историческую память и памятники – древние герои Руси вновь встают на защиту Отечества. Много помогает сердечному проникновению в давно отошедшую эпоху былинно-песенный строй поэмы. Молитвенные интонации, связующие русских людей через века, способствуют душевному доверию к автору. Даже мелодичное перечисление имён сподвижников Ермака воспринимается современным читателем как родной синодик.

*Главный упор для казачьей твердыни –
«Каждый за всех, и по каждому все»:
Тёзки-Иваны – Кольцо да Дурыня,
Шунин с Грозою... К ним Галкин Алексей.
Черкас Александров с Паном Никитой,
Иов Вышата, Григорий Ясырь...
Яшка Михайлов с Афоней Китой,
Брызга Богдан и Савватий Болдырь.
Да Мещеряк, да Матьяш Угренин...*

Вослед отряда Ермака пришли на земли «для широких людей» стрельцы и казаки, просветители, строители, купцы, промышленники, рудоискатели, хлеборобы. И не погибал при этом прибытии населения ни один, даже самый малый местный народ, не чувствовал себя сиротой в империи-семье у единого на всех отца – Белого Царя. Станем же сердечно, молитвенно и – творчески! – помянуть подвиги героев всех времён русской истории, и не одолеет ныне и присно никакой вселенский враг наше Отечество, не остановит служение России Христу, не отвратит её от Божьего предначертания.

г. Санкт-Петербург

Обращение перед вручением литературной премии в честь святителя Павла Тобольского

Уважаемые участники церемонии вручения премии святителя Павла Тобольского!

Сердечно приветствую всех вас на этом уже традиционном мероприятии! Русская литература занимает исключительное место в отечественной истории и культуре. Значение и роль литературы в жизни народа были таковы, что, как отмечает академик Д. С. Лихачёв, «в пору упадка политического единства и военного ослабления литература заменила государство». Литература огромным куполом поднялась над Русью, став щитом её единства, щитом нравственным. От этого происходит то чувство необычайной ответственности за судьбу Отечества, которое всегда было свойственно нашей словесности.

Другой важнейшей особенностью русской литературы, за которую её любят и ценят во всём мире, является обращённость к внутреннему, сокровенному миру человека, глубокий психологизм, стремление с христианских позиций описать сердечные переживания и движения души, обнажить человеческую природу в высоте её добродетельности и глубинах греховного падения.

Богоискательство, поиски цели и смысла жизни отличают многие произведения отечественных классиков. Русская литература, по слову Николая Васильевича Гоголя, является «незримой ступенью» ко Христу. Она есть проповедь красоты правды Божией, воплощаемой в художественных образах.

Отрадно, что и в наше время многие отечественные писатели сохраняют лучшие традиции русской литературы. В свою очередь, Русская Церковь, осознавая важность современной словесности, оказывает поддержку литераторам. Так, в 2009 году была учреждена Патриаршая литературная премия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия для поощрения писателей, внёсших существенный вклад в утверждение духовных и нравственных ценностей в жизни человека, семьи и общества. В Кузбассе мы также ввели это начало для поощрения труда писателей и литераторов шахтёрского края!

Дай Бог, чтобы наша современная художественная литература, развивая замечательные традиции русской классической словесности, помогала читателю стремиться к высшим идеалам мира, добра и любви, выстраивать свою жизнь в соответствии с евангельскими заповедями и ценностями.

Убеждён, что проведение очередной годовой литературной премии послужит лучшему пониманию феномена русской литературы, сохранению духовного и культурного наследия нашего народа.

Призываю на ваши труды Божие благословение!

**Митрополит Кемеровский и Прокопьевский
АРИСТАРХ**

25 декабря в Кемеровском епархиальном управлении состоялось вручение II Кузбасской литературной премии имени святителя Павла, митрополита Тобольского и Сибирского. Церемонию провёл митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх при участии духовенства, литераторов, краеведов и историков Кузбасса. Лауреатами стали: в номинации «Краеведение» исследователь из Мариинска А. В. Винников за книгу «История Православия на Мариинской земле», в номинации «Поэзия. Проза» – недавно почивший кузбасский поэт, член Союза писателей России В. С. Ерёменко за книгу стихов «Свет невечерний». Премию получила вдова поэта Л. А. Ерёменко.

Протоиерей Максим (Мальцев)

НАШИ СВЯТЫЕ

В 2014 году книга «Жизнеописания кузбасских святых» получила призовое место I Кузбасской литературной премии имени святителя Павла Тобольского в номинации «Краеведение».

В начале XXI века продолжает возрастать интерес различных слоёв российского общества к трагической истории Русской Православной Церкви в советское время. Одной из слабоизученных и важнейших составляющих этого отрезка церковной истории является исследование жизненного пути и подвига святых Новомучеников – лиц духовного звания и мирян, пострадавших советской власти из-за непоколебимой верности православию.

И хотя ныне в российском обществе произошёл обнадёживающий поворот в сторону воцерковления народа, в научной и популярной литературе всё ещё сильно влияние традиций советской историографии, представители которой предпочитали замалчивать этот период истории, в том числе репрессии и гонения в отношении Православия и его служителей. В отечественной науке и государственной практике до сих пор нет единого обоснованного подхода к этим проблемам: с одной стороны, осуждается расправа над царской семьёй и проходит канонизация императора Николая II, с другой – именами его убийц и лидеров переворота 1917 года названы улицы, станции метро, памятники им стоят в крупнейших городах России.

Кузбасс обладает уникальным опытом изучения советского периода истории Церкви на основе сотрудничества в этом направлении Кемеровской епархии, Кемеровского государственного университета, общественных организаций и объединений Кузбасса. Сочетание профессионализма историографов, личного сострадания к участникам тех трагических событий, глубокого духовно-нравственного осмысления истории своей малой родины позволило сделать первые шаги по изучению жизни и деятельности православного духовенства и мирян Кузбасса в период многолетних гонений на Русскую Православную Церковь: в 2011 году вышел в свет библиографический справочник «Новомученики и исповедники земли Кузнецкой», подготовленный учёными-историками КемГУ и представителями

епархии. Это была первая книга из серии «Материалы по истории Русской Православной Церкви на земле Кузнецкой».

Новое издание «Жизнеописания кузбасских святых», которое мы сегодня представляем читателю, содержит рассказ о жизненной стезе этих Новомучеников, святых и преподобных, путь и духовный подвиг которых связаны с Кузнецкой землей. Руководителем проекта является протоиерей Максим Мальцев – председатель комиссии по канонизации святых Кемеровской епархии. В редколлегия издания вошли В. А. Овчинников, доктор исторических наук, доцент КемГУ; А. А. Мить, кандидат исторических наук, доцент КемГУ, и ответственный редактор епархиальной газеты «Золотые купола» Н. Г. Губанова. Авторы-составители – члены Союза писателей России В. Л. Лаврина и С. М. Павлов. Коллектив ставил перед собой задачу рассказать читателю в свободной и понятной форме о православных людях: иерархах, священнослужителях, мирянах, с чьими именами связана духовная, культурная история Кузбасса.

Очерки различны по структуре и отражают личную позицию авторов: в некоторых сухо и детально изложены основные факты жизни и деятельности героя, другие насыщены авторскими эмоциями и переживаниями. В первой главе говорится о Новомучениках, закончивших свой земной путь на Кузнецкой земле; вторая глава содержит жизнеописание подвижников благочестия, подвизавшихся в XIX веке на нашей земле.

При создании жизнеописаний были использованы как доступные источники (материалы, опубликованные на различных сайтах и в печатных изданиях), так и архивные, часть из которых введена в научный оборот впервые. В издании содержится значительное количество фотодокументов, позволяющих читателю частично визуализировать ряд исторических событий.

Эта работа является результатом многолетнего труда большого коллектива авторов – труда, потребовавшего выявления и изучения огромного количества источников, комплексного применения научных и духовно ориентированных методов анализа, перепроверки достоверности излагаемых фактов. Она восполняет пробелы в знаниях о духовной истории земли Кузнецкой, о подвиге духовенства и мирян в годы революционных потрясений и советской власти.

Книга «Жизнеописания кузбасских святых» рассчитана на широкий круг читателей – специалистов, молодёжь и всех, кто интересуется историей России.

Исследования в данном направлении будут продолжены. Надеемся, что вскоре читатель будет иметь возможность познакомиться с новыми трудами по истории Церкви на территории Кузбасса.

Представляем вниманию читателей расширенную цитату из книги «Жизнеописания кузбасских святых», в которой говорится о нашем земляке – священномученике иерее Анатолии Левицком, служившем и погибшем на территории нашего края.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЕРЕИ АНАТОЛИЙ ЛЕВИЦКИЙ

Анатолий Левицкий родился в 1894 году в городке Воткинский Завод Сарапульского уезда Вятской губернии в семье священника Афанасия Левицкого. Отец Анатолий является на сегодняшний день единственным священномучеником в Соборе кемеровских святых, который служил до своего ареста на территории современной Кемеровской области – в Никольской церкви села Бачаты.

Можно предположить, что род Левицких являлся большим священническим родом. Так, священник Иоанн Левицкий в 1897–1901 годах входил в строительный комитет Воткинской Спасо-Преображенской церкви и, возможно, служил в этом храме.

Анатолий как представитель священнического сословия пошёл по стопам отца. В 1919 году окончил Вятскую духовную семинарию. Над страной уже кружил вихрь Гражданской войны, который захватил и молодого выпускника семинарии. Вторая половина 1918 года была ознаменована Ижевско-Воткинским антибольшевистским восстанием. После его поражения большая часть восставших продолжала воевать с большевиками в составе армии адмирала А. В. Колчака.

В 1919 году Анатолий начал служить письмоводителем при штабе Воткинской дивизии. Вместе с Белой армией эвакуировался с Урала в Сибирь. Во время исхода белогвардейцев Анатолий Афанасьевич за границу не пошёл, а остался на Родине. Теперь служба в Белой армии даже в должности писаря, как и происхождение из духовного сословия, была в глазах новой власти очерняющим обстоятельством. Несмотря на опасное время, в 1922 году Анатолий принял сан священника и начал служить в храме. Сразу же вслед за этим он лишился избирательных прав. Был женат на Надежде Николаевне, которая позже работала счетоводом на железнодорожной станции Топки. Детей в супружестве не было. Вместе с отцом Анатолием проживала его мать Мария Александровна.

Впервые отец Анатолий привлекался органами ОГПУ в 1928 году «за распространение провокаци-

онных слухов», но за отсутствием улик был освобождён.

К 1933 году он уже являлся благочинным, проживал в селе Бачаты Беловского района, служил в Никольском храме.

26 января 1933 года батюшку арестовали по месту проживания, обвинив его в контрреволюционной деятельности. По делу проходили священники семи имеющихся в Беловском районе церквей.

Начались допросы. Их было три: 31 января, 16 февраля и 6 мая.

На первом допросе 31 января 1933 года по настоянию следствия отец Анатолий кратко излагает свою биографию: «Отец мой был священником. Я до 1918 года учился в Вятской духовной семинарии, в 1919 году я служил в армии Колчака письмоводителем. С армией Колчака эвакуировался с Урала в Сибирь, где в 1922 году принял сан священника. В этом же году я был лишён избирательных прав. К советскому строю я питаю лишь классовую ненависть, а особой ненависти у меня нет, я хорошо знаю, что советская власть к нам относится безразлично, не трогает нас, но политика советской власти и коммунистической партии перевоспитывает народ, а поэтому с каждым годом и днём верующих становится меньше, и скоро наступит тот день, когда в церковь ходить никто не будет. Будучи лишенцем, я хорошо знаю, что меня ни в какие учреждения Советского Союза работать не возьмут. Имея в душе ненависть к существующему строю, я эту ненависть открыто не проявляю и подчиняюсь всем постановлениям советского правительства.

Проживая в селе Бачаты, я часто бывал у священника <...>. В конце 1932 года (месяца и дня я не помню) я был в квартире у священника <...>, в это время у него в доме была и посторонняя публика, этим людям священник <...> при мне говорил, чтобы они в колхоз не вступали, так как они там погибнут, <...> и колхозников будут убивать. Я лично не придавал его словам никакого внимания, я на это его не поощрял и влияния на него никакого не производил. У меня на исповеди были случаи, что верующие спрашивали: «Батюшка, а в колхоз не грех вступать?» Я на это отвечал, что «у нас нет на это запрещения, и я этот грех снимаю». Сам я лично никакой агитации и пропаганды не веду».

Судя по протоколу, от отца Анатолия требовали показаний на одного из священников, якобы проводившего антиколхозную агитацию. Он признаёт, что одна неосторожная фраза в его присутствии священником была сказана. А дальше действовала обычная практика: показания одного зачитывались другому обвиняемому, обвиняемых стравливали,

заставляли всё больше и больше рассказывать друг о друге. Когда ему предъявили обвинения в контрреволюционной деятельности, считая его главным фигурантом дела, батюшка, конечно, испытал недоумение, смятение. Это смятенное, подавленное и нестойкое состояние отражает протокол допроса от 16 февраля 1933 года. В нём он называет имена священников, членов церковного совета, которые высказывали недовольство советской властью, вели себя якобы подозрительно. Вполне возможно, что он сам в это верил.

Отец Анатолий отгораживается от предполагаемых заговорщиков, но роль главного заговорщика уже приуготовлена именно ему.

Судя по содержанию последнего допроса, отцу Анатолию становится известно о лжесвидетельствах, якобы доказывающих проведение нелегальных контрреволюционных сборищ в его квартире. Он начинает понимать механизм запуска оговоров, стравливания обвиняемых, манипулирования, которым управляет следственный комитет, для того чтобы сложилась нужная следствию картина.

На последнем допросе батюшка не даёт никаких признательных показаний и отрицает свою вину в организации контрреволюционных собраний.

Протокол допроса от 6 мая 1933 года:

«<...> я знал как председателя церковного совета с. Бачаты, где я и занимал должность священника-благочинного, отношения были дружественными, мы бывали друг у друга в гостях, как связанные общностью церковных интересов. Бывали случаи, что <...> бывал у меня в квартире, вместе с <...>. Последний хотя и никакого отношения к церкви не имел, но бывал у меня в доме как старый мой знакомый, ему я после отбытия его ссылки в Нарыме оказывал материальную помощь – давал взаймы деньги, так как, выйдя из ссылки в 1932 году, он не имел своей шубы. <...> также бывал в моём доме как мой хороший знакомый. <...> является хозяином моей квартиры. Никаких нелегальных собраний в моей квартире с обсуждением политических вопросов в моём присутствии не было, что же касается того, что в моей квартире в этих случаях закрывались окна – окна в моей квартире вообще закрывались вечером при огнях. Показания <...> о том, что у меня в квартире бывали нелегальные контрреволюционные сборища, я отрицаю и считаю их ложными, так как хотя и названные лица у меня в квартире бывали, но на политические вопросы суждений не вели. Больше добавить ничего не имею».

К сожалению, нет возможности сравнить показания отца Анатолия с другими. Но в итоге его сделали главным обвиняемым по этому делу, объявив ру-

ководителем «церковно-монархической повстанческой контрреволюционной организации», которая конечной целью имела «вооружённое выступление против советской власти на случай интервенции».

В мае 1933 года отец Анатолий «тройкой» при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю был осуждён на пять лет концлагерей и сослан в Сиблаг. К тому времени он уже болел туберкулёзом.

В учётно-статистической карточке заключённого есть несколько штрихов, запечатлевших внешность отца Анатолия: рост средний, телосложение правильное, волосы светло-русые, глаза серые, нос большой.

Из пересыльной тюрьмы его отправили в Ново-Ивановское отделение Сиблага НКВД.

Уже находясь в лагере, 30 сентября 1937 года по доносу ряда лиц был обвинён в контрреволюционной агитации и арестован вместе с архиепископом Павлином (Крошечкиным), епископом Аркадием (Ершовым), иереем Никандром Чернелевским и псаломщиком Киприаном Анниковым. В тот же день допрошен. На допросе он был твёрд, немногословен. Теперь его не сбивали с толку ничьи показания и свидетельства. Он усвоил: любые компромиссы со следствием невозможны, они не улучшают участи и только растрavляют совесть. Вины своей не признал.

Из протокола допроса от 30 сентября 1937 года:

«Вопрос следователя: Вам предъявляется обвинение, что вы, находясь в подконвойном городе Ново-Ивановского отделения, участвовали в к/р группе, возглавляемой заключённым Крошечкиным, вели среди заключённых контрреволюционную агитацию, направленную на дискредитацию соввласти. Дайте показания по существу предъявленного вам обвинения.

Ответ отца Анатолия: Предъявленные мне обвинения я отрицаю. В контрреволюционной группе я не участвовал. Не отрицаю, что с заключённым <...> я знаком, также не отрицаю и того, что с каждым из указанных мной лиц неоднократно беседовал по вопросам, касающимся только нашей службы в прошлом, но вопросов политического характера в беседах не затрагивали. Не скрываю, я и <...> собирались на исполнение своих религиозных обрядов. Надо отметить, что <...> бывал на этих сборищах реже, чем мы, все остальные.

Вопрос: Кто руководил этими сборищами?

Ответ: Этими сборищами руководил <...>.

Вопрос: Кто оповещал вас об этих сборищах?

Ответ: Оповещать никто не оповещал, но заранее условливались о времени и месте сборища.

Вопрос: Вы не говорите всей правды, скрываете. На этих собраниях велись контрреволюционные разговоры. Следствие требует говорить правду.

Ответ: Я заявляю, что на этих собраниях проводилось только исполнение религиозных обрядов. На политические темы мы никаких разговоров не вели, и контрреволюционных разговоров там не было».

На дополнительных допросах (без даты) ему зачитываются показания «свидетелей». Но отец Анатолий уже знает цену этим «свидетельствам» и способ их получения.

«Вопрос следователя: Вы на допросе 30 сентября сего года отрицали вашу принадлежность к контрреволюционной группе, а также отрицали, что вы занимаетесь контрреволюционной агитацией. Вам зачитываются показания Серебrenикова, изобличающие вас в вашей контрреволюционной агитации. Дайте правдивые показания следствию.

Ответ отца Анатолия: Показания Серебrenикова я категорически отрицаю, ни о каком советском собачьем ящике я не говорил. Также не говорил во время проверки, что получается как при опричнине Ивана Грозного. И не говорил 26–27 сентября о шкурке от жидовского чина. Никакой контрреволюционной агитацией я не занимался и заниматься не намерен.

Вопрос: Вы лжёте, дайте правдивые показания.

Ответ: Я дал правдивые показания, так как я этого не говорил.

Вопрос: Вы отрицаете, что вы занимались контрреволюционной агитацией, но вы изобличаетесь свидетельскими показаниями. Вам зачитываются показания свидетеля <...>. Дайте следствию правдивые показания.

Ответ: Показания свидетеля <...> я отрицаю, так как это ложь.

Вопрос: Вам зачитываются показания третьего свидетеля Савченко, изобличающие вас в контрреволюционной агитации. Дайте правдивые показания.

Ответ: Показания Савченко я отрицаю, так как я этого не говорил.

Вопрос: Вы категорически отрицаете показания всех свидетелей, но вы лжёте. Дайте следствию правдивые показания.

Ответ: Все показания свидетелей я отрицаю полностью, так как на меня показывают ложно.

Вопрос: Что ещё можете показать по вашему делу?

Ответ: Больше по делу показать ничего не могу».

В деле сохранилась характеристика на священника Анатолия Левицкого, написанная после его ареста, 3 октября 1937 года, начальником 3-й зверофермы. Все подобные характеристики были стандартно отрицательными: «За время содержания в Ново-Ивановском отделении при 3-й звероферме содержался в подконвойном городке на общих подконвойных работах. К выполнению порученной работы относился плохо, потому что вместо мобилизации масс на выполнение задания способствовал разложению в бригадах дисциплины, создавал недоверие руководству, что способствовало падению трудовой и лагерной дисциплины».

На допросах батюшка засвидетельствовал свою верность Христу. Он признал, что вместе с другими священнослужителями участвовал в молебнах в лагере, но отверг все обвинения в контрреволюционной деятельности. Если сравнить протоколы допросов 1933 года и 1937-го, то видно, что они разительно отличаются друг от друга. В последнем нет ни уныния, ни попытки оправдаться, не называются имена – ни единого компромисса. В лагере отец Анатолий как будто обрёл духовную силу, непреклонную веру и твёрдость – это явилось вектором его внутренней биографии.

28 октября «тройка» при УНКВД по Новосибирской области приговорила отца Анатолия и других обвиняемых к высшей мере наказания. 3 ноября 1937 года вся группа была расстреляна и погребена в безвестной могиле.

Иерея Анатолия Левицкого 18 августа 1989 года реабилитировала прокуратура Кемеровской области.

На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 20 августа 2000 года иерей Анатолий причислен к лику святых по представлению Новоспасского монастыря Московской епархии. В день мученической кончины 3 ноября по новому стилю Церковь поминает Новомученика и исповедника иерея Анатолия Левицкого.

г. Кемерово

Людмила
ОЛЕНИЧ

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

(Образ князя Владимира
в произведениях, посвящённых
1000-летию со дня кончины
святого Крестителя Руси)

В нашей истории совсем немного тысячелетних дат, имеющих общекультурное значение. 2015 год несёт в себе память о кончине святого князя Владимира десять веков назад. Это событие стало поводом для строительства новых Владимирских церквей, создания пластических изображений Крестителя Руси. И, судя по всему, великий князь до сих пор привносит в жизнь потомков созидательное начало, вдохновляя художников к творческим свершениям.

Трудно найти в отечественной истории личность, сравнимую с равноапостольным князем в той энергии духовного обновления, которой была пронизана его деятельность. В сущности, кн. Владимир – это символ благотворных начинаний.

Креститель Руси стал основным персонажем древнейших текстов, созданных в начальный период христианства. И это далеко не в первую очередь связано с политическими задачами формирования нового имиджа русского князя. В «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в «Повести временных лет», в письме миссионера Бруно Кверфуртского и других источниках равноапостольный князь представлен как мощный, со своими противоречиями, очень достоверный характер. Это стало ядром народной памяти о нём.

Уже в XI веке митрополит Иларион прославляет кн. Владимира как святого, а в последующие века это закрепляется. Поскольку СЛОВО И ОБРАЗ НЕРАЗДЕЛЬНЫ (незыблемый принцип иконописания), именно из вербального источника произошла каноническая иконография Крестителя Руси. И в наше время любой мыслящий художник обращается к авторитетным сочинениям, повествующим о деятельности св. Владимира. И тут сделать правильный отбор информации становится всё сложнее. Многие

гипотезы и суждения современных историков о Крестителе Руси часто противоречат агиографическим текстам о нём. Дело в том, что сфера гуманитарных знаний раскололась по линии несовместимости личных убеждений тех или иных учёных. Одни из них сохраняют верность атеизму, видя в нём условие научной объективности. Другие учёные убеждены в том, что их религиозная позиция помогает углубиться в исследование культурно-исторической проблематики. Первые из них рассматривают христианский выбор князя Владимира только как политический расчёт: для укрепления государства. Но есть и целый ряд исследователей, которые убеждены в искренности веры Крестителя Руси, преломляя знание через собственный духовный опыт.

И для художников, изучающих характер равноапостольного князя, первостепенно важна своя религиозная практика. Но если её нет, развитию творческой рефлексии очень помогает приобщение к художественной традиции, доверие к опыту предшественников: писателей, учёных, живописцев. При этом надо заметить, что речь идёт не о плагиате. Обращаясь к церковному заказу, даже светский мастер должен направить свой поиск образа в русло кенозиса, творческого самоуменьшения и меньше стремиться к самовыражению. И, конечно, надо понять, что слово и образ объединяются в символе, учитывая определение А. Ф. Лосева, который считал, что символ – это указание на трансцендентное, имеющее в себе элемент того, на что указывает.

При всём значении свершений великого князя, храмов и памятников, ему посвящённых, на территории России было сделано меньше, чем должно быть. В последние двадцать лет большинство построенных Владимирских церквей именуются так не столько ради памяти Крестителя Руси, сколько в честь их настоятелей или заказчиков. Однако 2015 год меняет эту ситуацию в сторону почитания самого кн. Владимира. Это хорошо просматривается на территории Кузбасса и соседних регионов.

В 2013 году известный кемеровский мастер Евгений Тищенко получил заказ на выполнение убранства нового Владимирского храма, построенного в живописном месте неподалёку от Горно-Алтайска, на территории оздоровительного центра «Каимское». Сначала были выполнены четыре мозаики на фасадах церкви. Живописцу Е. Тищенко очень удаются образы из смальты (кусочков непрозрачного стекла). Используя древние приёмы византийского набора «по графье», художник строго следовал иконографическим образцам, выкладывая двухметровые фигуры Спасителя, Богородицы, архангелов

Михаила и Гавриила. При этом он был предельно раскрепощён живописно и добился подлинно импрессионистической игры цвета. Фон мозаик не монохромный, а заполнен многоцветными смальтами с мягким переходом живописных пятен.

Позднее, уже в 2014 году, Е. Тищенко получил заказ и на создание росписей для этого же храма. Художнику хотелось, чтобы белокаменная Владимирская церковь, безупречная по пропорциям, доминирующая в прекрасном ландшафте, стала и духовным центром небольшого посёлка. Воплощая эту идею, он весьма взыскательно подошёл к программе будущей росписи, отбору самых важных персонажей и сюжетов в виде объектов изображения. Как ни странно, достаточно полных образцов программ церковно-владимирских росписей существует совсем немного. В основном это – довольно поздние примеры академической живописи во Владимирских соборах Киева, Санкт-Петербурга, Москвы, Севастополя, Архангельска.

Е. Тищенко стремился сохранить стиливое единство с архитектурным решением церкви, поэтому его роспись могла иметь преемственность только с древнерусской художественной традицией. Для этого художника идеалом монументальной церковной живописи всегда остаются достижения Дионисия. И в своей интерпретации великих фресок Ферапонтова кемеровский мастер каждый раз открывает что-то ещё неизведанное в них. Но самое главное, что видит для себя в церковном искусстве Евгений Тищенко как единственном способе общения к Божественному, – это гармония, достигнутая и сохранённая в живописном опыте гениальных предшественников. И тут всё обязательно «алгеброй поверяется». Е. Тищенко на редкость ответственно относится к созданию всего комплекса подготовительных материалов. Он тщательно готовит цветные эскизы, до сантиметра точно соизмеряя их с размером стен и сводов; затем создаёт картоны (рисунки в натуральную величину), переводя их на стену, не прибегая к проектору. Это всегда вознаграждается безупречной сомасштабностью сделанных композиций и церковного интерьера. В чередование сюжетов, медальонов, декоративных обрамлений заложена идея развития главных событий из жизни кн. Владимира. Для этого изучены не только житийные тексты, летописи, но и научно-исторические публикации. Из всех материалов выбраны важнейшие эпизоды, связанные с крещением Руси: «беседа с философом», «выбор веры», «крещение Владимира», «крещение народа», «свержение кумиров», «строительство церквей», «взятие

вражеских крепостей», «смерть равноапостольного князя», «вручение мученических венцов князьям Борису и Глебу». В трактовке образов мастер сохраняет предельную отвлечённость. Жёсткие границы формы, выверенная безупречность линий образуют почти формулы ликов и фигур, что позволяет автору быть отстранённым, избегать эмоциональной окраски. Несколько лиричнее выглядят образы небесных сил, возвышенную красоту которых всегда очень выразительно претворяет этот мастер. Общая интонация росписи формируется благодаря изысканной декоративной гамме, очень светлой, праздничной, с преобладанием белых и голубых тонов. Меньше чем за год Евгений Тищенко один, без помощников, создал живописный ансамбль площадью более 150 квадратных метров. И эта роспись – одна из лучших в длинном перечне выполненных мастером церковных заказов.

Ещё один живописный ансамбль, посвящённый Крестителю Руси, появился к июлю этого года в алтаре нижнего Владимирского придела кафедрального Знаменского собора в Кемерово. За очень короткий срок, в три месяца, группа мастеров, организованная руководителем иконописной мастерской Кемеровской епархии Михаилом Прошкиным, заполнила росписью обширную площадь алтарных стен около 200 квадратных метров. Этот храм освящён ещё двадцать лет назад, но оставался без монументального убранства, был украшен только резным по камню «византийским» иконостасом и отдельными иконами. Тематика алтарных росписей в основе своей весьма устойчивая. В алтаре всегда присутствуют сюжет Евхаристии с Престолом Уготованным, образы Спасителя и Богородицы, апостолов, святителей, преподобных. В данном случае мастера дополнили это евангельскими сюжетами со страстями Иисуса Христа и образами новомучеников, в том числе и сибирских святых. Центральное положение занимают большие фигуры св. Владимира и равноапостольной княгини Ольги, хотя размещение их в алтаре не совсем типично, но в этой ситуации просто необходимо.

Художникам удалось решить задачу росписи «неудобного» интерьера с невысоким плоским потолком, сложным членением полукруглого пространства. Учитывая, что в цокольном этаже собора мало дневного света, роспись сделана лёгкой по тону, с преобладанием тёплых красок. Поскольку над росписью работало десять человек, поначалу живописное единство не достигалось: слишком ярко проявлялась индивидуальность каждого из мастеров. Но завершилось всё вполне стилистически

целостно. В процессе создания композиций происходила коррекция цвета и форм. Все много импровизировали, но сообща двигались в сторону усиления динамичности изображения и его «очеловечивания», особенного сближения горнего и дольного. Все персонажи как бы «здесь и сейчас» обращаются к людям. Это концептуально важно для М. Прошкина, поскольку он считает, что в такой росписи нужно было рядом с духовными смыслами подчеркнуть и историческое значение всех действующих лиц, усилить их достоверность, не уходя от древнерусских традиций.

Декоративные элементы росписи поддерживают общую идею историчности, изначальной связи с Византией, где в храмовом убранстве было много мраморных деталей. Каменный пол алтаря хорошо сочетается с живописной имитацией мраморных плит в нижнем ярусе росписи. Все элементы убранства храма, и старые, и новые, созвучны друг другу. Эта коллективная работа показывает тот высокопрофессиональный творческий уровень, который достигнут иконописцами за восемь лет существования кемеровской мастерской.

Рядом со Знаменским собором в Кемерове 28 июля 2015 года открыт и памятник Крестителю Руси, выполненный молодым московским скульптором Дмитрием Левиным. Весь процесс работы, включая создание первых эскизов, занял около восьми месяцев. Художник сам, без участия архитектора, вполне удачно определил соотношение среды и монумента. Сказывается его опыт работы и как ландшафтного дизайнера. Скульптура вместе с постаментом достигает пяти метров. Не самые крупные размеры такой пластической формы позволяют соединить в ней монументальную торжественность и несколько камерный характер изображения. Памятник окружён постройками во главе с собором, поэтому виден только на сравнительно небольшом расстоянии от него. Но здания вокруг создают пластически богатый фон для скульптуры, дающий разнообразие художественных аспектов при круговом рассматривании.

Д. Левин весьма взыскательно подошёл к сбору материала, изучая не только историко-культурные тексты, но и уже существующие памятники. И здесь для скульптора было очень важным приобщиться к

традиции пластических изображений кн. Владимира, созданных и в XIX, и в XX веке на территории России. В сложившейся иконографии князя не так уж много вариантов. И нетрудно заметить, что русские скульпторы (и академики, и реалисты) обязательно вводили символический компонент в образ этой исторической личности. Особенное внимание Д. Левин обратил на монумент Крестителя Руси работы В. Клыкова в Севастополе. Как видно, были учтены не только достоинства памятника, поставленного в 1994 году, но и то, что можно совершенствовать. У Левина фигура князя с византийским венцом на голове (а не в шапке Мономаха, как часто его изображают) динамична, наполнена внутренней энергией. Правая рука направлена назад, к большому, но ветхому щиту, языческие знаки на котором уже не могут быть защитой Руси. В левой руке у князя – высокий крест, воздетый очень торжественно. Ногой кн. Владимир попирает низвергнутого идола Перуна, примкнутого к постаменту. Сочетая два материала, металл и камень, мастер точно расставляет смысловые акценты. Тёмная бронза, из которой отлита фигура, контрастирует с более светлым гранитным постаментом. Это несколько утяжеляет статую, но придаёт ей эффект соприсутствия, приближения к тем, кто вокруг. Тут можно видеть общность подходов к образу у Д. Левина и М. Прошкина, что не случайно, ведь они сотрудничают в совместных проектах.

Скульптор не считает свою работу до конца завершенной. Ему хотелось бы гравировать на постаменте слова из молитвы кн. Владимира: «Боже, сотворивший небо и землю, призири на новых людей и даруй им, Господи, уведать тебя <...>». Кроме того, Дмитрий Левин мечтает о полном благоустройстве всей площади вокруг памятника, что вполне осуществимо. И люди ожидают этого.

Все представленные мастера, создавая свои живописные и пластические ансамбли, решали разнообразные художественные задачи, но самая важная из них имеет синестезийный характер. Нужно было самоумалиться, отвести на второй план свою индивидуальность ради полноты творческих созвучий, достижения художественного синтеза.

г. Кемерово

«СВЕТИТ И НЕ ГАСНЕТ»

Литературный портрет В. С. ВОРОШИЛОВА (1919–1982 гг.)

Свою жизнь Владимир Ворошилов делил на две части: первую и вторую. Первая жизнь была короткой и далёкой, он её плохо помнил. Началась она в 1919 году в городе Ленинске-Кузнецком, где он родился в семье почтового рабочего. Затем семья из-за службы отца переезжала из города в город. Больше других запомнились Мыски – тогда обычная шорская деревня. «Есть один уголок на земле, самый для меня дорогой, – это Мыски» – так сказал Владимир Ворошилов на встрече со своими земляками. Во второй половине дома, где они жили, была почта. Сразу за деревней начинался лес: те берёзы, ягодные поляны снились ему потом в цветных снах. Володя выучил шорский язык. Увлёкся, как многие тогда, радиотехникой. Дружил с девочкой Клавой. Они походили друг на друга, нередко приезжие спрашивали: вы не брат и сестра? Когда они познакомились, ей было девять лет, ему – десять. Они были предназначены друг другу судьбой. Любовь их прошла многолетнюю проверку, и за два года до войны они поженились. Окончив школу, Ворошилов работал воспитателем в детском доме, учителем начальных классов, был избачом, комсоргом. В мысковской районной газете он публиковал свои первые рассказы. Многие приметы Мысков, горношорской природы нашли отражение в его книгах. В романе «Солнце продолжает светить» в лирическом отступлении, в сцене, где Николай Улагашев, стоя на высокой горе, восхищённо осматривает окрестности, легко угадываются те места.

Из Мысков он уехал в 1938-м на Дальний Восток, поступил в авиационное училище – давно мечтал об авиации. После его окончания служил в лётном полку. И грянула война, о которой в армии говорили как о неизбежном.

Когда началась война, военному лётчику, лейтенанту Владимиру Ворошилову шёл двадцать второй год, он был самым молодым лётчиком полка. Сначала он летал на средних бомбардировщиках, наносил удары по тылам врага, но жажда встречи с противником лицом к лицу в открытом бою привела его в истребительную авиацию. Более 90 боевых выле-

тов сделал Ворошилов в тяжёлые первые месяцы 1941 года. В 35 воздушных боях участвовал он на своём «ястребке». Последний бой произошёл 30 сентября.

...Случилось это под Смоленском. Отбомбив аэродром врага, восьмёрка тяжёлых машин возвращалась домой под охраной трёх звеньев истребителей. Рядом с линией фронта наши самолёты были атакованы 35-ю мессершмитами. В неравном бою «ястребок» Ворошилова был сбит. Сам он получил ранение в лицо. Лётчик не помнил, как сумел выбраться с парашютом из горящего самолёта, не помнил, как его подобрали крестьяне из села Демьяновского. Шесть суток был без сознания. Пришёл в себя только в госпитальной палате города Калинина после тяжёлой и сложной операции. Частичная слепота. Три кровоизлияния. Шесть месяцев не разговаривал. Ещё трижды его оперировали, пытаясь вернуть зрение, – безрезультатно, после последней операции – слепота полная и окончательная.

Так закончилась первая жизнь Владимира Ворошилова. И начиналась вторая её часть, вторая жизнь... Об ощущениях Ворошилова в момент потери зрения мы также можем прочесть в романе в сцене несчастного случая в шахте с Сергеем Томиловым. Там же описывается и его душевное состояние после осознания своей слепоты.

150 В госпитале он чувствовал себя счастливым. Это не оговорка: рядом с Ворошиловым в палате лежал человек, лишившийся рук, ног, зрения. Про своё ранение Владимир думал: «Лёгкое»... И этот воздушный бой, и пребывание в госпитале В. Ворошилов запечатлел на страницах своего романа, рассказывая о партрге шахты Макарове.

Горечь пришла потом, когда в сентябре сорок второго Ворошилова вывели из поезда на перрон в Новокузнецке и к нему бросилась Клава, а он понял, что никогда не увидит родное лицо.

Сначала жили большой семьёй в двух комнатах: родители, два брата, сестра с ребёнком, они с дочкой. Затем поселились отдельно. С болью, однако решительно, навсегда Клава оставила работу и на многие годы стала для него всем – не только любимой, другом, но и секретарём, стала его глазами. Это был обычный, негромкий подвиг любви.

Он решил стать писателем. И хорошо понимал: писательству, как и всему на свете, надо учиться. Желание учиться, желание всё знать, желание быть полезным для других не оставило его. Клава читала ему всё, что его интересовало и что он считал необходимым узнать. За несколько лет они прочитали всю мировую классику, бывали вместе на лекциях, в театре, на концертах. Каждый вторник прохожие могли видеть, как молодая женщина ведёт слепого

военного во Дворец культуры металлургов. Там собиралась литературная группа.

Быстро, спеша утвердиться в своём новом призвании, Ворошилов написал несколько рассказов из фронтовой жизни. Рассказы были плохие, хотя их печатала районная газета. Ещё быстрее он сочинил пьесу. Она была тоже о фронте и тоже слабая: рецензент Новосибирского издательства не оставил от неё, что называется, и камня на камне.

Он не писал потом десять лет. Жажда творчества никуда не ушла, только он решил подождать.

В сорок пятом Ворошиловы переехали в Кемерово – его избрали председателем Кемеровского областного правления Всероссийского общества слепых. В этой должности Владимир Сергеевич проработал 37 лет, до конца своих дней. Он погрузился в жизнь, которую раньше не знал. И жизнь эта стала переделывать Ворошилова, а он, в свою очередь, начал перестраивать её. Человек, лишённый зрения, стал заботиться о сотнях товарищей по несчастью, об их образовании, об улучшении жилищных условий. Работы в обществе много. О характере и результатах её читатель может судить по работе героя романа Сергея Томилова. Приходилось устраивать очень трудные судьбы, налаживать очень сложные производства.

Работа В. Ворошилова получила хорошую оценку. Позднее, в 1979 году, он был награждён Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР за многолетнюю плодотворную литературную и общественную деятельность и в связи с 60-летием со дня рождения. В те годы писать было некогда, но с большим интересом, жадно наблюдал он за жизнью окружающих людей, много читал сам, много по-прежнему читала ему Клава. И наконец решился рассказать людям об увиденном и пережитом – в 1954 году начал писать роман «Солнце продолжает светить». Если сказать коротко, жизнь и определила темы его романов: Ворошилов считал себя обязанным рассказать о людях, с которыми работал.

От первой задумки до готовой книги пролёг путь длиною в десять лет. Текли дни, недели, месяцы работы, на столе выросли груды плотной бумаги, исколотой грифелем. А писать было трудно. Были плохие жилищные условия, приходилось работать, выбирая свободные минуты. Писал сначала один, накалявая тысячи точек на страницы. Потом диктовал текст жене. Она записывала, перечитывала вновь, критиковала, поправляла. Много и подолгу спорили.

Трудно было строить сюжет, книга получилась композиционно рыхлой, а опытности совершенно не было. Не было возможности охватить всё сразу, как это могут зрячие.

...Наконец роман перепечатан, и Ворошиловы едут в Новосибирск. И вот пухлая папка рукописи легла на стол редактора «Сибирских огней». К молодому автору отнеслись с большим пониманием. Снова работа над рукописью – теперь уже вместе с редактором. В 1960 году «Солнце продолжает светить» напечатали в журнале. Читатели очень тепло встретили произведение. Судьба Сергея Томилова взволновала их, и письма посыпались автору со всех сторон.

Литературная общественность также скоро заметила и отметила новое произведение. Известный писатель Павел Фёдоров дал высокую оценку роману: «Пожалуй, ни одно литературное произведение последних лет меня так не взволновало, как взволновал роман «Солнце продолжает светить»... Владимир Ворошилов совершил ещё один поистине героический подвиг! Надо было иметь много нравственных и физических сил, чтобы написать книгу на таком исключительном материале. Книга Ворошилова проникнута глубоким идейным содержанием, она заставляет читателя о многом призадуматься. Автор горячо и проникновенно любит своих героев, он пишет о них с большой душевной теплотой... Надо прямо сказать, что автор написал хорошую, нужную книгу. Роман имеет огромное воспитательное значение, выходящее далеко за рамки областной литературы. Его нужно срочно переиздать и широко разрекламировать. Я поздравляю автора с большой несомненной удачей».

Отдельной книгой роман вышел в Кемерове в 1963 году: около года потребовалось на доработку романа. На помощь автору пришёл поэт Владимир Измайлов, бывший фронтовик. Чутко, вдумчиво и требовательно подошёл редактор к произведению молодого неопытного автора. Работа с Измайловым дала возможность Ворошилову увидеть свои промахи и просчёты, неиспользованные возможности, слабые места в произведении. При подготовке к изданию отдельной книгой первая часть романа была значительно переработана. Книга разошлась почти мгновенно.

...В одно из воскресений мая 1964 года на площади возле Кемеровского областного драмтеатра состоялся большой книжный базар. Возле прилавка с местными изданиями образовалась очередь за книгой в оранжевом переплёте. Это был роман Владимира Ворошилова «Солнце продолжает светить». Купившие книгу могли получить автограф автора: он стоял тут же. В правой руке он осторожно держал авторучку. Быстрыми тонкими пальцами ощупав очередную книгу, он открывал её и медленно выводил на титульном листе большими неровными буквами вздрагивающей от волнения рукой: «Владимир Ворошилов». Он держал в руках книгу, созда-

ние своего ума, воли, энергии. Эта книга – его долгожданная победа, победа над вечной ночью, обрушившейся на него более двадцати лет назад.

Позднее двумя массовыми тиражами роман был издан московским книжным издательством «Советский писатель» и нашёл всесоюзную аудиторию. Через пять лет была написана вторая часть романа «И не погаснет». И с той поры книгу нельзя было увидеть на полках библиотек и магазинов, она шла нарасхват. Роман стал любимым произведением огромной массы читателей. Его обсуждали на читательских конференциях, издательство и автор получали тысячи писем со всех уголков страны. Приведём отрывок только из одного письма, полученного автором накануне своего 50-летнего юбилея:

«Дорогой Владимир Сергеевич! Нас 12 человек. Мы приехали на строительство Ингурской ГЭС. Работать нам очень трудно. Но мы этого не боимся. Нам придают силы такие люди, как Вы и герои Вашей книги. Они вдохновляют нас на трудовой подвиг! Мы гордимся Вами. Вы проделали колоссальный труд... Книга «Солнце продолжает светить» есть вознаграждение за этот труд... Мы думаем, что все, кто прочитает ее, будут тронуты до глубины души Вашей судьбой и судьбой Ваших героев. От всего сердца мы поздравляем Вас за это чудесное издание.

...По радио мы узнали, что в Кемерове очень холодно. Так пусть же тепло Кавказа и тепло наших сердец помогут Вам. Пусть Вам всегда светит солнце!»

О чём эта книга? О том, что трудовая деятельность, жизнь в коллективе оказывают решающее влияние на весь склад нравственного облика человека. В романе рассказывается о буднях производственной артели слепых, о том, как энергичный и принципиальный Сергей Томилов сумел добиться перестройки труда и быта рабочих мастерской. А главная мысль произведения в том, что труд, идущий на общее благо, лечит и возвышает человеческую душу. Автор показывает, как люди, подавленные было своим несчастьем, под влиянием труда в рабочем коллективе проникаются сознанием своей нужности и полезности.

Чем же так волнует читателя эта книга? Несомненно, жизненной достоверностью, правдивостью и смелостью изображения жизни, её глубоким знанием. Роман рассказывает очень нужное о современнике, о его силе и доброте. Читатели желают ближе знать своих героев-современников, во всей сложности их обыкновенной и необыкновенной судьбы. Ведь они – герои современности – жили, трудились рядом с нами, дышали с нами одним воздухом. Читателям полюбился герой книги Сер-

гей Томилов, человек ясной души и большого мужества. Он стал идеалом для многих читателей.

Замечательный писатель Константин Паустовский говорил: «Жажда подвига... никогда не умирает в сердцах. Присутствие среди нас человека необычайного и героического заставляет нас жить в уровень с ним».

С волнением читаются страницы романа Ворошилова – о сильном и мужественном человеке, сумевшем найти своё место в жизни, в рабочем строю. В трудный и добрый мир вводит нас автор книги. Да, роман «Солнце продолжает светить» во многом автобиографичен, и в этом одна из основных причин его глубокого воздействия на читателя. Подлинность, документальность всегда привлекают читательское внимание. Люди, подобные Томилову, Улагашеву, Макарову, близки автору в самом прямом смысле: Ворошилов живёт и работает среди таких людей, помогает им строить жизнь по-новому, как это делает и главный герой книги Сергей Томилов.

Но роман не назовёшь автобиографическим в привычном смысле слова. Лишь отдельные эпизоды схожи с жизнью автора. Главный герой его Сергей Томилов – горный инженер, он потерял зрение во время аварии в шахте. А Ворошилов спускался в шахту всего несколько раз, когда писал свою книгу. Конечно, ему читали учебники по горному делу; чтобы проверить себя, он даже упросил преподавателя принять специальный экзамен. И всё же... Схожее здесь другое, главное – характеры, наблюдения, энергия преодоления человеком самых горьких обстоятельств, которой была наполнена и жизнь героев, и жизнь автора. Владимир Сергеевич, к примеру, не раз вспоминал тяжёлое чувство, возникшее у него после знакомства с предпринятиями, где трудились незрячие. Эта горечь появляется и у читателя, когда он подходит к тем страницам романа, где описываются смрадные будни пимокатной мастерской. Здесь-то и начинает директорствовать Сергей Томилов. Но идёт время, движется повествование, и вот уже нет маленькой мастерской с затхлым воздухом, вечно пьяными рабочими. Есть новые цеха, современное оборудование, а главное – перед нами люди, побеждающие свою беду и судьбу. И это не сказка, не литературная выдумка.

Стоит посетить Кемеровское предприятие Всероссийского общества слепых и воочию увидеть продолжение романа, написанного автором с такой суровой и беспощадной честностью. В цехах – конвейеры и полуавтоматы, по-настоящему передовая организация труда. А рядом – целый городок: большой детский комбинат, клуб, библиотека, магазин, несколько жилых домов, построенных обществом слепых. А за всем этим – насыщенные трудом и за-

ботами годы: почти спартанский образ жизни, пятичасовой сон, вечные командировки, планы, о которых Ворошилов говорил, будто читал стихи, – планы реконструкции старых и создания новых предприятий в Новокузнецке, Белове, Прокопьевске... Да, писатель предпочитал простой, на первый взгляд, но, наверное, самый трудный творческий метод: сначала пройти вместе со своими персонажами отрезок жизни, сначала построить эту жизнь, а потом рассказать о ней читателю. Поэтому его слово было услышано и понято тысячами читателей. Писатель рассчитывал на урок, который оказался очень нужен многим, и снова и снова настаивал на том, что, несмотря ни на что, люди должны быть счастливы.

Владимир Ворошилов был одним из организаторов и участников гуманного, уникального по своей сути нравственно-социального опыта. Он сумел рассказать об этом правдиво, романтично, без сентиментальности.

Читаешь роман и, зная биографию писателя, невольно проводишь параллели и сравнения между героем повествования и его автором, в сознании переплетаются судьбы Сергея Томилова и Владимира Ворошилова. Но автор – не прототип главного героя. Томилов – молодой инженер-горняк «послевоенной формации».

Давайте перейдём непосредственно к сюжету романа «Солнце продолжает светить». Отец главного героя погиб в самом конце войны, за полтора года до окончания им института умерла мать. Не осталось у него родных и близких, кроме друга детства Николая Улагашева; к нему-то в Кузбасс и едет по распределению Сергей Томилов. Только что он окончил горный институт и сразу был назначен начальником участка. Так удачно начался его трудовой и жизненный путь. Он всем своим существом в пути к заветной цели – к людям, к работе, в самую начальную, в самую великолепную жизнь. Он совсем ещё юн, по-девичьи смущённо краснеет, когда к нему обращаются: «Товарищ инженер...» Но у него за плечами не только знания в рамках институтской программы, а ещё и трудно объяснимый прозорливый жизненный опыт. У него зрячая душа.

Жизнь началась светло, радостно и правильно. Дорога впереди кажется бесконечной, силы неисчерпаемы, только что по-взрослому начинаешь ощущать всё неизбывное счастье бытия – житейскую необходимость человеческой дружбы, удивительными красками вспыхивает перед тобой родившаяся любовь, начинаешь понимать, что ты можешь принести людям, чем украсишь родную землю, мир перед тобой расцвечен сиянием всех надежд. Он энергичен, любое дело ему по плечу, до всего доходят руки у молодого начальника участка. «Молод,

но деловит, и шахту знает», – говорят о нём. У него есть всё, чтобы быть счастливым: любимая работа, друзья, любимая девушка, он знает, чего хочет. И вдруг – пропасть, мрак.

Так случилось с Сергеем Томиловым в самом начале его жизненного пути. Игорь Фоломин – карьерист, обиженный переводом из мастеров в рядовые проходчики, разозлённый на всё и на всех, самовлюблённый, в похмельном ухарстве проявляет преступную неосторожность – обуривает в забое невзорвавшийся снаряд без разрешения и в отсутствие мастера. В последнее мгновение к Фоломину бросается начальник участка Сергей Томилов. И тут – взрыв.

Томилов ослеп. Полный сил, надежд, мечтаний, влюблённый во всё доброе, чем дышит жизнь, – и слеп. Бесполезен диплом горного инженера, нескладица едва зародившаяся любовь к девушке, оскорбительны слова «пенсия», «инвалид» – в такие-то годы... Что может быть трагичнее? Просыпаясь, знать, что ты не можешь работать, что знания свои ты уже не можешь применить, что девушка, которая любила, теперь может лишь жалеть тебя. А что может быть унижительнее и тяжелее для человека, чем сознание того, что тебя жалеют как беспомощного, ни на что неспособного! Это очень тяжёлое состояние, и нужно его испытать на себе или прочувствовать, чтобы понять, какой подвиг совершил герой этого романа.

Но Сергей вызывает не чувство жалости, а чувство уважения. Он прошёл через все мучительные этапы душевной борьбы, победив отчаяние, когда казалось, что жизнь не нужна и жить ни к чему. Победила любовь к жизни, победило мужество, победила сильная человеческая воля. Хочется заметить: Сергей Томилов не перерождается, он всегда верен себе: это тот же жизнелюбивый и энергичный человек, каким мы видим его в начале романа. Мужество этого человека преодолело трагедию слепоты.

Эта книга не только о сильной личности. Будь Томилов один, едва ли он смог бы преодолеть своё несчастье. Эта книга – и о настоящей большой любви. Не мимолетный порыв чувства, не жалость руководит поступками Ани Тиховой, а безграничная преданность любимому. Аня стала женой человека, потерявшего зрение, то есть стала его глазами, его руками, частью его самого. И в этой любви нет ни тени жертвенности, она ничем не связала Аню, не сковала её личность. И ещё эта книга – о большой и крепкой мужской дружбе на всю жизнь. Николай Улагашев, который готов отдать свой глаз, лишь бы видел друг, на всю жизнь остался верным своей дружбе.

Вокруг Сергея хорошие люди, и всем им важно и нужно, чтобы он не сдался, не опустил в несча-

стве. Старый шахтёр Тихов и его семья, его дочь Аня, без колебаний любящая слепого Сергея, друг Николай, парторг Макаров – их настоящая чуткость, требовательность и заботливость поддерживают Сергея. Макаров находит правильный путь к сердцу Томилова – он сам пережил такую трагедию. Солдат и музыкант Сулейман Алиев, которому вернули треть зрения одного глаза, неистощимый оптимист, очень помогал Сергею сохранять мужество и твёрдость духа в клинике прославленного окулиста.

За примерами мужества человеческого Сергею не нужно далеко ходить, он родился и вырос среди самого мужественного на земле народа. Но ведь сами по себе примеры ещё не панацея от всех бед, если в тебе самом нет той силы, которая и рождает примеры-подвиги. Есть такая сила у молодого коммуниста Сергея Томилова, он её обретает в людях, в любви, в стремлении во что бы то ни стало остаться в строю работающих, быть до конца дней человеком-бойцом, знать, что такое и песни, и солнце, и любовь!

Веришь и в то, что, окажись Сергей Томилов в других, даже более тяжких обстоятельствах, он остался бы самим собой. А это нелёгкое, мучительное дело – обретать снова и снова самого себя, своё место в жизни. В этом и заключается заглавная тема романа «Солнце продолжает светить». Заглавная, но не единственная. Это убедительный разговор о наших людях, о нашей жизни, разговор художественно правдивый, искренний. Рядом с Сергеем его давний друг Николай Улагашев, Иван Иванович и Валентина Алексеевна Тиховы, их дочери Аня и Галя, парторг шахты «Дальняя» Александр Васильевич Макаров, а через них рядом с Сергеем вся его Родина, и он – её неотъемлемая живая частица.

А мужества Сергею надо очень и очень много. Свет, увиденный на миг после удачной операции, меркнет вновь и навсегда в жгучей боли нервного потрясения, вызванного клеветническим анонимным письмом.

...Но вот позади первые нестерпимые муки слепоты, отчаяние, рухнувшие надежды. Теперь уже бесповоротно ясна судьба – чёрный мрак никогда не рассеется в глазах, но не в душе, физически мир надо воспринимать по-новому, обострённым слухом, осязанием, обонянием, вырабатывать новое чувство ориентировки в пространстве. Он вновь инженер в обществе слепых, которое ещё недавно казалось ему обособленным и странным мирком, населённым лилипутами. На деле же это – живая, сложная организация со своим производством, планом, своими успехами и недостатками и даже... со своими бюрократами и карьеристами.

В. С. Ворошилов, рассказывая журналисту о том, что было с ним, когда потерял зрение, сказал: «Дальше я понял: если хочешь остаться в жизни – иди к людям, не замыкайся в себе, не прячься в свою скорлупу. И я пошёл».

Директор производственной мастерской слепых Сергей Томилов принимает разваленное хозяйство. В сущности, это примитивная пимокатная, где в кислотных испарениях, в жаркой сырости теряют остаток зрения те, кто имеет его, а другие – утрачивают остроту чувств, так необходимых слепому. И Сергей начинает борьбу за новое производство. Это уже борьба не за своё место в строю, это борьба за возвращение в действующую часть целого подразделения бойцов, вышедших из строя, вернее – людей, которых вновь надо сделать бойцами. Приходится ломать не только рутину, косность и бюрократизм «руководства» типа Макова, но и психологию, привычки самих людей. Этому посвящает свою жизнь Сергей Томилов – инженер, коммунист, борец.

Сергей смог стать счастливым потому, что делает своими руками счастье других людей: он никогда не забывает о людях, каждый его день начинается с заботы о своём большом коллективе и об отдельном человеке.

В романе много колоритных, ярких, интересных образов. Яростно отталкивается и... тянется к Сергею «отпетый» Кощей Бессмертный. Слепой от рождения, он озлобленно отстаивает своё право на спекуляцию несчастьем, а в душе – чисто и нежно любит женщину и борется за неё, как умеет. Его любовь – зрячая женщина, обезволев, бьётся в паутине, сплетённой мужем, хапугой и ханжой. Кощей – бывший вагонный гитарист и исполнитель душещипательных песен, а потом – бригадир производственной артели слепых, рассказывает Томилову о любимой своей Тане, запутавшейся в религиозных тенетах бывшего опекуна, а ныне мужа Бориса Борисовича. Надо как-то вызволять Таню!

«Томилов долго молчал, потом тихонько рассмеялся. «Чему это ты?» – резко спросил Кощей. «Радости, Костя. Ты пойми, вот мы двое, искалеченные, слепые, сидим и думаем, как вытащить в жизнь здорового, зрячего человека... но... но со слепой душой. Значит, мы-то сами видим жизнь, понял? Видим, понимаем!» Это хорошая, чистая гордость, и в неё веришь и гордишься за героев книги. Это – одна из интересных линий в романе: слепые, «несчастливые», возвращают счастье зрячей, но душевно ослепшей женщине.

Тася, Брехун, Рыжов, Карась – все они и многие их товарищи тянутся за Сергеем, всё больше стремятся к новой, насыщенной жизни. А рядом с ними – мелконькие, подленькие людишки: почти

анекдотичный «руководитель» директор Маков, весь принцип руководства которого заключается в двух словах: «Дрозда дать!»; инспектор Ломичев, бывшая заведующая клубом Колкова и другие – слепые, полузрячие и даже зрячие, но все – слепые сердцем. Их побуждения низменны, таких не может не презирать всею силой души сам автор. С каждым из них вроде бы и нетрудно бороться, но вместе они – немалая сила, сила косности, зависти, эгоизма. Нелегко и непросто ломать их сопротивление Сергею Томилову, но за ним уже коллектив, всё более крепнущий, воодушевлённый большой целью, который он уводит за собой из дебрей безысходной тоски. Рядом с ним – друзья по шахте, по жизни, кому каждый его шаг важен и нужен.

Это роман не о товарищах по несчастью, а о людях со зрячими сердцами, прекрасных людях, которым и во мраке слепоты солнце продолжает светить – великое солнце созидания всеобщего счастья. Так добр и мужествен мир этой книги, мир светлых человеческих душ. Это тот самый мир, в котором живём, заботимся, горюем, бываем безмерно счастливы мы с вами.

В последнем романе В. Ворошилова «Капля света» Сергей Томилов становится педагогом, создаёт школу восстановления трудоспособности незрячих. Перед нами раскрывается ещё одна сторона этой одарённой личности. Томилов пишет интересный научный труд – кандидатскую диссертацию, в центре которой актуальная для всех времён этическая проблема: как вернуть гармонию человеку, которому врачи уже не в силах вернуть зрение; как достичь жизненной гармонии, если она кажется утерянной навсегда... На многих страницах этой книги есть размышления героя, в которых легко узнаются размышления автора.

Сергей Томилов получает возможность прозреть. Он видит! Но за это приходится платить тяжёлой ценой: малейшие физические, а главное, нервные перегрузки могут снова вызвать мрак. Томилов вынужден отгородиться от реального мира реальных забот, вынужден бросить любимую работу. Перед героем стоит выбор по-своему неожиданный, жестокий: быть зрячим и пребывать в духовном вакууме или снова вернуться во мрак, но при этом остаться самим собой. Герой выбирает второе. Единственно возможный для него вариант судьбы. Ещё раньше тот же выбор совершил его автор.

В. С. Ворошилов отказался от операции, которая могла вернуть ему зрение, потерянное почти

сорок лет назад. И все эти годы он больше всего мечтал увидеть краски мира. Мечта о свете являлась ему поводом, если можно так сказать о мечте. И Ворошилов уверенно шёл по жизни. Когда он стал писателем, упрямая жажда видеть определила даже названия его книг: «Солнце продолжает светить», «И не погаснет», «Капля света».

Раньше операция казалась невозможной – была не готова медицина. Ворошилов следил за новейшими исследованиями в области глазной хирургии, сам предсказал, когда наконец ему скажут: «Можно». И вот теперь... Когда его спросили, почему отказывается, он ответил: «Да ведь всё решено несколько лет назад. В моей новой книжке есть даже схожая ситуация». И это не отговорка. Он не умел лукавить. В произведениях писателей часто кроется неожиданная разгадка судеб самих творцов.

Писатель умер в пути. Наверное, даже не поняв, что умирает. Он заснул в машине, возвращаясь из командировки в первичную организацию Всероссийского общества слепых Осинников. И не проснулся. Кто-то сказал: счастливая смерть. Нет, счастливая жизнь. Она была освещена ярким, тревожным светом дерзания. Владимир Ворошилов сказал устами своего героя Сергея Томилова: «Я люблю жизнь, борюсь за неё! И если на мою долю оставили бы только мышление, только раздумье, я всё равно бы стал драться за такую жизнь!»

**Подготовила Г. Э. БЕЛОУСОВА,
зав. отделом внестационарного обслуживания
Облспецбиблиотеки для незрячих г. Кемерово**

ЛИТЕРАТУРА

Ворошилов, В. Солнце продолжает светить: роман в 2 ч. – Кемеровское кн. изд-во, 1968.

Волошин, А. Трудный и добрый мир // Кузбасс. – 1963. – 30 мая.

Глебова, Л. По-прежнему в строю // Кузбасс. – 1969. – 23 февр.

Демин, Ф. Книга душевной теплоты // Кузбасс. – 1968. – 4 окт.

Лобанова, Р. Иду к людям! // Кузбасс. – 1963. – 6 нояб.

Измайлов, В. «Солнце продолжает светить»: о романе нашего земляка В. Ворошилова // Кузбасс. – 1960. – 13 дек.

Махалов, В. И не погаснет!.. // Лит. газета. – 1970. – 6 мая. – С. 3.

Цейтлин, Е. Свет одной жизни // Кузбасс. – 1982. – 8 мая.

Валерий
ПЛЮЩЕВ

ГЛАВНАЯ КНИГА КОРНИЦКОГО

Каждый человек мог бы описать свою жизнь. Но далеко не все надолго фиксируют основные происходящие события в собственной памяти, да просто не каждому дано. А ещё необходимы личные архивы, а многие ли их хоть как-то ведут?..

У Георгия Васильевича Корницкого, судя по его книге «Записки зампреда. Автобиографическая повесть», вышедшей в Кемерове в издательстве КемГУКИ, сохраняются вырезки из газет, записные книжки, иные документы. Отдельный плюс – обилие фотографий самого разного периода жизни. А его памяти можно только позавидовать.

Подзаголовок книги «Автобиографическая повесть» полностью соответствует содержанию. Мемуарист жанрово традиционен: воспоминания начинаются с детских лет, рассказа о родителях и родственниках. После, опять-таки традиционно, о школе, институте, работе. Автор не изощряется в формальных изысках. Вообще-то существуют мемуары самой разной формы, даже в виде безразмерного эссе или, к примеру, «романа с жизнью», и прочие причудливые виды – их авторы надеются, если хотите, на расцветистость текстов.

Мемуары могут быть разного качества. Иные читать – мука. Но перед нами добротные сделанные воспоминания талантливого организатора, талантливого исполнителя песен, талантливого художника, талантливого Человека! Корницкий легко работает со словом, пишет живо, иногда с юмором, его язык может переходить в разговорный – настоящий русский, живой, струящийся, и строгий документальный, когда необходимо.

Автор подробен во всех этапах своей жизни, этим и интересен. Он помнит, что ему рассказали в самом раннем детстве, где, чем и как жила семья. Рассказывает о годах учёбы, о войне – коротко, но предельно выпукло.

И вроде вырулил, не без сложностей, на собственную жизненную стезю, но нет, меняет всё круто: европейскую часть территории страны на Сибирь. Окончив учительский институт в Моршанске (это Тамбовщина), работает вторым секретарём

горкома комсомола города, но ведь углядел в газете «Комсомольская правда» объявление о наборе в горный институт сибирского города Кемерово. И загорелся. Тем более что студентов набирали в Москве. Боялся, не отпустят. Отпустили.

Приехал в незнакомый город. Сегодня кемеровчан спроси, где был горный институт, подавляющее большинство ответит: «Не знаю».

Институт поначалу базировался в Рудничном районе.

Интересно описан старый железнодорожный вокзал, работающие печи коксохимзавода совсем рядом, отчего зарево полыхает. Отметил: «Вот это индустрия!» И переправа через реку Томь на моторке – не было тогда привычного моста.

Описание города и района – это как в прошлое попутешествовать: частный сектор, отсутствие коммунальных удобств. «Везде торчали наружные туалеты, наледи из помоев зимой, отопление печное, вода в колонках». Но ведь и стройка велась большая, всё менялось на глазах. К концу 1953 года пустили мост через Томь. Кстати, мнения коренных москвичей о городе и тех, кто приехал в Кемерово из сельской местности европейской части страны, различались коренным образом, как вспоминает «зампред».

«Я не мечтал о профессии горняка. Так судьбе было позволено решить, – скромничает мемуарист, ссылаясь на мистическое, и продолжает: – Убеждён, что полюбить можно любую профессию, но нужно любить трудиться». Последнее утверждение могут подтвердить многие, сославшись уже на личный опыт работы в абсолютно не связанных между собой отраслях.

Специальность инженера-электромеханика выбрал, потому что: «Звучит!» Именно так объясняет.

Наша природа сибирская имеет такое влияние – очаровывать. Замечательные снежные зимы! А сосновый бор! Не избежал «очарования» и автор мемуаров, написал: «...Кузбасс стал мне долгом, повестью на всю оставшуюся жизнь, о чём я нисколько не жалею».

Горный институт решал огромную государственную задачу: готовил инженерные кадры для бурно развивающейся угольной промышленности. Достаточно сказать, что в 1948 году только 4,3 процента начальников участков шахт комбината «Кузбасс-уголь» имели высшее образование. Без умных, знающих, настоящих инженеров, которых в послевоенные годы взять было неоткуда – только выучить бывших фронтовиков (о них в книге рассказано уважительно и красочно), обучить также поработавшие кадры и молодой подрост.

С открытия в 1950 году Горный институт разместили в помещениях горного техникума, но сразу начали строить новые здания в центре города. И

вновь множество подробностей под пером Корницкого – важных и совсем мелких, однако выстраивающихся в удивительную полномасштабную картину бытия тех лет. В повествовательную ткань органично вписываются газетные публикации, среди которых на первом месте главная областная газета «Кузбасс», письма, разговоры – создаётся широкий информационный фон и повышается градус объективности «Записок». Любые воспоминания субъективны, но наш мемуарист – опытный руководитель, оратор да и пропагандист, дай бог всякому. Поэтому и придаёт своему труду признаки документа, занимательного, увлекающего – этого не отнять, но правдивого, утверждающего: вот так именно и было!

А какие яркие и одновременно лапидарные характеристики даны институтским преподавателям: каждый со своими подходами, поступками, странностями, если хотите. Личности!

С такими овладеть знаниями большая удача.

В свободное время наш мемуарист солировал в струнном оркестре, исполняя популярные хиты того времени. Также пел: сколько себя помнил, столько и пел, с детства – в самодеятельности. «...Все мои кумиры (и не только мои) Утёсов, Бернес, Шульженко пели сердцем. Старался также делать, иногда выходило. Чтобы закончить эту тему, самодеятельность и моё участие в ней, скажу одно: песне, музыке предан буду до конца. Жаль, что в 90-е годы мелодичных песен лирического да и патристического характера было очень мало».

А ещё и рисовал.

...После института был короткий период работы на производстве в угольной отрасли. Однако такие кадры, как Георгий Владимирович, – люди штучные. Именно их в то время поднимали «социальные лифты». Потому, вполне естественно, продолжение работы на выборных комсомольских должностях: дорос до первого секретаря обкома комсомола. Интересно рассказано о комсомольской работе – времени бурном, когда одно важное дело накатывает на другое, и необходимо успевать везде.

С собой автор всегда честен: «В моём понятии (и не только в моём) с детских лет коммунист – это человек, всего себя отдающий людям».

С конца ноября 1969 года Корницкий на партийной работе: сначала второй секретарь Рудничного района города Кемерово, затем – первый секретарь. Тогда партработники и партийные руководящие органы отвечали за всё: за урожай и рождаемость, за работу промышленности и снабжение, за строительство и экологию – не было такой жизненной стези, которая оставалась без призрения партийцев.

Тех, кто зарекомендовал себя, то есть при нём дела пошли лучше, роль его личности и активность

налицо, таких рекомендовали на повышение: в 1963 году Корницкому предлагают должность секретаря Кемеровского горкома партии по идеологии. 1960-е – время активного развития областного центра. Работал в столичном горкоме более шести лет. Но мечтал уйти на хозяйственную работу.

И вот судьбоносная встреча с «первым» по Кузбассу, легендарным Афанасием Ештокиным. Тот предложил пост заместителя председателя облисполкома по вопросам здравоохранения, культуры, образования. Фронт работы – необъятный. Да и Кузбасс – это же целое государство! И это в годы, когда, как пишет Корницкий, «хоть Советы и власть, но с урезанными правами, множеством обязанностей».

«Самое главное – работать для людей. Это не красивая фраза для меня... Нас такими воспитала жизнь, и так мы с пионерских лет понимали свой долг». Те, кто знал Корницкого, ничуть не удивятся вышесказанному. Автор мемуаров 18 лет трудился в облисполкоме.

Он записал, что те, кто действовали наоборот – «люди для них», – погубили «великую державу, партию». С последним можно поспорить, но так понимает человек, который поступал в жизни всегда в соответствии со своими убеждениями.

Одно из качеств, присущих Георгию Васильевичу, – «хватка», так обозначалось у профессионалов: партийных, советских и комсомольских работников тех лет. Увидеть интересное, многообещающее и не пропустить, не забыть, – рассказать, распространить опыт, и наоборот, – изжить, изгнать из обихода негатив, то, что тормозит развитие, мешает людям. Примеров того и другого в книге предостаточно. И не забыты инициативные люди, о которых рассказано с чувством и тактом. И ещё: чувствуется, что автор книги работал, как говорится, на износ, но с удовольствием. Как совмещались эти взаимодействия, трудно сказать, но ведь совмещались и давали результат в виде конкретных сданных объектов медицины, культуры, sportсооружений, так необходимых людям, да и всего прочего прибавлялось в Кузбассе, а значит, и в стране.

Но складывается такое впечатление, что все положительные изменения происходили при помощи высокостоящих товарищей из области («...прорабом – толкачом стал зампред», – вспоминает Корницкий). А иначе бы всё тряслось, как на телеге, медленно и долго. Такие были методы руководства, «силовые», как их называли позже. А ещё «выбивали» средства из высоких московских начальников. У Корницкого и это описано.

То есть на местах не хватало самого главного для развития – денег, необходимо было «выкрутить» средства на развитие у промышленников, «уговорить» (многие знают, как осуществлялись подобные «уговоры»). Такая вот была экономика, о чём также

помнят многие. Новая реальность в нынешней стране – это попытка подключить не только людей к решению насущных проблем, но и невидимую руку рынка. Насколько это удаётся, ощущает каждый, но не видеть позитивных изменений невозможно, хотя негатива тоже навалом.

И вновь удивление, как это автор сохранил многие тонкости самых разнообразных проектов, реализованных дел, – это какой же необъятный архив необходимо держать в личном пользовании?.. (Хотя, иногда пишет прямо, ссылаясь на свою записную книжку, вероятно, есть и иные «домашние» архивные источники.) Сущность работы партийных и советских органов он раскрывает удивительно точно и при этом блестяще.

Подробно рассказывается о медицинском направлении работы. Какая щедрость повествования о медиках того времени! И, безусловно, многого стоит, когда автор откровенно сообщает, что операцию по лечению глаукомы уже на пенсии Корницкому делали в офтальмологической больнице, в эпоху построения которой он участвовал, о чём рассказывал в книге.

Следующий огромный пласт деятельности – образование. Сначала об учебно-производственных комбинатах. Старшеклассников надо было профориентировать, давать навыки возможных будущих профессий. А летние лагеря труда и отдыха? Ведь это всё рукой подать – рядом во времени. Пионерских лагерей вокруг Кемерово было более тридцати, *«а сейчас всего четыре (увы!)»*, – сказано в книге.

Или строительство школ – вечная проблема, но она именно в те годы решалась оперативнее, чем до того. И, конечно, развитие профобразования.

Чрезвычайно важное поле деятельности – социальное обеспечение.

И, конечно, физкультура и спорт, где бывший зампред, вспоминает о замечательных спортивных баталиях, спорторумах, иногда такие тонкости рассказывает, диву даёшься.

Столько всего строили, что можно ныне только удивляться: как такое удавалось.

О культурной политике самое весомое место в воспоминаниях. Культура – это национальная сокровищница, в которой причудливо сочетаются-суммируются все достижения человеческого общества, во всех облициях и, безусловно, во всех сферах жизнедеятельности. Вот это и есть фундамент общества. Кузбасс имел тоненькую культурную плёночку и совсем чуть интеллигенции: до революции – край ссылки, после революции – ГУЛАГ. Большой процент населения прошёл исправительную «школу» тюрем и лагерей. Конечно, шла накачка мышц производства, что позволило индустриализироваться, затем питать фронт снарядами, техникой и

людьми, позднее – греметь гигантскими промдостожениями, а культура занимала свою, неосновную нишу. Как раз при зампредстве Корницкого произошёл разворот в сторону развития культуры и искусства в Кузбассе, назовём это культурным подъёмом.

Развитие материальной базы культуры – куда же без этого?..

«В стране были определённые трудности с финансированием объектов культуры. Однако мы находили способы и методы решать эти проблемы», – скромно сообщает автор книги. Можно представить, насколько сложны были эти способы и методы в реальном строительстве таких объектов.

Читатель найдёт и перечень построенного, и рассказы о памятных культурных событиях, обратит внимание на полемику с книгой «История Кузбасса» (Кемерово, 2006).

А как интересно повествуется о делах театральных, концертных, писательских. Иногда вкрапляются эпизоды о случаях человеческих столкновений, которые оставались в тени, не принято было их выносить под свет юпитеров. Хорошо ли, что так подробничает Корницкий? Конечно. Ведь когда-то придётся писать полные истории театров, филармонии, прочих учреждений культуры. Записи Григория Владимировича станут бесценными подсобными материалами для историков будущего.

158 Меня порадовали сведения о гастролях Высоцкого в Новокузнецке. В своё время пришлось делать первую публикацию документов о попытке возбуждения уголовного дела против Высоцкого, комментировать. Готовя материал, обратился напрямую к бывшему секретарю обкома партии по идеологии Зинаиде Васильевне Кузьминой: «Расскажите, что помните об этих гастролях и возне вокруг них?» Баба Зина, как ласково звали её бывшие партработники между собой, хитро улыбнулась, блеснув очками, и весомо чеканя слова, произнесла: «А не помню уже. И записи свои той поры уничтожила». Конечно, что-то помнила, но решила оставить всё как есть. А уже после напечатания ко мне приезжали в Кемерово сотрудники из московского музея Высоцкого, они прочли и решили для истории взять эти документы. Я их направил к высокому областному руководителю, которому отдал те печатные листочки-документы, предварительно созвонившись: он всё передал в музей. И вот, когда на голубом экране кто-то из бывших соратников поэта и барда говорит о милицейском и судебном произволе против Высоцкого, они имеют в виду именно эти бумаги, о других я не знаю, не читал, не видел опубликованными. Так что эти две странички книги Корницкого для высокоцковедов должны стать очень ценной информацией, дополняющей опубликованное ранее.

Это были годы, когда в Кузбассе побывали главные звёзды российской культуры. Хорошо помню, с каким подъёмом проходили их концерты, встречи с ними, как буквально на крыльях летел потом воодушевлённый на работу. Вот вам и влияние искусства на человека!

Читая книгу, словно окунаюсь в то бурлящее время. Наверное, застой в экономике подступал, но в культурной составляющей жизни региона и кузбассовцев не было никакого останова: мы видели на сценах лучшие постановки московских и иных театров, а сколько исполнителей побывало – слушать Образцову, Гуляева, Кобзона и многих-многих иных мастеров «живьём» – это остаётся с каждым на всю жизнь. Алла Пугачёва ещё не имела оглушительной известности, а мы уже успели послушать её песни-концерты в зале филармонии. Вот Плисецкая не поехала, занята была за границей. Но Павлова с Гордеевым демонстрировали божественное искусство балета, а сколько других звёзд и звёздочек!

В книге сказано: *«Всё перечислить трудно»*. Приведу только несколько примеров, прозвучавших у Корницкого. Вот как задумывались Дни советской литературы в Кузбассе, проводившиеся дважды: *«...В газетах частенько мелькало – то в одно место страны, то в другое – приезжали на встречи писатели и поэты, композиторы и исполнители. Называлось это «Дни советской литературы в ... области» или «Дни советской музыки в ... области». Меня они с первого дня работы в исполкоме заинтересовали. «Литературная газета» регулярно давала отчёты о них. Хотелось, чтобы и у нас в Кузбассе был литературный праздник»*.

И праздники состоялись, о чём рассказано в подробностях, интересно и поучительно для нынешних организаторов. Прошли, извиняюсь за восторженность, триумфально. Кстати, кузбасские поэты и прозаики довольно весомо участвовали в Днях советской литературы в Кузбассе, показывая очень высокий литературный уровень в нашем регионе.

Очень важные страницы о строительстве нового здания облфилармонии, об областной научной библиотеке, которая позднее стала носить имя Василия Фёдорова, приведены в «Записках зампреда». Книга, как известно, – голова многому. А в духовной жизни без книги вообще никуда. И ведь приделали к библиотечному корпусу пристройку, которая больше основного здания. Замечательное дело воплотили в жизнь, несмотря на грозную Москву, которая не разрешала...

Корницкий раскрывает методику «проводки» решений, да хоть по той же самой Томской Писанице, через рогатки московских бюрократов. И о хитростях

со смешком рассказывает, попутно характеристики давая разным высокопоставленным чиновникам.

А приходилось ох какое искусство дипломатии проявлять, чтобы в период запрета финансирования строительства в сфере культуры строить, переделывать или реставрировать эти самые объекты в Кузбассе: художественное училище, Дом актёра, музей «Томская Писаница» и многие иные. Это, пожалуй, самые «вкусные» страницы книги.

Вот автор живописует дела «художественные»: *«При подготовке к выставке изобразительного искусства «Сибирь социалистическая – 1985 г.» было намечено и осуществлено строительство блока скульптурных мастерских в Кемерово, отдано несколько помещений под мастерские молодым художникам, осуществлена пристройка к художественному училищу»*. И это не «сваливание» всего многообразия в одну кучу, а показ разнонаправленности работы зампреда.

Или о делах театральных: *«В 70-е годы я поехал на открытие гастролей нашей оперетты в Москву. Это серьёзный экзамен, даже я не узнавал своих артистов – самоотдача была до предела, <...> В Кемеровской драме всегда была сильная труппа»,* – и рассказ о репертуаре, артистах, случаях из их жизни и жизни театра. Тут же на книжных страницах о Новокузнецком, Прокопьевском театрах драмы, театральные коллективах других кузбасских городов.

Под занавес не могу обойти без детективного сюжета с пожаром в нашей филармонии, накануне открытия этого великолепного дома искусств, о чём открыто не писали СМИ в то время, но подробно рассказано мемуаристом: *«Следователи определили – поджог. Кто? Нашли. Бывший сторож стройуправления так отомстил своему начальству за увольнение»*.

Во время следственного эксперимента женщины-маляры его чуть не избили, еле милиция отбила.

Возмущению их не было предела. Объект необычный, его весь город ждал. Отделочники вложили в него столько труда! И вот снова переделываем! К 19 января всё-таки успели. Кресла отмывали все химчистки города. На балкон привезли кресла из Яшкино, где строили РДК и заранее лежал комплект полумягких кресел. Занавес привезли из Москвы из «Росмонументискусства».

...Автор ушёл на пенсию в ноябре 1989 года. Хорошо помню обсуждение этого факта «по кабинетам».

И вот мемуарная книга: больше, чем отчёт о сделанном, скорее воспоминания о самом главном и памятном в жизни.

Но жизнь же не кончилась. Корницкий-пенсионер поёт в коллективе ветеранов. Поёт увлечённо и замечательно, талантливо, как и всё, что он делал в

своей жизни. Мне неоднократно доводилось слушать его как исполнителя.

...Без критики любой книги невозможно обойтись. Вот только отдельные замечания. Например, не помню, чтобы Ештокин – наш «первый», уезжал в Москву на работу, как сказано в тексте. Должность ему предлагали высокую, но он, как многие помнят, серьёзно заболел. Лечился в «кремлёвке», скончался в Москве, похоронили в Новокузнецке.

А вот на опечатках обидных, иногда искажающих смысл, остановлюсь отдельно. Есть и описки, которые по ходу замечаются, но не влияют на восприятие текста. А всё равно грязнят написанное.

«...требовало моего участия или контроля за сроками исполнения, которые часто скрывались», – так в книге. Но ведь ясно, что не скрывались, а срывались. И подобных описок-опечаток хватает. Книга писалась, как представляется, продолжительное время, потому, видимо, присутствуют повторы в тексте. Или вот такое: главный дирижёр театра опе-

ретты Е. М. Лугов один раз назван правильно, в другой – определён в главные режиссёры.

И всё-таки не огрехи главное.

Эта книга Корницкого о том, что наш Кузбасс не только регион промышленный, но и с развитой культурой. Читателям будет интересно ознакомиться не только с широко известными фактами, но и с тонкостями процесса руководства непростыми гуманитарными отраслями, известными зампреду изнутри.

И в целом для истории Кузбасса эта книга, безусловно, является значительным вкладом – всё даётся из первых рук.

Есть счастливые люди, хотя далеко не все они откровенничают о счастливой жизни. Корницкий признался в личном счастье своей книгой. Автор – счастливый человек, признающийся в любви к Кузбассу и к своей, такой необходимой всем, работе. И это получилось замечательно!..

г. Кемерово

Г. В. Корницкий

14 января 2016 года исполнилось 80 лет
со дня рождения русского советского поэта
Николая Михайловича Рубцова.

**Виктор
ЧУРИЛОВ**

НА ДОБРОЛЮБОВА, 9/11*

Вспоминая Рубцова...

Недавно в газете «Советская Россия» прочитал статью кандидата технических наук Юрия Сидорова о Николае Рубцове. Читал с улыбкой. Почему? Да потому что «учёный-техник», только-только познакомившийся с творчеством уже давно широко известного поэта, восторженно рассказывает об этом как первооткрыватель Америки!

Почему-то вспомнилась нашумевшая в 60-е годы прошлого века в молодёжной прессе дискуссия физиков и лириков. На заре «эпохи космоса» на слуху были имена молодых талантливых поэтов Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского... Рубцова тогда ещё только «открывали». Известен и почитаем он был в основном в литературной среде, прежде всего в студенческой, будучи студентом Литературного института имени А. М. Горького Союза писателей СССР.

Сейчас о нём, о его творчестве написано намного больше того, что написал он сам. После трагической гибели поэта большими тиражами стали выходить его книги. На рубцовские стихи пишут музыку. В его память устанавливают мемориальные доски, открывают музеи, устанавливают памятники.

А в том январе 71-го...

Вспомнил. Мне позвонил из Белова Петя Шмаков, однокурсник в Литинституте:

– Колю Рубцова убили! – плачет...

– Как?! Кто?!

– Любовница. Задушила подушкой. Наверно, пьяного. Села на него и задушила. Ты же знаешь: он щуплый. А она оказалась здоровущая!..

– Может, из ревности?

– А кто его знает..

Погоревали. Повспоминали...

До первого, «заочного» знакомства о Рубцове я не слышал. А «заочное» произошло так. Май 1966 года. Приехал на сессию. Поднимаюсь по ступенькам общежития, иду по коридору. Навстречу

приятель, страстный, как и я, любитель футбола, уралец Миша Донцов. Навеселе и довольно крепко. Идёт, раскачиваясь, поводя рукой из стороны в сторону с вытянутым вперёд указательным пальцем (у него такая привычка), протяжно то ли поёт, то ли нараспев декламирует:

В горнице светлым-светло-о...

Это от ночной звезды-ы...

Матушка возьмёт ведро-о...

Молча принесёт воды-ы...

Увидев меня, останавливается:

– А ты знаешь, что на наш курс пришёл Коля Рубцов? Отличный поэт! Его исключали, а теперь восстановили... Это его стихи. Я слышал, как он поёт их сам. Вот ещё. Слушай:

Ах, что ж я делаю!

Зачем я мучаю,

Терзаю маленький свой организм.

Ах, по какому же

Такому случаю

Все люди борются за коммунизм?..

Здорово! Вот ещё:

Планета вертится.

Пшеница мелется.

И всё на правильном таком пути.

Ах, замети ж меня,

метелица.

Ах, замети меня, замети!..

Поэт «кочевал» по общежитию, и однажды я оказался с ним в одной комнате на четверых. В гости приходили однокурсники из других комнат общежития, среди них мой земляк-кузбассовец прозаик Петя Шмаков, большой любитель и неутомимый собиратель анекдотов. Иногда устраивались застолья с выпивкой, и тогда шли шумные разговоры, читались стихи... Читал и Рубцов. Читал хорошо, страстно. А ещё оказался завзятым грибником (неслучайно его запоминающееся стихотворение «Сапоги мои скрип да скрип...»), и в момент нашего временного комнатного сожительства, помню, привёз с вологодчины трёхлитровую банку белых маринованных грибов. Как сказал, в подарок своему земляку поэту Александру Яшину. А когда в связи с его приездом приятели устроили стол, грибы оказались очень кстати.

Эти посиделки запомнились ещё и потому, что я впервые услышал, как Рубцов не читает, а поёт свои стихи. Вот он начинает петь свою до боли грустную «Прощальную песню» – песню о вынужденной разлуке с ещё крохотным дорогим существом, остаю-

* Адрес общежития Литературного института им. М. Горького в Москве.

щейся в зыбке дочери, возможно, разлуке навсегда... А ещё о покидаемом им деревенском семейном пристанище. Последнюю строку «И мигает, и плачет она» поэт повторяет дважды, взмахивая в такт словам рукой.

Грибы свои после пирушки из початой трёхлитровой Николай переложил в двухлитровую банку. Потом – в литровую... Довёз ли он их до Яшина, не знаю. Вполне возможно, что и не успел: охотников полакомиться таким деликатесом было много. Через два года, после кончины Яшина, Рубцов посвятит ему одно из лучших своих стихотворений «Последний пароход».

Однажды мы остались в комнате одни. Говорили о разном. Рубцов рассказал, как он с группой молодых поэтов-москвичей читал стихи у памятника Пушкину. Не в связи с какой-то датой, просто так захотелось – пришли и стали читать свои стихи. Москва есть Москва. Тут же собралась толпа зевак. А следом – милиция. «В чём дело? Что за митинг?» Поэтов забрали, привезли в ближайшее отделение для разбирательства с «нарушителями общественного порядка». Когда стражи порядка послушали, что они читали, – посмеялись и отпустили несостоявшихся «диссидентов».

Разговор зашёл о русских классиках. Оказывается, Рубцов влюблён в Тютчева. Я видел у него томик поэта в старинном – что-то вроде сафьянового – переплёте с дарственной надписью какой-то поэтессы. Кто-то из сокурсников терпеливо допытывался, какие у Николая с ней отношения...

– Тютчев, конечно, монархист, но сколько у него великолепных стихов о природе, какая философия стиха! – восхищался Рубцов. – А какие у него «сегодняшние» выражения! И ведь он почти ровесник Пушкина! Ну вот в стихотворении о потере им старшего брата:

*Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.*

«Передового нет...» – сказано им ещё почти столет назад!..

Тогда я подумал, что «влюблённость в Тютчева» у Рубцова – своеобразная дань моде, желание найти себе кумира не из первого, «бесспорного» ряда. Ведь сказать, что, мол, люблю Пушкина, Лермонтова – так их все любят! Это не оригинально...

Заспорили, должна ли быть тенденциозность в литературе. Николай сослался на Льва Толстого, он никакой тенденциозности не признавал.

Я не согласился. Напомнил, каким иногда был страстным, даже пристрастным публицистом этот гений. Достаточно прочесть его «Не могу молчать!» о казнях крестьян царскими палачами. В конце кон-

цов Николай сам сказал, что у великого классика тенденциозность была воинственно-яростная. («Да у него эта тенденциозность захлёстывала!..»)

Вряд ли он мог думать иначе. Порой наша демонстративная парадоксальность выражений не что иное, как защита от банальности...

Спросил Николая о друзьях.

– У поэта не может быть друзей, – ответил он. – Вон Пушкин: «Ты царь – живи один!». У меня один настоящий друг – ленинградский поэт Глеб Горбовский...

Я запомнил это незнакомое мне имя. И вскоре увидел стихи Горбовского в «Литературной газете». А там строки: «Её вечерние глаза...».

– Это же литературщина! – говорю Николаю при встрече.

Рубцов поначалу, конечно, стал защищать друга, но потом всё же сдался:

– Может, ты прав...

Вспоминается такой любопытный разговор. В комнате я один. Лежу на кровати, читаю. Заходит Рубцов и говорит:

– Знаешь, ехал сейчас по Москве в троллейбусе и... ни одного русского лица!

Сказал это Николай с горечью.

– Недавно был на одной вечеринке. И там красивая девушка лет восемнадцати. Я её пригласил на танец, а она стесняется: прихрамывает... Может, пойти с ней в ЗАГС, как ты думаешь? Но ведь она еврейка! Станет рожать евреев... Ты как относишься к евреям?

– Нормально, – отвечаю с улыбкой. – Я вот живу с татаркой...

Сказал ему, что приятельствую с евреем, тоже пишущим стихи...

Потом я прочёл стихотворение Рубцова «Левитан», посвящённое... художнику-еврею.

Конечно, любопытно было узнать, как он стал заочником и попал на наш курс. По его словам, «жертвой» того, теперь широко известного, скандала в ЦДЛ и причиной исключения был не какой-то «деятель из ресторана», пытавшийся вытолкнуть возмущённого несправедливостью поэта (докладчик какой-то конференции среди имён лучших русских советских писателей не назвал имени Есенина), как о том пишет однокурсник Рубцова с дневного отделения Валентин Сафонов, а сам директор Центрального Дома литераторов, которому Николай дал достойный отпор.

Не могу здесь не сказать о так называемой «бедности», бесприютности поэта, которые постоянно портили ему быт, – и семейный в деревне, и «холостяцкий» в городе. Конечно, жить на случайные гонорары и заимствования было, мягко говоря, не-

просто. Но это был его выбор! А, может, судьба... Прочтите его великолепную миниатюру «Добрый Филя». Не прообраз ли это самого поэта?!

*И разве не он писал:
За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!*

Да, став заочником, Рубцов не только лишился стипендии и общежития в Москве, но ещё должен был регулярно представлять в бухгалтерию института справку с места работы! Слава богу, в литературно-художественных редакциях сидели люди, ценившие настоящий талант, и с этим делом у него проблем не было: Рубцова, хоть и не часто, печатали.

Не приемлю приписываемую Рубцову набожность, религиозную канву творчества. Вот санкт-петербургский поэт Владимир Хохлев, поместив в журнале «Бег» (2009, № 8) своё многостраничное криминально-психологическое расследование той январской трагедии с «опросом» предполагаемой убийцы Рубцова Людмилы Дербиной, причислил его чуть ли не к одному из посланников Иисуса Христа! Ведь дело не в том, заходил ли он с трепетом в старинный храм, была ли у него в сельском доме икона или её там не было. Скорее всего, он относился к религии так же, как один из его любимых поэтов Сергей Есенин:

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!».
Я скажу: не надо рая.
Дайте родину мою!*

Вот привёл эти строки, а в мыслях мелькнули другие есенинские:

*Цветы на подоконнике.
Цветы, цветы...*

А следом рубцовские:

По утрам умываясь росой...

Вспоминаю... Общежитие. Сажу за столом. Рубцов стоит у окна спиной ко мне и стучит одним пальцем по клавишам у кого-то позаимствованной пишущей машинки, стоящей на подоконнике. Отрываюсь от страниц какой-то книги и бросаю взгляд через его плечо. Вижу: столбиком – стихи. Выше первой строки написанный крупным шрифтом заголовок: «Цветы». Переписывает по памяти. Новые? Только что родившиеся или уже отработанные, предназначенные для какого-либо журнала или для

чтения по радио? Спросить не решаюсь. Возможно, это были как раз те, что он потом читал у микрофона радиостанции «Юность». Я в тот момент оказался в буфете-столовой учебного корпуса института, где висел на стене «динамик».

Известность и популярность (что не одно и то же!) Николая Рубцова произрастали, естественно, из самого лучшего, написанного уже в шестидесятые годы. Сначала в литературной – даже уже – студенческой среде. Тут и «серьёзные», наполненные философским осмыслением жизни, стихи, такие как «Журавли», и шуточные («Стукнул по карману...»), и «хулиганские» с устными вариантами матерщины («Жалобы алкоголика»).

В одной из тех давних бесед Рубцов сказал, что он любит писать «длинной» строкой: «Меж болотных столбов красовался восток огнеликий...»

Для меня выражение «болотные столбы» было незнакомо, а он прочитал именно так: «столбов», и Рубцов стал объяснять, что болотные столбы – отмершие деревья, местный диалект. Правда, в сборниках «столбы» всё-таки изменили на «стволы»... И «длинных» рубцовских строк оказалось не так уж много. Впрочем, возможно, их, напоминающих знаменитый гомеровский гекзаметр, немало он унёс с собой, как это известно из его беседы с Виктором Астафьевым.

163

Главное не это. Главное, какой бы строкой, какой бы интонацией он ни воспользовался, везде видна рука мастера! Ни одного лишнего, не соответствующего замыслу слова, ни одной фальшивой интонации. Предельная искренность! Всего одной-двумя строками вдруг нарисует потрясающую картину своего несчастливого быта:

Мать пройдёт и уснёт без улыбки...

Даже читая его так называемые ранние стихи, в том числе из машинописного сборника «Волны и скалы» (конкурсная работа при поступлении в институт), видишь: это не просто талантливый, а уже вполне сложившийся поэт – со своей темой, своим видением мира, своими образами, своей лексикой...

Литинститут же, куда так упорно стремился поэт из провинции, думаю, нужен был ему не столько для утверждения таланта, сколько для общего развития образованности, для вращения в литературных столичных кругах, для личных контактов в московских редакциях и издательствах.

Пусть читатель не воспримет эти мои заметки-воспоминания как попытку исследования жизни и творчества Большого поэта. И хотя известное есенинское «Большое видится на расстоянии» для меня

верно и с тех пор прошло более сорока лет, знаменитый и гениальный русский поэт Николай Рубцов помнится мне таким, каким был при жизни: уважаемым и доступным, грустным и весёлым. С которым на равных можно спорить. Который молодо и задорно мог воскликнуть:

*Пусть с горя я напился –
Я тоже человек!
Зачем не уродился
Я в двадцать первый век?!*

Вспоминаю... В комнате нас четверо: вологжанин Рубцов, алтаец Комраков, забайкалец Трофимов... У Трофимова и Комракова уже есть книжки, вышедшие в местных издательствах. Название книги рассказов Комракова лирическое: «Прощай, гармонь!». Один из них – «Дип и люди» – напомнил мне учёбу в ремесленном училище в Рубцовске. Позже узнаю, что Гена работал в этом городе на заводе «Алтайсельмаш», где наша группа слесарей-инструментальщиков проходила производственную практику. Название первого «тощего» сборника Трофимова – «Первотроп» – «многозначашее». Миша охотничает. Поэтому сборник – ещё и первая тропа в поэзию... Рубцов, предпочитающий «тихую» грибную охоту, над ним подтрунивает: «Миша, зачем тебе бегать за тигром?!»

О том, что у Рубцова тоже есть первый провинциальный сборник, я узнаю много лет спустя. Тогда же, в одной из бесед, он сказал, что в Москве готовится к изданию его книга, редактирует которую руководитель его семинара поэт Николай Сидоренко.

После выпуска наши пути разойдутся. Комраков издаст длинный ряд интересных книг, вступит в Союз писателей. И уйдёт из жизни, как говорят, преждевременно, в разгар «перестройки». Ушёл из жизни и весельчак Петя Шмаков, успевший издать только две книжки рассказов (одну в Москве). Трофимов живёт в Иркутске, по-прежнему пишет стихи, в том числе об охоте. Недавно читал хорошую подборку в «Нашем современнике», сопровождаемую портретом автора (почему-то без очков – едва узнал) и краткой автобиографической справкой:

«...известный читающей России поэт, автор многих стихотворных книг, член СП»).

Судьба Рубцова, как я сказал выше, теперь широко известна и продолжает привлекать внимание тех, кто ещё вчера с его творчеством не был знаком. Ту свою первую «московскую» книгу, о которой он говорил перед её выходом в свет, он назовет красиво и торжественно – «Звезда полей» и, по воспоминаниям близко знавших его, будет рад её выходу (в отличие от самой первой «архангельской» – «Лирики»). Высоко оценят её и маститые литературоведы. Она будет представлена им в качестве дипломной работы. Правда, «краснодипломником» нашего 1969 года выпуска станет другой поэт. В общей оценке учитывалось не только творчество. Не в этом дело. Фамилию того «краснодипломника» (говорили, очень талантливого) я потом нигде не встречал. Рубцова же знает и почитает вся Россия.

Иногда, расвспоминавшись, достаю из домашнего архива большое коллективное фото нашего выпуска... Тесными рядами в «пять этажей» загородили мы на прощанье главный вход учебного корпуса на Тверской, 25. Первый «сидячий» ряд заполнили, конечно, наши администраторы, преподаватели, руководители творческих семинаров. В центре первого ряда ректор Владимир Пименов. Крайние справа – поэт Егор Исаев, декан заочного отделения Павел Таран, напарник Исаева по семинару поэзии критик Владимир Мильков. Исаев склонился к Тарану, о чём-то беседует...

А вот и Николай Рубцов. Он во втором ряду крайний справа. Тёмный костюм. Белая рубашка. Галстук. Правая рука заложена за борт пиджака. В опущенной левой свёрнутая вдвое белая папка. Высокий лоб с залысиной. Лицо серьёзное. Неподдалеку, с едва заметной улыбкой на лице, Гена Комраков. А на самом верху, на ступенях крыльца мои приятели: Миша Донцов, Миша Трофимов, Петя Шмаков...

Стоял июнь шестьдесят девятого года. До январской трагедии семьдесят первого оставалось чуть более полутора лет...

г. Юрга

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР АНДРЕЯ ПРАВДЫ*

литературно-критическое эссе

Андрей Правда – поэт, чьё творчество началось в 1980-е годы и развивается до сих пор. К настоящему времени оно свидетельствует о себе сборниками: «Только горсть можжевельных ягод» (1995), «Забытая латунь» (1995), «Синяя глина небес» (1999), «Стихография» (2005), написанная в соавторстве с Верой Лавриной книга «Вдвоем» (2009) и начатый в том же 2009 году поэтический цикл «Бегущая строка», стихи из которого уже отчасти были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса», но работа над ним продолжается и по сей день.

Неслучайно, что в первом же стихотворении, открывающем первый из упомянутых сборников, «Может быть, не стихи?» стихи сравниваются с горстью можжевельных ягод, горько-смолистых, «как капли тоски», в силу чего сама культура сопоставляется с «милым лесом».

В стихах Андрея Правды отказ от жалоб и упрямое стремление сохранить в душе способность переживать радость бытия оказывается, по сути, тем заветом, который предстоит обрести и исполнить поэту:

*Вот дар пронзительных небес –
Прозрачная твоя цикада,
Пролив отвесную прохладу,
Тревожит клавесинный лес...*

*Вот пыл таинственных светил
Пыль золотую образует...
Но всё, что с жизнью нас связует, –
Лишь трепет ломких крыл...*

*Пусть брашном мы обнесены,
Нам христарадничать не надо –
В тенетах нищенской весны
Мы просто солнцу просто рады!..*

Установка на преодоление всего суетного ради чуда прозрения первоизданного замысла о мире и человеке пронизывает собой все творчество А. Правды. Эта позиция влияет и на образность этой лирической системы, в которой вещьность, зримость, конкретность реалий свидетельствует не о житейской приземлённости, а о способности прочувствовать в этих земных явлениях чудо сотворённого мира, ощутить дыхание Вечности в пространственных формах созерцаемой нами природы.

Устремлённость лирического героя к постижению божественного замысла пронизывает собой и поэтический сборник «Забытая латунь», то подспудно раскрываясь в мотиве слияния субъекта переживания с миром, то явно проступая в поэтическом выражении, как, например, в стихотворениях «Я очнулся и сквозь онемелость...» или «Мне жалко тишины...» В этих стихотворениях мир постепенно раскрывается как храм, наполненный любовью, теплотой человеческих отношений, светом. Возможно, это интуитивное восприятие мира как отражения райской гармонии побуждает поэта в первых поэтических сборниках отдавать предпочтение летним пейзажам, в которых раскрывается благодатное состояние природы, вызывающее в душе лирического героя чувство благодарности Творцу за его творение.

И в центре этого мира – любовь, в переживании которой земная страсть оборачивается способностью увидеть возлюбленную как воплощение всей красоты этого мира, в чертах которой сквозят образы Афродиты и Евы. Так, в стихотворении «Меж нами плыли облака...» уже не богиня роняет с колен подобное апельсину солнце, но любимая роняет уподобленное яблоку солнце из рук, разделяясь тем самым божественными чертами:

*Твоя рука была светла,
Как день, как ночь, как рек начало...
Ты солнце яблоком роняла
Из пятипалого тепла...*

Способность прозреть в своей возлюбленной Вечно-женственное романтически одухотворяет страсть, испытываемую лирическим героем, и становится источником счастья, усиливая тему приятия мира и своего места в нём.

Обрётённое на земле небо, нераздельность идеала и его воплощения в восприятии поэта нашли отражение в заглавии третьего поэтического сборника «Синяя глина небес». От земных образов взгляд поэта стал подниматься к небу, но при этом небо не противопоставлено земле, что подчёркнуто его метафорическим уподоблением синей глине, невольно отсылающим к мотиву Божественного творения.

Упрямая воля к творчеству дала возможность высветить новые грани созданного поэтического космоса в диалоге с другим поэтическим я. Так, в 2009 году увидела свет книга «Вдвоем», в которой голоса двух авторов подсвечены, как это подчёркнуто в предисловии и символике заглавия, неразрывностью творчества и любви. Первый раздел книги состоит из стихов Андрея Правды, второй – из сказок Веры Лавриной.

Ключевые темы сказок – смирение, приятие своего места в мире, любовь и самоотречение, доброта и мудрость – оказываются магистральными и для стихотворений. Показательно, что мотив сказочной красоты мира и способности на неё откликаться тоже скрепляет меж собой оба раздела, оказываясь сквозным. Благодаря композиции книги, этот мотив способствует возникновению эффекта эха, усиливая символичную переключку двух голосов, созвучным дуэтом воспевающих пронзительную красоту жизни, открывающуюся двум в такт бьющимся сердцам:

* * *

*В этой сказке весенних закатов
Нет дорог, кроме светлых аллей,
Вдоль которых в серебряных латах –
Кавалькады сырых тополей.*

*Но зачем, но зачем они медлят?!
Этих всадников ждут небеса!
Покрываясь окисленной медью,
В облаках пропадают леса!
И, встречая вечерние зори,
Рассветает дроздами капель,
И, пронзительно чист и минорен,
Подступает к гортани апрель!*

Сохранившаяся в творческой душе человечность трогательным и чутким теплом наполняет душу читателя, входящего во всё ещё расширяющуюся поэтическую Вселенную Андрея Правды.

Наталья НАЛЕГАЧ, г. Кемерово

* Статья даётся в сокращении.

ИНТРИГУЕТ И ЗАХВАТЫВАЕТ

(О ежемесячном литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Север» за сентябрь – октябрь 2015 г.)

У каждого периодического литературного издания есть своё лицо, своя непохожесть, узнаваемость его среди других подобных и равных. Она заключается как в оформлении, так и в подборе материалов. Журнал «Север» за сентябрь – октябрь 2015 года сразу же привлекает своей жизнерадостной обложкой, брызжащей фееричными осенними красками, располагает внутренним дизайном и книжной графикой немного в стиле «ретро», а после интригует и захватывает содержанием.

Большую часть «Севера» занимает проза, которая цепляет с первых строк и не отпускает до последней точки. Попробуйте оторваться от рассказа Валентины Акуленко из Петрозаводска «Страсти по итальянцу», который начинается с того, что «во дворе блочной пятиэтажки однажды появился диван. Будто с неба упал. Не абы какой потёртый, отслуживший своё, а новый, достойный места в уютной квартире». А в пронзительно драматичной повести суздальского писателя Павла Парамонова «Кубики» «на второй день недельного предармейского загула Сашка привёл в дом негритьянку. Негритьянка слабо и удивлённо попискивала, когда Сашка с настырной ласковостью путеводительно направлял её через захламлённый хозяйственными принадлежностями двор широкого частного дома, где он и жил с отцом и матерью, на сеновал». Рассказ лауреата литературного конкурса журнала «Север» Юлии Боднарюк (Мурманск) отсылает нас в 1937 год: у Даши арестован отец. Возможно, арест грозит и самой девушке, так как в подъезде её уже ожидают люди в штатском. Можно незаметно уехать из города, но в закрытой квартире остался кот Брыся... В данной ситуации Даше предстоит сделать нелёгкий выбор: бросить любимца и спасать себя или... В романе липецкого прозаика Геннадия Рязанцева-Седогина «Земля живых» главный герой промолчал в ответ на вопрос архивариуса о роде его занятий: «Мне почему-то не хотелось говорить ему о своей профессии, но и сказать неправду я тоже не хотел. Но что-то надо было ответить. Я мог бы назваться журналистом, потому что был членом этого Союза; мог бы представиться писателем, потому что также состоял в Союзе писателей, или директором гимназии, которую возглавлял уже несколько лет, но подлинная моя профессия, которая была моей повседневной работой...» В первом рассказе Валерия Румянцева (Сочи) «Одна из загадок творчества» «литератор Григорий Аркадьев, уже полгода находящийся в плену бессюжетного периода», привёл председателя Союза писателей в полное замешательство своей просьбой отправить его в творческую командировку в тюрьму. Эта идея принесла плоды, но не совсем те, которые все ожидали... А в одном из трёх рассказов Лукаса фон Шелля (Петрозаводск) «Пустая ваза» героиня долго и бесцельно бродила по городу, не решаясь вернуться домой, «где её ждала пустая немытая ваза...»

Достаточно много в журнале публицистики и литературоведческих материалов. Открывает «Север» вступительная статья главного редактора Елены Пиетилиянен, посвящённая замечательному событию – 75-летию юбилею издания. Из неё мы узнаём о славном прошлом, сегодняшних успехах и трудностях, планах на будущее журнала. Вместе с «Севером» 75-летие празднует и Петрозаводский университет, о котором идёт речь в интервью с ректором этого учебного заведения Анатолием Ворониным. Также среди публицистических материалов журнала обращают на себя внимание дискуссионная статья Ивана Рогощенкова «Трезвение духа» и путевые дневники Александра Костюнина «Абхазия: война и мир». Оба автора из Петрозаводска.

О книжных новинках рассказывают Алексей Филимонов (Санкт-Петербург) (его публикация посвящена книге Максима Д. Шраера «Бунин и Набоков. История соперничества» о противостоянии двух блистательных писателей недавнего прошлого) и Вениамин Слепков из Петрозаводска, пишущий о книге Виктора Пладова «Люди и леса Карелии». Из критической статьи Андрея Расторгуева (Екатеринбург) «Рождение Кольского эпоса» мы узнаём об исторической трилогии Дмитрия Коржова (третья её часть «Город между морем и небом» вышла в свет в 2015 г., две предшествующие книги называются «Мурманцы» и «Мурманцы. 1942»), работе над которой автор отдал около 10 лет своей жизни. Вера Серафимова, филолог из Москвы, в разделе «Литературоведение» размышляет о «военной страде в тылу» в тетралогии Ф. А. Абрамова «Пряслины» и о нравственной высоте сельских тружеников. А Артём Кулябин (г. Сокол Вологодской обл.) под заголовком «Открытая душа» исследует лирику поэта Сергея Чухина, о творчестве которого у критиков возникало много споров.

Поэтическую часть издания представляют яркие и запоминающиеся поэты: Евгений Чеканов (Ярославль), Николай Новосёлов (Мариуполь, Украина), Иван Егоров (Великий Новгород), Игорь Мельников (Тольятти), дебютантка «Севера» Валентина Колобова (Кемь) и уже известный нам по публикациям в «Огнях Кузбасса» детский поэт Юрий Поляков (Симферополь) с весёлыми и остроумными стихами. В детской рубрике «Монпансье» мы также знакомимся с весьма поучительным рассказом Ильи Ильина (Костомукша) «Бабушкина медаль», предназначенным для детей от 6 лет: на что можно поменять «ненужную» бабушкину медаль «За оборону Сталинграда», знает её внук Андрюшка...

Словом, в этом журнале каждый найдёт для себя интересные темы и жанры. Издание отличается интеллигентностью и высокой культурой общения с читателем. «Север» интересен от корки до корки. Трудно выделить что-то одно. Понравился журнал как нечто целое, как единый организм, состоящий из клеточек – публикаций. В юбилейный для «Севера» год хочется поздравить его и пожелать дальнейшего творческого роста и сохранения многолетних культурных традиций. А читателям – приятного знакомства с этим замечательным изданием.

Елена ЕЛИСТРАТОВА, г. Кемерово

ВЗГЛЯД ИСКУШЁННОГО ЧИТАТЕЛЯ

Я держу в руках толстый том Красноярского краеведческого и литературно-художественного альманаха «Енисей» № 1 за 2014 год. Номер приурочен к 90-летию со дня рождения известного русского писателя Виктора Петровича Астафьева. К сожалению, кроме воспоминаний о великом человеке, я не нашёл здесь ни одного астафьевского рассказа, ну хотя бы малюсенького. Но в библиотеке я взял книгу Виктора Астафьева «Последний поклон». Каждый день сижу и читаю запоем.

Из воспоминаний о «живом классике» мне понравилась статья Михаила Тарковского «Речной человек». Действительно, во многих произведениях Виктора Петровича часто фигурируют речные образы, вплоть до мельчайших деталей рыбацкой удочки.

Проза альманаха довольно оригинальная с каким-то непередаваемым сибирским акцентом. Особенно хочется отметить рассказ Николая Найдёнова «Капитон и Капитоныч». Он о нелёгкой судьбе фронтовика, который после ранения в позвоночник возвращается в родной колхоз и семью. В это время за варешку зерна человека могли посадить в тюрьму. А у власти были люди, прострелившие себе руку, лишь бы не идти на фронт.

Рассказ Сергея Смирнова «Путь в архипелаг» тоже задел меня за живое. Но здесь я больше переживал о брошенных людьми собаках, нежели о людях. Хотя судьбы двух забытых на зимовье охотников, чуть не ставших зверьми из-за белой горячки, тоже душещипательны и поучительны.

«Чёрный соболь (Ванавара)» Михаила Котова – это просто эвенкийский эпос (сказка) про женщину оборотня. Читается буквально на одном дыхании.

Рассказ Владимира Селянинова «Знакомая белочка» не произвёл впечатления целостности. Размышления старого больного человека, почему так плохо живут российские пенсионеры. И всего несколько живых строчек в

конце, где главный герой кормит белочку орехами и говорит с ней как с равным по духу существом. Но меня поколебали строчки, когда его герой смакует, видя по телевизору страдания юной испанки, которую насмерть затоптал вырвавшийся с арены раненый бык. Поэтому рассказ – на любителя.

А теперь немного о поэзии.

Мне понравились стихи Ольги Гуляевой «Волки», «Доре-ми» и «Демон». Также понравились стихи Александра Рейхерта «А у нас такое лето» (напечатаны почему-то аж два раза, в начале и в конце, ошибка, видимо) и «Я как пуля на излёте». Приятно удивило стихотворение Тины Кошкиной «По City». Оно единственное из всех написано языком XXI века. Хочется покритиковать Льва Тарана за строки «О, Боже, покарай детей, и крошечных и рослых...» (это его первая строфа из «Утренних стихов») и за седьмой катрен из «Дневника психиатра» – «Полоумная Европа, объясни её дела! И какая катастрофа у неё произошла?» (изначально речь шла о девушке, которую под конвоем приводят в венерическую больницу времён СССР). При чём тут полоумная Европа?

В разделе «Краеведение» привлекает внимание статья Михаила Тарковского «Русский язык на берегах Енисея». Он пишет, что в «языке заложен код нации» и он «непостижим и рукотворен», и каждый уголок земли вносит в него что-то своё. Будь то говор, наречие, акцент – всё происходит из местных обычаев и культурных напластований народностей, проживающих в той или иной местности. Например, в Туруханской области люди говорят на смеси поморского, тюркского и эвенкийского языков. Но это мешает им жить и работать вместе.

Желаю красноярскому краеведческому и литературно-художественному альманаху «Енисей» удачи в поиске новых авторов, а также тысячных тиражей и благодарных читателей.

Андрей ПЯТАК, г. Кемерово

АВТОР РЕШИЛА ОСТАВИТЬ ЧИТАТЕЛЯ В ДУРАКАХ

Так случилось, что я попал на презентацию четвёртого номера журнала «Огни Кузбасса» за 2013 год. После этого решил прочитать его полностью. Появилось желание высказать своё мнение.

Отмечу замечательную статью Тамары Рубцовой «Горькая моя любовь» о юргинском поэте Евгении Винокурове, написанную с дружеским участием и нескрываемой любовью. Как читателю мне понравились стихи Игоря Малышева, которые подкупают простотой и доброжелательностью. А в стихах Александра Соколова – душевная искренность.

О спорной поэме, по мнению редакции журнала, Александра Ибрагимова «Тринадцать» могу сказать, что автора, как многих людей, проживших большую часть жизни при советской власти, тянет к «сильной руке», коробят его и пошатнувшиеся нравственные устои.

Заслуживает внимания статья Вячеслава Елагина «Юбиляры и финалисты», критически оценивающая подход к современной и советской литературе. Анализируя, он убеждает, что нельзя «рубить с плеча»: советская литература плохая, современная хорошая. По-моему всем понятно, что если выбросить из памяти советскую литературу, то через некоторое время люди ничего не смогут понять в истории советского периода, а ведь он был. Как в любые времена, тогда были хорошие литературные произведения и были плохие.

Перекликается с вышеназванным и статья Валентина Курбатова «Высокие облака», который вспоминает о многих русских провинциальных поэтах, рассказывая о них с такой лирической теплотой. Когда же он переходит к рассуждению о противостоянии урбанистической поэзии московских поэтов, статья приобретает жёсткий характер. Чувствуется, что редакция разделяет мнение этих двух авторов.

С интересом читается статья кандидата медицинских наук Александра Шураева «Как была ликвидирована трахома в Кузбассе». Хотелось бы отметить, что её автор и сегодня проводит большую общественную работу, являясь председателем Кемеровского областного совета бывших малолетних узников фашизма, и пожелать ему успеха.

Большой объём в журнале занимает проза. Больше других понравился рассказ «Круг доверия» Юлии Нифонтовой. Необычна тема: попадание женщины, героини Сонечки, в общество анонимных алкоголиков. Если не обращать внимания на отдельные неточности – рассказ хороший.

Повесть Павла Бессонова «Дурочка моя, любимая» – незатейливая история молодого человека, пытающегося найти новую спутницу жизни. Но есть ощущение, что повесть написана лет пятьдесят назад, а потом чуть подкор-

ректирована, и получилось, что всё происходит в каком-то безвременье.

Рассказ «Женщина, которой не было» Ольги Софьиной. Это фантастический рассказ, но недофантазированный. У меня как читателя нет никаких претензий к литературному языку, а вот в стиль изложения несколько шероховат. Автор рассказывает, как главный герой – писатель увидел летающую женщину. Неожиданный сюжетный поворот! Читателя, конечно, на этом «заклинивает». Он заранее предполагает, каким способом разрешится эта необычная ситуация. Он банально думает, что герой просто проснётся и всё станет на свои места. Возможно, решает он, что это всё причудилось герою от запоя. Но автор решила оставить читателя в дураках. Как в детской присказке: «Обманули дурака на четыре кулака!» И автор, так же банально, просто убивает женщину, чтобы она больше не летала.

В заключение об эссе «Читая Библию» Александра Ярошука.

Автор не первый кто решил рассмотреть Библию, связывая её с историей и наукой и пытаясь уяснить для себя юношеские годы Иисуса. Наука подтверждает те или иные события, описанные в Библии, и это нормально, потому что Библия вобрала в себя опыт жизни человеческого общества на протяжении тысячелетий. Хотя учёные нашли в китайских рукописях семнадцатого века до нашей эры историю, напоминающую библейскую, а в глиняных табличках на территории бывшего Вавилона ещё более древнее упоминание подобного. Однако это не может поколебать священное писание, так как находятся другие учёные-теологи, которые убедительно доказывают, что всё происходит от неправильного перевода различных манускриптов и т. д.

Публиковались статьи, где описывалось, как юный Иисус учился в Тибетском монастыре. Однако этого никто серьёзно не воспринимает.

Есть книги, где описываются многие противоречия Библии с современным пониманием мира, но верующие на всё находят ответ. Расскажу о своём опыте. Я вырос в семье атеистов, а моя тёща – глубоко верующий человек. Когда я прочёл в газете о замене сердца человеку южно-африканским врачом Бернардом, при случае сказал ей:

– Вот у одного человека вынули сердце. Он умер?

– Да, – отвечает она.

– Он уже где-то на небе?

– Наверно.

– Так вот, – победно заявил я, – он не на небе, ему врач вставил другое сердце, и он ожил!

– На то воля Господня, – ответила она.

Больше я с ней на религиозные темы не разговаривал. Наука с религией никогда не сойдутся. У науки всегда будет не хватать фактов, а у религии всегда будет стойкое убеждение.

Эссе А. Ярошука полезно тем людям, которые интересуются этой темой и продолжают искать литературу подобного рода.

Тимир ФЁДОРОВ, г. Берёзовский

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

1 декабря в Музее изобразительных искусств прошла встреча учеников школы № 11 с поэтом С. Донбаем. Тема встречи – город Кемерово и журнал «Огни Кузбасса».

1 декабря в Доме литераторов Кузбасса перед работниками дошкольного образования выступили поэты Б. Бурмистров, А. Катков, С. Донбай.

5 декабря в Прокопьевске состоялась очередная встреча литературно-творческого объединения «Маяк». Помимо местных поэтов и бардов, мероприятие также посетили литераторы из Ленинска-Кузнецкого, которые представили собравшимся альманахи «Образ» и «Кольчугинская осень».

7 декабря в Доме литераторов Кузбасса перед учениками школы пос. Новостройка выступили поэты А. Катков, С. Донбай и Д. Мурзин.

9 декабря писатель Виктор Коняев встретился с читателями в библиотеке вокзала г. Новокузнецка.

10 декабря прошёл Губернаторский приём, посвящённый Году литературы.

Среди награждённых были члены Кемеровского отделения Союза писателей России и молодые литераторы Кузбасса. Борис Бурмистров получил орден «Доблесть Кузбасса», Сергей Донбай – орден Почёта Кузбасса, Геннадий Костачаков – почётный знак «Золотая Шория», Дмитрий Мурзин – медаль «За служение Кузбассу», Вячеслав Лопушной – медаль «За достойное воспитание детей». Медалью «За веру и добро» награждены Алёна Рулева, Дмитрий Филиппенко, Ирина Надинова, Татьяна Кравченко, Агата Рыжова, Татьяна Ильдимирова, Юлия Сливина, Владимир Неунывахин, Сергей Побоккин, Александр Брюховецкий. Медаль А. Леонова получила Олеся Шамакович.

11 декабря в театре для детей и юношества прошла церемония закрытия Года литературы в г. Кемерово. Кульминацией мероприятия было вручение городской литературной премии им. Игоря Киселёва. Лауреатом стала поэтесса Татьяна Кравченко за книгу «Просто стихи».

15 декабря в Доме литераторов Кузбасса поэту Виталию Крёкову была вручена премия им. Виктора Баянова. Премию вручили представитель областной администрации Марина Власова и заместитель главного инженера КАО «Азот» Александр Цепляев.

Дорогой Виталий Артемьевич!

Коллектив преподавателей Кемеровского государственного университета сердечно поздравляет Вас с получением заслуженной награды – литературной премии имени известного сибирского поэта Виктора Баянова. Как и у Баянова, так и у Крёкова первая публикация стихотворений состоялась во время службы в рядах Советской армии. В 1956 году два стихотворения младшего сержанта Виктора Баянова появились в газете Группы Советских войск в Германии «Советская армия», а в 1966 году омская газета «Молодой сибиряк» напечатала стихи солдата Виталия Крёкова:

*Из берёзовых ран я не пил свежий сок,
Не сушил лебединые груди.*

*Я берёз красоту как святыню берёг,
Чтоб лечились берёзами люди.*

В 1968 году «высокий, застенчивый сероглазый парень» пришёл на собрание Кемеровского литературного объединения молодёжи и прочитал такие строки:

*Твои глаза мне выдышали росы,
На губы твои алые – хоть дуй.
Я намотал на шею твои косы,
Чтоб долгим был ответный поцелуй.*

Как вспоминал руководитель литобъединения кузбасский писатель Валентин Махалов, «спокойное течение вечера было нарушено. В привычные ритмы и размеры ворвалось что-то новое. Заговорила поэзия, жизнь не придуманная, а близкая, ощутимая и понятная, прозвучали строки, чем-то похожие на оголённый электрический провод. Их живой ток словно пробил оболочку обыденности, обострил внимание к молодому автору. Сразу стало ясно, что в литобъединение пришёл поэт со своим чувством мира, со своим взглядом на жизнь».

*Прости, моё родное поле,
Я для тебя отпел, отцвёл,
Мой дух, рождённый силой
воли,
На звёздные луга побрёл.
Сходить на девственные
плёсы
И вдохновение нести,
Кропить июньской ночью
росы
И время удерживать в горсти.*

Высокую оценку первой книге В. Крёкова «Лицо твоё» и последующих книг дали многие кузбасские поэты – Михаил Небогатов («поэт настоящий, неподдельный»), Любовь Никитина, Владимир Матвеев, Сергей Донбай, Александр Ибрагимов, Николай Колмогоров, Владимир Соколов.

Высокую оценку лирике дал в 1993 году Вадим Кожин, известный литературовед, критик, публицист: «Поэзия Виталия Крёкова неоспорима и чудесна <...> она просто воплощает – решительными и в то же время тонкими штрихами – реальное и вечное русское бытие, ту душу России, которая живёт не только в людях, но и в полях, в деревьях, в скрипнувшей от ветра двери». Доктор филологических наук Александр Казаркин в монографии «Литературное краеведение в Кузбассе» назвал лучшие стихи Виталия Крёкова «философской лирикой, в подлинном смысле этого слова».

*Не возвожу я свой духовный кров,
Где от вершины до вершины снежной
Кочарники холодных облаков
Плывут себе, плывут над чуткой бездной.
Пусть тяжела обыденности клеть.
Господь! Мне светит радость
в жизни брэнной:
Во дни глубокой осени глядеть
На озимь и деревьев люд смиренный.*

Юрий Юдин в 1996 году так отзывался о книге стихов «Соломенный мост»: «В книжке Виталия Крёкова найдётся чем поживиться и невзыскательному любителю так называемой тихой лирики, и самому рафинированному эстету». Выделив один из лучших поэтических сборников «Деревьев люд смиренный» (1997), молодой критик Михаил Калинин назвал Виталия Крёкова поэтом с «нежным и трепетным сердцем». Исконно народный, самобытный язык Крёкова-прозаика и его героев из «Записок печника» (2006), «Воспитание кривых брёвен» (2011) оценили преподаватели двух кемеровских вузов – Валерий Плющев и Фарид Рагимов.

Мы поддерживаем эти высокие оценки Вашего творчества, благодарим за интересные встречи со студента-

ми Кемеровского государственного университета в 1980–2000-е годы, желаем Вам крепкого здоровья, душевной радости на долгие годы!

Преподаватели факультета филологии и журналистики КемГУ: доктора филологических наук Л. А. ХОДАНЕН, Н. В. НАЛЕГАЧ; кандидаты филологических наук И. В. АЩЕУЛОВА, Г. И. КАРПОВА, Ф. С. РАГИМОВА

15 декабря в библиотеке им. Н. Гоголя прошло представление книги стихов о городе Кемерово «Там, где в Томь впадает Искитимка». Перед читателями выступили авторы проекта: депутат обл. собрания Вячеслав Петров и поэт Игорь Кузнецов, а также авторы стихов, вошедших в книгу, поэты Сергей Донбай, Борис Бурмистров, Дмитрий Мурзин. Вечер вели составители сборника Татьяна Кравченко и Андрей Правда.

18 декабря в библиотеке им. В. Д. Фёдорова прошёл вечер женской поэзии. Свои стихи зрителям прочитали поэты С. Уланова, Т. Николаева, Л. Чидилян, И. Фролова, Н. Сулова и И. Тюнина.

18 декабря состоялось очередное отчётно-выборное собрание Кемеровского отделения Союза писателей России. В повестку дня входил отчёт председателя правления организации, рассмотрение кандидатов в члены Союза, выборы правления и председателя правления. Собрание проголосовало за приём С. Тотыша, Д. Филиппенко и Н. Кудрявцевой-Кузнецовой. Избрано правление в составе: Б. Бурмистров, С. Донбай, А. Иленко, Н. Ничик, С. Павлов, И. Фролова, В. Шумилов. Борис Бурмистров переизбран председателем правления.

18 декабря в библиотеке имени В. Д. Фёдорова состоялось награждение победителей областного конкурса стихов и прозы «Новая книга». В номинации «Поэт»: 1-е место – Ольга Хапилова (пос. Темиртау), 2-е место – Ольга Комарова (Новокузнецк), 3-е место – Наталья Монастырева (Кемерово), 3-е место – Ирина Розенберг (Кемерово). В номинации «Прозаик»: 1-е место – Евгения Борисова (Кемерово), 2-е место – Сергей Адодин (Кемерово), 3-е место – Роман Куприянов (Кемерово). Поощрительный диплом участника: Наталья Чинякина (Новокузнецк), Ольга Ильина (Новокузнецк). В номинации «Начинающий поэт» присуждено лишь 2-е место – Анастасия Кондрина (Кемерово). В номинации «Начинающий прозаик»: 1-е место – Никита Тимошенко (Кемерово), 2-е место – Ксения Пальянова (Кемерово). Поощрительный диплом участника: Юрий Климанов (Кемерово), Владислав Тайшин (Кемерово), Алена Падерина (Кемерово). Первые места получают возможность публикации книги, вторые и третьи места – право публикации в журнале «Огни Кузбасса».

20 декабря в Центральной тайгинской библиотеке открылась литературная гостиная «Как слово наше отзовется...», посвящённая закрытию Года литературы, где собрались активисты альманаха «Тайгинские зори» во главе с членом Союза писателей России Людмилой Яковлевой. Среди гостей были и молодые литераторы из Ленинска-Кузнецкого, представившие альманах «Кольчугинская осень».

22 декабря в Доме литераторов Кузбасса совместно с управлением образования города Кемерово состоялась встреча молодых поэтов Кузбасса с молодыми преподавателями. Свои стихи педагогам читали поэты Татьяна Кравченко, Елена Елистратова, Дмитрий Мурзин.

23 декабря прошёл финал поэтической телепередачи «Вечерние стихи» (организаторы: газета «Вечерняя Мо-

сква» и сайт stihi.ru). Кемеровский поэт Д. Мурзин занял 1-е место в зрительском голосовании и 2-е место по версии жюри.

24 декабря в Доме литераторов Кузбасса прошло вручение литературной премии «Энергия творчества», учреждённой девять лет назад кузбасским филиалом ООО «Сибирская генерирующая компания». Премия вручается писателям Кузбасса по итогам публикаций и вышедших книг за прошедший год в номинациях: «Поэзия», «Проза», «Публицистика». Премию вручил директор по внешним связям и имущественным отношениям компании Д. Я. Голофаст.

Лауреаты премии «Энергия творчества»

«Проза»

Неунывахин Владимир Максимович. Рассказы. «Огни Кузбасса». № V.

Яковлева Людмила Михайловна. Дети войны. Рассказы. «Огни Кузбасса». № IV.

«Поэзия»

Ибрагимов Александр Гумерович. Книга стихов «Космоязычи»: в 2 т. Кемерово: Кузбассвуиздат.

Гержидович Леонид Михайлович. Кузнечик рядом спит со мной. «Огни Кузбасса». № I.

«Публицистика»

Филатов Сергей Викторович. По разные стороны Урала. Крымские заметки на полях размышлений о жизни. «Огни Кузбасса». № V.

Трухан Елена Дмитриевна. Литература и еда. «Огни Кузбасса». № VI.

«Лучшее произведение для детей»

Коврижных Виктор Анатольевич. Поднялось моё сердце в небесную синь. «Огни Кузбасса». № I.

«Дебют»

Рукусуев Вячеслав Владимирович. Два рассказа. «Огни Кузбасса». № I.

Специальная премия

Донбай Сергей Лаврентьевич. Книга «Малая толика». «Огни Кузбасса». Из новых стихотворений. № II. «Наш современник» (г. Москва); «Север» (г. Петрозаводск); «День и ночь» (г. Красноярск).

Поощрительная премия

Николаева Татьяна Николаевна. Колокол. «Огни Кузбасса». № IV.

Станислав Антонович Ярин. Русь. Слава предкам!

Людмила Владимировна Иванова. Хронология любви. Тюнина Ирина Михайловна. Пока не веет зимней стужей. «Огни Кузбасса». № III.

Брюховецкий Александр Николаевич. Мы шахтёры, брат. Рассказ. «Огни Кузбасса». № V.

Журнал «Огни Кузбасса» стал лауреатом газеты «Российский писатель» (орган Союза писателей России) за 2015 год в номинации «Периодика».

Лауреаты журнала «Огни Кузбасса» за 2015 год

«Проза»

Чурилов Виктор. Повесть «413-ю повернуть на юг». № II.

Золотаина Галина. Цикл рассказов «Былинки детства». № I.

«Поэзия»

Кальсин Виктор. Подборка стихотворений «Время – спичечный коробок». № IV.

Тюнина Ирина. Подборка стихотворений «Пока не веет зимней стужей». № III.

«Публицистика»

Немченко Гарий. Очерк «Невольное продолжение «Вольного горца». (Размышление о кавказских дорогах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого). № IV.

Елатов Вячеслав. Статья «Угольное племя». № V.

13 февраля исполнилось 80 лет поэту, члену Союза писателей России Ивану Стефановичу Полунину. Его «Февральская свирель» и сейчас слышна поклонникам его поэзии, и, надеемся, это поддерживает автора в его самоотверженной жизни. Поздравляем, желаем здоровья, любви ближних!

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Лаврина В. Л. Пять сестер. – Канада: Altaspera, 2015 – 79 с.

Там, где в Томь впадает Искитимка: сб. стихов / сост. **Т. А. Кравченко, А. В. Правда.** – Кемерово, 2015. – 80 с. – ил.

Василий Феданов. Пасутся голуби в траве. – Кемерово: Дом литераторов Кузбасса, 2015. – 120 с.

Сергей Ерофеев. Анданте для комуса и струнных. – Кемерово: Дом литераторов Кузбасса, 2015. – 108 с.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

В антологию «Школа жизни» (сост. Д. Быков) (АСТ, г. Москва) вошёл рассказ **Марины Черноскутовой** «Истории из жизни нашей школы».

Сайт газеты «Московский комсомолец» опубликовал подборку стихотворений **В. Коврижных** «Смерть пастуха».

Газета Союза писателей Крыма «Литературный Крым» дала в 11-м номере за 2015 год подборку стихотворений поэта **Сергея Донбая.**

Журнал «Крым» напечатал в № 3 за 2015 год подборку стихов **Александра Раевского.**

Журнал «Литературный Омск» в № 23 2015 года напечатал подборку стихов **Дмитрия Мурзина** «Как Иван припомнивший родство».

В сборнике материалов Международной конференции МКО-2015-05 «News of science», 30–31 августа 2015 г., Россия, Москва – Чехия, Карловы Вары, опубликована научная статья **Александра Ярощука** «Грузовой лифт пирамиды Хеопса».

7 января в Новокузнецке умер детский поэт, член Союза писателей России Эдуард Данилович Гольцман. Его книги выходили тысячными тиражами ещё во времена СССР. Родился он в Польше, семья избежала концлагеря, перебравшись в Советский Союз. Потом, в 1941-м, была ещё одна эвакуация. Жил в Прокопьевске, с 1973 года в Новокузнецке.

Печатался в журналах «Нева», «Полярная звезда», «Огни Кузбасса», в детских журналах «Мурзилка», «Искорка», «Весёлые картинки», «Балагаша»; в коллективных сборниках «Молодые голоса» (1959), «На родине моей выпали снега...», «Отважный колобок» (2006), «Две луны» (2008).

Несмотря на возраст запросто встречался с детьми, проводил чтения в школах и детсадах. Вечная ему память.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40, в Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Metallургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением
Свидетельство о регистрации средств массовой информации № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Корректоры: **Т. А. Козяева, Е. В. Фефелова**
Компьютерная верстка **П. Б. Исакова**

Подписано к печати 16.02.2016. Дата выхода в свет 26.02.2016. Формат 60×84½. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 288. Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 650000, г. Кемерово, Советский проспект, 40. Адрес общества с ограниченной ответственностью
«Авторское издательство «Кузбассвуиздат» (ООО «АИ «Кузбассвуиздат»): 650043, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б, типографии: ул. Грузовая, 11.
Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru